

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Колобова К.А., Петрин В.Т.** Основные приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая 2
- Зенин В.Н.** Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком 22
- Бар-Оз Г., Адлер Д.С., Мешвелиани Т., Тушабрамишвили Н., Белфер-Кохен А., Бар-Йозеф О.** Охотники-собиратели Юго-Западного Кавказа в среднем и верхнем палеолите: новые фаунистические данные из Западной Грузии 45
- Кауфман Д.** Вопросы преемственности эволюции человека современного анатомического типа на материалах Леванта 53

ИСКУССТВО

- Франкфор А.-П.** Образы, запечатленные на камне и в предметах искусства (по материалам погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии) 62
- Кубарев В.Д., Баяр Д.** Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия) 74
- Бродянский Д.Л.** Ворон, Хозяйка моря и другие персонажи мифов в бойсманском искусстве 86

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Федорова Н.В.** Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях 91
- Троицкая Т.Н.** Урало-сибирский стиль в металлической пластике верхнеобской культуры 102
- Мыльников В.П.** Особенности изучения древней деревообработки 106
- Баштанник С.В.** Археоботанические находки на средневековых городищах Семиречья 122

ЭТНОГРАФИЯ

- Любимова Г.В.** Заметки о сибирской Масленице: взятие снежного городка 131
- Козловская М.В.** Поваренная соль в питании человека (исторический аспект исследования) 138

АНТРОПОЛОГИЯ

- Габуния Л.К., Векуа А.К., Люмлей М.-А. де, Лордкипанидзе Д.О.** Новый вид *Homo*, представленный находкой из низов плейстоценового горизонта Дманиси (Грузия) 145

СООБЩЕНИЯ

- Кузьмин Я.В.** Изучение древнейшей в мире керамики и начало неолита в Евразии (обзор международных симпозиумов в Великобритании и Словении, 2001 г.) 154

ПЕРСОНАЛИИ

- Виталий Егорович Медведев** 158

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.2

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, К.А. Колобова, В.Т. Петрин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Derev@archaeology.nsc.ru*

ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ОФОРМЛЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Введение

Большая концентрация многослойных археологических комплексов на территории Горного Алтая, который находится на стыке Северной и Центральной Азии, позволяют детально проследить последовательное развитие палеолитических культурных традиций в этом регионе. Древнейшие памятники Горного Алтая приобрели особую актуальность в связи с обсуждением проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту. Многослойные пещерные стоянки и памятники открытого типа дали уникальный материал, на основе которого была прослежена эволюция среднепалеолитических индустрий в верхнепалеолитические [Деревянко и др., 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко, 2001; Шуньков, 2001; Деревянко, Шуньков, 2002]. В данной статье анализируются приемы ретуширования каменных орудий в индустриях опорных палеолитических памятников региона – многослойных стоянок Кара-Бом, Усть-Каракол-1 и Денисова пещера. В работе не рассматриваются другие виды вторичной обработки – анкоши, техника резцового скола, фрагментация, подтеска и оббивка, которым будет посвящено отдельное исследование.

Первое описание процесса ретуширования было дано Буше де Пертом в середине XIX в. Впоследствии к проблеме морфологического анализа ретуши обращалось несколько поколений западноевропейских исследователей. В середине XX

столетия Ф. Борд [Bordes, 1961], Ж. Тиксье [Tixier, 1963], А. Леруа-Гуран [Leroi-Gourhan, 1964; Leroi-Gourhan et al., 1966], М.Н. Бразийон [Brezillon, 1968], А. де Люмлей [Lumley, Lich, 1972], Х.Л. Диббл [Dibble, 1988], А. Дебена [Debenath, Dibble, 1994], М.-Л. Инизан [Inizan, Roche, Tixier, 1992] разработали несколько наиболее полных методических систем описания и интерпретации вторичной обработки каменных орудий. Отечественные специалисты, используя ранее разработанные методы анализа приемов оформления орудий с учетом специфики изучаемых палеолитических индустрий, во многом обогатили опыт западных коллег [Медведев, 1975; Любин, 1977; Сеницын, 1977; Гинзбург, Горенштейн, Ранов, 1980; Щелинский, 1983; Голованова, 1984; Васильев, 1986, 1996; Маркин, 1986; Деревянко, Маркин, 1992; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Чистяков, 1996]. На основе этих исследований была составлена следующая система описания элементов ретушной отделки каменных орудий.

При изучении вторичной обработки, прежде всего ретуши, изделие рассматривается как единая система взаимосвязанных элементов. В качестве основных учитываются такие признаки ретуши:

расположение на заготовке (продольный край, проксимальная или дистальная часть, плоскость облома);

протяженность на заготовке (участок периметра орудия, занятый ретушью);

дислокация на плоскости (дорсальная, вентральная, чередующаяся, противоположащая, альтернативная);

сочетание разных видов ретуши на одной заготовке.

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 01-01-00283.

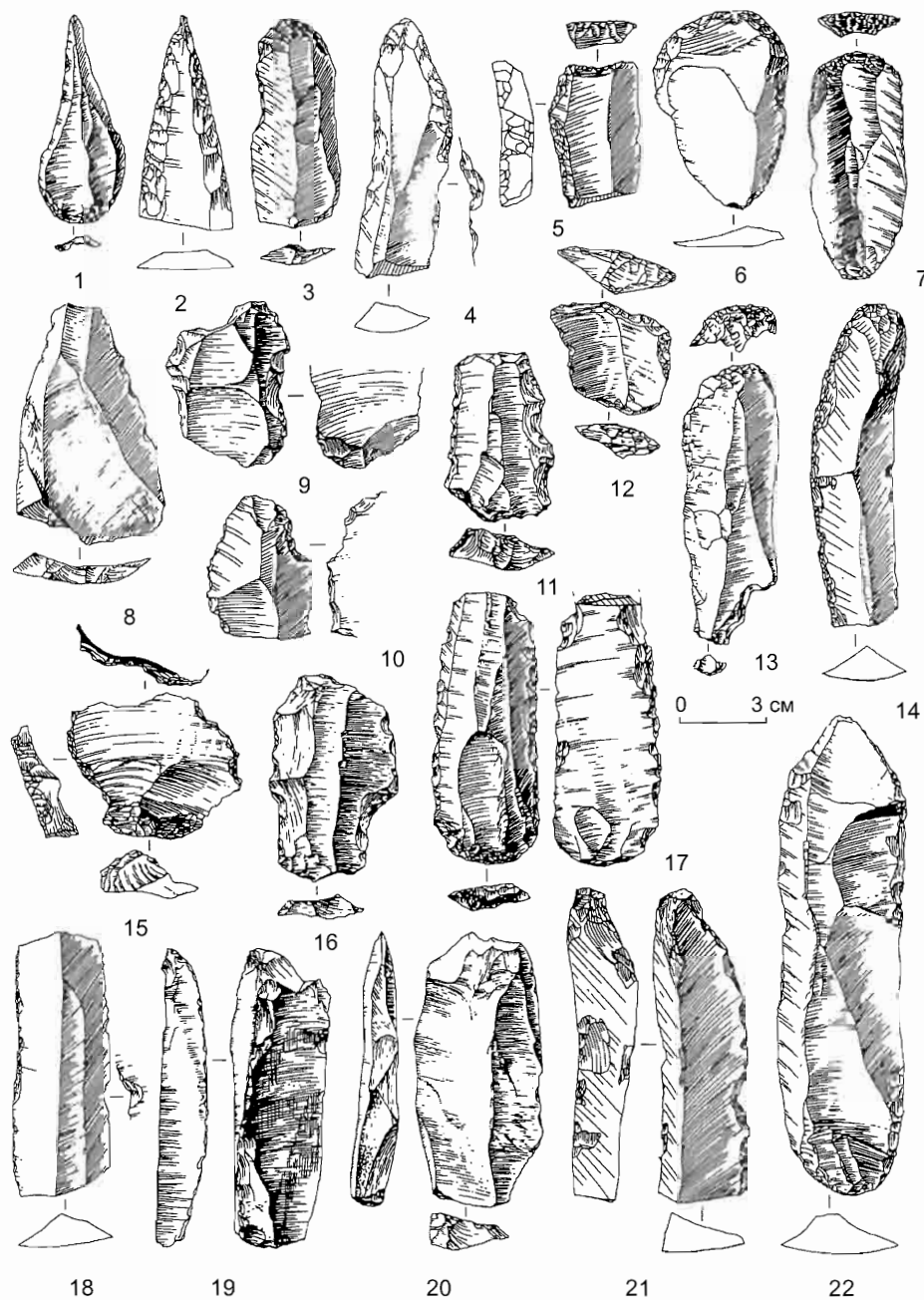

Рис. 1. Каменные орудия из верхнепалеолитических (1 – 3, 5 – 7, 10, 12 – 15, 17, 18, 21, 22) и среднепалеолитических (4, 8, 9, 11, 16, 19, 20) горизонтов стоянки Кара-Бом.

Данные признаки относятся к нескольким морфологическим элементам. При описании отдельных элементов ретуширования отмечают:

- расположение на заготовке;
- дислокация на плоскости;
- характер нанесения ретуши (постоянная, прерывистая, эпизодическая);
- наклон ретуши (стелющаяся, плоская, полукрутая, крутая, отвесная);

- форма ретуши (чешуйчатая, субпараллельная, параллельная, ступенчатая);
- степень модификации поверхности орудия (слабая, средняя, сильная);
- контур рабочего края (ровный, волнистый, зубчатый);
- степень покрытия поверхности орудия (краевая, распространенная, покрывающая);
- размеры фасеток (мм).

Эти признаки фиксируются для каждого элемента ретуши на всех орудиях. Они отражают не полный спектр признаков, которым обладает ретушь во всем многообразии ее проявлений, но в состоянии предоставить достаточный объем информации для сравнительного анализа.

Кара-Бом

Палеолитическая стоянка Кара-Бом находится в центральной части Горного Алтая в бассейне р. Урсул между селами Ело и Каерлык. Археологический материал залегал в отложениях делювиального и пролювиального генезиса, образующих террасовидную площадку. Мощность отложений составляет около 5 м. На памятнике зафиксированы два средне- и шесть верхнепалеолитических горизонтов. В технокомплексе стоянки прослежена эволюция каменных артефактов на протяжении 40 тыс. лет от среднего до верхнего палеолита [Деревянко и др., 1998].

Многослойный характер стоянки, последовательное развитие каменного инвентаря в рамках единой культурной традиции, а также использование на всех уровнях обитания практически одной разновидности высококачественного сырья – палеолитных афировых эффузивов – создают благоприятные условия для сравнительного анализа приемов вторичной обработки в индустриях среднего и верхнего палеолита.

Ретуширование в среднепалеолитических индустриях

При изучении техники первичного расщепления почти все нуклеусы можно отнести к категории леваллуазских для получения пластин и отщепов и параллельных для снятия укороченных пластин. Реконструирована технологическая цепочка редукции ядрищ – от рекуррентной однополярной для пластин к однополярной рекуррентной конвергентной для острий [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000].

Орудийный набор включает 111 экз. из среднепалеолитического горизонта 2 и 41 экз. – из среднепалеолитического горизонта 1. Среди устойчивых форм орудий выделяются острия леваллуа, ретушированные пластины, ножи, зубчато-выемчатые и шиповидные изделия, скребла (рис. 1).

Ретушь для палеолитических обитателей стоянки Кара-Бом была основным способом вторичной обработки орудий. В индустрии мустьерского горизонта 2 на фоне господства ударной техники отмечены первые следы применения отжима. В вышележащем мустьерском горизонте 1 эти следы встречаются чаще, а в позднепалеолитических го-

ризонтах их присутствие фиксируется постоянно [Деревянко, Волков, Петрин, 2001].

Анализ ретуши на орудиях разных типов в среднепалеолитических индустриях выявил большую степень сходства приемов вторичной обработки. Сходство настолько большое, что практически для каждой категории орудий можно составить набор характерных признаков вторичной обработки. Так, ретушь на пластинах, как правило, продольно-краевая, редко заходящая на дистальную часть изделия, дорсальная, прерывистая, плоская или полукруглая, чешуйчатая, занимает 1/2 либо 1/4 периметра. На продольных краях леваллуазских остроконечников отмечены следы дорсальной прерывистой ретуши на 1/2 или 3/4 периметра. Лезвия ножей подправлены ретушью продольно-краевой, дорсальной (часто альтернативной), прерывистой, стелющейся или плоской на 1/4 или 1/2 периметра. Зубчатые орудия ретушированы с дорсальной стороны чешуйчатой постоянной полукруглой среднемодифицирующей ретушью, образующей зубчатый край. На выемчатых орудиях обрабатывались продольно-краевые зоны, часто в сочетании с дистальной частью; ретушь дорсальная или альтернативная, постоянная, иногда прерывистая, полукруглая или круглая, чешуйчатая, сильномодифицирующая, занимает 1/2 или 3/4 периметра. На шиповидных орудиях оформлялась преимущественно дистальная часть в сочетании с продольными краями; ретушь эпизодическая, круглая или полукруглая, чешуйчатая, сильно- или среднемодифицирующая, занимает 1/4 периметра. Скребла ретушировались в продольно-краевых зонах дорсальной постоянной крутой чешуйчатой сильно- или среднемодифицирующей ретушью на 1/2 или 3/4 периметра. Скребки обработаны краевой дорсальной постоянной крутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью на 1/2 периметра.

Изучение признаков основных приемов вторичной обработки в среднепалеолитических индустриях стоянки в целом позволяет сделать вывод, что ретушь обычно располагалась в продольно-краевых зонах, но часто распространялась на дистальную часть или плоскость облома, дислоцировалась с дорсальной стороны. По характеру ретушь чаще постоянная, чем прерывистая, по наклону полукруглая, по форме чешуйчатая, среднемодифицирующая, преимущественно равнофасеточная, покрывала 1/2 периметра орудия (рис. 2 – 8).

Ретуширование в верхнепалеолитических индустриях

В индустриях верхнепалеолитических горизонтов 6 и 5 все нуклеусы параллельного принципа ска-

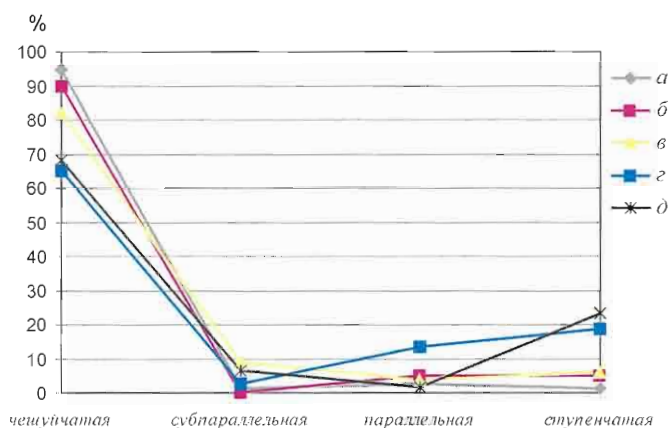

Рис. 2. Распределение ретуши по форме фасеток в индустриях стоянки Кара-Бом.

а – среднепалеолитический горизонт 2, б – среднепалеолитический горизонт 1, в – верхнепалеолитический уровень обитания 6, г – верхнепалеолитический уровень обитания 5, д – верхнепалеолитические уровни обитания 4 – 1. Усл. обозн. для рис. 3 – 8.

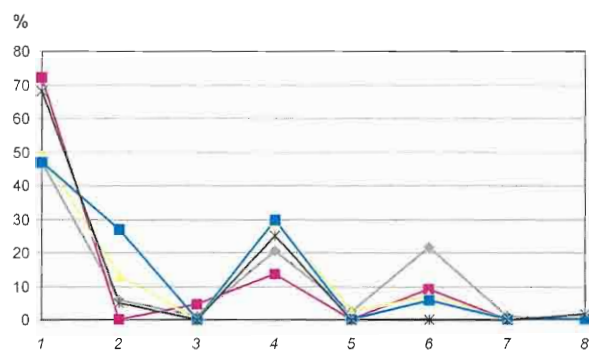

Рис. 3. Расположение ретуши на орудиях в индустриях стоянки Кара-Бом.

1 – продольные края, 2 – дистальная зона, 3 – плоскость облома, 4 – продольный край и дистальная зона, 5 – продольный край, дистальная зона и плоскость облома, 6 – продольный край и плоскость облома, 7 – продольный край, плоскость облома и проксимальная зона, 8 – проксимальная и дистальная зоны.

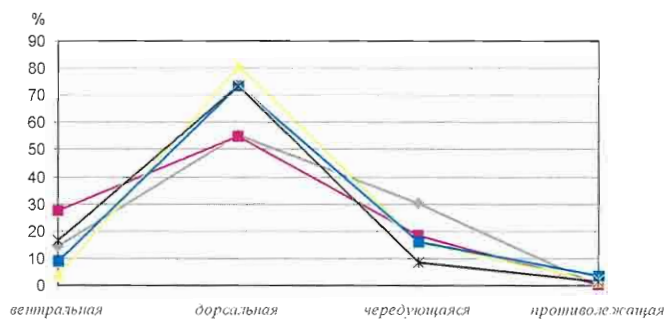

Рис. 4. Дислокация ретуши на плоскостях орудий в индустриях стоянки Кара-Бом.

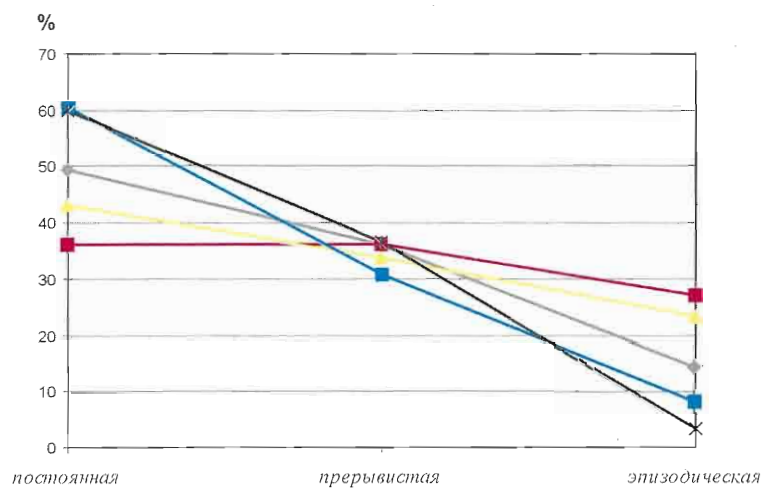

Рис. 5. Распределение ретуши по характеру нанесения в индустриях стоянки Кара-Бом.

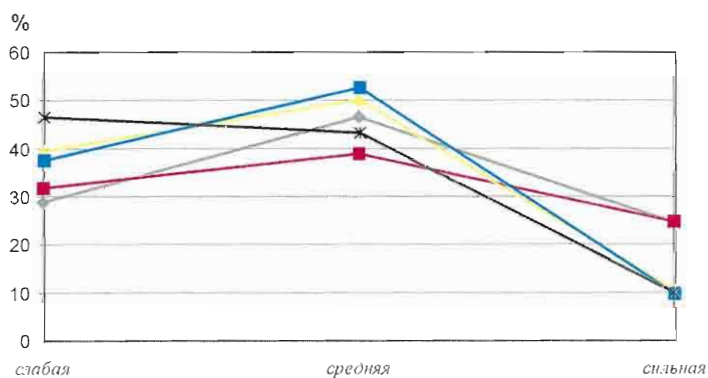

Рис. 6. Распределение ретуши по степени модификации поверхностей орудий в индустриях стоянки Кара-Бом.

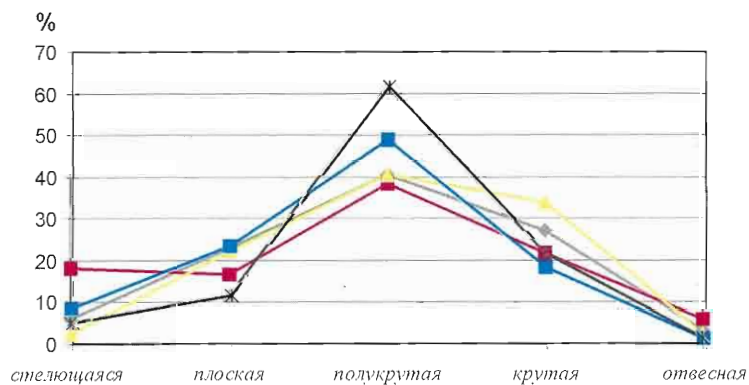

Рис. 7. Распределение ретуши по углу наклона в индустриях стоянки Кара-Бом.

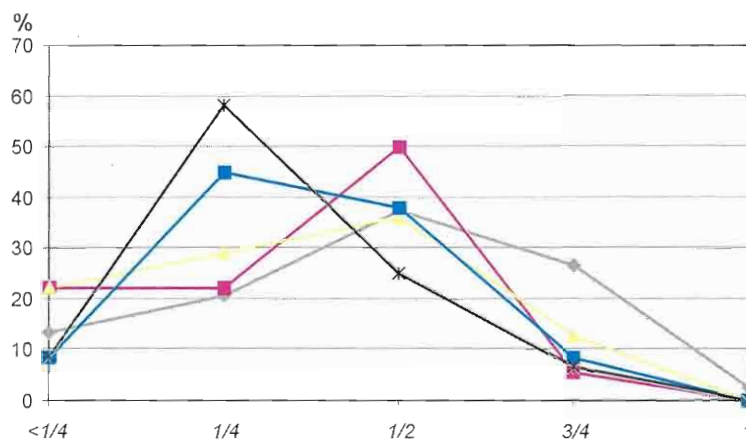

Рис. 8. Распределение ретуши по протяженности на орудиях в индустриях стоянки Кара-Бом.

лывания. В горизонтах 4 – 1 выделены две основные группы нуклеусов – параллельных с переходом скалывания на торец и торцовых ядрищ [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000].

Орудийный набор в коллекции горизонта 6 составляет 128 экз., горизонта 5 – 106 экз., в общей коллекции горизонтов 4 – 1 – 73 экз. Количество орудий леваллуа-мустьерской группы в этих коллекциях сокращается, вместе с тем появляются новые верхнепалеолитические формы. Основные категории орудий представляют ретушированные пластины, выемчатые и зубчатые формы, скребла, скребки, резцы, ножи, шиповидные изделия и ретушированные отщепы (см. рис. 1).

Ретушированные пластины в основном оформлены по продольному краю, иногда в дистальной части. Ретушь дорсальная, постоянная и прерывистая (причем доля постоянной ретуши постепенно возрастает начиная с горизонта 5), полукрутая или крутая, чешуйчатая или ступенчатая, слабо-модифицирующая, покрывает 1/4 периметра. Ножи подправлены по рабочему краю дорсальной плоской и полукрутой ретушью на 1/4 периметра. В индустриях горизонтов 6 и 5 представлены образцы главным образом со следами прерывистой обработки, а в коллекциях горизонтов 4 – 1 – уже постоянной. Прослеживаются изменения в форме ретуши: в индустрии горизонтов 6 и 5 она в основном чешуйчатая, а в коллекции горизонтов 4 – 1 – чешуйчатая и ступенчатая. На шиповидных изделиях и проколах продольные края и дистальная зона оформлены дорсальной чешуйчатой слабо-модифицирующей ретушью, которая занимает не более 1/4 периметра.

Группа зубчатых орудий оформлена ретушью постоянной или прерывистой, плоской, реже полукрутой, чешуйчатой, среднемодифицирующей. Выемчатые орудия обработаны по продольному краю или в дистальной зоне дорсальной и чередующейся (при этом количество изделий с чередующейся ретушью резко сокращается в верхних горизонтах) прерывистой полукрутой чешуйчатой слабо-модифицирующей (реже среднемодифицирующей) ретушью на 1/2 или 1/4 периметра. На резцах отмечена ретушь дорсальная, прерывистая или постоянная, полукрутая, чешуйчатая, слабо-модифицирующая. У скребков продольный край или дистальная зона (концевые формы) видоизменены дорсальной постоянной крутой или полукрутой параллельной субпараллельной или чешуйчатой средне- и сильно-модифицирующей ретушью. Скребла обработаны по продольному краю (иногда в сочетании с дистальной зоной) дорсальной постоянной крутой или полукрутой чешуйчатой сильно- и среднемодифицирующей ретушью. На ретушированных отщепах отмечена краевая дорсальная прерывистая полукрутая или плоская слабо-модифицирующая ретушь на 1/4 периметра. Несколько леваллуазских остроко-нечников в коллекциях горизонтов 6 и 5 обработаны дорсальной прерывистой плоской или полукрутой чешуйчатой слабо-модифицирующей ретушью, которая покрывает 1/2 периметра.

В основном для верхнепалеолитических индустрий стоянки характерно расположение ретуши на продольном крае орудия, иногда с захватом дистальной зоны. По дислокации на плоскости изделия ретушь, как правило, дорсальная, по характеру

постоянная, по форме чешуйчатая, субпараллельная, параллельная или ступенчатая, по углу наклона полукрутая или крутая, среднемодифицирующая, занимает 1/4 или 1/2 периметра орудия (см. рис. 2 – 8).

Кара-бомовский вариант вторичной обработки

Палеолитические индустрии стоянки Кара-Бом демонстрируют эволюционное развитие техники вторичной обработки. При доминирующем положении чешуйчатой ретуши субпараллельная ретушь наиболее полно представлена в индустриях горизонтов 6, 4 – 1. Так же проявляет себя ступенчатая ретушь, доля которой заметно возрастает в индустриях горизонтов 4 – 1. Количество орудий, оформленных параллельной ретушью, тоже увеличивается вверх по разрезу, но только до горизонта 5, а в индустриях верхних горизонтов резко уменьшается (см. рис. 2).

В верхнепалеолитических индустриях меняется характер оформления ретушированных пластин – появляется отдельная группа пластин, обработанных чешуйчатой, часто крутой или близкой к ней ретушью. В индустриях горизонтов 4 – 1 преобладающей становится постоянная полукрутая чешуйчатая или ступенчатая ретушь на 1/4 периметра. В индустриях верхнего палеолита ножи часто подправлялись постоянной чешуйчатой ретушью, в то время как лезвия среднепалеолитических ножей практически не подвергались вторичной обработке. Выемчатые орудия в верхнепалеолитических индустриях обрабатывали менее интенсивно, чем в среднепалеолитических: ретушь стала прерывистой, полукрутой, слабомодифицирующей, она занимает меньшую часть периметра. В индустриях верхнего палеолита не отмечены признаки создания пильчатого края с помощью чередующейся ретуши. У скребел сокращается протяженность обработанных участков: если у среднепалеолитических орудий лезвие распространялось на 3/4 или 1/2 периметра, то у верхнепалеолитических скребел – на 1/4 периметра.

Обобщая характеристику ретуши на орудиях в палеолитических индустриях стоянки Кара-Бом, отметим, что она располагается, как правило, по продольному краю изделия, часто заходит на дистальную часть или на плоскость облома (обработка проксимальных зон не характерна), при этом доля обработанных обломов постепенно снижается вверх по разрезу (см. рис. 3). Ретушь наносили в основном на дорсальную плоскость; причем удельный вес изделий со следами дорсальной обработки увеличивается вверх по разрезу за счет сокращения орудий с чередующейся ретушью

(см. рис. 4). Противолежащая ретушь встречается относительно редко – отмечена только в индустриях верхнепалеолитических горизонтов. Она почти всегда краевая, в редких случаях (горизонты 6 и 4 – 1) сплошная на плоскости облома или распространенная. Ретушь в основном средних размеров; крупные фасетки встречаются эпизодически на скреблах и выемчатых орудиях. В индустриях верхнепалеолитических горизонтов появляется мелкая отжимная ретушь. По характеру ретушь чаще всего постоянная, реже прерывистая или эпизодическая. Доля постоянной ретуши плавно возрастает в верхнепалеолитических горизонтах (см. рис. 5). По углу наклона ретушь полукрутая (см. рис. 7), по форме чешуйчатая, с возрастающей долей ступенчатой (см. рис. 2), слабой и средней степени модификации поверхности (см. рис. 6), занимает 1/2 периметра; в верхних горизонтах возрастает доля ретуши на 1/4 периметра орудия (см. рис. 8).

Усть-Каракол-1

Палеолитическая стоянка Усть-Каракол-1 находится в низогорной зоне Северо-Западного Алтая в долине р. Ануй в 2 км выше по течению от Денисовой пещеры. На стоянке вскрыта толща аллювиальных и склоновых отложений общей мощностью до 6,5 м. В ходе раскопок выявлено 20 уровней обитания первобытного человека, представляющих последовательное заселение стоянки от ранней стадии среднего этапа до финала палеолита. Индустрии палеолитических горизонтов отражают прямую культурную преемственность в технике первичного расщепления, приемах вторичной обработки и типологии каменного инвентаря [Шуньков, 2001; Деревянко, Шуньков, 2002].

Исходным сырьем для каменных индустрий стоянки служил разный по качеству галечный материал, в основном осадочные породы, среди которых преобладали алевролиты и палеотипные эффузивы риолитового и дацитового состава, а также роговики, яшмоиды и жильный кварц.

Ретуширование в среднепалеолитических индустриях

Для расщепления камня в этих индустриях чаще всего использовались технические приемы леваллуа, применялась также система параллельного скалывания заготовок. В среднепалеолитических слоях обнаружено 190 орудий. Наиболее представительной является группа леваллуазских изделий. Остальную часть инвентаря составляют скребла, скребки, резцы, ножи, проколки, зубчатые и выемчатые орудия, клювовидные и шиповидные формы,

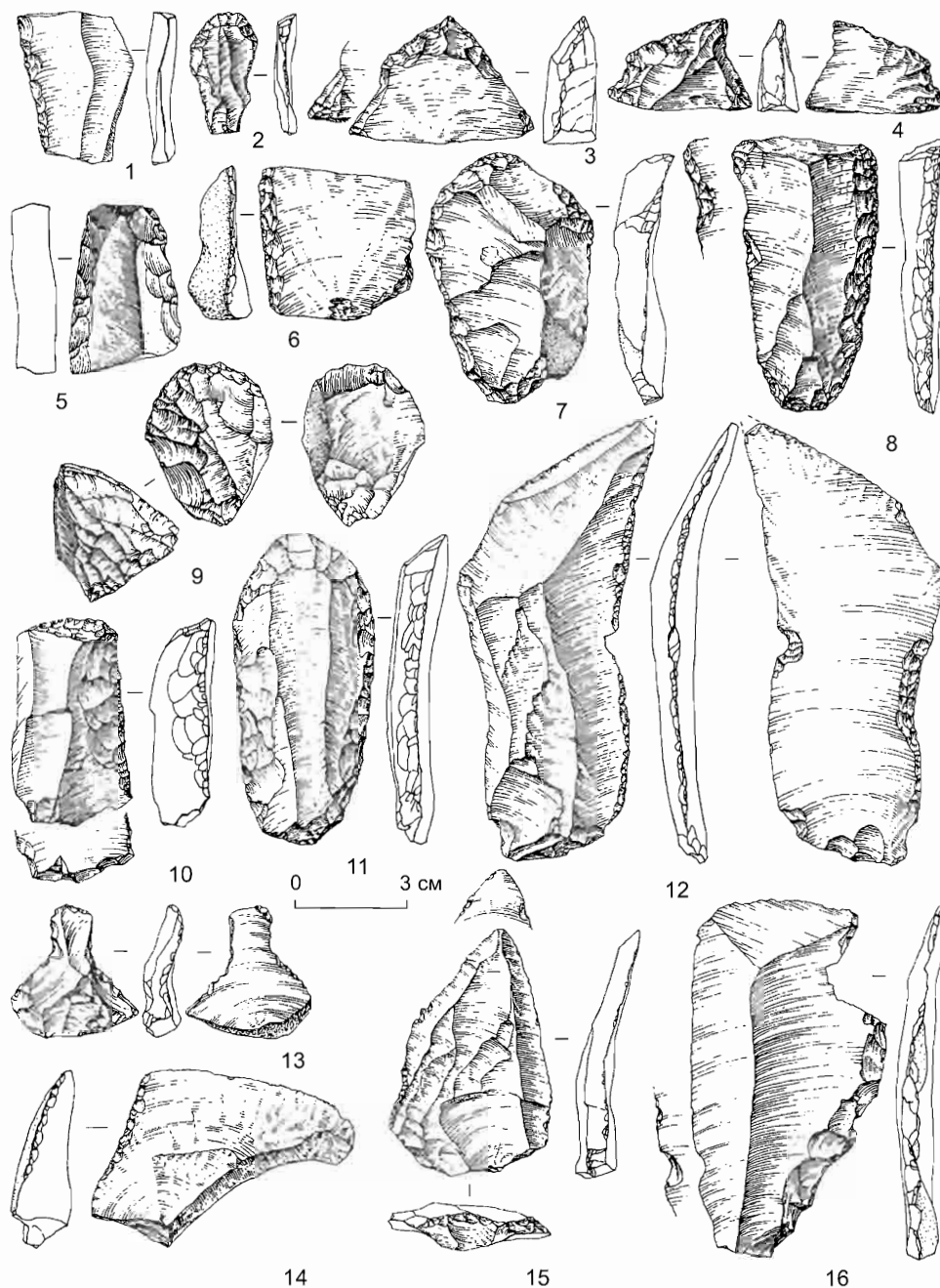

Рис. 9. Каменные орудия из верхнепалеолитических (1, 2, 4 – 12) и среднепалеолитических (3, 13 – 16) слоев стоянки Усть-Каракол-1.

тронкированные сколы, ретушированные пластины и отщепы (рис. 9).

Остроконечники, пластины и отщепы леваллуа помимо ретуши утилизации в некоторых случаях несут следы преднамеренной обработки краевой дорсальной плоской или полукрутой прерывистой слабомодифицирующей ретушью на 1/2 периметра

скола. Продольные скребла оформлены с дорсальной или вентральной стороны полукрутой или крутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью на 1/4 периметра. Боковые скребки обработаны постоянной полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Рабочие участки проколов выделены постоянной чешуйчатой среднемодифи-

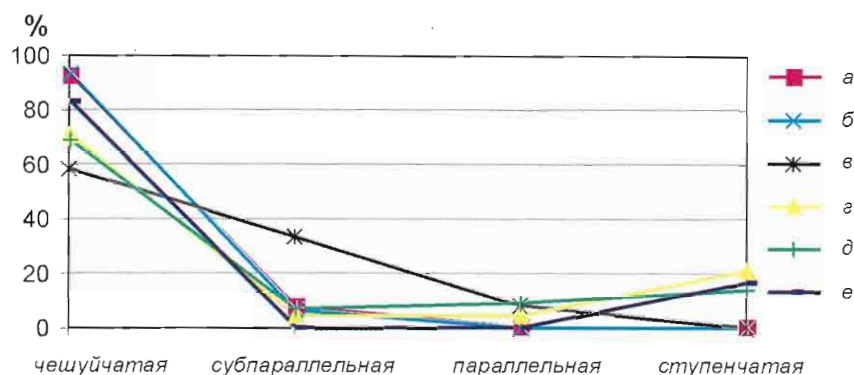

Рис. 10. Распределение ретуши по форме фасеток в индустриях стоянки Усть-Каракол-1.
а – слой 18, б – слои 17 – 13, в – слой 11, г – слой 10, д – слой 9, е – слой 8.
Усл. обозн. для рис. 11 – 16.

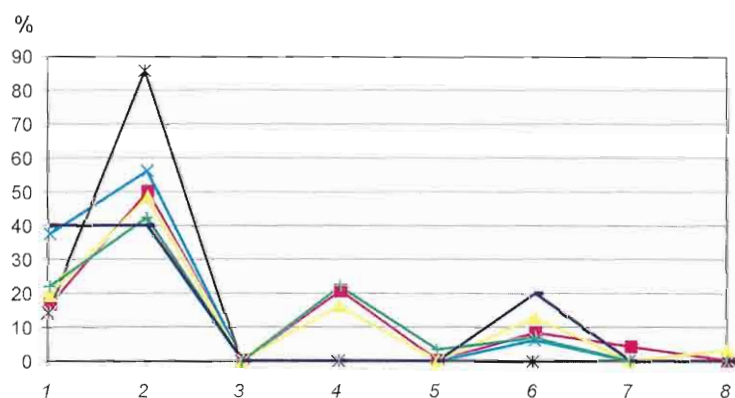

Рис. 11. Расположение ретуши на орудиях в индустриях стоянки Усть-Каракол-1.
1 – продольные края, 2 – продольный край, 3 – проксимальная зона, 4 – дистальная зона, 5 – плоскость облома, 6 – продольный край и дистальная зона, 7 – продольный край, дистальная и проксимальная зоны, 8 – продольный край и плоскость облома.

цирующей ретушью. На шиповидных изделиях рабочий элемент выполнен с помощью прерывистой или эпизодической чешуйчатой средне- или сильнономодифицирующей ретуши. Клювовидные орудия сформированы постоянной или прерывистой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. У выемчатых орудий в дополнение к анкерам продольные края иногда подправлены с дорсальной стороны полукрутой прерывистой слабономодифицирующей ретушью, которая покрывает не более 1/4 периметра. Зубчатые орудия по левому продольному краю и в дистальной части на 1/4 периметра оформлены постоянной или прерывистой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. У тронкированных сколов сечение под-

правлено с вентральной стороны прерывистой отвесной чешуйчатой ретушью. Ретушированные пластины обработаны с дорсальной или вентральной стороны либо имеют чередующуюся отделку; ретушь, как правило, чешуйчатая, покрывает 1/4 периметра. Ретушированные отщепы по продольному или дистальному краю несут следы прерывистой или эпизодической слабономодифицирующей ретуши.

В целом для среднепалеолитических орудий наиболее характерна обработка по продольному краю дорсальной постоянной или прерывистой полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью, она занимает чаще всего 1/4 периметра изделия (рис. 10 – 16).

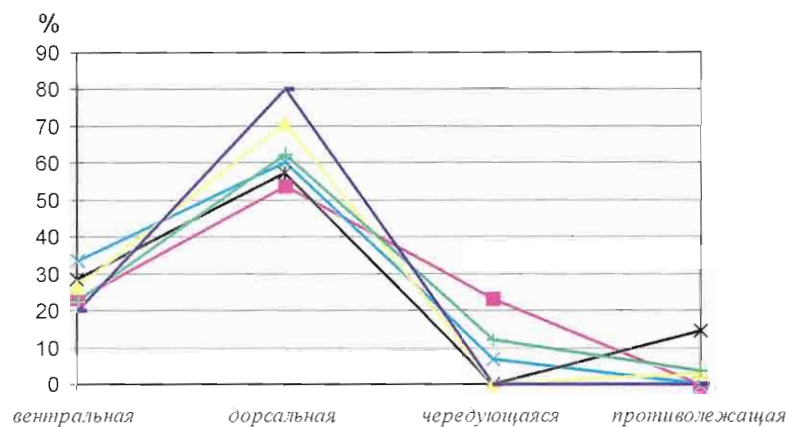

Рис. 12. Дислокация ретуши на плоскостях орудий в индустриях стоянки Усть-Каракол-1.

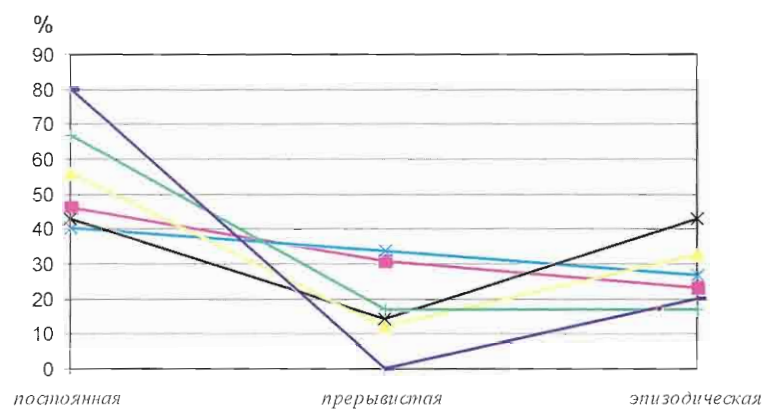

Рис. 13. Распределение ретуши по характеру нанесения в индустриях стоянки Усть-Каракол-1.

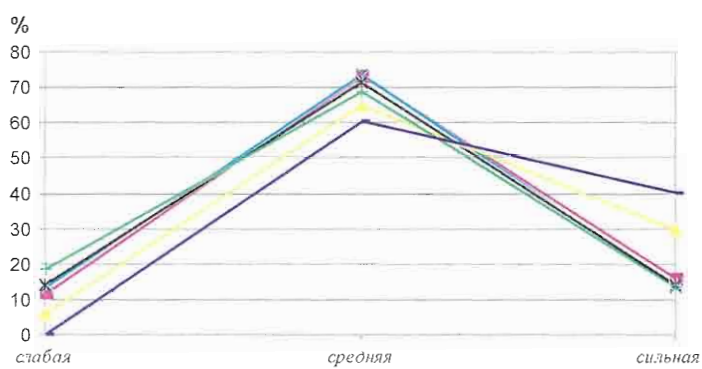

Рис. 14. Распределение ретуши по степени модификации поверхностей орудий в индустриях стоянки Усть-Каракол-1.

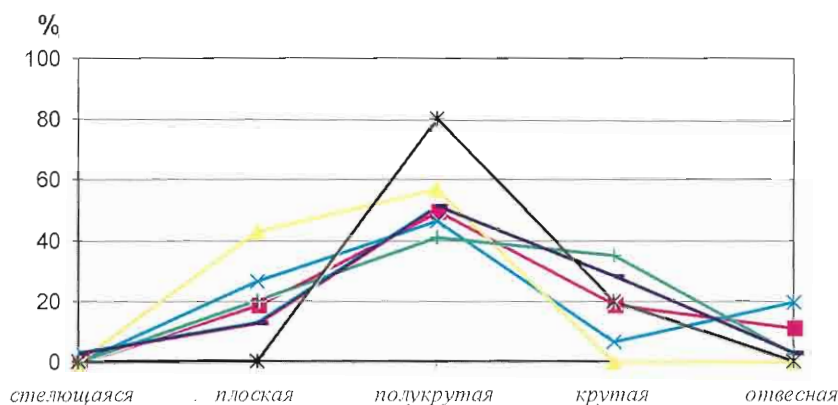

Рис. 15. Распределение ретуши по углу наклона в индустриях стоянки Усть-Каракол-1.

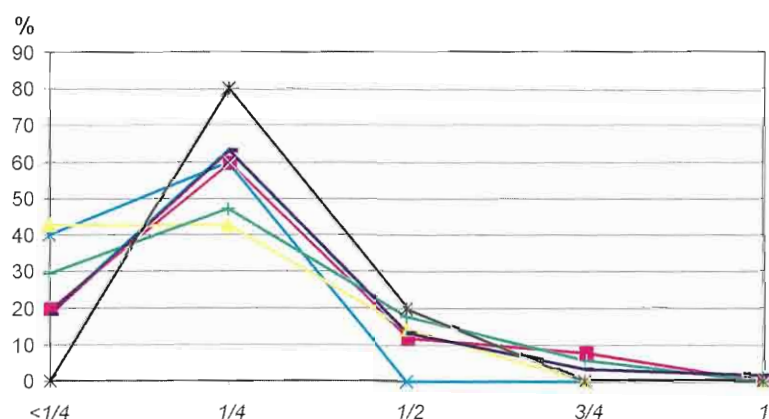

Рис. 16. Распределение ретуши по протяженности на орудиях в индустриях стоянки Усть-Каракол-1.

Ретуширование в верхнепалеолитических индустриях

Первичное расщепление в этих индустриях основано на параллельном скалывании с одно- и двуплощадочных нуклеусов, в т.ч. с призматических форм. Важной чертой этого процесса является распространение приемов микропластинчатого расщепления с использованием клиновидных и конусовидных нуклеусов. Орудийный набор из верхнепалеолитических слоев насчитывает 426 экз. Самые многочисленные категории инвентаря – скребла, скребки, ножи, резцы, проколки, шиповидные и выемчатые изделия. Среди других орудий представлены остроконечники и острия, клювовидные и зубча-

тые изделия, крупные ретушированные пластины и микропластины с притупленным краем (см. рис. 9).

Скребла оформлены в основном с дорсальной стороны по продольному краю, иногда с переходом на дистальную часть орудия; ретушь постоянная, крутая или полукрутая, чешуйчатая или ступенчатая, сильномодифицирующая, занимает до 1/2 периметра. Достаточно разнообразные приемы ретуширования использовались при оформлении лезвий скребков. Для этих целей применялась дорсальная постоянная крутая чешуйчатая параллельная, субпараллельная и ступенчатая средне- и сильномодифицирующая ретушь. Около половины резцов на продольных краях с дорсальной стороны дополнительно подправлены прерывистой плоской чешуй-

чатой средне- и слабомодифицирующей ретушью, которая занимает 1/4 периметра. Проколки и остроконечники обработаны дорсальной полукрутой чешуйчатой слабомодифицирующей ретушью. У некоторых выемчатых орудий продольные края подработаны дорсальной полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Лезвие зубчатых орудий сформировано, как правило, на продольном крае заготовки с дорсальной стороны постоянной или прерывистой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Рабочие участки шиповидных и клювовидных орудий выделены дорсальной постоянной крутой чешуйчатой или ступенчатой сильно модифицирующей ретушью, которая покрывает менее 1/4 периметра. Микропластины с притупленным краем обработаны с дорсальной стороны с помощью отжимной плоской или полукрутой постоянной параллельной среднемодифицирующей ретуши. У ретушированных пластин один или оба продольных края покрыты фасетками дорсальной постоянной или прерывистой плоской или полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретуши. Ретушированные отщепы с дорсальной или вентральной стороны несут следы прерывистой крутой чешуйчатой слабо- и среднемодифицирующей обработки.

Таким образом, у верхнепалеолитических орудий чаще всего обрабатывался один продольный край с дорсальной стороны постоянной полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью на 1/4 периметра (см. рис. 10 – 16). Вместе с тем в этих индустриях заметно повысилось значение параллельной, субпараллельной и особенно ступенчатой ретушной отделки.

Усть-каракольский вариант вторичной обработки

Последовательное развитие приемов вторичной обработки в каменных индустриях стоянки Усть-Каракол-1 связано с постепенным расширением ассортимента ретушной отделки. Если в среднепалеолитических индустриях для оформления рабочих участков орудий использовалась главным образом чешуйчатая среднемодифицирующая ретушь, то в верхнепалеолитических – в результате широкого использования различных сочетаний субпараллельной, параллельной и ступенчатой ретуши значительно возросла степень модификации поверхности.

В индустриях верхнего палеолита изменился характер обработки некоторых категорий орудий. В среднепалеолитических коллекциях продольные края ретушированных пластин покрыты чешуйчатой ретушью на 1/4 периметра, а в верхнепалеолитических индустриях отделка занимала, как правило, 1/2 периметра пластины. Несколько пластин сре-

ди верхнепалеолитических изделий выделяется благодаря интенсивной обработке продольных краев ретушью постоянной, чешуйчатой, субпараллельной и ступенчатой, сильно модифицирующей. В эпоху среднего палеолита скребла оформлялись чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью на 1/4 периметра, а в эпоху верхнего палеолита для этих целей стала широко использоваться ретушь ступенчатая, сильно модифицирующая, она покрывала до 3/4 периметра изделия.

Вентральная обработка в индустриях Усть-Каракола-1 применялась для оформления скребел, проколов, шиповидных изделий и ретушированных пластин. Ретушь преимущественно постоянная, чешуйчатая, реже субпараллельная, параллельная и ступенчатая, средне- и сильно модифицирующая.

Обобщенная характеристика ретуширования в палеолитических индустриях стоянки Усть-Каракол-1 складывается из следующих признаков. Ретушь наносилась главным образом на продольный край, иногда распространялась на дистальную часть изделия (см. рис. 11). Чаще всего обрабатывалась дорсальная поверхность (см. рис. 12), при этом использовалась в основном ретушь постоянная (показатель прерывистой обработки значительно сокращается в верхнепалеолитических индустриях) (см. рис. 13), полукрутая, с заметной долей плоской и крутой (см. рис. 15), чешуйчатая (см. рис. 10), среднемодифицирующая (см. рис. 14) на 1/4 часть периметра орудия (см. рис. 16).

Денисова пещера

Пещера расположена в северо-западной части Горного Алтая в долине верхнего течения р. Ануй. В центральном зале пещеры вскрыт разрез плейстоценовых отложений мощностью до 4,5 м. В основании разреза залегает пачка тяжелых охристо-палевых суглинков, средняя пачка сформирована линзовидно-слоистыми суглинками буроватых и серых тонов, верхняя часть отложений состоит из легких палевых лессовидных суглинков. Стратиграфическая колонка плейстоценовых отложений пещеры образована наложениями последовательных уровней обитания первобытного человека, которые относятся к различным фазам среднего палеолита, ранней поры и заключительной стадии верхнего палеолита [Деревянко, 2001; Шуньков, 2001].

Каменная индустрия пещеры базировалась на местном сырье. Основным материалом служили гальки осадочных и вулканических пород из речных отложений. Большинство артефактов изготовлено из алевролитов и песчаников, часто использовались эффузивы, реже – контактово-измененные породы.

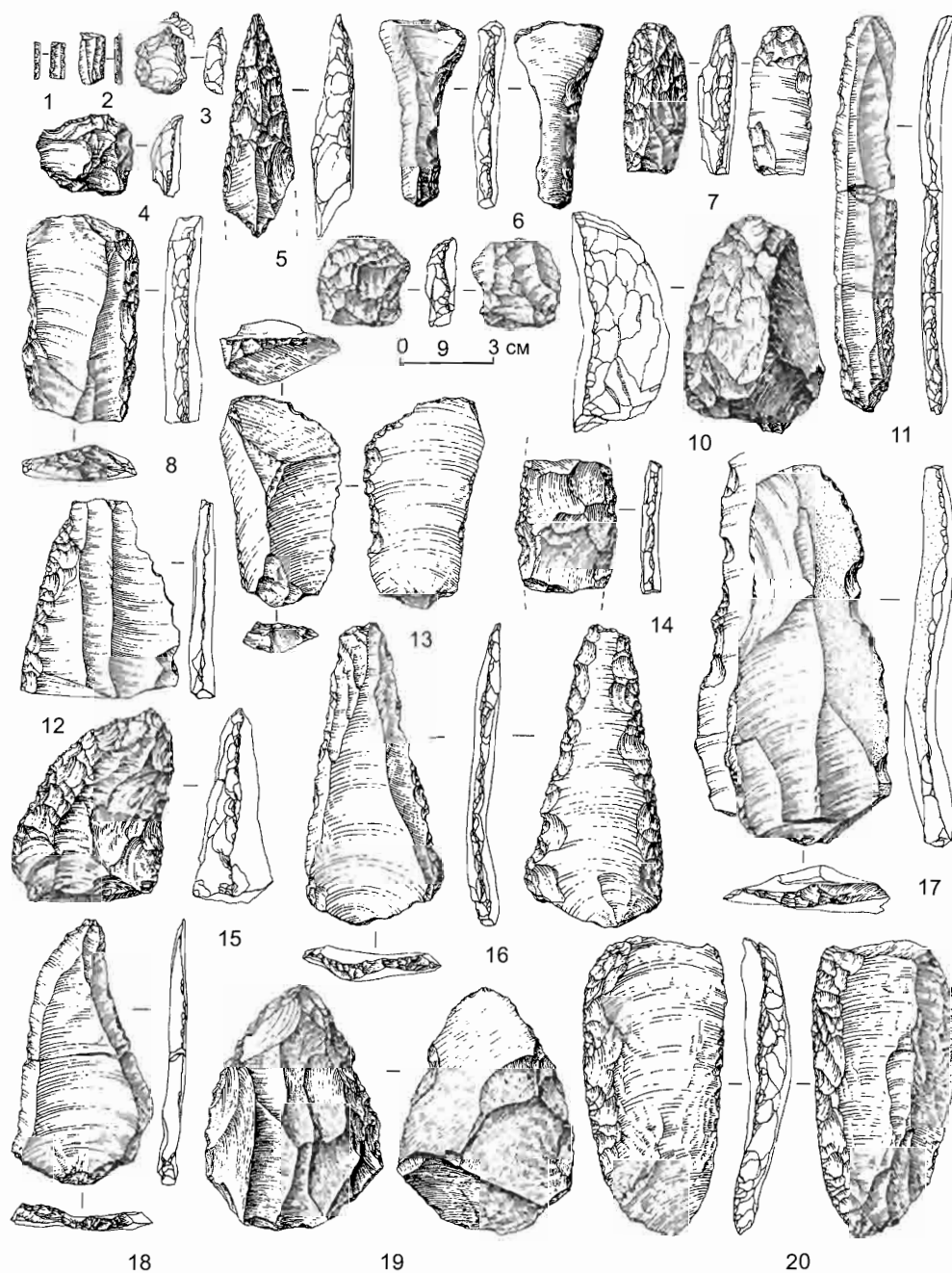

Рис. 17. Каменные орудия из верхнепалеолитических (1 – 4, 6, 7, 9 – 11, 14, 16) и среднепалеолитических (5, 8, 12, 13, 15, 17 – 20) слоев центрального зала Денисовой пещеры.

Ретуширование в среднепалеолитических индустриях

Для получения заготовок в этих индустриях в основном использовались нуклеусы параллельного скалывания; имеются ядрища леваллуа, а также образцы с радиальным, торцовым, ортогональным и

бессистемным снятием. Среднепалеолитическая коллекция включает 646 орудий. Типологическую основу инвентаря составляют леваллуазские изделия, скребла и скребки, зубчатые и выемчатые орудия, шиповидные и клювовидные формы, ретушированные пластины и отщепы (рис. 17). Анализ следов вторичной обработки позволяет определить

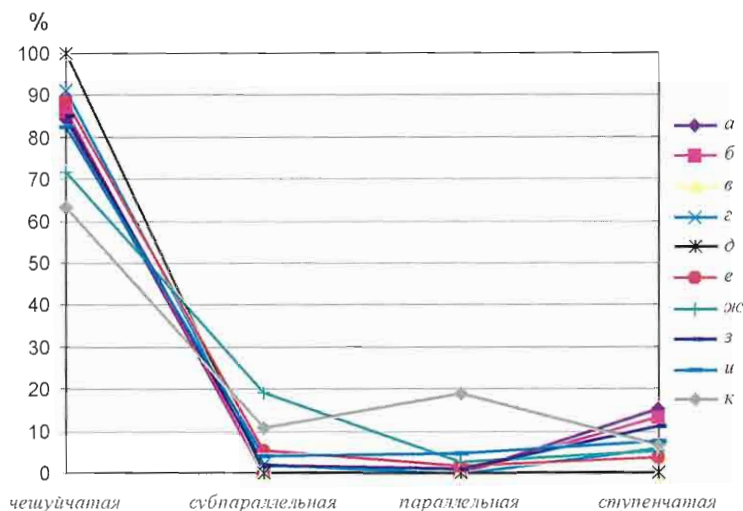

Рис. 18. Распределение ретуши по форме фасеток в индустриях Денисовой пещеры.

a – слой 22, б – слой 21, в – слой 20, z – слой 19, д – слой 17, e – слой 14, жс – слой 13, з – слой 12, и – слой 11, к – слой 9.
Усл. обозн. для рис. 19 – 24.

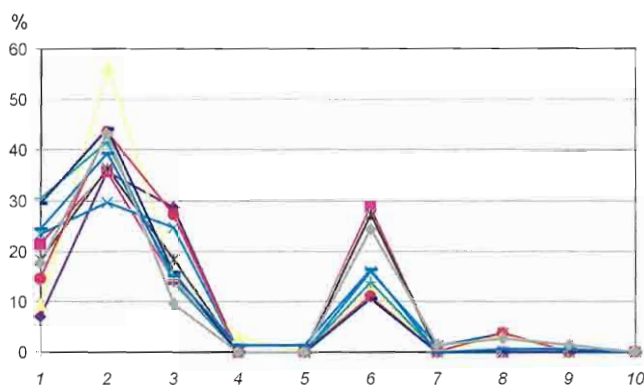

Рис. 19. Расположение ретуши на орудиях в индустриях Денисовой пещеры.

1 – продольные края, 2 – продольный край, 3 – проксимальная зона, 4 – дистальная зона, 5 – плоскость облома, 6 – продольный край и дистальная зона, 7 – продольный край, дистальная зона и плоскость облома, 8 – продольный край и проксимальная зона, 9 – продольный край и плоскость облома, 10 – дистальная и проксимальная зоны.

общие черты, а также отметить некоторые изменения в характере ретуширования для каждой из основных типологических групп.

У некоторых острокопечников леваллуа продольные края подправлены, как правило, дорсальной, иногда чередующейся полукрутой ретушью на 1/2 или 1/4 периметра. В индустриях нижней части

разреза (до уровня слоя 14) подправка осуществлялась прерывистой слабомодифицирующей ретушью, а в индустриях слоев 13 и 12 – постоянной, чешуйчатой, среднемодифицирующей. Большинство скребел обработано по одному продольному краю с дорсальной стороны; ретушь постоянная, крутая, чешуйчатая, сильно модифицирующая,

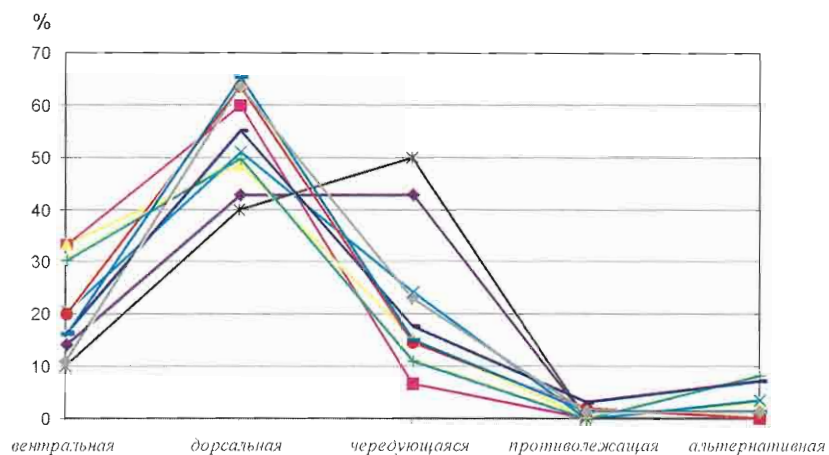

Рис. 20. Дислокация ретуши на плоскостях орудий в индустриях Денисовой пещеры.

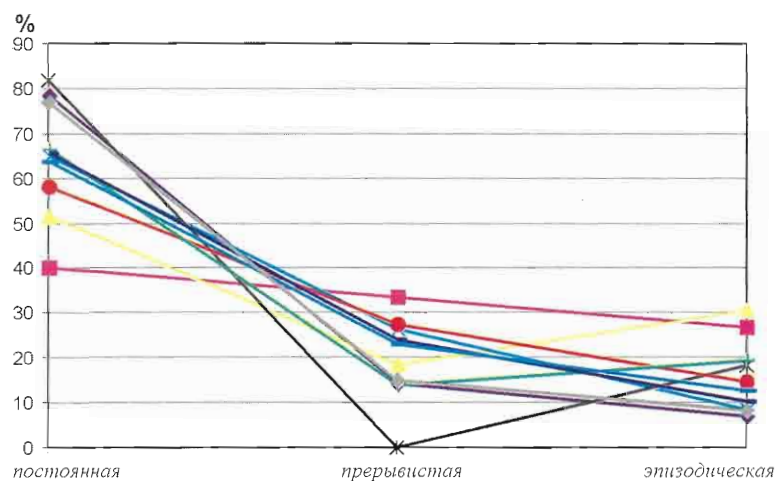

Рис. 21. Распределение ретуши по характеру нанесения в индустриях Денисовой пещеры.

занимает 1/2 или 1/4 периметра. С индустрии слоя 13 для оформления лезвий начинает использоваться субпараллельная и ступенчатая ретушь. Отличительной чертой данного инвентаря является относительно большое количество скребел со следами вентральной обработки на рабочем крае. Лезвия скребков оформлены с дорсальной стороны ретушью постоянной, крутой или отвесной, чешуйчатой, субпараллельной или ступенчатой, сильномодифицирующей. На зубчатых и выемчатых орудиях обработанные участки расположены на продольном или дистальном крае, чаще всего с дорсальной стороны; отмечены также случаи вентральной (слой 20) и чередующейся (слои 20, 19, 13) обработки. В основном ретушь полукрутая, чешуй-

чатая на 1/4 или 1/2 (слои 21 и 19) периметра, при этом размеры фасеток часто достигали 6 мм и более. В индустриях нижних слоев 22 – 19 отмечена в основном прерывистая среднемодифицирующая ретушь, выше по разрезу – преимущественно постоянная слабомодифицирующая обработка. У шиповидных и клювовидных изделий рабочие элементы выделены на продольном крае и в дистальной части дорсальной или чередующейся прерывистой полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Продольные края ретушированных пластин несут следы прерывистой полукрутой чешуйчатой слабомодифицирующей обработки, которая занимает до 1/2 периметра. У ретушированных отщепов края покрыты фасетками дорсальной или че-

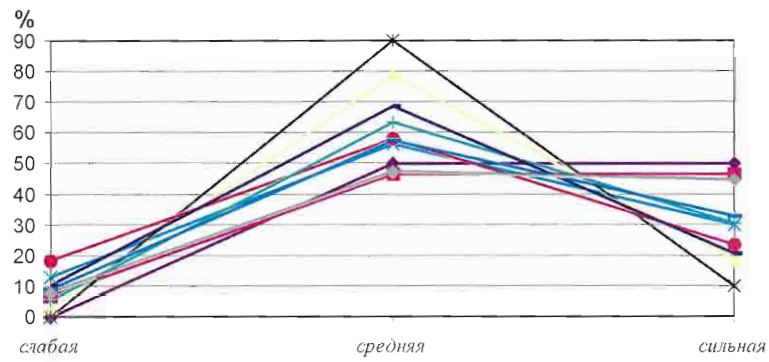

Рис. 22. Распределение ретуши по степени модификации поверхностей орудий в индустриях Денисовой пещеры.

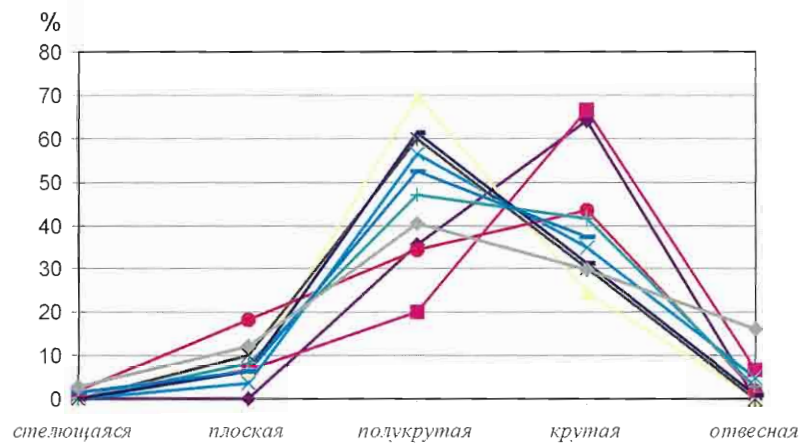

Рис. 23. Распределение ретуши по углу наклона в индустриях Денисовой пещеры.

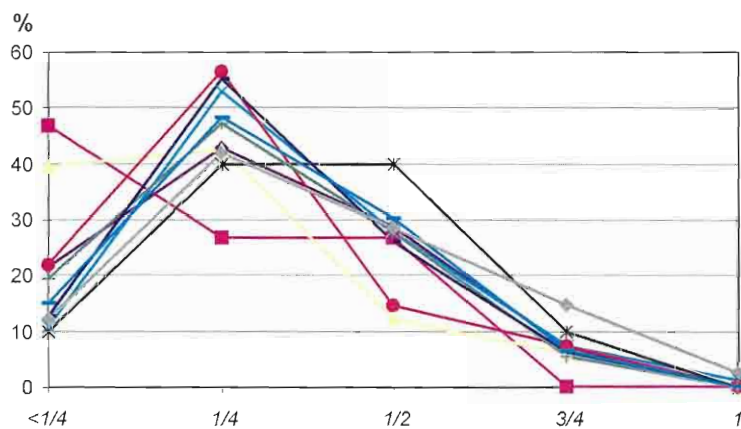

Рис. 24. Распределение ретуши по протяженности на орудиях в индустриях Денисовой пещеры.

редующейся прерывистой полукрутой чешуйчатой слабо- и среднемодифицирующей ретуши.

Характерной чертой среднепалеолитических индустрий пещеры является относительно широкое использование помимо краевого дорсального ретуширования вентральной и чередующейся обработки. Кроме того, здесь отмечена альтернативная отделка ретушью, которая не характерна для других индустрий. В основном применялась ретушь постоянная, полукрутая, чешуйчатая, среднемодифицирующая, она покрывала 1/4 часть периметра, при этом в индустриях нижней части разреза часто использовалась ретушь прерывистая, крутая, сильно-модифицирующая (рис. 18 – 24).

Ретуширование в верхнепалеолитических индустриях

Первичная обработка камня в этих индустриях велась преимущественно в параллельной технике, в меньшей степени применялось радиальное и леваллуазское расщепление. В общей коллекции верхнепалеолитического инвентаря насчитывается 335 орудий. В орудийном наборе представлены остроконечники, скребла, скребки, резцы, проколки, выемчатые и зубчатые изделия, клювовидные и шиповидные формы, ретушированные пластины и отщепы, микропластины с притупленным краем, а также орудие с черенком и уникальный образец геометрического микролита в виде асимметричного сегмента (см. рис. 17).

Конвергентные края остроконечников подправлены с дорсальной стороны постоянной или прерывистой полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Скребла оформлены на продольном или дистальном крае с дорсальной, реже с вентральной стороны; ретушь постоянная, крутая или полукрутая, чешуйчатая, субпараллельная или ступенчатая, среднемодифицирующая. Для скребков характерно большое разнообразие приемов обработки: лезвия оформлялись с дорсальной или вентральной стороны ретушью постоянной, крутой или отвесной, чешуйчатой, субпараллельной, параллельной или ступенчатой, сильно- и среднемодифицирующей на 1/4 периметра. У некоторых резцов продольные края дополнительно обработаны постоянной полукрутой чешуйчатой ретушью, она занимает до 1/4 периметра. Острия проколов выделены чешуйчатой ретушью с дорсальной стороны. У выемчатых орудий на продольном или дистальном крае с дорсальной стороны отмечена постоянная или прерывистая полукрутая чешуйчатая средне- и сильно-модифицирующая ретушь. Зубчатые рабочие края образованы ретушью дорсальной, постоянной, полукрутой, чешуйчатой, среднемоди-

фицирующей. Шиповидные и клювовидные изделия с дорсальной стороны оформлены эпизодической крутой среднемодифицирующей ретушью, которая занимает менее 1/4 периметра. На ретушированных пластинах продольные края имеют признаки дорсальной или чередующейся прерывистой полукрутой чешуйчатой слабо- и среднемодифицирующей обработки, она распространяется на 1/2 или 1/4 периметра. Ретушированные отщепы несут следы дорсальной прерывистой полукрутой чешуйчатой обработки. Микропластины с притупленным краем и асимметричный сегмент на двугранной микропластине оформлены с дорсальной стороны ретушью отжимной, постоянной, отвесной и полукрутой, параллельной, сильно-модифицирующей. Единственное в коллекции орудие с черенком имеет признаки альтернативной обработки постоянной крутой чешуйчатой и ступенчатой сильно-модифицирующей ретушью.

Таким образом, верхнепалеолитические орудия чаще всего обрабатывались по продольному краю с дорсальной стороны ретушью постоянной, полукрутой и крутой, чешуйчатой, с заметным участием субпараллельной, параллельной и ступенчатой, средне- и сильно-модифицирующей, она занимала, как правило, 1/4 периметра изделия (см. рис. 18 – 24).

Общий характер ретуширования в палеолитических индустриях

Наиболее часто в палеолитических индустриях пещеры использовалась чешуйчатая ретушь, при этом вверх по разрезу постепенно возрастало значение субпараллельной, ступенчатой и особенно параллельной ретуши. Так, для оформления скребел в верхнепалеолитических индустриях начинает широко применяться отделка ступенчатой и субпараллельной ретушью. У некоторых категорий орудий, например у леваллуазских остроконечников, наиболее интенсивная обработка рабочих участков отмечена на поздней стадии среднего палеолита (слои 13 и 12). У большинства выемчатых орудий помимо анкошей имеется дополнительная подправка слабо- и среднемодифицирующей ретушью. При этом выемчатые орудия из нижней части разреза оформлены более тщательно, чем в индустриях средней части разреза, а в индустриях верхнего палеолита появились изделия с сильно-модифицирующей обработкой. Среди ретушированных пластин показательны образцы с чешуйчатой среднемодифицирующей обработкой на 1/4 периметра, причем в индустриях верхнего палеолита возрастает количество пластин, у которых ретушь покрывает до 1/2 периметра орудия.

Самобытной чертой палеолитических индустрий Денисовой пещеры является относительно широкое использование вентральной и альтернативной обработки. Признаки вентральной обработки встречаются чаще всего на скреблах, зубчатых орудиях и ретушированных пластинах. Для нее характерна в основном постоянная чешуйчатая средне- и сильномодифицирующая ретушь. Альтернативная обработка велась главным образом в индустриях среднего палеолита с помощью ретуши постоянной, полукрутой, средне- и сильномодифицирующей, которая занимала 1/2 периметра орудия.

Общий облик ретушной отделки палеолитических орудий Денисовой пещеры складывается из следующих показателей. Ретушь покрывала в основном продольный край, реже захватывала дистальную часть орудия (см. рис. 19). Преобладало дорсальное ретуширование, но нередко использовалась и вентральная обработка (см. рис. 20). Ретушь в основном постоянная (значение прерывистой ретуши постепенно сокращается вверх по разрезу) (см. рис. 21), полукрутая или крутая (см. рис. 23), чешуйчатая, с увеличением доли параллельной и ступенчатой (см. рис. 18), среднемодифицирующая (см. рис. 22), занимает 1/4 периметра изделия (см. рис. 24). Основные приемы ретуширования в индустриях Денисовой пещеры по своему характеру и степени использования ближе всего к усть-каракольскому варианту вторичной обработки.

Заключение

Многослойные палеолитические комплексы Горного Алтая являются одним из наиболее важных источников информации о развитии древних культурно-исторических процессов на территории Северной и Центральной Азии. Археологические материалы Денисовой пещеры, стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол-1 позволяют проследить развитие приемов обработки камня на широком временном отрезке от ранней поры среднего палеолита до заключительной стадии верхнего палеолита. Длительный процесс постепенной эволюции каменных индустрий свидетельствует о преемственности технологических традиций древнейшего населения Алтая на основных культурно-хронологических этапах палеолитического времени.

Для среднепалеолитических индустрий опорных памятников региона были характерны близкие взаимосвязанные технические и типологические признаки, которые указывают на их развитие в пределах единой культурной традиции. Вместе с тем эти индустрии обладали рядом специфических черт, отражающих, скорее всего, особенности производственно-хозяйственной деятельности на разных ти-

пах палеолитических объектов. Так, в среднепалеолитических индустриях многослойных стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол-1 для первичной обработки камня использовалось главным образом леваллуазское расщепление, в основном техника пластинчатого скола. Типологический облик инвентаря определяли остроконечники и пластины леваллуа, которые сочетались с разнообразными зубчато-выемчатыми формами и орудиями верхнепалеолитической группы. Несколько иначе выглядят материалы из среднепалеолитических слоев Денисовой пещеры. Для них характерны признаки господства в процессе первичного расщепления приемов параллельного и радиального снятий заготовок, большой удельный вес орудий на сколах средних и укороченных пропорций, преобладание в составе орудий скребел различных модификаций, присутствие в составе инвентаря выразительных леваллуазских изделий.

На ранней стадии верхнего палеолита в развитии алтайских индустрий начинает отчетливо прослеживаться технико-типологическое разделение на две самостоятельные линии развития [Деревянко, 2001; Деревянко, Шуньков, 2002]. Первая линия развития связана с распространением пластинчатых индустрий. Наиболее наглядно эта тенденция представлена в материалах верхнепалеолитических горизонтов стоянки Кара-Бом. Первичное расщепление в этих индустриях было направлено на получение удлиненных сколов с параллельных нуклеусов. Кроме того, стали применяться новые технические приемы, предназначенные для снятия микропластин, в т.ч. с торцовых разновидностей нуклеусов. Большинство орудий – концевые скребки, срединные резцы, ножи с ретушированным обушком, удлиненные остроконечники с уплощенным основанием и пластины с ретушью продольных краев – оформлено на крупных пластинчатых заготовках. Верхнепалеолитические индустрии Усть-Каракола-1 и Денисовой пещеры развивались в рамках другого технического варианта. Для него характерно главным образом параллельное расщепление простых площадочных нуклеусов. Вместе с тем здесь появляется техника микропластинчатого скалывания с нуклеусов призматических, конусовидных и клиновидных форм. Среди типологически выраженного инвентаря наряду с разнообразными скреблами и зубчато-выемчатыми формами начинают активно использоваться концевые скребки на пластинах; скребки высокой формы, образованные микропластинчатыми снятиями; крупные удлиненные пластины с регулярной ретушью продольных краев и микропластины с притупленным краем.

Помимо индивидуальных особенностей первичного расщепления и типологического состава инвентаря два выделенных индустриальных вариан-

та имеют определенные различия в характере вторичной обработки каменных орудий. В палеолитических индустриях стоянки Кара-Бом основной была краевая обработка на дорсальной плоскости изделия с применением ретуши постоянной, полукрутой, чешуйчатой, с заметной долей ступенчатой, средних размеров, слабо- и среднемодифицирующей. Значение прерывистой ретуши в этих индустриях всегда было примерно одинаковым, а доля изделий с постоянной ретушью росла за счет уменьшения количества орудий с эпизодической обработкой. Здесь относительно много изделий со слабо-модифицирующей ретушью. Постоянно доминировала чешуйчатая ретушь, при этом вверх по разрезу постепенно возрастало значение ступенчатой обработки орудий. Наиболее часто ретушь распространялась на 1/4 периметра орудия, причем доля ретуши, занимавшей менее 1/4 периметра, была незначительной. Вентральная обработка отмечена на ретушированных пластинах и выемчатых орудиях. Она, как правило, эпизодическая или прерывистая, слабой или средней степени модификации поверхности орудия. В индустриях Усть-Каракола-1 и Денисовой пещеры ретушь наносилась главным образом на продольный край, иногда распространялась на дистальную зону изделия. Преобладало дорсальное ретуширование, при этом достаточно часто использовалась и вентральная обработка. В основном применялась ретушь постоянная, полукрутая или крутая, чешуйчатая, среднемодифицирующая с распространением на 1/4 или меньшую часть периметра орудия. Предпочтение отдавалось чешуйчатой обработке, вместе с тем некоторая доля верхнепалеолитических орудий оформлена с помощью параллельной и ступенчатой ретуши. В этих индустриях относительно мало изделий со слабо-модифицирующей ретушью, а доля прерывистой ретуши уменьшается вверх по разрезу. Признаки вентральной обработки присутствуют на скребках и скребках, зубчатых и шиповидных формах, проколках и ретушированных пластинах. Чаще всего вентральная ретушь постоянная, чешуйчатая, средне- и сильно-модифицирующая, нередко захватывающая дистальную область изделия. Периодически встречаются следы альтернативной обработки рабочих участков орудий с использованием ретуши постоянной, полукрутой, средне- и сильно-модифицирующей, которая занимала до 1/2 периметра.

Таким образом, сравнительный анализ основных приемов ретуширования каменных орудий в индустриях опорных комплексов алтайского палеолита выявил два варианта вторичной обработки, которые в целом совпадают с двумя технологическими тенденциями развития верхнепалеолитической культуры Горного Алтая.

Список литературы

- Васильев С.А.** К методике изучения элементов вторичной обработки каменных орудий // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1986. – С. 147 – 161.
- Васильев С.А.** Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Петербург. востоковедение, 1996. – 224 с.
- Гинзбург Э.Х., Горенштейн Н.М., Ранов В.А.** Статистико-математическая обработка шести мустьерских памятников Средней Азии // Палеолит Средней и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 7 – 31.
- Голованова Л.В.** Таксономические группировки как метод анализа ашельских каменных орудий (по материалам Адыгеи) // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: Ин-т экономики, языка, литературы и истории, 1984. – С. 3 – 22.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70 – 104.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т.** Технологические исследования материалов памятника Кара-Бом и проблема зарождения микропластинчатой техники // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 72 – 76.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 219 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.** Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П.** Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 33 – 52.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16 – 41.
- Любин В.П.** Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 224 с.
- Маркин С.В.** Палеолитические памятники бассейна реки Томи. – Новосибирск: Наука, 1986. – 176 с.
- Медведев Г.И.** К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатура деталей наглядных моделей) // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. – Иркутск: ИГУ, 1975. – С. 21 – 42.
- Синицын А.А.** К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. – С. 158 – 166.

Чистяков Д.А. Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. – СПб.: Европ. дом, 1996. – 256 с.

Шуныков М.В. Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2001. – 54 с.

Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – С. 72 – 116.

Bordes F. Typologie du Paleolithique Ancien et Moyen. – Bordeaux: Delmas. Publications de l'Institut de Prehistoire de l'Universite de Bordeaux, 1961. – Mem. 1. – 103 p.

Breizillon M.N. La denomination des objets de pierre taillees. Matériaux pour un vocabulaire des prehistoriens de langue française. IV suppliment a "Galla prehistore". – P.: CNRS, 1968. – 427 p.

Debenath A., Dibble H.L. The Handbook of Paleolithic Typology. – Philadelphia: The University Museum Press, 1994. – Vol. 1: The Lower and Middle Paleolithic of Europe. – 202 p.

Dibble H.L. The interpretation of Middle Paleolithic scraper reduction patterns // L'Homme de Neandertal. – Liege: Etudes et Recherches Archeologiques de l'Universite de Liege, 1988. – Vol. 4: La Technique. – P. 49 – 58.

Inizan M.-L., Roche H., Tixier J. Technology of knapped stone. – Meudon: CREP, 1992. – 127 p. – (Prehistoire de la Pierre Tallee; T. 3).

Leroi-Gourhan A. Notes de morphologie descriptive: Cours de Prehistoire. – P., 1964. – 33 p.

Leroi-Gourhan A., Bailloud G., Chavaillon J., Laming-Emperaire A. La Prehistoire. – P.: Presses Universitaires, 1966. – 366 p.

Lumley H. de, Lich M.-H. Les industries moustériennes de la Grotte de l'Hortus (Valflaunes, Herault) // La Grotte de l'Hortus (Valflaunes, Herault). – Marseilles: Universite de Provence, 1972. – P. 387 – 487. – (Etudes Quaternaries; Mem. 1.)

Tixier J. Typologie de l'epipaleolithique du Maghreb. – P.: MCRAPEA, 1963. – T. 2. – 136 p.

Материал поступил в редколлегию 31.10.2002 г.

УДК 903.2

В.Н. Зенин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: VZenin@archaeology.nsc.ru*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Введение

Западно-Сибирская равнина является одной из крупнейших в мире. Вместе с Алтаем, Салаиром, Кузнецким Алатау и Солгоном она составляет огромный географический регион – Западную Сибирь. С запада, юга и востока равнину обрамляют следующие геоструктурные элементы: Урал, Казахский мелкосопочник, предгорья Алтая, Салаира, Енисейского кряжа, Кузнецкого Алатау и Среднесибирское плоскогорье. Рельеф Западно-Сибирской равнины развит преимущественно на четвертичных отложениях. Абсолютные высоты редко превышают 200 м. Центральную, наиболее низкую часть равнины занимают обширные заболоченные пространства и многочисленные озера. Западно-Сибирской равнине принадлежат значительные части бассейнов крупнейших рек Евразии – Енисея и Оби.

Положение равнины на стыке палеолитических районов Русской равнины, Урала, пояса гор Южной и Восточной Сибири обеспечивало постоянное внимание к ней исследователей древнейшего прошлого. С момента открытия в 1896 г. Томской палеолитической стоянки и до начала III тыс. в пределах Западно-Сибирской равнины обнаружено не многим более 30 палеолитических местонахождений (рис. 1). Таким образом, наблюдается резкая диспропорция в сравнении с окружающими равнину территориями, где число выявленных палеолитических объектов значительно больше. Этими обстоятельствами обусловлен спектр исследовательских задач настоящей работы – от определения оптимальных условий освоения палеолитическим человеком Западно-Сибирской равнины до осмысления культурно-хронологических параметров изученных палеолитических индустрий.

Оптимальность условий освоения человеком Западно-Сибирской равнины в неоплейстоцене

История осадконакопления и формирования рельефа Западно-Сибирской равнины в фазу неоплейстоцена подробно изложена в многочисленных статьях и монографиях (список основных трудов см.: [Развитие ландшафтов..., 1993; Зыкин, Зыкина, Орлова, 2000]). В связи с тем что нижняя хронологическая граница исследований по палеолиту равнины на современном этапе, вероятно, не выходит за пределы верхнего неоплейстоцена (0,13 – 0,01 млн л.н.), предлагается акцентировать внимание именно на этой поре.

Многие проблемы, касающиеся оледенения Западной Сибири, являются остро дискуссионными. В их числе вопросы о причинах, количестве, размерах оледенений, существовании и динамике ледниково-подпрудных бассейнов. Одной из интригующих проблем позднезырянского (сарганского) криохрона является существование подпрудного бассейна в центральной части равнины, возможные границы которого отражены в ряде карт и схем реконструкций [Развитие ландшафтов..., 1993; Архипов, Волкова, 1994; и др.]. По представлениям И.А. Волкова [Волков, Гросвальд, Троицкий, 1978], было три крупных приледниковых бассейнов: на востоке – Енисейский, на севере – Пулковский и в центральной части равнины – Мансийский с уровнем около 125 – 130 м. Другую точку зрения отстаивает В.И. Астахов [Развитие ландшафтов..., 1993], полагающий, что в позднезырянское время на равнине доминировали ландшафты мерзлой тундростепи с термокарстовыми озерами, отсутствовала сплошная ледяная плотина, а сток рек на север был свободным.

Сомнения по поводу подпуживания западносибирских рек в позднелырянскую эпоху высказывались многими исследователями [Лаухин, 1981, 1999; Петрин, 1986; Nikolaev, Petrin, 1996; Лещинский, 2000a]. Действительно, если признать существование Мансийского озера в реконструируемых границах [Волков, Орлова, 2000], то это практически исключает возможность для проникновения на эту территорию крупных млекопитающих и человека. Сведения по расселению палеолитических людей на территории равнины с абсолютными отметками 20 – 110 м, обеспеченные радиоуглеродными датами 14 – 19 тыс. л.н., отрицают данную реконструкцию. Расположение *in situ* на отметках 75 (Шикаевка II, Черноозерье II, Гари) и 20 – 25 м (Луговское) палеолитических материалов в комплексе с костями плейстоценовой фауны, датированных по ^{14}C в интервале 18 – 14 тыс. л.н., говорит само за себя.

Исследование проблемы освоения палеолитическим человеком Западно-Сибирской равнины изначально предполагает выяснение зависимости его расселения от геологического строения территории. Данный подход учитывает этот объективный фактор с позиций его влияния на животных и человека, т.к. проникновение древнего человека в незаселенные районы должно было регулироваться климатическими условиями, пищевыми ресурсами и наличием каменного сырья. Эти позиции взаимосвязаны между собой и находят отражение в геологической истории неоплейстоцена. Геологическое строение, рельеф и макроклимат определяли развитие и зональность растительных сообществ, а последние оказывали непосредственное влияние на разнообразие фауны и миграции крупных млекопитающих. В плейстоцене жизнедеятельность травоядных животных во многом зависела от

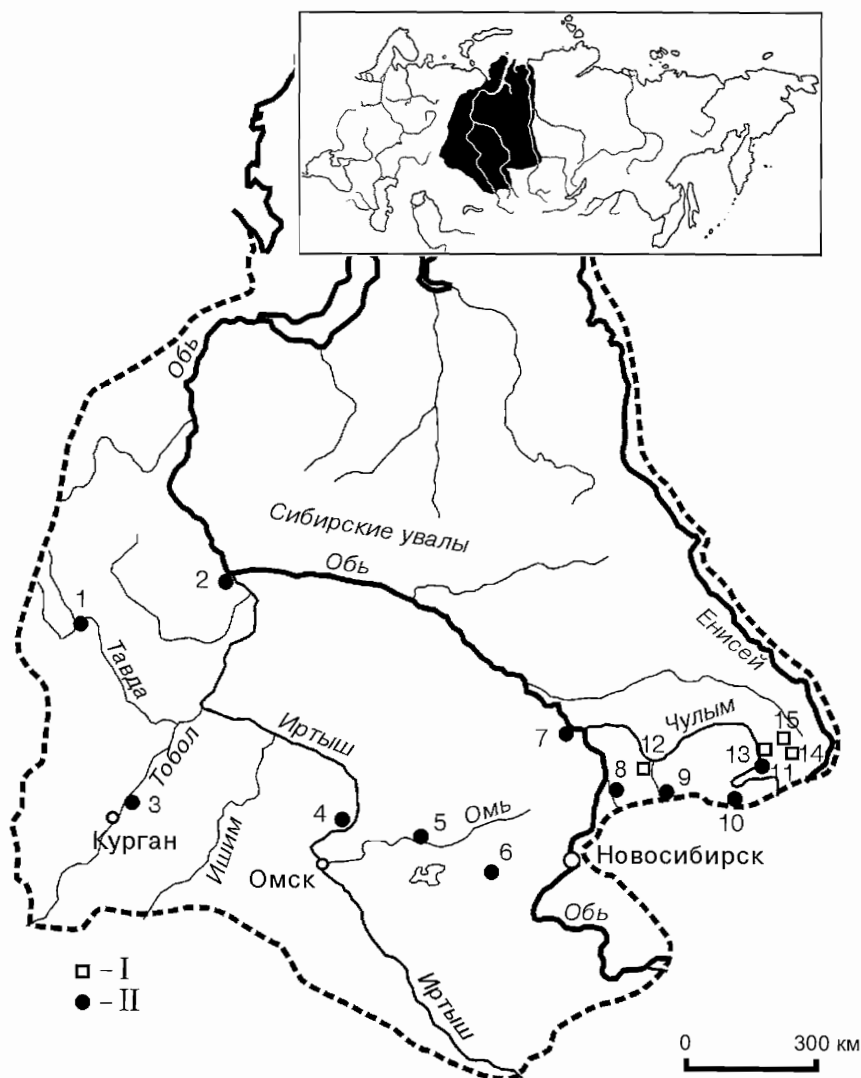

Рис. 1. Расположение основных палеолитических местонахождений в границах Западно-Сибирской равнины.

I – местонахождения донетанского возраста, II – местонахождения сарматского возраста. 1 – Гари, Рычково, Евалга; 2 – Луговское; 3 – Шикаевка II, 4 – Черноозерье II, 5 – Новый Тартас, Венгерово-5; 6 – Волчья Грива; 7 – Могочино I; 8 – Томская стоянка; 9 – Шестаково; 10 – Березовый Ручей-1, 2; 11 – Ачинская стоянка; 12 – Арышевское-1, Воронино-Я; 13 – Большой Улуй, Усть-Большой Улуй; 14 – Большой Кемчуг; 15 – Некрасовское.

существования особых геохимических ландшафтов, в пределах которых формировались своеобразные “минеральные оазисы”, т.н. зверовые солонцы [Leshchinskiy, 2001].

Оптимальное сочетание отмеченных условий могло являться объективным стимулом к освоению широких пространств Северной Азии в эпоху палеолита, а их дисбаланс так или иначе выступал в качестве лимитирующего фактора. Наиболее отчетливо это проявилось на обширной территории Западно-Сибирской равнины.

Геохимический ландшафт как определяющий фактор освоения палеолитическим человеком Западно-Сибирской равнины

Исследуемый регион в плейстоцене представлял собой приледниковую и внеледниковую зоны с резкими колебаниями климата. Смена ландшафтов проходила быстро – от тундровых к степным и наоборот [Лещинский, 2000a], с короткими фазами распространения лесов [Кривоногов, 1988; Волков, Орлова, 2000]. Подтверждением тому являются остатки крупных животных в разрезах естественных местонахождений [Лещинский, 2000b; Лещинский и др., 2001; и др.] и в материалах стоянок. “Для палеолитических стоянок Западной Сибири очень характерен мамонт, бизон и лошадь, а шерстистый носорог, напротив, достаточно редок. Малочисленны лось, северный олень, сайга. Это свидетельствует о том, что позднеплейстоценовая фауна равнин была значительно более однородна, чем в горных районах юга Сибири” [Агаджанян, 2001, с. 467].

Для многих палеолитических местонахождений в границах равнины характерно присутствие и даже преобладание костей мамонта над костными остатками других видов. Массовые скопления костей мамонтов выявлены на местонахождениях Волчья Грива и Шестаково, где их доля превышает 90%. Тафономический анализ и прямое радиоуглеродное датирование палеозоологических материалов указывают на длительность процессов накопления (до 7 тыс. лет). Доминирующая роль мамонтов в группировке видов фаунистического комплекса, так или иначе связанного с деятельностью человека, вынуждает обратить пристальное внимание на экологию этого вида. Многочисленные варианты реконструкций и предположения о причинах формирования тафоценоза на Волчьей Гриве [Окладников и др., 1971; Алексеева, Волков, 1969] противоречивы [Абрамова, 1989] и не нашли подтверждения в новейших исследованиях объекта [Орлова и др., 2000, Машенко, Лещинский, 2001]. Комплексное изучение местонахождений Шестаково и Волчья Грива позволило сделать вывод о размещении костей животных на зверовых солонцах [Машенко, 1999; Лещинский, 1999; Деревянко и др., 2000; Машенко, Лещинский, 2001; Leshchinskiy, 2001]. Данный вывод основан на результатах геологических, геохимических, тафономических и археологических исследований. Именно комплексный подход в изучении местонахождений привел к необходимости обратить внимание на явление литофагии (подробнее см.: [Бгатов, 1993; Паничев, 1990]) среди растительноядных животных плейстоцена.

Установлено, что литофаги посещают только места высокой концентрации ионообменников и сорбентов. В большинстве случаев на природных солонцах

поваренной соли нет, а использование минеральных веществ в пищу объясняется необходимостью регуляции водно-солевого баланса организма [Бгатов, 1993]. В Западной Сибири отчетливо проявляются солонцы, сформированные за счет монтмориллонитовых и бентонитовых, реже гидрослюдистых и каолинистых глин. Активное посещение солонцов носит сезонный характер (весна и осень), совпадает с периодами гона, отела и смены диет животных. Среди необходимых животным макроэлементов особое место занимают Ca, Mg и Na. Их недостаток в организме приводит к экологическому стрессу, болезням и даже гибели [Паничев, 1990]. Минеральный голод особенно характерен для кислых ландшафтов (тундра, тайга). Учитывая развитие тундровых зон с многолетней мерзлотой в неоплейстоцене, можно говорить о периодическом минеральном голодании травоядных, особенно мамонтов [Деревянко и др., 2000]. По мнению С.В. Лещинского, «нет сомнений в приуроченности миграционных путей травоядных млекопитающих к “минеральным оазисам”, где в пики минерального голода, по-видимому, скапливались десятки и даже сотни животных. Вероятно, на некоторых солонцах смертность животных-литофагов и условия захоронения их остатков были достаточными для образования мощных костеносных горизонтов. Типичными местонахождениями такого типа являются Шестаково и Волчья Грива» [Лещинский, 2000a, с. 20].

Особенности состава фаунистических материалов Шестакова косвенно указывают на гибель животных в весенний период [Деревянко и др., 2000]. О длительной аккумуляции костей мамонтов на этом местонахождении свидетельствуют его многослойность и серия из 20 ^{14}C -дат в диапазоне 18 – 25,5 тыс. л.н. Косвенным подтверждением существования здесь палеосолонца может служить выявленный в 30 км от Шестакова современный зверовой солонец с аналогичной литоосновой – монтмориллонитовыми глинами раннемелового возраста. Литолого-геохимические и тафономические исследования, состав и морфология остатков мамонтов на Волчьей Гриве допускают прямые аналогии с местонахождением Шестаково. Геохимическая характеристика разреза свидетельствует, что исследуемый участок Волчьей Гривы соответствует солонцу кальциево-натриевого геохимического класса. Анализ палеозоологических материалов указывает на хорошие условия сохранности ископаемых остатков и очень незначительное посмертное перемещение [Машенко, Лещинский, 2001]. Серия ^{14}C -дат указывает на длительный период формирования тафоценоза – от 17,9 до 11 тыс. л.н. Сходство данных о составе фауны Волчьей Гривы и Шестакова подтверждает предположение о том, что массовые захоронения мамонтов на юге Западной Си-

бири пространственно связаны с участками, где животные могли утолять минеральный голод. Вполне вероятно, что именно особенности экологии мамонта, его уязвимость при минеральном голодании, находят отражение в образовании специфических “мамонтовых кладбищ” на зверовых солонцах позднего неоплейстоцена.

Зависимость палеолитического человека от травоядных животных вынуждала его следовать путями их миграций, осваивая кальциево-натриево-магниево-геохимические ландшафты [Лещинский, 2000а]. (Исследователи оценивают миграции мамонтов в 650 – 2 500 км [Germonpre, 1993].) Вероятно, свидетельством таких перемещений являются кратковременные стоянки Шикаевка II и Томская. Стабильные миграционные пути проходили через “минеральные оазисы”, и люди возвращались на эти, освоенные ими ранее, участки, чем, по-видимому, и объясняется многослойность культурных отложений в разрезе Шестаково, на участке, малопригодном для постоянного обитания.

Литоресурсы

Геологическим строением территории определяется наличие каменного сырья. На Западно-Сибирской равнине его источники не всегда и не везде являлись одинаково доступными для человека. В районе Сибирских Увалов и вдоль западной границы равнины сырья было достаточно и малочисленность палеолитических местонахождений вряд ли как-то связана с “сырьевой” проблемой. Дефицит литоресурсов отмечается к югу от Сибирских Увалов – в бассейнах рек Тобола, Ишима и Иртыша, где скальные породы отсутствуют, а галечники весьма редки [Лаухин, 1999]. Вероятно, этим объясняется малочисленность палеолитических местонахождений в центре и на юге Западно-Сибирской равнины. Сырье, из которого изготовлены орудия с известных стоянок, по мнению ряда авторов [Петрин, 1986; Окладников, Молодин, 1983], имеет либо уральское, либо североказахстанское происхождение. Это позволяет предположить транспортировку каменных материалов древними охотниками на сотни километров. Возраст всех известных в настоящий момент палеолитических местонахождений в бассейне р. Иртыша (в пределах равнины) не выходит за рамки сарганского криохрона. Возможно, с этого времени состояние ландшафтов позволяло палеолитическим группам совершать многокилометровые перемещения, во время которых транспортировались и сырье, и каменные орудия.

Иная картина наблюдается в Обь-Енисейском междуречье, где был дефицит качественного сырья. Малочисленность палеолитических памятников в восточной части Томского Приобья следует связывать,

вероятно, с недостаточной изученностью территории. Лишь в последние годы здесь обнаружено несколько местонахождений, в том числе и досартанского возраста. Особенность последних заключается в использовании его древними обитателями коренных выходов сырья – преимущественно кварцитовидных песчаников [Зенин, Лещинский, 2001]. Примечательно, что изделия одного из самых ранних палеолитических объектов Сибири – Мохово-1 в Кузнецкой котловине [Николаев, Маркин, 1990] выполнены из аналогичных пород.

Самым восточным в пределах равнины местонахождением на коренных выходах сырья является Большой Кемчуг [Вдовин, 1992; Зенин и др., 2000; Зенин, Коноваленко, 2001]. Здесь представлены объекты каменного века с разновременными материалами: предположительно от среднего палеолита до мезолита. Сырьем более древних индустрий служили исключительно коренные выходы пород юрского возраста – серия линз кремней, окремненных сидеритов и алевролитов. В более поздних индустриях к коренным породам добавляется разнообразное галечное сырье.

Местонахождения досартанского возраста

Как указывалось, наиболее ранние местонахождения на территории равнины (предположительно среднего палеолита) приурочены к коренным выходам горных пород. В бассейне р. Чулыма выявлено несколько археологических объектов, как стратифицированных (Воронино-Яя, Арышевское-1, 2), так и с поверхностным залеганием артефактов (Большой Улуй, Усть-Большой Улуй) [Зенин, Лещинский, 1998а, б]. Выявленные индустрии характеризуются средними и крупными размерами нуклеидных форм, орудий и массивностью сколов.

Среди указанных местонахождений наиболее полно представлена индустрия мастерской Арышевское-1. Первичное расщепление характеризуется радиальным, ортогональным, конвергентным и параллельным раскалыванием. В инвентаре представлены скребловидные, зубчатые и выемчатые формы. Отсутствуют или крайне малочисленны позднепалеолитические типы инструментов. Отмечены изделия с резцовыми сколами, с различного рода выступами, оформленными анкошами, ретушью и подтеской. Большая часть орудий выполнена на отщепках. Пластины малочисленны и, как правило, не имеют вторичной отделки. Важным является присутствие подтреугольных снятий. Вопрос о возрасте индустрий следует считать открытым. По гуминовым кислотам из погребенной почвы, содержащей редкие артефакты нижнего культурного слоя, получены ^{14}C -даты (СОАН-4178, СОАН-4179) – более 40 000 л.н. Уголь из верхнего

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянок Гари (I) и Черноозерье II (II)
(по: [Сериков, 2000; Петрин, 1986]).

культурного слоя имеет возраст $33\,630 \pm 995$ лет (СОАН-4180), но сохраняет вероятность омоложения за счет примеси молодого угля из вышележащей части отложений.

Близки к этой хронологической границе и материалы с местонахождения Воронино-Я, где малочисленные изделия из кварцитовидного песчаника сопровождалась фрагментами костей лося, шерстистого носорога и длиннохвостого суслика *Spermophilus undulatus* Pall. Исходя из условий залегания и сохранности остатков, предполагается их позднеплейстоценовый возраст. Из вышележащих отложений имеется ^{14}C -дата по кости – $28\,450 \pm 850$ л.н. (СОАН-3837).

В районе местонахождения Большой Кемчуг выделяются группы артефактов средней, слабой степени дефляции поверхности и недефлированные. Кроме того, все средне- и часть слабдефлированных предметов имеют глубокую патину. В ряде случаев на изделиях прослеживаются разновременные негативы сколов. Экзотичность используемого сырья

(окремненных сидеритов) позволила зафиксировать факты, свидетельствующие о транспортировке готовых орудий в северном и юго-западном направлениях от центра добычи сырья на расстояние до 220 км. Примером тому являются материалы палеолитического клада у с. Шестакова (р. Кия), изделия с Некрасовского местонахождения (р. Большой Кемчуг) [Зенин и др., 2000].

Большая часть указанных местонахождений находится в стадии предварительного изучения и не может быть охарактеризована детально. В настоящий момент какая-либо генетическая связь между этими индустриями и технокомплексами более позднего этапа не прослеживается. Несомненно важно то, что они свидетельствуют о значительно более раннем заселении Западно-Сибирской равнины, чем это предполагалось ранее.

Местонахождения сарганского возраста

Большинство известных палеолитических местонахождений Западно-Сибирской равнины относится к сарганскому криохронолу позднего неоплейстоцена. Ограничения по объему публикации позволяют нам кратко охарактеризовать лишь основные стоянки этого времени.

Луговское. Исследуется А.Ф. Павловым и Е.Н. Машенко [2001] как местонахождение остатков плейстоценовых млекопитающих. Расположено вблизи с. Луговского, в 30 км к западу от г. Ханты-Мансийска ($\sim 61^\circ 04'$ с.ш., $68^\circ 34'$ в.д.; абс. высота $\sim 20 - 25$ м). Костеносные отложения выявлены на гриве и вскрываются ручьем, пересекающим ее в поперечном направлении. Собрано более 3 тыс. костей крупных животных: мамонтов, шерстистых носорогов, лошадей, бизонов, северных оленей и волков. Количественно преобладают костные остатки мамонта (более 90%). Вместе с костями выявлено несколько отщепов и пластина неправильных очертаний с усеченным ретушью проксимальным концом. По кости мамонта получена дата $18\,250 \pm 1100$ л.н. (СОАН-3838) [Орлова, Кузьмин, Дементьев, в печати].

Гари. Местонахождение расположено на правом берегу р. Сосьвы вблизи пос. Гари на востоке Сверд-

ловской области (~ 59° 25' с.ш., 62° 23' в.д.; абс. высота ~ 75 м). Выявлены 348 экз. каменных изделий и кости со следами использования. Предполагается, что человек оставил следы своей деятельности при посещении естественного “кладбища” животных. Фауна представлена костями мамонта (преобладают), шерстистого носорога, медведя (?), лошади, сайги. В составе сырья преобладают южноуральские яшмы (65%). Инвентарь включает ядрища параллельного расщепления, отщепы, пластинки с ретушью, скребки и изделия с резцовыми сколами (рис. 2, I). Отмечается пластинчатая направленность индустрии (до 70% всех сколов). По костям мамонта получены даты: 15 150 ± 280 (СОАН-4462) и 16 320 ± 450 л.н. (СОАН-4461). В районе стоянки открыты еще несколько местонахождений фаунистических остатков с каменным инвентарем (Гари II, Рычково, Евалга) [Сериков, 2000]. Об их возрасте можно судить на основании ¹⁴C-дат, полученных по костям мамонтов из Рычкова – 17 810 ± 320 (СОАН-4463) и Евалги – 19 710 ± 205 л.н. (СОАН-4464) [Орлова, Кузьмин, Дементьев, в печати].

Шикаевка II. Стоянка расположена в правобережной части долины р. Тобола (~ 56° 00' с.ш., 65° 55' в.д.; абс. высота ~ 75 м). Обнаружены два почти полных скелета мамонтов, единичные кости волка, сайги, северного оленя (?), зайца. Каменный инвентарь представлен 35 изделиями из уральской яшмы, в числе которых орудия на пластинах и пластины со следами использования (рис. 3, III). Выделяется группа орудий в виде “геометрических” изделий. Местонахождение определяется как кратковременная стоянка на месте разделки туш мамонтов [Петрин, 1986]. На основании стратиграфии и спорово-пыльцевого анализа возраст отложений с культурными остатками оценивался в пределах 13 – 11 тыс. лет [Цейтлин, 1979]. Позднее была получена дата по кости мамонта – 18 050 ± 95 л.н. (СОАН-2211).

Новый Тартас и Венгерovo-5. Местонахождения расположены на участке правобережной II (?) террасы р. Тартаса (~ 55° 40' с.ш., 76° 42' в.д.). Поверхность террасы (абс. высота ~ 100 м) осложнена гривными формами рельефа, характерными для Барабинской рав-

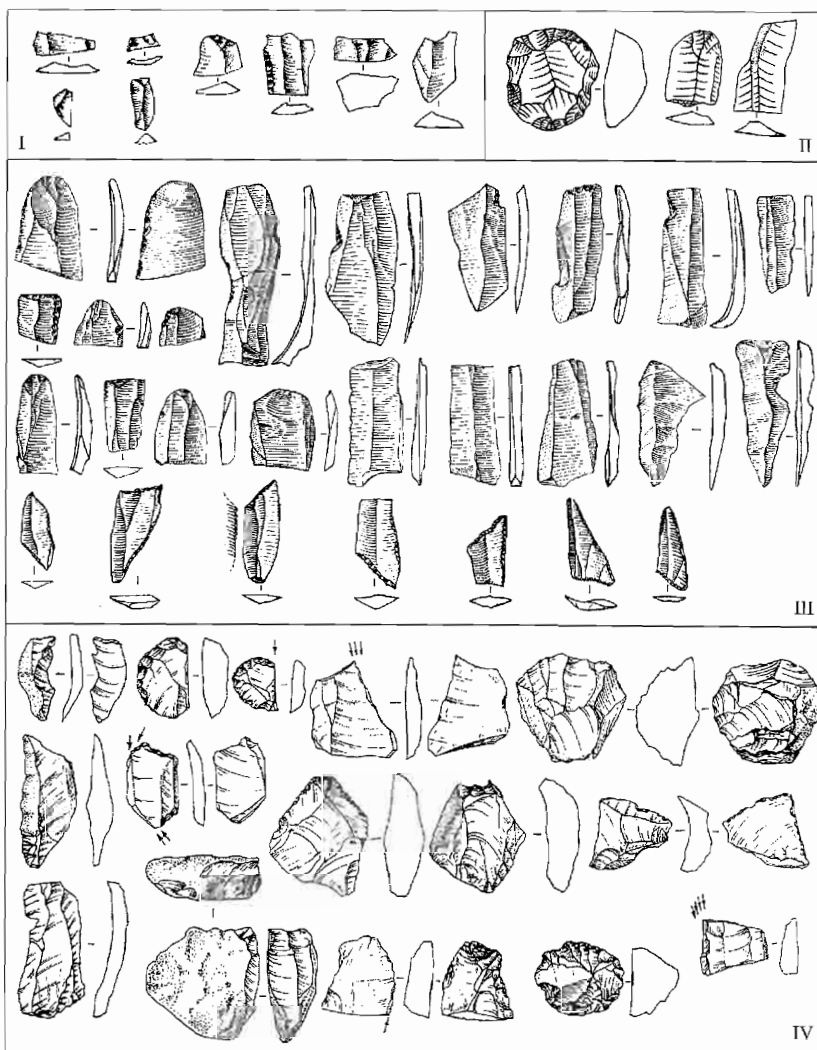

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянок Новый Тартас (I), Венгерovo-5 (II), Шикаевка II (III), Троицкая I (IV) (рисунки по материалам А.П. Окладникова, В.И. Молодина, В.Т. Петрина, В.Н. Широкова и др.).

нины. К ним приурочены палеозоологические находки и редкие изделия из камня (рис. 3, I, II), свидетельствующие о пластинчатой направленности индустрий. Возраст местонахождений оценивается по фаунистическим материалам и аналогиям со стоянками Черноозерье II и Волчья Грива в рамках сартанского времени [Окладников, Молодин, 1983].

Черноозерье II. Местонахождение расположено на левобережной террасе р. Иртыша (~ 55° 45' с.ш., 73° 57' в.д.). Поверхность террасы (~ 11 – 12 м от уреза реки, абс. высота ~ 80 м) осложнена дюнами, возвышающимися над ней на 1 – 2 м. В теле одной из дюн обнаружены три культурных горизонта эпохи палеолита [Генинг, Петрин, 1985]. Расчищены остатки различных комплексов жилищного, бытового и хозяйственного характера. В составе фауны отмечены лось, бизон (преобладает), лошадь, сайга, бобр, лисица, россомаха, заяц. Грызуны представлены степной

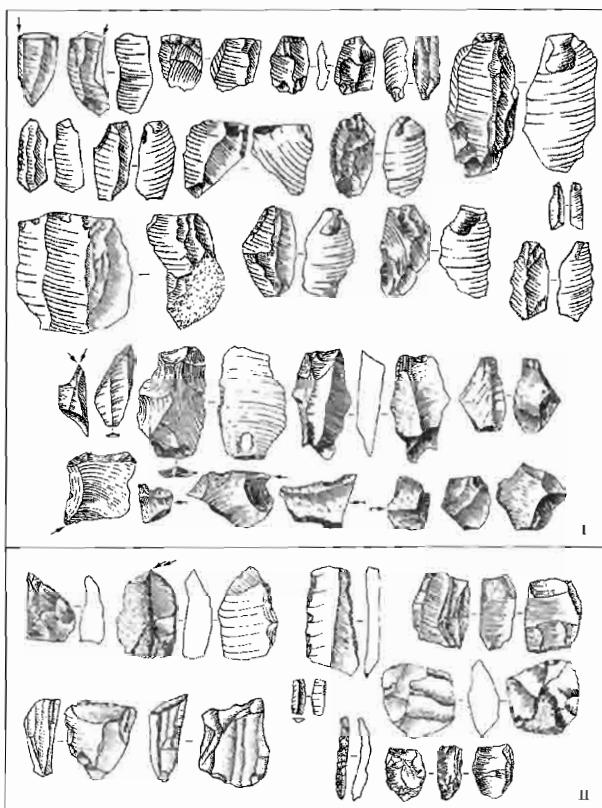

Рис. 4. Каменный инвентарь Томской стоянки (I) и Могочино I (II) (рисунки по материалам Н.Ф. Кашенко, З.А. Абрамовой, В.И. Матющенко, В.Н. Зенина, В.Т. Петрина).

пищухой и пеструшкой, узкочерепной полевкой. Упомянуты остатки птиц и ихтиофауны. Отмечено использование костей в качестве топлива. Каменный инвентарь (более 3 000 экз.) представлен призматическими нуклеусами, пластинками и их фрагментами, отщепами, разнотипными орудиями. Выразительны пластинки с ретушью краев, вкладыши шириной от 3 до 6 мм, резцы, скребки высокой формы (см. рис. 2, II). Отсутствуют скребла, редки орудия из галек. Основным сырьем являлись кремнистые и яшмовидные породы, кварциты. Очень выразителен костяной инвентарь (34 экз.): вкладышевые кинжалы и ножи, украшения, обломки костяных поделок. Многие изделия орнаментированы. По условиям залегания С.М. Цейтлин датировал культурные горизонты позднесартанским потеплением (12,0 – 10,8 тыс. л.н.). По его мнению, дата $14\,500 \pm 500$ л.н. (ГИН-622), полученная по угольному образцу из второго культурного горизонта, представляется удревленной [Цейтлин, 1979].

Могочино I. Стоянка находится на левом берегу р. Оби, примерно в 17 км ниже по течению от устья Чулыма ($\sim 57^\circ 40'$ с.ш., $83^\circ 35'$ в.д.; абс. высота $\sim 70 - 80$ м). Рельеф места расположения стоянки осложнен оползнями. Остатки выявленной фауны принадлежат

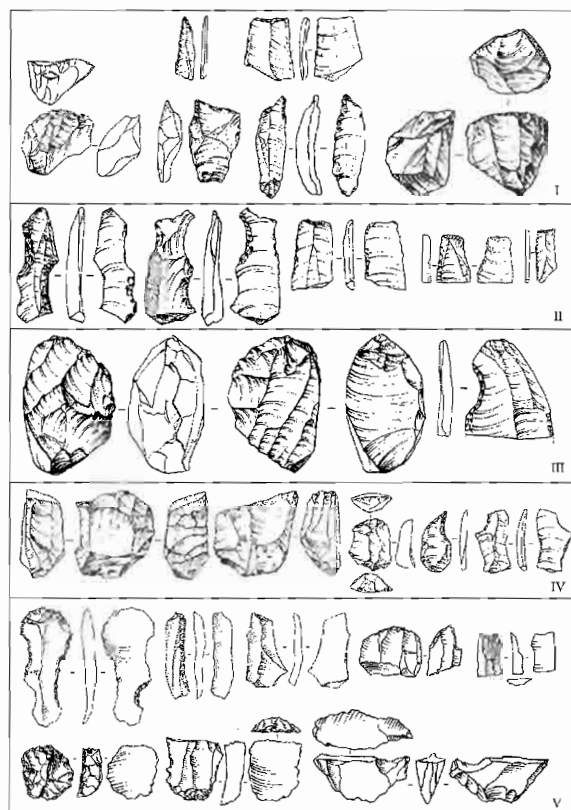

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянок Лиственка (I), Волчи-ха (II), Малый Ижуй III (III), Усть-Ижуй II (IV), Ачинская (V) (рисунки по материалам В.Н. Зенина, Е.В. Акимовой, В.Е. Ларичева).

мамонту, лошади, северному оленю, шерстистому носорогу, бизону, лисице и песцу. Из раскопок получено 1 348 изделий из камня (рис. 4, II). Нуклеусы представлены дисковидными, плоскими, торцовыми типами, включая микронуклеусы, близкие к клиновидным. Среди орудий выделены скребковидные изделия из осколков и отщепов, скребки, долотовидные изделия. Резцы и пластинки с ретушью малочисленны. По мнению В.Т. Петрина, наблюдается определенное сходство инвентаря с материалами афонтовской культуры Енисея. Это обстоятельство повлияло на его оценку возраста местонахождения в пределах 17 – 16 тыс. лет, несмотря на наличие костей носорога и дату по кости мамонта $20\,150 \pm 240$ л.н. (СОАН-1513) [Петрин, 1986].

Томская стоянка. Открыта и исследовалась профессором зоологии Томского университета Н.Ф. Кашенко в 1896 г. Она располагалась в черте г. Томска на правом берегу р. Томи ($\sim 56^\circ 27'$ с.ш., $84^\circ 59'$ в.д., абс. высота $\sim 110 - 115$ м), возвышающемся на 40 – 42 м над урезом реки. В 3,5 м от поверхности выявлены кости одной особи мамонта и около 200 каменных изделий [Кашенко, 1901]. Они размещались в лессовидных суглинках, подстилаемых пес-

Рис. 6. Вид на обнажение яра в районе стоянки Шестаково.

чано-галечными отложениями. Прослежены следы термического покраснения поверхности, на которой лежали кости, скопления древесного и костного угля. Инвентарь (140 экз.) описан З.А. Абрамовой и В.И. Матющенко [1973]. В 2000 г. сохранившаяся коллекция составила 101 изделие из камня и скребловидное орудие на отщепе из трубчатой кости. О пластинчатой направленности индустрии можно судить по серии пластинок с ретушью краев, фрагментам пластинок и нуклеусу с параллельной системой расщепления (рис. 4, I). Отмечены изделия с резцовыми сколами, долотовидные орудия, изделия с ретушированными выемками, отщепы с мелкой краевой ретушью. По составу сырья, размерности и основным типам орудий прослеживаются устойчивые аналогии с индустриями стоянки Шестаково. По углю получена дата $18\,300 \pm 1\,000$ л.н. (ГИН-2100).

Ачинская стоянка. Расположена в 2 км к востоку от г. Ачинска ($\sim 56^{\circ} 16' \text{ с.ш.}, 90^{\circ} 29' \text{ в.д.}$; абс. высота ~ 270 м). Стоянка открыта в 1960 г. геологом Г.А. Авраменко, исследовалась в 1963 – 1964 гг. им и В.И. Матющенко, а в 1972 г. – В.Е. Ларичевым [Авраменко, 1963; Ларичев, Арустамян, 1987; Аникович, 1976]. Культурный слой мощностью 2 – 12 см сопровождался кострищами с костной золой и фрагментами бурого угля. Выявлены кости мамонта, лошади, сайги, волка, песца и птиц. В инвентаре (рис. 5, V) отмечены одно- и двухплощадочные нуклеусы, дисковидные, конусовидные и торцовые. Многоплощадочные ядрища редки. Часть торцовых экземпляров близка к клиновидным нуклеусам. Характерна максимальная истощенность нуклевидных форм. Среди орудий преобладают выполненные на пластинах. Многочисленны изделия с ретушированными выемками, а также зубчатые. Разнообразны скребки, в числе которых выделяются двойные и высокой формы. Отмечены скребла, долотовидные орудия, изделия

Рис. 7. Вид на место раскопок стоянки Шестаково в устьевой части балки.

с двусторонней обработкой поверхностей, орудия с выделенным острием, а также с резцовыми сколами. Средние размеры изделий с Ачинской стоянки несколько больше в сравнении с индустриями Шестакова. Выявлены предметы из кости: обломки стержней со следами глубоких царапин, жезл с точечным орнаментом. Точный возраст Ачинской стоянки не установлен. По мнению большинства исследователей, хронологические рамки существования индустрии оцениваются раннесартанским временем [Абрамова, 1989; Васильев, 1996; Лисицын, 2000].

Шестаково. Местонахождение расположено в юго-восточной части ($55^{\circ} 54' 30,8'' \text{ с.ш.}, 87^{\circ} 57' 07,0'' \text{ в.д.}$) Западно-Сибирской равнины. Оно приурочено к яру на правом берегу р. Кии (левый приток р. Чулыма). Яр сложен осадочными меловыми породами, на которых со стратиграфическим несогласием залегают лессовидные суглинки верхнего неоплейстоцена (рис. 6). На участке правого борта балки, разрезающей обнажение яра на две части (рис. 7), покровные отложения вскрыты раскопами общей площадью 680 м². В сводном разрезе Шестаковского яра в отложениях неоплейстоцена и голоцена выделено 13 слоев, которым соответствуют 25 “стратиграфических уровней” (подробнее см.: [Деревянко и др., 2000]). С нижней частью разреза связаны многочисленные остатки мамонтовой фауны и культурные горизонты раннесартанского времени (рис. 8).

Культурный горизонт 8 выявлен в лессовидных отложениях стратиграфического уровня 24. Для слоя получены ¹⁴C-даты: по кости лошади – $24\,590 \pm 110$ (GrA-13239) и кости мамонта – $25\,660 \pm 200$ л.н. (GrA-13238). Инвентарь представлен мелким одноплощадочным односторонним нуклеусом (рис. 9, I) и двугранной пластинкой с притупленным краем (рис. 10, I).

Культурный горизонт 7А выявлен в лессовидных отложениях стратиграфического уровня 22. По костям мамонта получены ¹⁴C-даты: $22\,240 \pm 185$ (СОАН-3612), $22\,290 \pm 125$ (СОАН-1380), $22\,500 \pm 280$ (СОАН-4177),

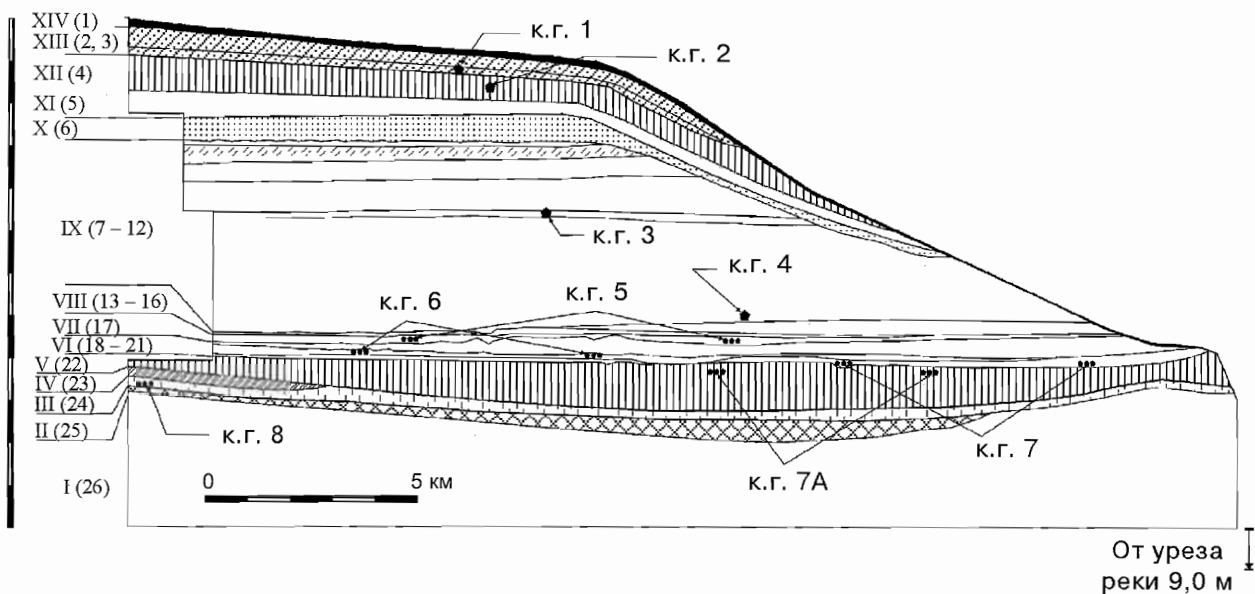

Рис. 8. Стратиграфический разрез отложений неоплейстоцена стоянки Шестаково и расположение культурных горизонтов (к.г.).

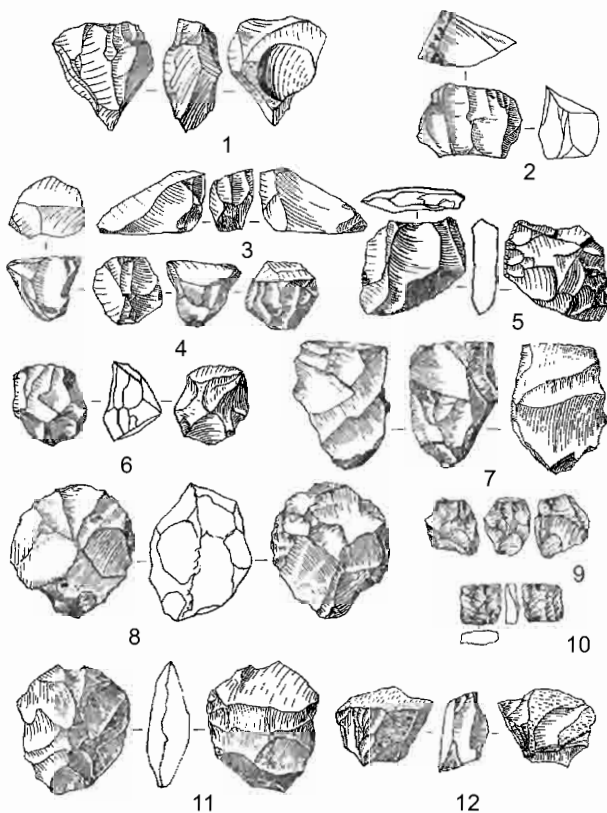

Рис. 9. Каменный инвентарь стоянки Шестаково. 1 – культурный горизонт 8; 2, 9, 10 – 7 и 7A; 3 – 8, 11 – 6; 12 – 5.

22 750 ± 160 (GrA-15880), 22 990 ± 170 (COAH-1386), 23 330 ± 110 л.н. (GrA-13235). Кровля слоя частично размыва и переотложена в понижения микрорельефа

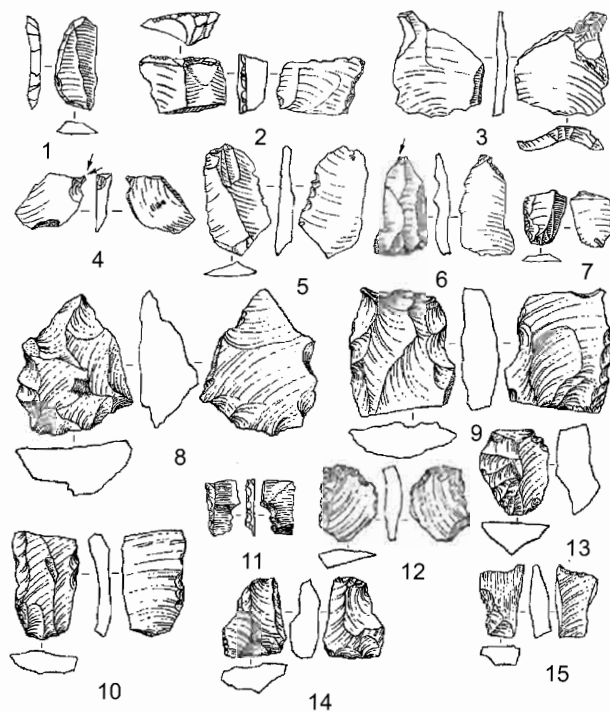

Рис. 10. Каменный инвентарь из культурных горизонтов 8 (1) и 7, 7A (2 – 15) стоянки Шестаково.

в виде делювиальных грубозернистых отложений (уровень 21), которые датированы по кости мамонта – 21 300 ± 420 л.н. (COAH-3611). С этими отложения-

ми связаны материалы **культурного горизонта 7**. Общая коллекция каменных изделий из культурных горизонтов 7 и 7А состоит из 233 экз., включая чешуйки и осколки (70 экз.).

Группу нуклевидных изделий (8 экз.) составляют нуклеусы и обломки. *Нуклеусы* (5 экз.) представлены односторонним ядрищем для получения мелких пластинок (рис. 9, 2), плоским двухплощадочным бифронтальным нуклеусом (рис. 9, 10), многоплощадочным с радиальной и ортогональной системой расщепления (рис. 9, 9), торцовыми разновидностями. Среди последних выделяется нуклеус, близкий к клиновидным, у которого киль подправлен односторонней крутой ретушью. Подобный прием оформления торцовых нуклеусов с клиновидной морфологией отмечен в ранних верхнепалеолитических комплексах Алтая (рис. 11, IV) [Деревянко, Шуньков, 2002, рис. 11, 4, 5]. *Сколы* представлены отщепами (55 экз.), техническими (9 экз.) и пластинчатыми (37 экз.) сколами. Средняя величина отщепов и пластин не превышает 40 мм, ширина пластинчатых сколов 16 мм. Единичны мелкие пластинки и микропластинки.

Орудийный набор – 54 экз. (23%). Размер орудий не превышает 40 мм. Наиболее многочисленная группа – разнообразные шиповидные изделия (21 экз.). Ведущим признаком данной категории изделий является намеренное выделение различными видами отделки (ретушь, выемки, рассечение, резцовый скол, подтеска) выступа или угла заготовки (рис. 10, 3, 6, 9). Из трех скребков два высокой формы (рис. 10, 2) и один боковой (рис. 10, 13). Резцы (2 экз.) представлены угловыми разновидностями (рис. 10, 4). Вогнутые лезвия выемчатых орудий (6 экз.) оформлены упорядоченной ретушью (рис. 10, 11, 15), а лезвия зубчатых орудий (5 экз.) – разнофасеточной неровной (рис. 10, 8, 12). На ретушированных пластинках (8 экз.) наблюдается несколько видов ретуши: мелкая краевая со стороны спинки (рис. 10, 7) и на вентральной стороне, зубчатая с вентральной стороны (рис. 10, 5) и попеременная (рис. 10, 10). В оформлении ретушированных отщепов (5 экз.) отмечены мелкая краевая, зубчатая и двухрядная ретушь. Единичное долотовидное орудие имеет двустороннюю подтеску лезвия (рис. 10, 14). Все галечные орудия (3 экз.) использовались в качестве отбойников. Доля пластинчатых основ в орудийном наборе превышает 30%.

Дополняют коллекцию выразительные изделия из кости: фрагменты наконечников, поделки со следами резки и остистый отросток позвонка мамонта с естественным отверстием и сетчатым прочерченным орнаментом.

Культурный горизонт 6 выявлен в лессовидных отложениях стратиграфического уровня 19. О возрасте отложений можно судить на основании серии

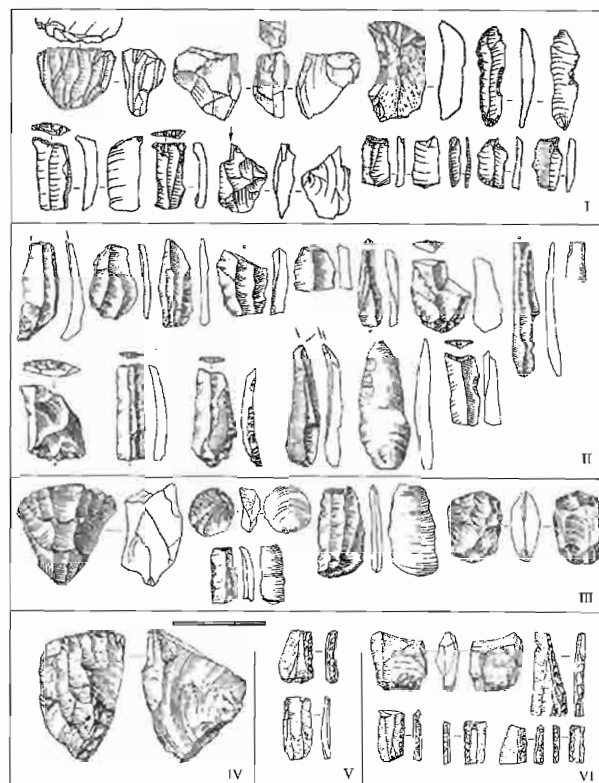

Рис. 11. Каменный инвентарь со стоянок Талицкого (I), Постников Овраг (II), Мальта (III), Усть-Каракол-1 (IV), Ануй-2 (V), из Денисовой пещеры (VI).

^{14}C -дат: по костям северного оленя и лошади – $20\,360 \pm 210$ (COAH-3608); по костям мамонта – $20\,480 \pm 180$ (COAH-3607), $22\,340 \pm 170/180$ (GrA-13240); по горелой кости – $20\,770 \pm 560$ (COAH-3218), $24\,360 \pm 150$ л.н. (GrA-10935); по древесному углю – $20\,800 \pm 450$ (COAH-3606), $23\,250 \pm 110$ (GrA-13233), $23\,290 \pm 200$ л.н. (AA-35322).

Коллекция каменных изделий состоит из 2 718 экз., включая осколки и чешуйки (1 449 экз.). Группу нуклевидных изделий (103 экз.) составляют нуклеусы и обломки. *Нуклеусов* 44 экз. Их величина не превышает 50 мм. Преобладают остаточные формы ядрищ, предназначенных для получения мелких отщепов и пластинок. Широко представлены одноплощадочные нуклеусы. Снятия мелких пластинок производились с широкой плоскости заготовки (рис. 9, 6). Примечательно ядрище, сохраняющее на тыльной стороне негативы плоских снятий предшествующего этапа расщепления (рис. 9, 5). Присутствуют плоские микроядрища, торцовые (рис. 9, 3, 7) и торцово-конусовидные варианты нуклеусов (рис. 9, 4). В группе изделий с двумя площадками выделяются односторон-

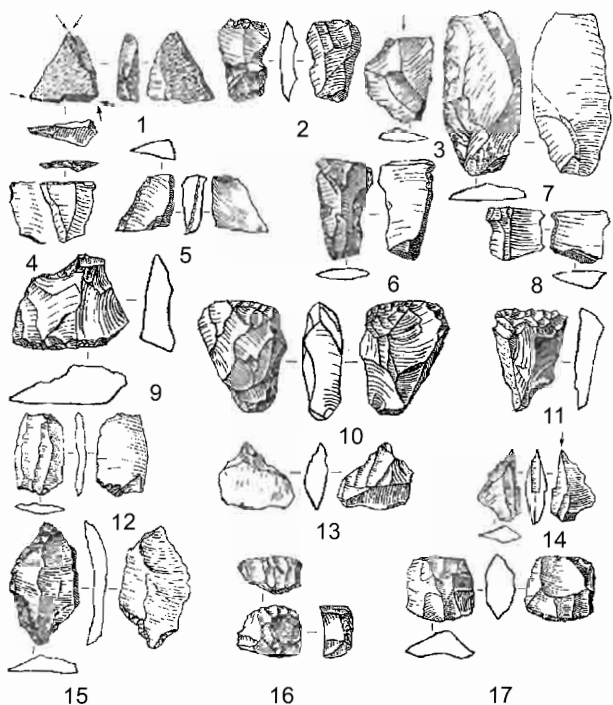

Рис. 12. Каменный инвентарь из культурного горизонта 6 стоянки Шестаково.

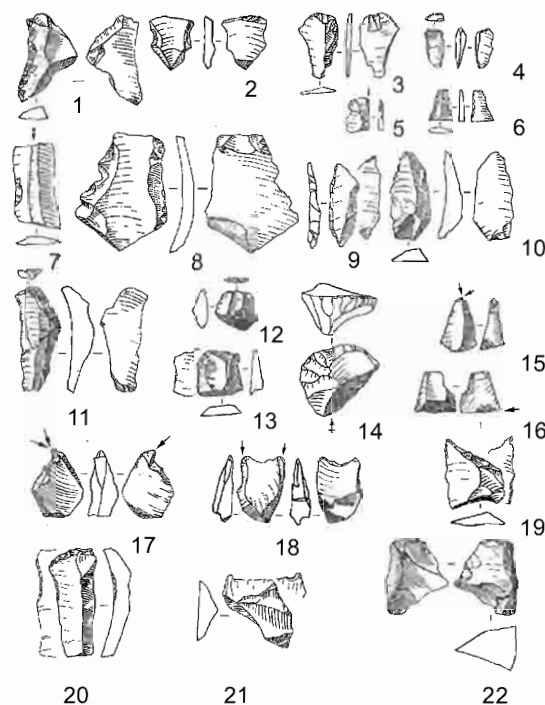

Рис. 13. Каменный инвентарь из культурного горизонта 6 стоянки Шестаково.

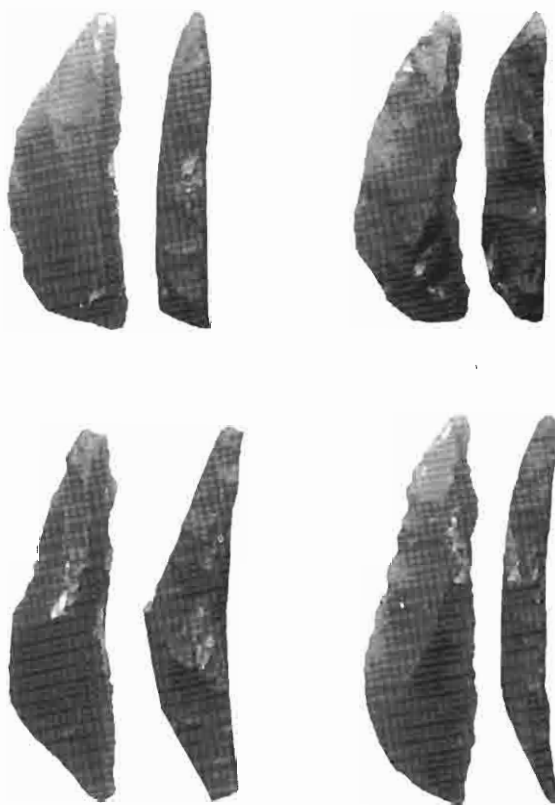

Рис. 14. Сегментовидные микроострия из культурного горизонта 6 стоянки Шестаково.

ние нуклеусы с негативами встречных снятий. Двусторонние ядрища представлены в двух вариантах: с противоположащей направленностью снятий и с продольно-поперечными снятиями. Примечательно ядрище, у которого скалывание производилось с двух широких поверхностей от “ребра”. Среди многоплощадочных ядрищ выделяются изделия с “дисковидной” морфологией (рис. 9, 8, 11). Сколы представлены техническими (32 экз.) и пластинчатыми (237 экз.), а также отщепами (445 экз.). Средняя величина отщепов и пластин не превышает 30 мм, ширина пластинчатых сколов 13 мм.

Орудийный набор – 452 экз. (16%). Многочисленные шиповидные орудия – 149 экз. Выделяются одиночные (однолезвийные) изделия (рис. 12, 13, 14; 13, 9, 17, 19, 21, 22) и сложные (два и более лезвий) орудия (рис. 12, 15; 13, 18). Среди скребков (33 экз.) преобладают концевые с прямым и выпуклым краем (рис. 13, 11 – 13, 20) – 10 экз. Присутствуют короткие образцы высокой формы (рис. 12, 16; 13, 14) и со скошенным лезвием. Единичны боковой скребок, стрелчатый и с узким лезвием на углу скола. Резцы (10 экз.) представлены атипичными образцами с резцовыми сколами (рис. 12, 1; 13, 5, 15). Выемчатых орудий 41 экз. Выделяются орудия с одним (рис. 12, 3, 6, 9; 13, 1) и двумя ретушированными анкошами. Присутствуют оригинальные комбинированные формы изделий (рис. 13, 2, 16). Зубчатые орудия (25 экз.) оформлены мелкой и средней зубчатой краевой отделкой

(рис. 12, 11; 13, 8). Долотовидные орудия (20 экз.) представлены различными вариантами с двусторонней подтеской лезвия (рис. 12, 2, 10, 12, 17). Примечательно изделие в виде миниатюрной стамески (рис. 13, 3). Очень выразительна группа оригинальных сегментовидных микроострий (49 экз.) с притупленным краем (рис. 14). Предполагается их использование в качестве составных орудий. Ретушированных пластинок 48 экз. Большинство из них (30 экз.) фрагментировано. Выделены две условные группы: средние (ширина от 13 до 23 мм) и мелкие (ширина от 6 до 10 мм). В первой группе (37 экз.) преобладает мелкая краевая ретушь со стороны спинки (рис. 12, 5, 7), реже встречается мелкая зубчатая (рис. 13, 10) и плоская (рис. 13, 7). В единичных вариантах отмечена вентральная ретушь продольного края (рис. 12, 8) и вертикальная на плоскости поперечного рассечения пластинки (рис. 12, 4). Есть пластинка с диагональным рассечением, оформленная противоположающей ретушью, формирующей прямой и вогнутый рабочие края. Особо следует отметить две пластинки, у которых краевая ретушь наносилась со стороны спинки на месте ударной площадки. В результате образовывалось слабовогнутое короткое лезвие. Другая группа (11 экз.) представлена микроинвентарем. Выделены образцы с притупленными одним и двумя продольными краями, с противоположащими притупленными краями (рис. 13, 6), с приостренным ретушью продольным и притупленным поперечным краем (рис. 13, 4). Ретушированных отщепов 72 экз. Средние размеры изделий варьируют от 10 до 25 мм. Применялась мелкая краевая, плоская, “пильчатая” и вертикальная ретушь. Галечные орудия представлены отбойниками (5 экз.). Поделок из кости немного. Это фрагменты иголок и антропоморфная фигурка.

Культурный горизонт 5 выявлен в лессовидных отложениях стратиграфического уровня 17. По костям мамонта получены ^{14}C -даты: $18\,040 \pm 175$ (СОАН-3610), $19\,190 \pm 310$ (СОАН-3609), $21\,560 \pm 100$ л.н. (GrA-13234).

Коллекция каменных изделий насчитывает 440 экз., включая осколки и чешуйки (204 экз.). Нуклевидные изделия (11 экз.) представлены нуклеусами и обломками. Среди нуклеусов (5 экз.) выделены одноплощадочный односторонний начальной стадии расщепления для получения мелких пластинок, аморфный и три ядрища с торцовыми снятиями пластинок (рис. 9, 12). У одного из ядрищ рабочая поверхность намечена на треугольном торце плоскости рассечения первичного отщепа. Участок кия подправлен односторонней крутой чешуйчатой ретушью.

Сколы представлены отщепами (91 экз.), техническими (6 экз.) и пластинчатыми (27 экз.) сколами. Средняя величина отщепов и пластинок не превышает 25 мм, ширина пластинчатых сколов 15 мм.

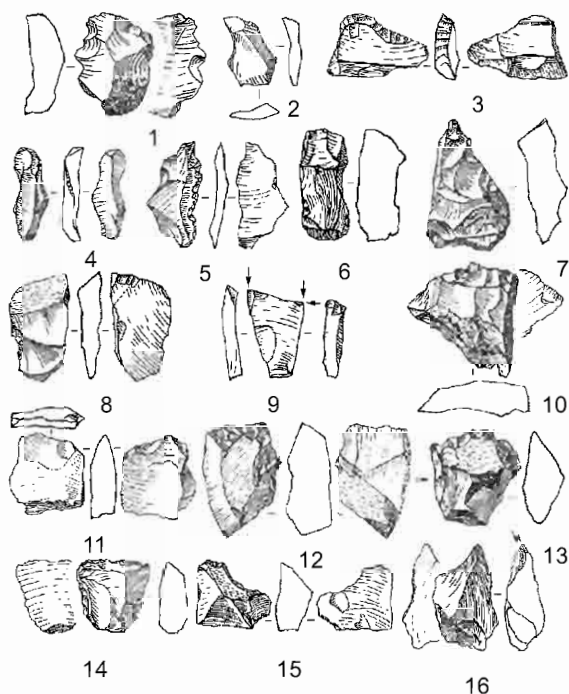

Рис. 15. Каменный инвентарь из культурного горизонта 5 стоянки Шестаково.

Орудийный набор – 101 экз. (23%). Многочисленны шиповидные орудия – 53 экз. Все они одинарные (рис. 15, 2, 7, 8, 10, 16). Скребок 9 экз. В их числе образцы с прямым лезвием (рис. 15, 12), концевой (рис. 15, 14) и боковой скребки на отщепе, скребок высокой формы на массивном осколке (рис. 15, 6) и три изделия с узким лезвием, подчеркнутым с одного края клетонской (рис. 15, 15) или ретушированной (рис. 15, 3) выемкой. Резцы (2 экз.) выполнены на угловатых намеренно рассеченных сколах (рис. 15, 9). Представительны серии зубчатых орудий (10 экз.) (рис. 15, 1, 5, 13) и выемчатых (8 экз.) с вогнутым краем, оформленным краевой ретушью (рис. 15, 4). Долотовидные орудия (4 экз.) однолезвийные, мелкие (рис. 15, 11). Малочисленны ретушированные пластинки (4 экз.). Все они фрагментированы. Средняя ширина пластинок 13 мм. Применялась преимущественно мелкая краевая ретушь. Ретушированных отщепов 10 экз. Галечное орудие представлено единственным отбойником.

Волчья Грива. Местонахождение расположено в восточной части Барабинской степи (координаты: $54^{\circ} 40' 21,6''$ с.ш., $80^{\circ} 20' 36,0''$ в.д.), где широко распространен грядовый и бугристый рельеф в виде “грив” и отчетливо выделяются обширные понижения – “займища”. Протяженность гривы составляет около 8 км, ширина от 1,0 до 0,5 км, относительная высота над поверхностью Суминского займища до 10 м (абс. высота 149 м). Скопления костей

Рис. 16. Скопление костей мамонтов в нижнем костеносном горизонте стоянки Волчья Грива (раскоп № 1 1991 г., сектор В).

Рис. 17. Расчистка скоплений костей мамонтов в нижнем костеносном горизонте стоянки Волчья Грива (раскоп № 2 1991 г.).

мамонтовой фауны и изделия из камня выявлены в северо-восточной оконечности гривы.

С момента открытия (1957 г.) это одно из крупнейших в мире «инситу» местонахождение остатков *Mammuthus primigenius* Blum. многократно исследовалось геологами, палеонтологами и археологами

[Полунин, 1961; Алексеева, Волков, 1969; Окладников и др., 1971; Окладников, Молодин, 1978; Цейтлин, 1979; Алексеева, 1980; Орлова и др., 2000]. Раскопки выявили значительные скопления костей мамонтов (~ от 50 особей), отдельные кости бизона, лошади и волка. Среди костных остатков обнаружались редкие изделия из камня, что указывало на взаимосвязь скоплений с деятельностью человека. Разрезы отложений гривы описывали геологи Г.В. Полунин, И.А. Волков, С.М. Цейтлин, С.В. Лещинский. Изначально время образования тафоценоза оценивалось ([Алексеев, Волков, 1969; Цейтлин, 1979]) в границах финала плейстоцена – 10 – 12 тыс. л.н. Этому определению противоречили даты, полученные по кости мамонта: $13\,600 \pm 230$ (СОАН-111), $14\,200 \pm 150$ (СОАН-78), $14\,800 \pm 150$ л.н. (СОАН-111А). Огромные скопления костных остатков на значительной площади (не менее $20\,000\text{ м}^2$) вызвали появление многочисленных реконструкций и предположений, касающихся условий и причин их образования [Окладников и др., 1971; Алексеева, Верещагин, 1970; Петрин, 1986].

В 1991 г. на площади 163 м^2 были расчищены более 2 000 костей мамонтов, как разрозненных, так и в анатомическом порядке, кости лошади и бизона (рис. 16, 17). Прослежены два костеносных горизонта, соприкасающихся между собой на отдельных участках. Лучшая сохранность костей отмечена для нижнего горизонта, где несколько десятков костей мамонта (в основном ребра) выделялись среди прочих темно-красным цветом поверхности. Их сопровождали мелкие комочки красноватой глинистой породы. Средняя мощность костеносного слоя составляет 0,5 м. Несмотря на присутствие в нижнем костеносном горизонте следов деятельности древнего населения, получить однозначные свидетельства о причинах образования скоплений костей ископаемых животных в тот момент не представлялось возможным.

Стратиграфические наблюдения последних лет, результаты геохимического и спорово-пыльцевого исследования, камеральная обработка фаунистических материалов и серия новых ^{14}C -дат существенно увеличили объем научной информации о местонахождении. Его формирование происходило на месте зверового солонца содово-сульфатного типа относительно длительное время с возможными перерывами. О разновременности отложений костеносных горизонтов свидетельствуют ^{14}C -даты, полученные по костям мамонтов: $11\,090 \pm 120$ (СОАН-4291), $12\,520 \pm 150$ (СОАН-4293), $14\,280 \pm 285$ л.н. (СОАН-4292) [Орлова и др., 2000], $17\,800 \pm 100$ л.н. (ГИН-11463) [Stuart et al., 2002]. Представленные результаты позволяют обозначить несколько предварительных выводов:

1. Отложения большей части гривы имеют явно аквальный генезис. Ископаемые остатки нижнего ко-

стеносного уровня в основном залегают на отложениях с косо-волнистой горизонтальной и реже косой слойчатостью, типичных для слабoproточных водоемов.

2. Первый период обитания фауны можно соотнести с осушением территории, второй – с промежутком в лессообразовании.

3. Кости животных на местонахождении Волчья Грива массово накапливались, вероятно, во вторую половину сартанского криохрона, в интервале 18 – 11 тыс. л.н.

4. Следы жизнедеятельности древнего человека предполагают кратковременный характер его посещений уже после начала формирования нижнего костеносного горизонта и не охватывают весь период образования местонахождения остатков ископаемых млекопитающих.

За годы раскопок обнаружено 37 каменных изделий. Два отщепа и мелкая галька с негативами укороченных однонаправленных снятий происходят из раскопа 1968 г. Для последнего изделия характерны отчетливые следы окатанности (?) негативов сколов. В раскопе 1975 г. выявлены четыре фрагмента пластинок (рис. 18, 14 – 17). Более многочисленную коллекцию (30 экз.) составляют находки 1991 г.

В качестве сырья преимущественно использовались кремнистые породы черного и серо-зеленого цвета. Апплицирующиеся пластины выполнены из пятнистой черно-серой породы. Единичны изделия из зеленой, серой породы и темно-коричневой яшмы. В коллекции отсутствуют нуклевидные формы. Фрагменты пластинок (рис. 18, 2, 5, 9) представлены двух- и трехгранными образцами. Их ширина варьирует от 10 до 19 мм. Огранка спинки продольная, лишь в одном случае – бипродольная (см. рис. 18, 2). Все микропластинки двугранные, представлены обломками шириной от 3 до 7 мм. Мелкий отщеп с бипродольной огранкой спинки и срединно-выпуклой двугранной площадкой по параметрам близок к пластинчатым сколам (рис. 18, 12). Выделяется отщеп овальных очертаний с краевой ретушью на выпуклом участке продольного края (рис. 18, 8). Огранка спинки бипродольная. Разнообразны изделия из пластин.

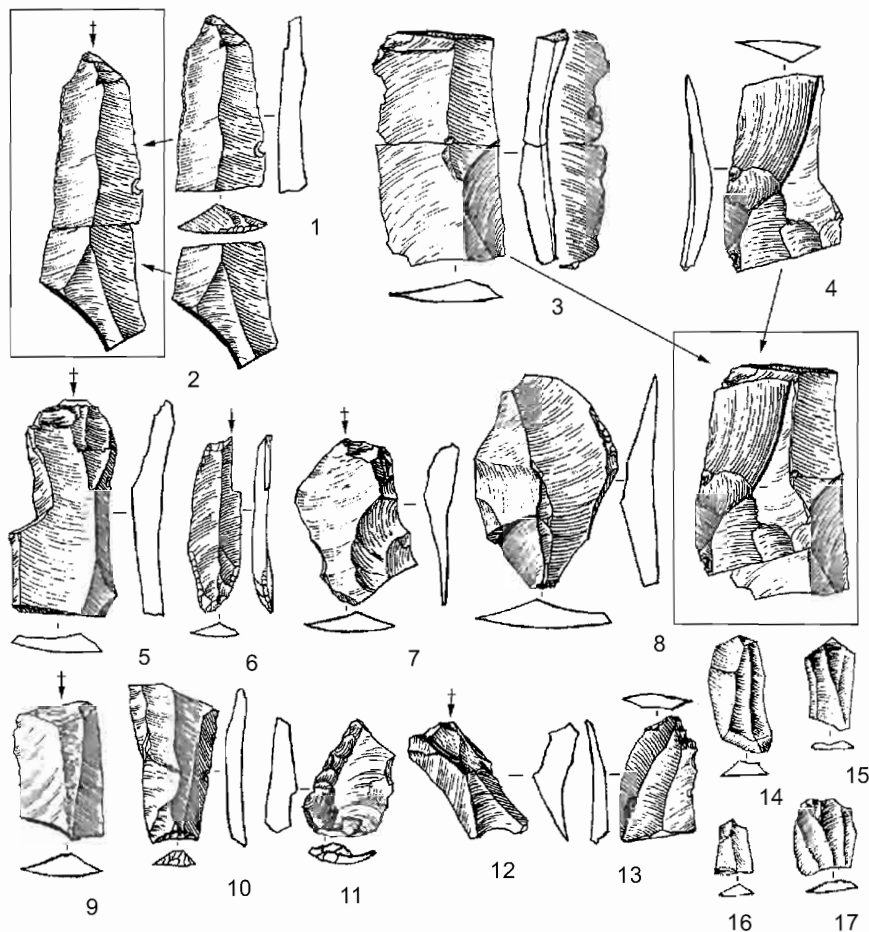

Рис. 18. Каменный инвентарь стоянки Волчья Грива.

Орудие на сломанной пластине (рис. 18, 1) апплицируется с фрагментом без следов вторичной отделки (см. рис. 18, 2). Продольный край изделия несет следы очень мелкой лицевой ретуши. Поперечная плоскость раскалывания пластины частично подправлена вертикальной ретушью. Ударная площадка срезана диагональным снятием (резец?). Фрагмент укороченного пластинчатого скола оформлен крутой ретушью по одному краю со стороны спинки. Извилистые очертания лезвия заданы разнофасеточной ретушью (рис. 18, 11). Аналогичной ретушью подправлен отщеп с обломанным дистальным краем (рис. 18, 7). Зубчатой краевой отделкой оформлен дистальный край фрагментированной пластинки (рис. 18, 13). К числу оригинальных относится изделие из фрагмента пластинки (рис. 18, 10). По продольному краю фиксируется иррегулярная ретушь утилизации. Ударная площадка преобразована крутой упорядоченной ретушью, оформляющей слегка вогнутое лезвие. Подобный прием оформления лезвия на проксимальном крае пластинок достаточно распространен на ряде стоянок Сибири: Мальте (см. рис. 11, III), Ачинской (см. рис. 5, V) и др. Пластинчатые снятия с краевой

ретушью со стороны брюшка представлены апплицирующимися изделиями (рис. 18, 3, 4). Негативы снятий на спинках сколов свидетельствуют о применении бипродольной огранки с боковой подработкой поверхности расщепления. Боковой резец (рис. 18, 6) выполнен на узкой пластинке, подправленной ретушью. Усеченный крутой ретушью дистальный край является площадкой для резцового скола и имеет вогнутые очертания. Противоположный конец изделия заужен в процессе подправки краевой ретушью. К микроинвентарю можно отнести изогнутую двугранную микропластинку, у которой одна грань полностью занята вертикальной притупливающей ретушью. Другой образец представлен остроконечным фрагментом двугранной микропластинки с притупленным краем. Противоположный край конвергентный притупленному, частично приострен ретушью. Можно допустить, что данный образец является фрагментом микроострия, близкого по морфологии подобным изделиям со стоянок Шестаково, Мальта и некоторых других. Несмотря на малочисленность, каменный инвентарь Волчьей Гривы представлен выразительной серией изделий, морфология которых позволяет проводить аналогии с мелкопластинчатыми индустриями раннесартанского времени.

Обсуждение

Основной массив палеолитических местонахождений Западно-Сибирской равнины относится к сартанскому времени. Представлены они довольно ограниченным списком, различаются условиями залегания и геоморфологическим положением, численностью и качественным составом коллекций вещественных материалов. Местонахождения не образуют территориальных группировок, отстоят друг от друга порой на сотни километров и, судя по стратиграфической позиции и радиоуглеродным датам, находятся в широком хронологическом диапазоне. Другим существенным обстоятельством является явная диспропорция в изученности объектов и отражении их в научных публикациях. Более известны результаты исследований Томской стоянки и местонахождений Черноозерье II, Шикаевка II, Могочино I, Гари. Отрывочны сведения о стоянках Новый Тартас и Венгерово-5. Редкие подъемные сборы каменных изделий с местонахождений Елбань-3, Халдеево, Чернореченский-1 и 2, Скрипачи и других позволяют лишь допустить возможность отнесения их к палеолиту. Перспективные для изучения местонахождения Гари II, Рычково, Евалга, Луговское, Арышевское-2, Среднеберезовское и другие находятся в начальной стадии исследования. Отдельные изделия из камня и бивня мамонта, определяемые по морфологии и стилистике как палеолитические, хранятся в различных учреждениях

Западной Сибири в качестве экспонатов и фактически неизвестны научной общественности. Результаты исследований Ачинской стоянки, местонахождений Шестаково и Волчьей Гривы опубликованы лишь частично. При этом научная значимость двух последних, как опорных геоархеологических объектов, весьма велика с позиций не только палеолитоведения Сибири, но и стратиграфической тематики. Некоторое отставание в степени изученности палеолитической эпохи Западно-Сибирской равнины медленно, но неуклонно сокращается. В последние годы на территории равнины открыты новые местонахождения ископаемой фауны и палеолитических индустрий, существенно пополнился список радиоуглеродных дат, расширяются исследования плейстоценовой фауны. Тем самым наметилась тенденция к некоторому переосмыслению палеолитической истории равнины на основе новейших открытий и продолжающихся исследований ранее известных местонахождений.

Возможности для дробного хронологического разделения всех обозначенных палеолитических индустрий Западно-Сибирской равнины на базе реальных результатов исследований весьма невелики. Прежде всего это относится к объектам, предполагаемый возраст которых выходит за рамки сартанского криохрона. По сумме стратиграфических наблюдений, данных радиоуглеродного датирования и технико-морфологических признаков индустрии Воронино-Яя и Арышевское-1 могут быть отнесены к среднепалеолитическим. Верхним хронологическим ориентиром для них являются ^{14}C -даты в диапазоне 40 – 28 тыс. л.н. Близкие им материалы представлены на местонахождениях Кордон, Большой Улуй и Усть-Большой Улуй. О раннезырянском возрасте свидетельствуют условия залегания каменных орудий на Некрасовском местонахождении. Отдельные материалы из Большого Кемчуга (дефлированный комплекс) предварительно оцениваются как среднепалеолитические или переходные от средне- к позднепалеолитическим. По-видимому, началу позднего палеолита соответствуют изделия Шестаковского клада. Обозначенные выше местонахождения предлагается отнести к начальному этапу освоения Западно-Сибирской равнины с условным определением – “палеолитические индустрии досартанского возраста”.

Следующий этап развития палеолитических индустрий на территории равнины представляют местонахождения, геологический возраст которых предположительно не выходит за границы сартанского похолодания. При этом следует отметить, что мы имеем весьма ограниченные возможности для точных хронологических определений всех исследуемых местонахождений по объективным причинам. К числу основных следует отнести малочисленность как самих местонахождений, так и каменного инвентаря,

недостаточную изученность четвертичных отложений. Описание разрезов значительной части стоянок производилось 20 л.н. и более. Соответственно, определения геологического возраста выполнялись на основании представлений тех лет. Радиоуглеродные даты (например, по Волчьей Гриве и Черноозерью II), как противоречащие этим представлениям, объявлялись завышенными. Ситуация несколько изменилась с появлением новых ^{14}C -дат, однако это не снимает проблему их соответствия результатам стратиграфических, палеонтологических и археологических исследований.

Исходя из имеющихся определений возраста радиоуглеродным методом, палеолитические местонахождения Западно-Сибирской равнины можно разделить на три условные группы:

1) Шестаково (уровни 24 – 17), Могочино I, Томская стоянка, Шикаевка II, Луговское, Рычково, Евалга – от 25,5 до 18 тыс. л.н.;

2) Гари, Березовый Ручей-1, 2, Троицкая I (см. рис. 3, IV), Волчья Грива (подошва нижнего костеносного горизонта) (?) – от 17,8 до 15,1 тыс. л.н.;

3) Черноозерье II, Волчья Грива (кровля нижнего костеносного горизонта) – от 14,5 до 14,2 тыс. л.н.

В первой группе лишь для местонахождения Шестаково отмечается более четкое соответствие ^{14}C -дат, геологического и палеонтологического обоснования, типологического облика индустрии. Последний фактор приобретает особое значение, т.к. позволяет опираться на сочетания категорий и типов каменных изделий для определения относительного возраста местонахождений палеолита, не обеспеченных возрастными показателями или спорных. В данном вопросе следует, по-видимому, обратить внимание не на широко распространенные типы изделий, а на специфические, редкие формы [Васильев, 1996].

Комплексы инвентаря с местонахождения Шестаково характеризуются преобладанием мелких нуклеидных форм и всех типов сколов (2,0 – 5,0 см). При отчетливой вариабельности и разных сочетаниях типов изделий от горизонта к горизонту в целом прослеживается направленность индустрии на получение мелких пластинок шириной от 13 до 17 мм. Их производство обеспечивали нуклеусы параллельного расщепления: плоские, торцовые, сопряженные, с выпуклой поверхностью. Редкими являются ядрища радиального расщепления. Типичные клиновидные вариации нуклеусов отсутствуют. На всех нуклеидных формах проявилось стремление получить максимальное число сколов. Среди орудий численно преобладают различные типы остроконечных изделий из всех видов сколов и обломков. Часть из них в традиционном формате категорий и типов изделий может определяться в понятиях “острие”, “проколка”, “резчик” и проч. Далее следуют: изделия с зубчатым лез-

вием, орудия с ретушированной выемкой, отщепы и осколки с намеренной краевой ретушью. Скребки, как правило, выполнены на отщепах. Отмечены изделия высокой формы. Обращает внимание полное отсутствие скребел. Долотовидные орудия с одним и реже двумя лезвиями фактически не образуют устойчивых серий. Малочисленны и невыразительны резцы. В основном присутствуют угловые вариации. Выразительны серии пластинок с ретушью продольных краев. К числу редких, но весьма показательных относятся пластинки с притупленной спинкой, с отвесной ретушью по грани сломанной пластинки, с ретушированным дистальным краем. Особое место занимают пластинки, у которых краевая ретушь наносилась со стороны спинки на месте ударной площадки. В результате образовывалось слабовогнутое короткое лезвие. Подобный способ оформления, во многом близкий приему тронкирования, достаточно специфичен для палеолита Сибири и встречается на ряде местонахождений “мальтинского” круга (см. рис. 5; 11, III). Очень выразительна группа из 49 сегментовидных микроострий (см. рис. 14) [Деревянко и др., 2000, рис. 5]. Максимальный размер изделий не превышает 13 мм. Они имеют слегка изогнутый профиль, притупленный ретушью прямой продольный край и приостренные мелкой ретушью концы. Огранка спинок микроострий позволяет предположить, что часть из них выполнена из диагональных сечений пластинок, другая часть – из осколков и, возможно, чешуек от скребков высокой формы. Близкие по очертаниям микроострия, но более крупные и изготовленные из микропластинок, известны по материалам Мальты, Ачинской стоянки, Каштанки-1 (1). В итоге к числу редких и специфических форм инвентаря местонахождения Шестаково мы можем отнести: скребки высокой формы на отщепах, изделия с широкими ретушированными анкошами, пластинки с вогнутым ретушированным краем на месте ударной площадки, с притупленной спинкой, с отвесной ретушью по грани сломанной пластинки, с ретушированным дистальным краем, сегментовидные микроострия с притупленной спинкой. Подобное сочетание специфических типов изделий, по-видимому, не случайно. Более того, аналогичные типы инструментов в разных сочетаниях известны по материалам раннесартанских местонахождений Сибири и хронологически близких им стоянок Урала и Поволжья (см. рис. 14, I, II) [Щербакова, 1994; История..., 2000]. Выразительный пластинчатый инвентарь Ачинской стоянки содержит специфические формы инструментов, характерные для Шестакова, Мальты и ряда енисейских стоянок. Это позволяет считать индустрию Ачинской стоянки раннесартанской.

Обращаясь к местонахождениям первой группы, следует отметить определенное сходство инвентаря

Томской стоянки и Шестакова. Это выражается в идентичности сырья, размерах и пропорциях пластинок, серийности пластинок с ретушью и изделий с ретушированными выемками. Сопоставление инвентаря, условий его залегания и сопутствующей ископаемой фауны не противоречит раннесартанскому определению возраста Томской стоянки. Инвентарь Шикаевки II очень специфичен и представлен изделиями из пластинок шириной 10 – 20 мм. Среди орудий отметим выемчатые изделия, пластинки с ретушью на поперечном крае и диагонально усеченные ретушью пластинки “геометрических” очертаний. Подобный набор инвентаря несколько необычен для палеолита Сибири и в то же время не дает веских оснований для непризнания имеющейся ^{14}C -даты по кости мамонта – $18\,050 \pm 95$ л.н. (СОАН-2211). В силу отрывочности сведений мы не можем корректно комментировать индустрии и разрезы Луговского, Рычкова и Евалги, а потому вынуждены ориентироваться лишь на данные радиоуглеродного датирования объектов. Сложнее обосновать соответствие каменного инвентаря стоянки Могочино I дате по кости мамонта $20\,150 \pm 240$ л.н. (СОАН-1513). Присутствие среди фаунистических остатков костей носорога как будто не противоречит ей. В то же время каменный инвентарь в значительной мере отражает сходство по ряду признаков с афонтовской культурой Енисея, получившей развитие во второй половине сартанского похолодания [Петрин, 1986; Абрамова, 1989]. Учитывая “широкую вариабельность афонтовской культуры” [Васильев, 1996] и неопределенность ее нижней хронологической границы, можно допустить близость времени бытования каменного инвентаря со стоянки Могочино I к указанной дате*.

Вторая группа местонахождений (Гари, Троицкая I, Волчья Грива, Березовый Ручей-1, 2) отражает время перехода от раннесартанских к позднесартанским индустриям. Неизменным остается пластинчатый характер инвентаря, появляются пластины шириной более 20 мм, продолжают бытовать торцовые нуклеусы и скребки высокой формы (Троицкая I) [Широков, Косинцев, Волков, 1996]. В инвентаре Волчьей Гривы сохраняются традиции ретуширования поперечной грани сломанной пластины и оформления вогнутого лезвия на месте ударной площадки. Эти приемы вторичной отделки орудий позволяют согласиться с самой ранней датировкой местонахождения.

Последняя хронологическая группа (с ^{14}C -датами) самая малочисленная. Она представлена тремя культурными горизонтами Черноозерья II и преимущественно кровлей нижнего костеносного горизонта Вол-

чьей Гривы. Разнообразие структурных элементов Черноозерья II (жилища, ямки, очаги, производственные участки) свидетельствует об изменениях в хозяйственном укладе древнего населения, проявлении сезонного характера поселения. Регулярность посещения одного и того же участка территории в определенные сезоны с сооружением относительно долговременных (недели, месяцы?) наземных жилищ прослеживаются достаточно отчетливо. По-видимому, об этом свидетельствует и необычно большая для данной территории коллекция каменного инвентаря. Кости и чешуя рыб указывают на изменения в питании древнего населения. Присутствие костей бобра и росомахи предполагает вероятность развития лесной растительности. По данным палеокарпологии, около 14 тыс. л.н. в долине нижнего течения Иртыша существовали растительные сообщества с преобладанием хвойных пород деревьев. Присутствовали тундровые и тундрово-лесные виды ивы, березы [Кривоногов, 1988]. Существенные изменения по сравнению с предшествующим периодом прослеживаются в соотношении основных категорий каменного инвентаря. В Черноозерье II доминирующие позиции принадлежат скребкам (37% от общего числа орудий) и “режущим” инструментам из пластин и отщепов. Отчетливо проявляется техника получения пластин на основе утилизации призматических нуклеусов. Высокого развития достигает производство вкладышей для костяных орудий и орнаментальное оформление изделий из кости. Принадлежность каменного и костяного инвентаря палеолитической эпохе особых сомнений не вызывает, а комплексные палеонтологические сведения вполне соответствуют имеющимся данным радиоуглеродного датирования.

Серийно датированные кости мамонтов в верхней части разреза Волчьей Гривы не сопровождаются археологическими материалами, а потому представляют, скорее, палеоэкологический аспект исследований. Диапазон дат в пределах 13 – 11 тыс. л.н., по-видимому, отражает время существования в финале неоплейстоцена своеобразных “мамонтовых рефугиумов”, проявившихся в формировании естественных тафозонозов.

Таким образом, вещественные материалы палеолитических местонахождений Западно-Сибирской равнины позволяют обозначить два блока геоархеологической информации, в основном совпадающих с тынданской и последующими стадиями сартанского криохрона (по: [Кинд, 1974]). Первый блок представляют местонахождения, для которых характерна общая микролитизация каменных индустрий на фоне максимального похолодания климата и перигляциальных ландшафтов. Ко второму, вероятно, следует отнести лишь Черноозерье II, культурный горизонт 3 стоянки Шестаково и, возможно, часть инвентаря

* Сложная стратиграфия местонахождения не исключает вероятности переотложения датированного образца.

местонахождений Березовый Ручей-1, 2 [Лисицын, 2000] в Назаровской впадине. Хронологическая и культурно-стадиальная позиция таких объектов, как Новый Тартас, Халдеево и некоторых других, в настоящий момент не может быть достоверно установлена.

Палеолитические местонахождения первой половины сартанского времени с момента открытия Мальты и Бурети пополнились списком новых объектов в долинах Чулыма и Енисея, Прибайкалье и на Алтае. З.А. Абрамова объединяет их в рамках второго (из четырех) климатостратиграфического этапа [1989] или средней поры позднего палеолита Сибири. С.А. Васильев аргументирует включение их в раннесартанскую стадию пластинчатых индустрий [1996]. Сходство между комплексами прослеживается в технике расщепления, базирующейся на мелких пластинках. Различия проявляются в типологии изделий и процентном соотношении основных категорий (групп) инвентаря. По мнению Н.Ф. Лисицына, техника расщепления, вторичной обработки, основной набор нуклеусов и орудий в этих комплексах имеют между собой больше сходства, чем с инвентарем ранней и поздней поры верхнего палеолита. Вопрос о культурной принадлежности комплексов остается открытым [Лисицын, 2000]. Раннесартанские индустрии вызывали и вызывают определенные ассоциации с верхним палеолитом Европы. Отражением этого стало выделение “классического” мальтинского комплекса. Каменный инвентарь и образцы палеолитического искусства Мальты и Бурети столь отчетливо выделялись на общем фоне палеолита Сибири, что вызвали целый ряд гипотез относительно их генезиса. Наибольшую известность получила гипотеза о привнесении в Сибирь культуры европейского происхождения (подробнее см.: [Маркин, 1998]). Многие исследователи обратили внимание на устойчивую тенденцию к уменьшению размеров изделий именно на раннесартанских местонахождениях. По выражению Н.Ф. Лисицына, “микrolитизация каменного инвентаря достигает степени, сходной с “граветийским эпизодом” Европы” [Лисицын, 2000, с. 124]. Более того, “происходит резкое уменьшение размеров орудий, необъяснимое с точки зрения изменений в хозяйственном укладе или способах охоты” [Там же, с. 89].

Итак, в исследовании раннесартанских индустрий Сибири в целом и Западно-Сибирской равнины в частности, четко обозначилось, несколько остро дискуссионных проблем: 1) хронологические границы индустрий, основанных на утилизации мелких орудий; 2) причины широкого территориального распространения комплексов, сходных по техническим и типологическим параметрам; 3) автохтонность и аллохтонность происхождения индустрий; 4) причины

“микrolитизации” каменного инвентаря; 5) причины “вариабельности” инвентаря в рамках единой традиции и выделение локальных культур.

По сути, все названные проблемы – лишь немногие из тех, что так или иначе относятся к фундаментальным проблемам палеолитоведения в целом. Речь, конечно, не идет о их однозначном решении (если вообще это возможно). Фактологическая база, в основе которой лежат материалы комплексных междисциплинарных исследований опорных местонахождений типа Мальты или Шестакова, позволяет лишь расставить исследовательские акценты и предложить широкий спектр вариантов возможного решения. Рассмотрим некоторые из них.

Микроиндустриальные комплексы Шестакова происходят из четырех горизонтов залегания материалов в олово-делювиальных переслаивающихся отложениях. Время их образования контролируется результатами измерений на основе ^{14}C - и AMS-методов. Диапазон дат колеблется в пределах крайних показателей – $25\,660 \pm 200$ (GrA-13238) и $18\,040 \pm 175$ л.н. (COAH-3610). Внутреннее хронологическое деление культурных материалов объективно ограничено физическими возможностями методов датирования.

Следы деятельности человека в Шестакове тесно связаны условиями совместного залегания культурных материалов со скоплениями остатков крупных млекопитающих, среди которых преобладают кости мамонта. Половозрастной состав остатков мамонтов позволяет предположить вероятные сезоны гибели животных – весна и, возможно, осень. Наиболее вероятная причина образования тафоценоза – гибель животных на месте зверового палеосолонца в течение нескольких тысяч лет. Аналогичный процесс предполагается и для Волчьей Гривы. Прослеживается активная утилизация костей мамонта человеком, объясняемая сырьевыми, хозяйственными и бытовыми нуждами населения [Деревянко, Зенин, 1998]. Проблема охоты человека на мамонта остается открытой. Тафономический анализ остатков мамонтов в Шестакове и Волчьей Гриве не позволяет сделать вывод о прямой связи этих крупных скоплений костей с охотничьей деятельностью человека. Необходимо особо подчеркнуть, что охота на мамонта вполне допустима и осуществлялась, но в этом случае подразумевается добыча истощенных, больных или слабых животных, не имеющих возможности оказать активного и опасного для охотника сопротивления. Охоту на полных сил гигантов следует расценивать как смертельно опасную и “экономически” невыгодную. Жизнь палеолитического охотника в экстремальных условиях обитания должна была цениться очень высоко, а его гибель могла иметь крайне негативные последствия для палеолитического коллектива. Тактика преследования стадных животных и добыча самых слабых

особей представляется наиболее логичной и вероятной. Вполне возможным подтверждением этого сценария могут служить следы разделки туш мамонтов в Шикаевке II и на Томской стоянке. Отличное знание поведения животных, их магистральных миграционных маршрутов и зон сезонной концентрации позволяло палеолитическим охотникам прогнозировать время и место добычи мамонтов. Зверовые солонцы и вероятные места переправ через реки для этих целей подходили идеально. Пассивное воздействие на животных в виде установки на зверовых тропах всевозможных приспособлений (острых колов, шильев и т.д.) для травмирования конечностей или хобота могло способствовать ослаблению животного и ускорить его добычу. Назначение многих фрагментов остроконечных изделий из кости (шильев, стержней и т.д.), часто встречаемых в инвентаре стоянок, остается неясным, и их возможное использование как инструментов пассивной охоты представляется весьма вероятным.

Для времени конца каргинского и начала сартанского периодов верхнего неоплейстоцена на территории Западно-Сибирской равнины реконструируются преимущественно открытые тундростепные ландшафты. Палеоэкологические условия, при всей своей изменчивости во времени, были достаточно благоприятны для увеличения численности популяций мамонтов и их спутников. Динамика климатических ритмов оказывала влияние на растительные сообщества и, соответственно, на животный мир. Заболоченные пространства равнины в условиях смещения к югу многолетней мерзлоты становились проходимыми и привлекательными для травоядных млекопитающих, и в первую очередь мамонтов. Сезонные миграции стад животных в перигляциальных ландшафтах могли существенно повлиять на повышение мобильности групп древних охотников, вынужденных следовать за животными.

Дальность перемещений охотничьих групп, их направленность и ритмичность зависели, вероятно, от очень многих факторов – социальных и природных. К числу природных можно отнести широтную зональность, высотную поясность, местные особенности рельефа, доступность литоресурсов и, вероятно, геохимические свойства ландшафтов. Петрографический состав каменного инвентаря из Шикаевки II, Гари, Волчьей Гривы указывает на их удаленность от источников сырья от 300 до 500 км и направленность движений групп охотников в центральные районы Западно-Сибирской равнины. Перемещения обитателей Шестакова от сырьевых источников оцениваются в несколько десятков километров.

Повышенная мобильность древнего населения, вызванная необходимостью следовать за мигрирующими крупными травоядными животными, может

быть одним из вероятных объяснений причин “микролитизации” каменных индустрий. Стремление получить более легкие полифункциональные орудия приводило к определенной унификации техники расщепления и сокращению набора специализированных инструментов. Более отчетливо эта тенденция проявляется в наборах инвентаря местонахождений, удаленных от источников литоресурсов, – Шикаевки II и Волчьей Гривы. Близость стоянок к выходам горных пород всегда находит отражение в расширении состава каменного инвентаря, присутствии крупных инструментов типа скребел или галечных орудий. Примером тому могут служить, вероятно, Ачинская стоянка, Красный Яр, Мальта, Уй I и др. Мобильность охотничьих групп предполагает высокую вероятность межгрупповых контактов, пересечения маршрутов передвижения. Это допускает возможность “эстафетной” или “волновой” передачи культурных или технических “образцов”, составляющих особенные элементы сходства между удаленными индустриями, возникшими на основе различных предшествующих культур. Готовность восприятия технических или морфологических “изобретений” извне могла быть обусловлена сходством стратегий выживания обитающих на разных территориях групп населения.

Предполагается многовекторная направленность в передаче “культурно-технической” информации как с запада на восток или с юга на север, так и наоборот. Возможность механического переноса готовых изделий с одной территории на другую и последующего их “заимствования” сохраняется, однако она не может служить подтверждением трансконтинентальных миграций. Достоверных примеров подобных миграций в Сибири мы не наблюдаем, и поиск “европейских” предков для Шестакова и Мальты или “азиатских” для стоянки Талицкого представляется мало-перспективным.

Технический и технологический уровень развития палеолитических индустрий ранней стадии позднего палеолита в Сибири фактически обеспечил возможности перехода к микроиндустриям раннесартанского времени, представляющим средний этап. Исследования алтайских стоянок Усть-Каракол-1, Кара-Бом, Ануй-2, Денисова пещера (см. рис. 14, IV – VI) свидетельствуют о раннем (> 30 тыс. л.н.) появлении техники изготовления мелких пластинок. В Усть-Караколе-1 и Ануйе-2 отмечены выразительные образцы микроинвентаря: микроострия, проколки, пластинки с притупленной спинкой. Получили развитие различные формы торцовых нуклеусов, в т.ч. и с клиновидной морфологией. Важно отметить присутствие аналогичных нуклеусов в дефлированном комплексе индустрии Семизбугу-2 в Северном Прибалхашье [Деревянко и др., 1993, рис. 30, 1; 31, 1]. По мнению А.П. Деревянко, формирование верхнепалеолитичес-

Хронология и корреляция основных палеолитических стоянок Западно-Сибирской равнины и сопредельных территорий второй половины верхнего неоплейстоцена

Раздел	Звено	Горизонт	Тыс. л. н.	Урал, Самарское Поволжье	Казахский мелкосо-почник	Алтай – Кузнецкий Алатау – Саяны	Западно-Сибирская равнина	Средний Енисей и нижняя Ангара	Восточная Сибирь
Неоплейстоцен	Верхний	Сартапский	11			Каминная п.	Большой Кемчуг (поздний комплекс)	Кокорев-3	
			12			Шумиха ?	Елбань-3 ?	Голубая-1	
			13	Зотинская п.		Ушлеп-6 (1, 2) Уй-2 (6)	Венгерово-5 ?	Афонтова Гора-2	Стрижовая Гора
			14	Капова п. Игнатьевская п.		Майна	Новый Тартас ? Черноозерье II	Лиственка (6 – 12)	
			15	Постников Овраг (в)		Бедарево ?	Чернореченское Ручей-1, 2	Бирюса Усть-Кова (в) Новоселово-13 (1)	
			16	Троицкая I			Гари	Куртак-3	
			17	Медвежья п. Талицкого		Макарацкая Усть-Куйка	Рычково Волчья Грива (н) Шикаевка II Луговое Томская Могочино (?) Евгалга	Лиственка (19) Волчиха Малый Ижмель-3	Сосновый Бор (5) ?
			18					Новоселово-6	Красный Яр (2)
			19					Нижн. Ижир-1	Красный Яр (6)
			20					Усть-Ижмель-2	
			21	Постников Овраг (н)		Денисова п. Ушлеп-6 (3, 4) ? Уй-1 (2)		Куртак-6 Шленка Афанасьева Гора	Мальта (9)
			22					Тарачиха	Мальта (8)
			23			Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха		Лиственка (20)	Буреть Шишкино-8
			24			Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха		Приморская-1, 2	
			25		Батпак-7	Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (19)	Новоселово-13 (3)	Алексеевск-1
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (22)	Усть-Кова	Мальта (7)
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)	Игетейский Лог-1	Игетейский Лог-3
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)	Куртак-4 (в) (средн.)	
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)	Куртак-5	
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
						Ануй-2 (7 – 12) Сабаниха	Шестаково (24)		
Каргинский			30	Мамонтова Курыя Соленый Овраг	Семизбугу-2	Двуглазка (4) Ушлеп-6 (5 – 9) Ануй-2 (13)	Большой Кемчуг (ранний комплекс)	Афонтова Гора-5	Макарово-3
			50	Закино Пепелище		Ануй-2 (13) Усть-Каракол-1 (5 – 11) Кара-Бом	Воронино-Яя Арышевское-1 Кордон Большой Улуй Некрасовское	Куртак-4 (н) Усть-Кова (н)	Сосновый Бор (6) ? Макарово-4

Примечание. Жирный шрифт указывает на присутствие костей мамонта, курсив – на наличие микроинвентаря, штрих-линия – границы индустрий среднего этапа позднего палеолита Сибири; в – верх, н – низ, п. – пещера.

ких культур в Северной Азии проходило или на основе, или под значительным влиянием кара-бумовской и усть-каракольской традиций [Деревянко, 2001]. Выяснение механизма и динамики этого влияния – задача будущих исследований.

Заключение

Зональность и особенности палеоландшафтов Западно-Сибирской равнины в позднем неоплейстоцене так или иначе оказывали влияние на динамику процесса освоения этой территории палеолитическим населением. Местонахождения досартанского возраста сосредоточены в юго-восточной части равнины, в зоне контакта с предгорными областями Южной Сибири. С конца каргинского периода границы ойкумены существенно расширяются – выходят за пределы Верхнего Приобья и полностью охватывают территорию бассейна р. Иртыша до 61° с.ш. Важнейшим объективным препятствием для активного освоения центральной части равнины являлось отсутствие здесь горных пород. Преодолевая его, люди были вынуждены транспортировать сырье и готовые орудия, следуя за мигрирующими стадами животных на сотни километров. Петрографический состав пород свидетельствует о доставке сырья и орудий в центр равнины из районов горного обрамления – Урала и Казахского мелкосопочника и, следовательно, о направленности миграционных маршрутов человека, определенных зонах освоения.

Миграционная активность палеолитических групп в основном совпадает с максимумом похолодания и аридизации. Она, вероятно, имела всеобщий характер. С этим обстоятельством, по-видимому, связана тенденция к уменьшению размеров палеолитических инструментов, их определенной унификации, которая привела к последующему формированию на пространствах Сибири и сопредельных областей разнообразных вариаций в своем проявлении микроиндустрий с различной культурно-территориальной подосновой (см. *таблицу*). Широкое развитие получили технокомплексы, основанные на утилизации мелких и средних пластинок (Шикаевка, Волчья Грива, Ачинская стоянка) или сочетающие пластинку и отщеп (Шестаково, Томская стоянка). Преобладание пластинчатого расщепления наиболее отчетливо проявлялось в условиях использования высококачественного сырья, что находит определенное подтверждение в индустриях Мальты и Бурети, Тарачихи и Волчихи, Шленки и Лиственки. Именно в этих индустриях представлен “классический” набор инвентаря, наводящий на мысль о культурном единстве технокомплексов. Индустрии с базовым использованием менее качественного сырья (Шестаково, Уй-1, Каштанка-1, Ушлеп-6) демонстрируют увеличение

доли отщепов и выполненных на их основе орудий. Является ли это культуроопределяющим признаком, проявлением различий технологических традиций (“пластинчатой” и “отщеповой”) или обусловлено петрофизическими характеристиками горных пород? Одноточных ответов на данный вопрос пока нет [Васильев, 1996].

Сходство раннесартанских индустрий Сибири отчетливо фиксируется в технике расщепления и сочетании основных категорий инвентаря. Отличия проявляются в деталях вторичной отделки орудий, в типологическом разнообразии. В то же время прослеживается ряд типов изделий, обладающих поразительным сходством, но обнаруженных на местонахождениях, весьма удаленных друг от друга. В этом списке микроострия, короткие скребки высокой формы, пластинки с вогнутым лезвием на месте ударной площадки, с притупленным краем, пластины с ретушированными выемками и др. Таким образом, на широких пространствах Сибири, от Байкала до Урала и далее на запад, на хронологическом отрезке 25 (27) – 18 (16) тыс. л.н. прослеживаются палеолитические технокомплексы с выразительным и во многом сходным микроинвентарем. Истоки их в индустриях раннего этапа верхнего палеолита, а последующая трансформация происходит уже во второй половине сартанского периода. С этого времени различия в технокомплексах становятся более контрастными.

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность А.П. Деревянко, В.И. Молодину, З.А. Абрамовой, С.А. Васильеву, А.Л. Кунгурову, М.В. Шунькову, А.В. Постнову, В.Т. Петрину, А.Н. Зенину, А.И. Дроздову, Е.В. Акимовой, И.В. Стасюку, Е.А. Липниной за консультации, обмен информацией, дискуссии и предоставленную возможность ознакомиться с коллекциями инвентаря. Междисциплинарные исследования палеолитических местонаждений Волчья Грива и Шестаково стали возможны благодаря самоотверженному труду С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, И.Н. Феденевой, Л.А. Орловой и многих других.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Л.: Наука, 1989. – С. 145 – 243.
- Абрамова З.А., Матющенко В.И.** Новые данные о Томской палеолитической стоянке // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – Вып. 5. – С. 16 – 23.
- Авраменко Г.А.** Палеолитическая стоянка у г. Ачинска (предварительное сообщение) // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 21 – 26.
- Агаджанян А.К.** Структура населения млекопитающих Северной Евразии в позднем плейстоцене // Эволю-

ция жизни на Земле: Материалы II Междунар. симпоз., 12 – 15 ноября 2001 г. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 466 – 468.

Алексеева Э.В. Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири (хищные, хоботные, копытные). – М.: Наука, 1980. – 187 с.

Алексеева Э.В., Верещагин Н.К. Охотники на мамонтов в Барабинской степи // Природа. – 1970. – № 1. – С. 71 – 75.

Алексеева Э.В., Волков И.А. Стоянка древнего человека в Барабинской степи (Волчья Грива) // Проблемы четвертичной геологии Сибири: К VIII конгрессу INQUA, Париж, 1969. – Новосибирск: Наука, 1969. – С. 142 – 150.

Аникович М.В. Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 155 – 169.

Архинов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГТМ СО РАН, 1994. – 105 с.

Бгатов В.И. Подходы к экогеологии: Жизнь и геологическая среда. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. – 120 с.

Васильев С.А. Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Центр “Петербургское Востоковедение”, 1996. – 224 с.

Вдовин А.С. Памятник каменного века на Большом Кемчуге // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края / Краснояр. гос. ун-т; Краснояр. краевой краевед. музей. – Красноярск, 1992. – С. 85 – 86.

Волков И.А., Гросвальд М.Г., Троицкий С.Л. О стоке приледниковых вод во время последнего оледенения Западной Сибири // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1978. – № 4. – С. 25 – 35.

Волков И.А., Орлова Л.А. Каргинско-сартанское время и голоцен юго-восточной части Западной Сибири по данным радиоуглеродного метода датирования // Геология и геофизика. – 2000. – Т. 41, № 10. – С. 1428 – 1442.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – 89 с.

Деревянко А.П. Некоторые проблемы в изучении палеолита в Сибири // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 116 – 125.

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний – поздний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 114 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. К проблеме “человек и мамонт”: геоархеологический аспект // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы Междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 92 – 99.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 42 – 55.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16 – 42.

Зенин В.Н., Коноваленко С.И. Палеолитический клад из Шестаково // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 154 – 159.

Зенин В.Н., Лещинский С.В. Новое палеолитическое местонахождение в Томской области (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. – С. 98 – 102.

Зенин В.Н., Лещинский С.В. Новые данные о палеолитическом местонахождении Воронино-Я в Томской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – С. 96 – 97.

Зенин В.Н., Лещинский С.В. Литоресурсы палеолитического населения юго-востока Западно-Сибирской равнины // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Междунар. симпоз., 12 – 15 ноября 2001 г. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 491 – 493.

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Борисов М.А., Старцева С.В. Новые сведения о местонахождении Большого Кемчуг // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 124 – 130.

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 3 – 22.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Каменный век. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2000. – 312 с.

Кашенко Н.Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. – СПб., 1901. – 60 с. + 8 табл. – (Зап. Имп. Академии наук. Сер. VIII; Т. 11, № 7).

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с. – (Тр. ГИН АН СССР; Вып. 257).

Кривоногов С.К. Стратиграфия и палеогеография Нижнего Прииртышья в эпоху последнего оледенения (по карпологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1988. – 232 с.

Ларичев В.Е., Арустамян А.И. Ачинская скульптура из бивня мамонта – аналоговый вычислитель древнекаменного века Сибири // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 106 – 120.

Лаухин С.А. Палеогеография юго-востока Западно-Сибирской низменности во время последнего оледенения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1981. – № 6. – С. 101 – 113.

Лаухин С.А. Возможности обнаружения палеолита на западе Западно-Сибирской равнины // Экология древних

и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. – С. 57 – 61.

Лещинский С.В. Влияние геологического строения региона на расселение палеолитического человека (юго-восток Западно-Сибирской равнины) // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. докл. Междунар. симпоз. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 472 – 473.

Лещинский С.В. Стратиграфия и палеогеография плейстоцена юго-востока Западно-Сибирской равнины: Автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. – Томск, 2000а. – 27 с.

Лещинский С.В. Большой Исток – новое коренное местонахождение мамонтовой фауны в Западной Сибири // Три века горно-геологической службы России: Материалы Региональной конференции геологов Сибири, Дальнего Востока и северо-востока России. – Томск: Гала Пресс, 2000б. – Т. 2. – С. 394 – 396.

Лещинский С.В., Вяткин И.А., Туманцев В.В., Гнеушев А.В. Местонахождение Кулачье (Западная Сибирь) – новое скопление *in situ* остатков млекопитающих мамонтового комплекса // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Междунар. симпоз., 12 – 15 ноября 2001 г. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 496 – 500.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Центр “Петербургское Востоковедение”, 2000. – 232 с.

Маркин С.В. Эволюция взглядов А.П. Окладникова в палеолитоведении Северной и Центральной Азии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы Междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 16 – 32.

Мащенко Е.Н. Новые данные об особенностях биологии мамонта // Природа. – 1999. – № 10. – С. 42 – 53.

Мащенко Е.Н., Лещинский С.В. Состав и морфология остатков мамонтов местонахождения Волчья Грива // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Междунар. симпоз., 12 – 15 ноября 2001 г. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 507 – 511.

Николаев С.В., Маркин С.В. Первые материалы нижнего палеолита на юго-востоке Западной Сибири // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симпоз. – Новосибирск, 1990. – С. 242 – 245.

Окладников А.П., Григоренко Б.Г., Алексеева Э.В., Волков И.А. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчья Грива (раскопки 1968 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1971. – Вып. 2. – С. 87 – 131.

Окладников А.П., Молодин В.И. Стоянки каменного века // Памятники истории и культуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 9 – 19.

Окладников А.П., Молодин В.И. Палеолит Барабы // Палеолит Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 101 – 106.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Дементьев В.Н. История “мамонтовой фауны” Таймыра по радиоуглеродным данным (с обзором хронологии мамонтов Сибири) (в печати).

Орлова Л.А., Лещинский С.В., Зенин В.Н., Борисов М.А. Радиоуглеродные и стратиграфические исследования местонахождения Волчья Грива в 2000 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 188 – 191.

Павлов А.Ф., Машенко Е.Н. Особенности тафономии и состава фауны млекопитающих позднеплейстоценового местонахождения Луговское // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Междунар. симпоз., 12 – 15 ноября 2001 г. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 522 – 524.

Паничев А.М. Литофагия в мире животных и человека. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 144 с.

Полунин Г.В. О крупном захоронении мамонтов в Барабинской степи // Материалы по геологии, гидрогеологии, геофизике и полезным ископаемым Западной Сибири: Тр. СНИИГТИМС. – Новосибирск, 1961. – Вып. 14. – С. 46 – 48.

Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен: Элементы прогноза. – М.: Наука, 1993. – 102 с.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Изд-во НТГПИ, 2000. – 430 с.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. – М.: Наука, 1979. – 286 с.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала: Сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 3 – 17. – (Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы).

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1994. – 95 с.

Germonpre M. Taphonomy of Pleistocene mammal assemblages of the Flemish Valley, Belgium // Bulletin de l'institut Royal des sciences naturelles de Belgique / Sciences de la Terre. – 1993. – Vol. 63. – P. 271 – 309.

Leshchinskiy S.V. Late Pleistocene beast solonetz of Western Siberia: “mineral oases” in mammoth migration paths, foci of the Palaeolithic man’s activity // The World of Elephants: Proceeding of the 1st International Congress, Rome, October 16 – 20, 2001. – Rome: Consiglio Nazionale delle Ricerche – Roma, 2001. – P. 293 – 298.

Nikolaev S.V., Petrin V.T. Dammed Basins of the Last Glaciation in Western Siberia and Localization of Ancient Man's Sites // Journal of Korean Ancient Historical Society. – Seoul, 1996. – N 4 – P. 291 – 300.

Stuart A.J., Sulerzhitsky L.D., Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Lister A.M. The latest woolly mammoth (*Mammuthus primigenius* Blumenbach) in Europe and Asia: a review of the current evidence // Quaternary Science Reviews. – 2002. – Vol. 21. – P. 1559 – 1569.

Материал поступил в редколлегию 4.03.02 г.

УДК 903'12

Г. Бар-Оз¹, Д.С. Адлер¹, Т. Мешвелиани², Н. Тушабрамишвили²,
А. Белфер-Кохен³, О. Бар-Йозеф¹

¹Отделение антропологии, Музей Пибоди, Гарвардский университет
Department of Anthropology, Peabody Museum, Harvard University
Cambridge, MA 02138, USA

²Государственный музей Грузии, отдел археологии
ул. Пуртцеладзе, 3, Тбилиси, 380007, Республика Грузия
E-mail: geonathist@ip.osqf.ge

³Институт археологии, Еврейский университет
Institute of Archaeology, Hebrew University
Jerusalem, 91905, Israel

ОХОТНИКИ-СОБИРАТЕЛИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: НОВЫЕ ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИЗ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ*

Введение

Южный Кавказ являлся северным барьером на путях миграции первобытного человека как архаичного, так и современного физического типа. Западная Грузия, расположенная между Кавказскими хребтами, Лихскими холмами и Черным морем, представляет собой регион, богатый доисторическими памятниками, большинство из которых были обнаружены в долинах рек, пересекающих Кавказские горы. Археологические исследования в этом районе дали богатый материал по древним культурам и палеоклимату [Любин, 1989; Adler, Tushabramishvili, 2002; Meshveliani, Bar-Yosef, Belfer-Cohen, in press]. Предшествовавшие фаунистические исследования давали сведения, как правило, лишь о присутствии или отсутствии определенных видов, без зооархеологического или тафо-

номического анализа. Совместный грузино-американско-израильский проект посвящен раскопкам двух стоянок: грота Ортвале Клде и пещеры Джуджуана. Настоящая статья предлагает вниманию читателя предварительные результаты нашего детального тафономического и зооархеологического анализа фаунистических остатков, полученных при раскопках указанных памятников в 1996 – 2001 гг.

Грот Ортвале Клде расположен в долине р. Черула, примерно в 5 км к западу от пещеры Джуджуана, которая находится в долине р. Некресси. Обе эти речки являются притоками р. Квирила, протекающей по склонам Юго-Западного Кавказа. Стоянки расположены в пределах одной экологической и географической зоны. На материалах этих памятников прослежена непрерывная культурная последовательность. Начальные ее стадии обнаружены в Ортвале Клде, где выявлены пять основных слоев финальной части среднего палеолита, перекрытых тремя маломощными верхнепалеолитическими горизонтами. Последующие стадии развития культуры прослежены в пещере Джуджуана: здесь выделены две основные мощные пачки верхнепалеолитических отложений, датируемых периодами 30 – 20 и 13 – 11 тыс. л.н., нижняя пачка современна верхнепалеолитическим горизонтам Ортвале Клде, а верхняя напоминает проявления эпиграветта в этом регионе (см.: [Adler, Tushabramishvili, 2002; Meshveliani, Bar-Yosef, Belfer-Cohen, in press]).

* Исследование было выполнено, когда Г. Бар-Оз являлся доктором-стипендиатом Мак-Кёрди в Отделении антропологии Гарвардского университета. Фонд Ротшильда для поддержки докторских исследований и Американская школа доисторических исследований в Музее Пибоди Гарвардского университета предоставили докторские стипендии. Авторы благодарят проф. А. Векуа за сотрудничество в палеонтологических определениях нашего исследования, д-ра Д. Лордкипанидзе за щедрую помощь и Государственный музей Грузии за широкую поддержку проекта.

Стоянка Ортвале Клде расположена на высоте примерно 530 м над ур. м. Грот ориентирован на восток, вход находится на высоте 35 м над дном ущелья. Новый раскоп площадью 6 м² был заложен в южной камере грота (план раскопа и район последних раскопок см.: [Adler, Tushabramishvili, 2002]). Расположение пещеры Джуджуана аналогично (высота над ур. м. 560 м, вход в 12 м над дном ущелья). Большая продолговатая пещера похожа на туннель, из которого вытекает ручеек. Новые раскопки проводились у самого входа в пещеру и охватывали площадь в 16 м². Порода из раскопа просеивалась (Ортвале Клде) или промывалась (Джуджуана) на сите с ячейками в 2 мм и анализировалась в соответствии с планиграфическим и стратиграфическим положением образцов.

Мы провели детальные тафономический и зооархеологический анализы материалов с этих двух стоянок для того, чтобы как можно точнее установить сходство и различие между средне- и верхнепалеолитическими культурами в регионе. Основное внимание уделено двум видам, представленным наиболее многочисленными костными остатками, – кавказскому горному козлу (*Capra caucasica*) и первобытному бизону (*Bison priscus*). Они служили основой существования для обитателей обеих стоянок в течение всего времени проживания. Нашей главной целью является выяснение того, насколько люди периода среднего палеолита (предположительно неандертальцы) отличаются в своем поведении по добыче пищи от охотников-собирателей верхнего палеолита. Другая цель – реконструкция процессов осадконакопления и захоронения костных остатков на обеих стоянках, а также выявление разницы между коллекциями с этих памятников.

Процедура анализа фаунистических остатков

Тафономический и зооархеологический анализы проводились следующим образом.

Костные остатки идентифицировались в полевых условиях и распределялись по максимально большому числу элементов скелета, как, например, фрагменты черепа, позвонки, ребра, обломки длинных костей, которые классифицировались только по размеру. Таксономические определения были сделаны под руководством проф. А. Векуа из Государственного музея Тбилиси.

Количественные показатели по таксонам определялись по NISP (количество определяемых образцов) и MNI (минимальное количество особей в данной коллекции) согласно методу, описанному у Р. Кляйна и К. Круз-Урибе [Klein, Cruz-Urbe, 1984]. Так как фрагменты костей составляют подавляющее большинство среди определяемых остатков, в протоколы мы записывали следующие данные: часть тела, к ко-

торой относится данная кость, какая часть кости имеется в наличии (проксимальный эпифиз, дистальный эпифиз, диафиз и т.д.), конкретный отдел костного фрагмента (например, латеральный – медиальный, дорсальный – вентральный, каудальный – краниальный). Кроме того, для каждого фрагмента указывалось, сколько процентов он составляет от кости, к которой принадлежал. Где можно, фрагменты длинных костей кодировались по особенностям диагностической зоны. Все выявленные признаки затем суммировались для определения количества целых костей. Применение этого метода снижает зависимость MNI от степени фрагментированности остатков [Ibid].

Все описываемые образцы были исследованы на наличие следов разделки туши и погрызов животными [Fisher, 1995]. Также учитывались изменения на поверхностях костей, указывающие на предшествующие захоронению процессы выветривания [Behrensmeyer, 1978], абразии [Shipman, Rose, 1988] и перемещение в водном потоке [Shipman, 1981].

Анализировались также и способы фрагментации костей. Такой анализ проводился по всем образцам, расколотым в древности (фрагменты со свежими следами разломов, произошедших во время раскопок, не учитывались). Угол, очертания и края разлома оценивались для определения стадии, на которой кость была сломана (т.е. свежая или высохшая; описание типов разломов см.: [Villa, Mahieu, 1991]).

Различные элементы скелета кавказского козла и первобытного бизона были сгруппированы в четыре класса по принадлежности к части тела (голова, туловище, верхний и нижний отделы конечностей) с целью определения того, какие части туши доставлялись на стоянку. Реальное количество экземпляров по каждой группе вычислялось с учетом значений MNE (минимальное число элементов скелета), ожидаемые величины получали на основании значений MNI по каждому из видов.

Возрастная структура основных промысловых видов (кавказский козел и первобытный бизон) определялась по степени изношенности зубов. Вслед за М. Стайнером [Stiner, 1994] мы выделили три широких возрастных класса (молодые, зрелые и старые особи), исходя из анализа стадий прорезывания и изношенности сменного четвертого нижнего премоляра (dP₄) и нижнего третьего моляра (M₃).

Коллекции костей со стоянок Ортвале Клде и Джуджуана

На сегодняшний день коллекции целых костей и их обломков, которые были идентифицированы по видам (включая экземпляры, классифицированные только по размерам тела), составляют: Ортвале Клде – 2 538 экз. (как минимум от 40 особей), Джуджуана – 1 628 (ми-

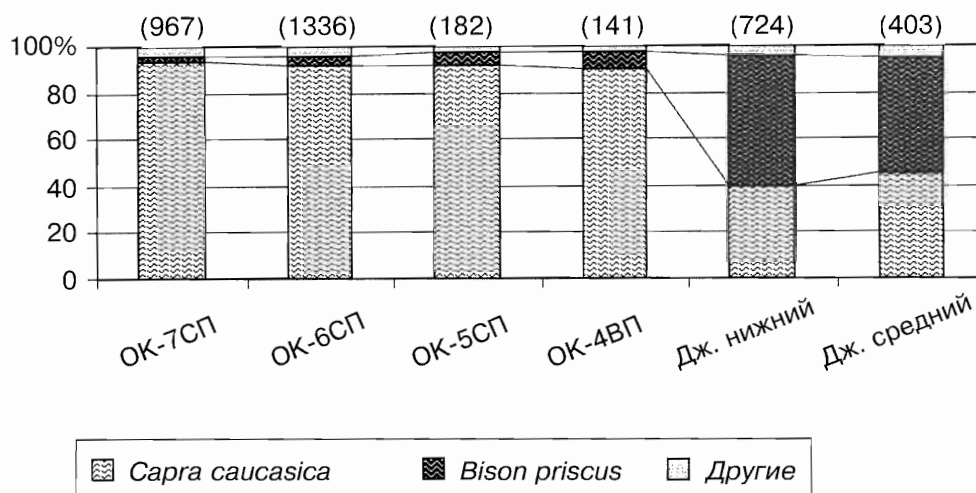

Рис. 1. Относительные показатели частотности основных промысловых видов в среднепалеолитических (от ОК-7СП до ОК-5СП), верхнепалеолитических (ОК-4ВП) слоях Ортвале Клде и в Джуджуане (Дж. нижний и средний верхнепалеолитические уровни). Другие виды включают в основном зубра, благородного оленя, лису и медведя. В скобках указано количество определяемых образцов.

нимум от 28 особей). В материалах всех слоев на Ортвале Клде, датируемых периодом конца среднего – начала верхнего палеолита, наиболее распространенным видом является кавказский горный козел (рис. 1). В верхнепалеолитических слоях Джуджуаны процентное содержание остатков кавказского козла уменьшается с одновременным увеличением доли костей бизона. Возможно, отмеченное различие между двумя памятниками отражает различия в охотничьих предпочтениях, хотя картина пока до конца не ясна. Кости животных этих двух видов составляют более 90% в каждой рассматриваемой здесь коллекции. Другие виды – тур (*Bos primigenius*), благородный олень (*Cervus elaphus*), косуля (*Capreolus capreolus*), кабан (*Sus scrofa*), лошадь (возможно, *Equus caballus*), лиса (*Vulpes vulpes*) и медведь (возможно, *Ursus spaleaus*) – представлены малым количеством костей.

Стоит отметить, что в настоящее время Ортвале Клде единственная среднепалеолитическая стоянка на Кавказе, где обнаружено такое обилие костей кавказского горного козла. Преобладание останков сибирского горного козла было отмечено на мустьерской стоянке Тешик-Таш в Узбекистане (*Capra sibirica*, более 80%) [Громова, 1949] и на мустьерских же памятниках в Испании (напр., Зафаррая и Аклор) [Altuna, 1989; Straus, 1986, 1992; Barrozo-Ruiz, Hublin, 1994] и Франции (напр., Хортус и Крусад) [Delumley, 1972]* (в обоих случаях речь идет о *Capra ibex*).

* См. также: Gerber S.P. La faune des grandes mamiferees du Wurm ancien dans le sud de la France. 1972. Ph.D. Unpublished Thesis, Universite De Provence, France.

В пещере Баракаевской, расположенной в каньоне Гобус на Северном Кавказе в нескольких сотнях километров на запад от Ортвале Клде, кавказскому горному козлу принадлежит 28,2% всех определяемых костных остатков, что является одним из самых высоких показателей [Liubin, 1998]. В целом, кавказский горный козел плохо представлен на среднепалеолитических стоянках Кавказа [Hoffecker, Baryshnikov, Potapova, 1991; Baryshnikov, Hoffecker, 1994; Baryshnikov, Hoffecker, Burgess, 1996].

Кавказский горный козел обитает среди крутых каменистых склонов на высоте от 800 до 2 400 м над ур. м. Для этого вида характерны сезонные вертикальные миграции с высотной амплитудой более 1 500 м. Ранней весной козлы поднимаются высоко в горы, а поздней осенью спускаются в верхние части лесной зоны. Аналогичные сезонные вертикальные миграции осуществлялись прежде популяциями зубров на юге Кавказа [Mammals..., 1989]*. Учитывая эти соображения, можно предположить, что высокая доля костей кавказского козла и бизона в рассматриваемых коллекциях указывает на то, что охота происходила поздней осенью или зимой.

Полученное в результате анализа стадии прорезывания и изношенности молочных и постоянных зубов (нижних четвертого премоляра и третьего моляра) распределение по трем возрастным группам, проведенное для остатков костей кавказского козла

* См. также: Vereshchagin N.K. The Mammals of the Caucasus: a History of the Evolution of the Fauna. Translated from Russian by the Israel Program for Scientific Translations, Jerusalem, 1967.

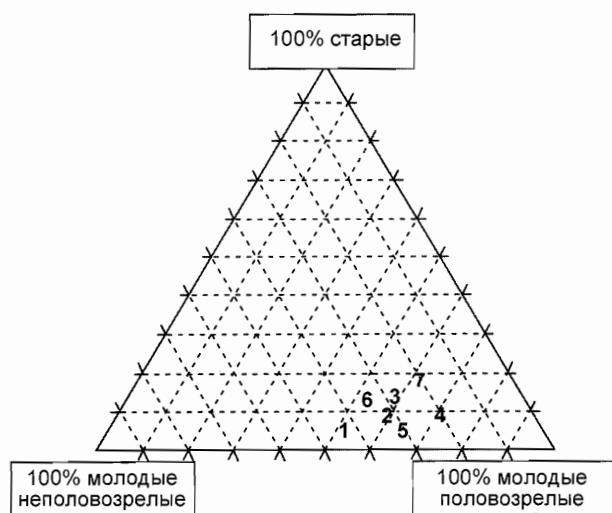

Рис. 2. Показатели смертности кавказского козла по материалам среднепалеолитических слоев Ортвале Клде (1) и степного бизона по материалам верхнепалеолитических слоев Джуджуаны (2) в сравнении со средними значениями, определенными М. Стайнером [1994] для среднепалеолитических (3) и поздних верхнепалеолитических (4) комплексов в Италии, а также с показателями смертности газели (5), косули (6) и благородного оленя (7), полученными по обобщенным среднепалеолитическим комплексам пещеры Кебара, Израиль [Speth, Tchernov, 1998].

из среднепалеолитических слоев стоянки Ортвале Клде и бизона из верхнепалеолитических слоев пещеры Джуджуана, позволило установить, что предпочтение отдавалось охоте на половозрелых животных (рис. 2). Полученные значения близки средним показателям, определенным М. Стайнером [Stiner, 1994] по материалам памятников среднего и позднего верхнего палеолита Италии, и данным по возрастным категориям охотничьей добычи, полученным Дж. Шпетом и Е. Черновым [Speth, Tchernov, 2001] по среднепалеолитическим слоям пещеры Кебара в Израиле. Коллекции с преобладанием костей половозрелых животных собраны на среднепалеолитических стоянках в Европе, где добывались бизоны.

Тафономия костных остатков в Ортвале Клде и Джуджуане

Тафономический анализ материалов Ортвале Клде и Джуджуаны показал, что накопление костных остатков на каждой стоянке происходило под влиянием различных процессов седиментации. Коллекция из Ортвале Клде включает в себя все разнообразие костей вне зависимости от их плотности, в т.ч. даже такие пористые, как, например, центральная часть атланта ($0,07 \text{ г/см}^3$, по плотности костей *Ovis aries* [Luman, 1994]) и каудальная тазовой кости ($0,11 \text{ г/см}^3$), тогда как в остеологических материалах из пещеры

Джуджуана преимущественно представлены очень твердые кости, в основном фрагменты диафизов (более $0,4 \text{ г/см}^3$) и зубы. Данное наблюдение показывает, что степень сохранности костного материала в пещере Джуджуана хуже вследствие опосредованного трения, которое могло происходить в период заселенности пещеры человеком и/или в постдепозиционных процессах.

Анализ изломов на эпифизах всех длинных костей коллекции показал, что по таким характеристикам, как угол, линия и грани излома, коллекции отдельных слоев Ортвале Клде и Джуджуаны значительно различаются (табл. 1). В материалах из Джуджуаны больше костей, разломанных уже сухими (т.е. прямой угол, поперечный излом и гладкая грань), тогда как в Ортвале Клде преобладают кости, которые были сломаны в свежем состоянии (т.е. косой излом, V-образная линия и неровная, зазубренная грань). Диаграмма, показывающая процентное содержание последних в коллекциях из разных слоев двух стоянок, свидетельствует о существенном различии между ними по этому показателю (рис. 3). Можно предположить, что в пещере Джуджуана кости относительно часто ломались в сухом состоянии, т.е., вероятно, были растоптаны. Они высыхали в результате либо выветривания, либо уплотнения осадочных пород. Большинство костей в Ортвале Клде были сломаны и захоронены в свежем состоянии.

Тафономический анализ показал, что высокая частота встречаемости сломанных высохших костей в пещере Джуджуана может быть связана с физической эрозией, которая происходила после отложения костей, о чем свидетельствует значительная степень их истертости и относительно большое количество обесцвеченных и эродированных экземпляров. Кроме того, для коллекции из этой пещеры характерна высокая степень выветренности костей (стадии 3 – 5 из шести, выделенных А. Беренсмейером [Behrensmeyer, 1978, схема выветривания]). Процентное соотношение экземпляров, дифференцированных по каждому изученному процессу, воздействовавшему на костные остатки, в коллекциях с обеих стоянок позволяет предположить, что в Джуджуане кости были более подвержены атмосферному выветриванию и их захоронение происходило в менее благоприятных седиментационных условиях, чем в Ортвале Клде. Присутствие костей различных частей скелета (Voorhies Group III [Voorhies, 1969]) на обеих стоянках дает основание предполагать, что их потери в результате водной эрозии незначительны.

Низкие показатели следов погрызов и других царапин (описание см.: [Fisher, 1995]) как на костях, поддающихся определению, так и на неопределимых (табл. 2), свидетельствуют о незначительном участии хищников и грызунов в разрушении костей из обеих

Таблица 1. Сравнительные характеристики разломов на ископаемых костях из Ортвале Клде (уровни от ОК-7 до ОК-4) и Джуджуаны (нижний и средний верхнепалеолитические уровни)

Стоянка	Уровень	Угол разлома			Линия разлома			Край разлома		
		Косой (свежий)	Прямой (сухой)	Промежуточный	V-образная (свежий)	Поперечная (сухой)	Промежуточная	Зазубренный (свежий)	Гладкий (сухой)	Промежуточный
Ортвале Клде	4 (ВП)	23 (88%)	2 (8%)	1 (4%)	22 (84%)	2 (8%)	2 (8%)	24 (92%)	1 (4%)	1 (4%)
	5 (СП)	12 (80%)	1 (7%)	2 (13%)	11 (74%)	2 (13%)	2 (13%)	13 (87%)	0 (0%)	2 (13%)
	6 (СП)	153 (74%)	18 (9%)	36 (17%)	135 (64%)	19 (9%)	58 (27%)	153 (72%)	25 (12%)	34 (16%)
	7 (СП)	76 (74%)	12 (12%)	15 (14%)	17 (70%)	11 (11%)	19 (19%)	70 (70%)	7 (7%)	23 (23%)
Джуджуана	Нижний (ВП)	57 (48%)	53 (45%)	8 (7%)	51 (44%)	48 (41%)	18 (15%)	54 (47%)	48 (41%)	14 (12%)
	Средний (ВП)	75 (57%)	35 (26%)	22 (17%)	62 (47%)	27 (20%)	43 (33%)	44 (33%)	46 (35%)	42 (31%)

коллекций. Наличие двух отметин, оставленных хищниками на внутренней поверхности фрагмента затылочной кости горного козла из Ортвале Клде, подтверждает наше предположение о том, что деятельность хищников на стоянке связана с постдепозиционными процессами.

Доставка и переработка добычи в Ортвале Клде и Джуджуане

На костях кавказского козла из Ортвале Клде в 42 случаях имеются отметины, оставленные на различных стадиях обработки туш. И всего лишь три пореза отмечены на неидентифицированных фрагментах диафиза бизонов из Ортвале Клде. Большая часть порезов на костях козла была сделана в процессе разделки туш (71% по типологии порезов Л.Р. Бинфорда [Binford, 1981]), остальные – при снятии шкур (5%) и отделении мяса от костей (24%). Следы разделки туш, как правило, более глубокие и сильно выраженные по сравнению с теми, что оставлены в процессе срезания мяса с костей, и более многочисленны, чем следы снятия шкуры, которые почти всегда наблюдаются только на концах метаподий и у основания рогов [Noe-Nygaard, 1989]. Коллекция костей из Джуджуаны содержит незначительное количество экземпляров с порезами, что, вероятно, можно отнести на счет плохой сохранности поверхности костей.

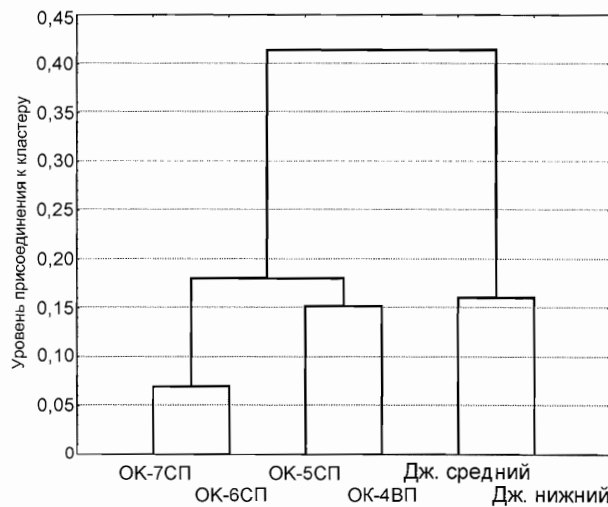

Рис. 3. Диаграмма, представляющая кластерный анализ характеристик изломов невысохших костей из Ортвале Клде (уровни от 7СП до 4ВП) и Джуджуаны (Дж. нижний и средний): пропорциональные доли наблюдаемых углов, линий и поверхностей разломов.

Распределение костных остатков горного козла, полученных из двух основных среднепалеолитических слоев на Ортвале Клде, по принадлежности к четырём основным частям тела (рис. 4) показало соотношения, отличные от ожидаемых по обоим горизон-

Таблица 2. Показатели сохранности костных остатков из Ортвале Клде (уровни от 7СП до 4ВП) и Джуджуаны (нижний и средний верхнепалеолитические уровни), %

Стоянка	Уровень	Стертость	Обесцвеченность	Выветренность (>стадии 2)	Перенос с водой	Отметины хищников	Отметины грызунов
Ортвале Клде	4 (ВП)	0	0	8	VG III	8	2
	5 (СП)	0	0	0	VG III	7	2
	6 (СП)	0	0	0	VG III	7	3
	7 (СП)	0	0	5	VG III	5	3
Джуджуана	Нижний (ВП)	12	2	35	VG III	1	1
	Средний (ВП)	20	9	76	VG III	4	3

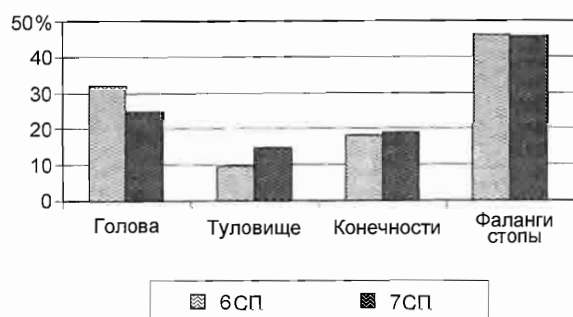

Рис. 4. Распределение костных остатков кавказского козла из Ортвале Клде (уровни 6СП и 7СП) по принадлежности к четырем основным частям тела.

там обитания. Данные получены по модели MNE, тогда как ожидаемые величины были подсчитаны по MNI. Соотношение между полученными и ожидаемыми цифрами дает низкие значения по элементам туловища и верхней части конечностей, средние – по костям головы и высокие – по нижним частям конечностей. Очень малая доля костей позвоночника типична для многих коллекций (см., напр.: [Brain, 1981; Stiner, 1994]) и может быть объяснена оставлением этой части туши на месте ее разделки. Кроме того, мы получили относительно высокие показатели по лопаточным и тазовым костям, что указывает на присутствие плечевого и тазового пояса скелета на стоянках. Большое содержание нижних элементов конечностей по сравнению с верхними частями было отмечено по классу 2 полорогих жвачных животных (аналогичных по размерам кавказской козлу) на базовой стоянке Хадза. Разделка туш происходила на месте забоя, и мясо, срезанное с более тяжелых костей конечностей, переносили вместе со шкурами, которые не отделяли от фаланг [Monahan, 1998].

Незначительная доля костей конечностей по сравнению с фрагментами черепа может быть связана с сезоном обитания. Этнозоологические наблюдения

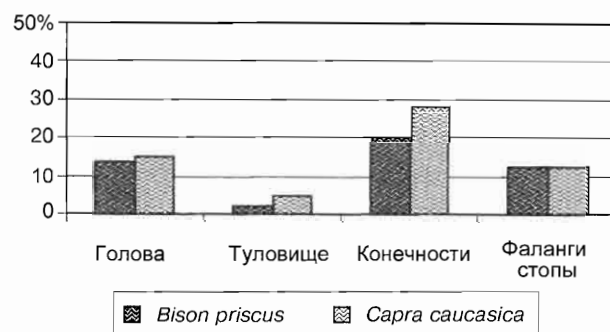

Рис. 5. Распределение костных остатков кавказского козла и степного бизона из Джуджуаны (обобщенные данные по нижнему и среднему верхнепалеолитическим уровням) по принадлежности к четырем основным частям тела.

показали, что головам и нижним частям конечностей отдается предпочтение в периоды бескормицы, когда количество жира в верхних частях конечностей уменьшается и качество мяса снижается [Speth, 1987, 1989; Lupo, 1998]. Возможно, материалы из Ортвале Клде отражают зимнюю охоту.

Полученные данные по распределению найденных в Джуджуане костей степного бизона и кавказского козла по принадлежности к основным частям тела позволяют говорить об анатомической целостности туш, вне зависимости от проблематичных подсчетов элементов позвоночного столба (рис. 5).

Заключение

В рамках данного исследования мы попытались проанализировать стратегию поведения охотников-собирателей и историю накопления костей на стоянках Ортвале Клде и Джуджуана. Полученные предварительные материалы позволяют сделать выводы относительно сходства и различий в моделях охоты, забоя и транспортировки добычи у населения предгорий Юго-Западного Кавказа в конце среднего – начале верхнего палеолита.

Низкие показатели активности хищников могут означать, что обе стоянки были заселены людьми часто и в течение продолжительного времени.

Наличие порезов, отражающих последовательные стадии разделки туш животных, на костях кавказского козла из Ортвале Клде позволяет предположить, что туши разделялись на самой стоянке.

Преобладание костей кавказского горного козла в Ортвале Клде указывает на существование у населения предгорий Юго-Западного Кавказа специализированной охоты в период миграции животных как основного элемента в стратегии добычи пищи. Изобилие костей горного козла на обеих рассматриваемых стоянках и бизона в Джуджуане, а также распределение костных остатков из Ортвале Клде по принадлежности к основным частям тела позволяют предположить, что охота проходила поздней осенью или зимой.

Анализ возрастного состава козлов и бизонов, представленных костными остатками, показывает, что среднепалеолитические обитатели Ортвале Клде и верхнепалеолитические обитатели Джуджуаны были умелыми охотниками, предпочитавшими охотиться на зрелых животных.

Тафономические и демографические данные указывают на активную охоту с большой долей планируемых и организованных действий, а не на поиски пищи, основанные на случайных находках или встречах.

Список литературы

- Громова В.И.** Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш (Южный Узбекистан) // Тешик-Таш: Палеолитический человек. – М.: Изд-во МГУ, 1949. – С. 87 – 99.
- Любин В.П.** Палеолит Кавказа // Палеолит мира. – Л.: Наука, 1989. – С. 9 – 142.
- Adler D.S., Tushabramishvili N.** Middle Palaeolithic patterns of settlement and subsistence in the southern Caucasus // Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age / Ed. by N. Conard. – Tübingen: Kerns Verlag, 2002. – Vol. 3. – (Tübingen Publications in Prehistory).
- Altuna J.** Subsistence d'origine animale pendant le Moustérien dans la région cantabrique // L'Homme de Néandertal / Ed. by M. Otte. – Liège: Université de Liège, 1989. – Vol. 6. – P. 31 – 44. – (ERAUL; N 33).
- Barrozo-Ruiz C., Hublin J.J.** The late Neandertal site of Zafarraya // Gibraltar During the Quaternary / Eds. J. Rodriguez, F. Diaz Del Olmo, C. Finlayson, F. Giles Pacheco. – Seville, 1994. – P. 61 – 70. – (AEQUA Monographs; N 2).
- Baryshnikov G., Hoffecker J.F.** Mousterian hunters of the NW Caucasus: preliminary results of recent investigations // Journal of Field Archaeology. – 1994. – Vol. 21(1). – P. 1 – 14.
- Baryshnikov G., Hoffecker J.F., Burgess R.L.** Palaeontology and zooarchaeology of Mezmaiskaya Cave (northwestern Caucasus, Russia) // Journal of Archaeological Science. – 1996. – Vol. 23. – P. 313 – 335.
- Behrensmeyer A.K.** Taphonomic and ecological information from bone weathering // Paleobiology. – 1978. – Vol. 4. – P. 150 – 162.
- Binford L.R.** Bones: Ancient Men and Modern Myths. – N.Y.: Academic Press, 1981.
- Brain C.K.** The Hunters or the Hunted? An Introduction to African Cave Taphonomy. – Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- Delumley H.** La grotte Moustérienne de l'hortus, Marseille // Etudes Quaternaires. – 1972. – Vol. 1. – P. 206 – 262.
- Fisher J.W.** Bone surface modifications in zooarchaeology // Journal of Archaeological Method and Theory. – 1995. – Vol. 2. – P. 7 – 68.
- Mammals of the Soviet Union / Eds. V.G. Heptner, N.P. Naumov.** – Leiden: E. J. Brill, 1989. – Vol. 1: Ungulates.
- Hoffecker J.F., Baryshnikov G., Potapova O.** Vertebrate remains from the Mousterian site of Il'skaya I (northern Caucasus, U.S.S.R.): new analysis and interpretation // Journal of Archaeological Science. – 1991. – Vol. 18. – P. 113 – 147.
- Klein R.G., Cruz-Urbe K.** The Analysis of Animal Bones from Archaeological Sites. – Chicago: University of Chicago Press, 1984.
- Liubin V.P.** La grotte Moustérienne Barakaevskaia (nord Caucase) // L'Anthropologie. – 1998. – Vol. 102(1). – P. 67 – 90.
- Lupo K.D.** Experimentally derived extraction rates for marrow: implications for body part exploitation strategies of Plio-Pleistocene hominid scavengers // Journal of Archaeological Science. – 1998. – Vol. 25. – P. 657 – 675.
- Lyman R.L.** Vertebrate Taphonomy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** The Upper Paleolithic in western Georgia // The Early Upper Paleolithic East of the Danube / Eds. J.P. Brautingham, K. Kezzy, S. Kuhn. – Berkley: University of California Press (in press).
- Monahan C.M.** The Hadza carcass transport debate revisited and its archaeological implications // Journal of Archaeological Science. – 1998. – Vol. 25. – P. 405 – 424.
- Noe-Nygaard N.** Man made trace fossil on bones // Human Evolution. – 1989. – Vol. 4. – P. 461 – 491.
- Shipman P.** Life History of a Fossil. – Cambridge: Harvard University Press, 1981.
- Shipman P., Rose J.** Bone tools: an experimental approach // Scanning Electron Microscopy in Archaeology / Ed. by S.L. Olsen. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – P. 303 – 335. – (British Archaeological Reports International Series; N 452).
- Speth J.D.** Early hominid subsistence strategies in seasonal habitats // Journal of Archaeological Science. – 1987. – Vol. 14. – P. 13 – 29.
- Speth J.D.** Early hominid hunting and scavenging: the role of meat as an energy source // Journal of Human Evolution. – 1989. – Vol. 18. – P. 329 – 343.
- Speth J.D., Tchernov E.** Neandertal hunting and meat processing in the Near East, evidence from Kebara Cave (Israel) // Meat Eating and Human Evolution / Eds. C.B. Stanford, H.T. Bunn. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 52 – 72. – (The Human Evolution Series).
- Stiner M.C.** Honor Among Thieves. – New Jersey: Princeton University Press, 1994.

Straus L.G. Late Wurm adaptive systems in Cantabrian Spain: the case of eastern Asturias // Journal of Anthropological Archaeology. – 1986. – Vol. 5. – P. 330 – 368.

Straus L.G. Iberia Before the Iberians: the Stone Age Prehistory of Cantabrian Spain. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1992.

Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones // Journal of Human Evolution. – 1991. – Vol. 21. – P. 27 – 48.

Voorhies M. Taphonomy and Population Dynamics of an Early Pliocene Vertebrate Fauna, Knox Country, Nebraska. – Larmie: University of Wyoming, 1969. – (University of Wyoming Contributions to Geology; Special Paper – N 1).

Материал поступил в редколлегию 19.07.02 г.

УДК 572

Д. Кауфман

Институт археологии Зинмана, Университет Хайфы, Израиль
 Zinman Institute of Archaeology
 University of Haifa, Haifa 31905 Israel

ВОПРОСЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО АНАТОМИЧЕСКОГО ТИПА НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕВАНТА

Введение

Попытки объяснить биологическое происхождение человека современного физического типа представляют главную проблему палеоантропологических исследований на протяжении как минимум ста лет. Относительно недавно, в 1980-х гг., эта тема стала вновь привлекать повышенное внимание ученых. Отмечается [Nitecki M., Nitecki D., 1994], что центральной темой дискуссии являются попытки установить географическую родину человека современного физического типа. Следующие по важности вопросы: когда впервые появился *Homo sapiens sapiens* и какие из архаичных гоминидов были его наиболее вероятными предками.

В настоящее время сформировались две конкурирующие модели, пытающиеся дать ответы на эти вопросы. Первую обычно называют гипотезой об африканской прародине человека [Stringer, 1992, 1996, 1998, 2001; Stringer, Andrews, 1988], вторая известна как модель мультирегионального развития [Hawks, Wolpoff, 2001; Wolpoff, 1989a, б, 1996, 1999; Wolpoff, Wu, Thorne, 1984]. Общим для них является предположение, что вид *Homo* впервые появился в Африке и путем постепенного расселения занял другие регионы Старого Света. По мнению последователей мультирегиональной теории, наиболее значимое расширение ареала началось примерно 1,8 млн л.н. Вместе с этим ранним проникновением *Homo* в Евразию и на Дальний Восток происходило становление местных популяций, каждая из которых со временем эволюционировала в местную разновидность *Homo sapiens* со своими особыми характерными чертами. Сторонники гипотезы об африканской прародине считают, что человек современного анатомического типа

появился в Африке как новый вид значительно позднее, где-то в период 200 – 150 тыс. л.н. Последующее его расселение в другие части Старого Света привело к полному замещению местных, более архаичных популяций.

Сравнение этих двух основных моделей показывает, что их сторонники, каждый по-своему, рассматривают непрерывность эволюционного развития человека только вне Африки. Мультирегионалисты видят последовательность эволюции, начиная с ранних, архаичных гоминидов, по всей территории Евразии и Дальнего Востока и считают кульминацией развития появление анатомически современного *Homo sapiens*. Их противники делают особый упор на замещение более древних архаичных форм и рассматривают непрерывность эволюции вне Африки начиная с гораздо более позднего времени.

Левант, со своими богатыми коллекциями человеческих останков, датируемых средним палеолитом, сейчас всеми признается ключевым регионом для понимания основных проблем, связанных с происхождением человека современного анатомического типа [Bar-Yosef, 2000; Kramer, Crummett, Wolpoff, 2001; Stringer, 1989; Wolpoff, Caspari, 1997]. Сторонники каждой из упомянутых противоречащих друг другу гипотез находят в этом регионе палеонтологические свидетельства, подтверждающие соответствующую модель. Однако существует определенный нюанс в рассмотрении хронологической последовательности имеющихся костных остатков, который касается обеих моделей. Это значительный перерыв в последовательности палеоантропологических материалов, что ставит под сомнение эволюционную непрерывность развития, предполагаемую в рамках каждой из теорий.

Останки гоминидов

Основными памятниками с останками гоминидов являются Табун, Схул [Garrod, Bate, 1937; McCown, Keith, 1939], Кавзех [Vandermeersch, 1981], Кебара [Bar-Yosef et al., 1992] и Амуд [The Amud Man..., 1970; Hovers et al., 1995; Rak, Kimbel, Hovers, 1994]. Первые человеческие останки, датированные средним палеолитом, были обнаружены в пещерах Табун и Схул на горе Кармель, и с самого начала их возможные взаимосвязи и таксономическое положение стали предметом споров. Проблема в том, что материалы этих двух стоянок, расположенных в непосредственной близости друг от друга, демонстрируют значительное разнообразие, хотя обе были отнесены к традиции, которая тогда называлась нижним левалуа-мустье [Garrod, Bate, 1937].

Т. Мак-Коун, который производил раскопки Схула и отвечал вместе с А. Кейсом за исследование находок, считал, что полученные материалы представляют две различные популяции [McCown, 1934] и что женский скелет из пещеры Табун может быть определен как неандертальский. А. Кейс, напротив, в комментариях к статье Т. Мак-Коуна указывал на принадлежность человеческих останков из этих двух пещер к одной и той же популяции неандертальцев, но утверждал, что по сравнению с неандертальцами Европы она имеет несколько более современные характеристики. В заключительной монографии [McCown, Keith, 1939] превалировала точка зрения А. Кейса, и все выделенные особи были отнесены к одному виду *Paleoanthropus palestinensis*. Однако существовала проблема, как объяснить те различия, которые наблюдались между двумя образцами. Авторы указали на возможность скрещивания между неандертальцами и кроманьонцами, но сразу отвергли ее своим тезисом о том, что гоминиды горы Кармель, относящиеся к промежуточным формам между неандертальскими и более современными, находились в процессе эволюции. Таким образом, исследователи определили “тенденцию к разделению на два типа в развитии населения горы Кармель как эволюционную дивергенцию, а не как смешение рас” [Ibid, p. 14].

Неопределенность в отношении идентификации и взаимосвязей находок с горы Кармель сохранялась до 1950-х гг., когда появилось новое понимание проблемы, как, например, в работе Ф. Ховела. В своих ранних попытках определить останки из Табуна и Схула он, так же как и другие, рассматривал их как относящиеся к одной высоковариативной популяции [Howell, 1951]. Однако Ф. Ховел отделил эти материалы от классических, более специализированных костных остатков европейских неандертальцев, утверждая, что останки с горы Кармель анатомически бо-

лее стандартны и представляют прогрессирующих неандертальцев – предшественников и классических неандертальцев, и современных людей. В своей более поздней работе [Howell, 1958] он исключил костные остатки из Схула, так же как и очень близкую коллекцию из раскопок Нойвилла в Кавзехе (которая осталась неизученной), из разряда неандертальцев и рассматривал их в качестве промежуточного связующего элемента между неандертальцами из Табуна и людьми современного физического типа, определяя его как “протокроманьонцы”.

Даже с привлечением новых образцов с других стоянок картина остается неясной, потому что сторонники каждой из указанных моделей рассматривают имеющиеся данные в соответствии со своей главной гипотезой. Так, одна группа рассматривает коллекцию останков среднепалеолитических гоминидов как представляющую единую высоковариативную популяцию [Arensburg, Belfer-Cohen, 1998; Corruccini, 1992; Kramer, Crummett, Wolpoff, 2001; Kidder, Smith R., Smith F., 1992; Wolpoff, 1992]. Представители второй группы видят в этой коллекции две различные популяции: останки из Табуна, Амуда и Кебары относят к поздним архаичным гоминидам, а именно неандертальцам, а материалы из Схула и Кавзеха – к ранним представителям анатомически современных людей [Rak, 1998; Stringer, 1992, 1998; Trinkaus, 1986, 1992; Vandermeersch, 1992, 1997].

В процессе рассмотрения хронологии палеоантропологических находок как раз и возникает вопрос о непрерывности и последовательности. Некоторые стоянки достаточно надежно датированы, возрастные оценки были проведены с применением нескольких методов, включая термoluminesцентный (ТЛ), электронный парамагнитный резонанс (ЭПР) и датирование по урановой серии (U-серия). Одним из таких памятников является Кавзех, одно время считавшийся довольно поздней среднепалеолитической стоянкой, датируемой примерно 50 – 40 тыс. л.н. [Jelinek, 1982; Trinkaus, 1984]. Первые указания на то, что ее возраст может быть значительно больше, по крайней мере более 85 тыс. лет, появились в процессе изучения микрофаунистической биостратиграфии [Bar-Yosef, Vandermeersch, 1981; Tchernov, 1988, 1994]. Подтверждения большой древности мустьерской коллекции из этой пещеры получены при определении возраста методами ТЛ, ЭПР и по урановой серии. ТЛ-даты в рамках 105 – 85 тыс. л.н. были определены по обгорелым кремням из уровней XVII – XXIII [Valladas et al., 1988]. Систематической ошибки по глубине не наблюдалось при учете экспериментальной погрешности, что подтверждает геологические свидетельства об очень быстром накоплении осадков. Средняя дата по всем слоям – 92 ± 5 тыс. л.н. Определения возраста по эмали зубов из слоев XV – XXI методом

ЭПР [Schwarcz et al., 1988] близки к значениям, полученным при ТЛ-датировании. Их разброс от 73,7 до 119 тыс. лет (EU) и от 89,1 до 143 тыс. лет (LU), соответствующие средние значения – 96 ± 13 и 115 ± 15 тыс. лет. Несмотря на то что даты по EU частично перекрывают данные ТЛ-датирования, а определения по LU указывают на несколько больший возраст, авторы считают среднее значение, основанное на модели LU, наиболее реальной оценкой возраста. Они утверждают, что есть основания рассматривать данные датирования урановым методом как промежуточные между сериями дат по EU и LU и что они “также дают определения возраста, перекрывающие доверительный интервал ТЛ-дат” [Ibid, p. 736]. Дополнительные подтверждения ТЛ-дат, в свою очередь, подтверждающих оценки по EU, были получены урановым методом по эмали тех же двух зубов из уровня XIX [McDermott et al., 1993], которые были использованы в анализе, проводимом Х. Шварцем [Schwarcz et al., 1988]. Результаты, полученные методами ЭПР и урановым, представлены в табл. 1. Следует отметить, что образец 368DE дал практически эквивалентные значения по урану и по EU, а 371EN – по урану несколько меньшее, чем по EU, но все равно оба они попадают в область доверительного интервала для среднего значения. Таким образом, результаты датирования тремя методами относят время существования мустье в Кавзехе примерно к 92 тыс. л.н.

Вторым примером, когда различные методы датирования хорошо коррелируются, является пещера Кебара. Первые ТЛ-определения сделал Х. Валладас [Valladas et al., 1987] по обгорелым кремням из слоев VI – XII, в самом нижнем из которых находились останки неандертальца. Позже был проведен ЭПР-анализ эмали зубов газели из слоя X [Schwarcz et al., 1989]. Н. Порат [Porat et al., 1994] применил метод ЭПР к тем же обгорелым кремням, которые анализировал Х. Валладас [Valladas et al., 1987]. Результаты представлены в табл. 2.

Никакой систематической ошибки по глубине от слоя X до слоя XII по ТЛ-датам отмечено не было, что указывает на частое заселение пещеры около 60 тыс. л.н. [Ibid]. Между датами для слоев VIII и VII существует небольшой интервал, но, по мнению авторов, учитывая возможные ошибки датирования, нельзя безоговорочно утверждать, что в этот период пещера была необитаемой. Основываясь на стратиграфических данных, авторы предполагают очень большую скорость накопления осадков, начиная со слоя XII и до слоя VII. В этом последнем датируемые образцы могли быть перетолженными в результате эрозионных процессов в пещере. Таким образом, можно уверенно говорить, что две серии дат, полученных по ЭПР, соответствуют ТЛ-датам [Schawrcz et al., 1989; Porat et

Таблица 1. Даты по урановой серии и ЭПР, полученные для слоя XIX пещеры Кавзех, тыс. л.н.
(по: [McDermott et al., 1993])

Образец	U-серия	ЭПР	
		EU	LU
371EN	$88,6 \pm 3,2$	103 ± 19	125 ± 22
368DE	$106 \pm 2,4$	105 ± 02	115 ± 08

al., 1994], погребение было совершено примерно 60 тыс. л.н., а мустьерская культура существовала до 50 тыс. л.н.

Амуд – еще одна надежно датированная пещерная стоянка. Первый ЭПР-анализ [Grün, Stringer, 1991] дал даты $42 \pm 3,0$ и $41 \pm 3,0$ тыс. л.н. (EU), $49 \pm 4,0$ и $50 \pm 4,0$ тыс. л.н. (LU). Они несколько сомнительны, т.к. точное место взятия образцов неизвестно. Позже были проведены повторные анализы по методам ТЛ, ЭПР и урану [Valladas et al., 1999; Rink et al., 2001]. Полученные в результате даты свидетельствуют о существовании мустьерской последовательности в пещере в пределах 70 – 53 тыс. л.н. К более позднему времени относится скелет взрослого неандертальца, найденный в самой верхней части последовательности [The Amud Man..., 1970], а скелет ребенка-неандертальца [Hovers et al., 1995], обнаруженный на большей глубине, датируется 61 тыс. л.н.

Стоянки Схул и Табун также были датированы несколькими способами. Однако полученные результаты не представляли такой ясной картины, как в предыдущих случаях. В пещере Схул трудность состояла в том, что практически все заполнение пещеры было разобрано первыми ее исследователями, что не позволило провести точную дозиметрию. К. Стрингер первым предпринял попытку датировать эту пещеру методом ЭПР по двум зубам жвачных животных [Stringer et al., 1989]. Получены EU-даты от 54,6 до 101 тыс. л.н., среднее значение 81 ± 15 тыс. л.н., и LU-даты от 77,2 до 119 тыс. л.н., в среднем 101 ± 12 тыс. л.н. (табл. 3). В таблице видно, что между двумя зубами существует некоторое несоответствие по датам, к этому вопросу мы еще вернемся.

Позже ТЛ-анализу были подвергнуты шесть образцов обожженного кремня [Mercier et al., 1993]. Полученные даты укладываются в рамки от 99,4 до 166,8 тыс. л.н., среднее значение 119 ± 18 тыс. л.н., что в определенном смысле согласуется с датами, полученными методом ЭПР по модели LU. Ф. Мак-Дермотт [McDermott et al., 1993] анализировал те же два образца, которые были изучены К. Стрингером, а также еще три других зуба из слоя В. Результаты представлены в табл. 4. Даты, полученные для образца 521, по урановой серии соответствуют определениям по EU. Что касается образца 522, то здесь на-

Таблица 2. Радиометрические определения возраста для пещеры Кебара, тыс. л.н. (по: [Porat et al., 1994])*

Слой	TL	ЭПР	
	Обожженный кремний	Обожженный кремний	Эмаль зубов
VI	48,3 ± 3,5	53,9 ± 4,6	—
VII	51,9 ± 3,4	66,7 ± 6,0	—
VIII	57,3 ± 4,0	58,2 ± 5,4	—
IX	58,4 ± 4,0	—	—
X	61,6 ± 3,6	—	60 ± 6,0 (EU) 64 ± 6,0 (LU)
XI	60 ± 3,5	65,1 ± 5,1	—
XII	59,5 ± 3,5	58,9 ± 5,5	—

* Приведены средние значения по каждому слою.

Таблица 3. Ранние (EU) и линейные (LU) значения, полученные методом ЭПР для слоя В пещеры Схул, тыс. л.н. (по: [Stringer et al., 1989])

Образец	EU	LU
521a	88,1 ± 17,9	102,0 ± 22,7
521b	86,1 ± 13,1	102,0 ± 18,1
521c	94,9 ± 15,6	109,0 ± 20,5
521d	101,0 ± 19,0	119,0 ± 25,1
522a	68,0 ± 5,4	98,3 ± 10,6
522b	73,0 ± 7,0	99,9 ± 12,4
522c	54,6 ± 10,3	77,2 ± 15,7
Среднее	81 ± 15	101 ± 12

Таблица 4. Сопоставление дат, полученных по U-серии и методом ЭПР для слоя В пещеры Схул, тыс. л.н. (по: [McDermott et al., 1993])

Образец	U-серия	ЭПР	
		EU	LU
521DE	80,3 ± 0,6	88 ± 13	102 ± 18
522EN	40,4 ± 0,2	68 ± 0,5	98 ± 11
854DE	41,4 ± 0,4	55 ± 0,5	65 ± 0,5
854EN	43,0 ± 0,5	55 ± 0,5	65 ± 0,5
856DE(1)	43,5 ± 0,1	46 ± 0,5	66 ± 0,5
856DE(2)	45,5 ± 0,7	46 ± 0,5	66 ± 0,5

блюдается расхождение: возраст, определенный по урановой серии, значительно меньше. Даты, полученные по образцу 856, хорошо согласуются между собой, данные датирования по двум образцам 854 не совпадают, но здесь наблюдается разница не того порядка, что у образца 522. Следовательно, появляются некоторые сложности с определением среднего значения. По мнению Ф. Мак-Дермотта [Ibid], в пещере Схул, вероятно, представлены две хронологические группы останков гоминидов. Эта идея была вначале предложена Т. Мак-Коуном и А. Кейсом [McCown, Keith, 1939], которые отметили возможную стратиграфическую разницу между захоронениями на данном памятнике: одна группа (III и VI – X) является

более ранней, чем другая (I, IV и V). На основании этих и других рассуждений А. Ронен [Ronen, 1976] также считал, что захоронения в Схуле, обнаруженные в пределах двухметровой толщи отложений слоя В, может разделять значительный промежуток времени. В таком случае по крайней мере некоторую часть периода обитания в пещере Схул можно отнести ко времени 100 тыс. л.н., примерно соответствующему середине стадии 5 океанической кислородно-изотопной шкалы (SPECMAP). Но не следует исключать и того, что пещерой пользовались и гораздо позже, возможно около 50 тыс. л.н. (стадия 4 шкалы SPECMAP). Кроме того, возможное существование двух хронологических групп останков гоминидов на этом памятнике не обязательно подразумевает большой промежуток времени между ними.

Обратимся к пещере Табун с очень длинной стратиграфической последовательностью [Garrod, Bate, 1937; Jelinek, 1982; Jelinek et al., 1973]. Эта стоянка часто упоминается как ключевая при проведении корреляций. Хронология данного памятника исключительно важна, но ее установление представляет особую трудность, т.к. различные методы анализа не всегда дают взаимно подтверждающиеся результаты. Первые определения были проведены по методу ЭПР [Grün, Stringer, Schwarcz, 1991]. Результаты, полученные для мустьерских слоев пещеры, представлены в табл. 5. Наблюдается существенная разница между сериями дат по LU и EU (первые везде на 17 – 20% превышают последние), определения по LU авторы считают более надежными. Ф. Мак-Дермотт с соавторами [McDermott et al., 1993] полагают, что ЭПР-даты наилучшим образом отражают реальный возраст различных уровней, т.к. видят соответствие между данными датирования урановым методом и той серией, которая получается из ранних допустимых значений в доверительном интервале дат по ЭПР (табл. 6). Они считают, что даты, полученные по образцам из слоев С и D, соответствуют диапазону определений возраста по EU в пределах доверительного интервала. Однако авторы не предлагают никаких объяснений расхождения дат по слою В.

Таблица 5. Средние значения, полученные при первоначальном и повторном датировании методом ЭПР мустьерских слоев пещеры Табун, тыс. л.н.

Слой	[Grün, Stringer, Schwarcz, 1991]		[Grün, Stringer, 2000]		
	EU	LU	EU	LU	U-серия/ЭПР
B	86 ± 11	103 ± 16	102 ± 17	122 ± 16	104 ⁺³³ ₋₁₈
C	102 ± 17	119 ± 11	120 ± 16	140 ± 21	135 ⁺⁶⁰ ₋₃₀
D	122 ± 20	166 ± 20	133 ± 13	203 ± 26	143 ⁺⁴¹ ₋₂₈

В табл. 5 также приводятся недавно пересмотренные ЭПР-даты и результаты комбинированного определения возраста по урановой серии и ЭПР [Grün, Stringer, 2000]. Авторы считают эти даты более правдоподобными. Согласно их утверждению о том, что дата по LU-ЭПР 122 ± 16 тыс. л.н. наиболее соответствует возрасту слоя В, мустьерская последовательность в пещере Табун начинается в ранний период стадии 7 кислородно-изотопной шкалы и продолжается до стадии 5^е.

Н. Мерсье с соавторами [Mercier et al., 1995] провели дополнительное ТЛ-датирование отложений в этой пещере по обожженным кремням. Полученные даты (табл. 7) значительно отличаются от оценок возраста методами ЭПР и урановым. Они указывают на гораздо больший возраст и, следовательно, сдвигают начало мустье (слой D) к стадии 8 кислородно-изотопной шкалы, а слой С попадает на конец стадии 7.

Недавно была предпринята попытка датировать скелет (Табун I) по урановой серии непосредственно по образцам, взятым из левой бедренной кости и нижней челюсти [Schwarcz, Simpson, Stringer, 1998]. Эти два образца дали противоречивые результаты, тем не менее авторы считают, что скелет относится ко времени 34 ± 5 тыс. л.н. Их определение критиковали как с археологической [Alpers et al., 2000], так и с методологической [Grün, Stringer, 2000; Millard, Pike, 1999] точки зрения. Р. Грюн и К. Стрингер на основании дополнительных ЭПР-дат, полученных по фрагменту зуба от этого же скелета, сделали заключение, что даты 112 ± 29 (EU) и 143 ± 37 тыс. л.н. (LU), очевидно, наиболее реальны и относят скелет к стадии 5 или концу стадии 6 шкалы SPECMAP.

В дополнение к проблемам датирования споры вызывает и стратиграфическое положение останков гоминидов в пещере Табун. Находки из уровня С [McCown, Keith, 1939] включают неполный женский скелет (Табун I), полную нижнюю челюсть (Табун II), основную часть бедра (Табун III), кости запястья и пальцев (Табун IV – VI). Споры касаются неандертальского скелета Табун I. Д. Гаррод [Garrod, Bate, 1937] отнес его к слою С, но утверждал, что, поскольку скелет найден в его верхней части, он мог быть переотложен из вышележащего слоя В. Такая

Таблица 6. Сопоставление дат по U-серии и ЭПР, полученных для пещеры Табун (по: [McDermott et al., 1993])

Слой/ образец	U-серия	ЭПР	
		EU	LU
B/550DE	50,7 ± 2,3	76 ± 14	85 ± 18
C/552DE	105,4 ± 2,5	111 ± 30	113 ± 31
C/551DE	101,7 ± 1,3	121 ± 29	134 ± 36
	97,8 ± 0,4	121 ± 29	134 ± 36
D/556EN	110,7 ± 0,9	93 ± 12	152 ± 24

Таблица 7. Средние значения ТЛ-дат для мустьерских слоев пещеры Табун (по: [Mercier et al., 1995])

Слой*		Дата, тыс. л.н.
I	C	171 ± 17
II	D/C	212 ± 22
V	D/C	244 ± 28
IX	D	263 ± 27

* В первой колонке слои по: [Jelinek, 1982; Jelinek et al., 1973], во второй – по: [Garrod, Bate, 1937].

интерпретация совсем недавно была предложена О. Бар-Йозефом и Дж. Калландером [Bar-Yosef, Callander, 1999]. По мнению А. Елинека [Jelinek et al., 1973], этот скелет мог попасть сюда из слоя D. Его аргументы основываются на том, что каменная индустрия Схула аналогична обнаруженной в слое С пещеры Табун. Так как первая была соотнесена с человеком современного физического типа, а согласно распространенному мнению, неандертальцы являются предшественниками анатомически современных людей, то Табун I должен относиться к периоду, предшествовавшему времени накопления культурных остатков в Схуле и слое С. Таким образом, исторически эта конкретная находка была перемещена в пределы мустьерской последовательности пещеры. Е. Тринкаус [Trinkaus, 1993a] исследовал кости правого запястья и пальцев (Табун IV – VI) из слоя С. Они представляют собой почти зеркальное отражение аналогичных костей левой руки скелета Табун I, следовательно, вероятность того, что этот скелет действительно принадлежит слою С, очень высока.

Нижняя челюсть Табун II также вызывает сомнения. Тут нет споров относительно стратиграфического положения, она безусловно принадлежит слою С. Однако некоторые исследователи определяют эту кость как принадлежащую неандертальцу [McCown, Keith, 1939; Stefan, Trinkaus, 1998; Trinkaus, 1983, 1987, 1993a], тогда как другие [Quam, Smith, 1998; Rak, 1998] считают, что она гораздо ближе останкам гоминидов из Схула и Кавзеа и должна быть классифицирована аналогичным образом. Споры относительно места нахождения основной части бедренной кости, которая определенно принадлежит неандертальцу, нет [Trinkaus, 1976]. Позже поступило сообщение о премоляре с типичными неандертальскими чертами, найденном на том же самом уровне [Jelinek, 1992].

Нет никаких сомнений в том, что неандертальцы определенно ассоциируются с коллекцией слоя С. Такое утверждение будет верно и в случае, если скелет Табун I на самом деле относится к слою В. Неуверенность в таксономической принадлежности нижней челюсти представляет собой еще одну дилемму. Если ее классифицировать как неандертальскую, то будет дополнительное свидетельство присутствия останков неандертальцев в слое С. Если же она действительно принадлежит анатомически современному человеку, это сильный аргумент в пользу одновременного существования двух популяций. В таком случае Табун будет единственным местом, где оба типа гоминидов представлены вместе в контексте мустьерской индустрии. На всех других известных стоянках присутствуют останки только одного типа. Наконец, стоит подчеркнуть, что, согласно описанию Д. Гаррода [Garrod, Bate, 1937], нижняя челюсть была найдена в 85 см ниже скелета. Хотя это и свидетельствует о большей древности челюсти, не похоже, чтобы разница во времени была велика, особенно учитывая имеющиеся радиометрические данные.

Если мы договорились считать этих гоминидов среднепалеолитическими, остается очень немного находок, которые отнесены к верхнему палеолиту. Вероятно, самой древней из них является “Эгберт” [Ewing, 1947] – останки ребенка анатомически современного типа, найденные в Кзар-Акил и датированные примерно 37 тыс. л.н. [Bergman, Stringer, 1989]. Имеются также фрагментарные верхнепалеолитические находки из Кавзеа, возраст которых предварительно оценивается приблизительно в 30 тыс. лет [Bar-Yosef, 2000].

Перерыв в последовательности палеоантропологических материалов

Из вышеприведенного обзора можно сделать несколько важных выводов. С одной стороны, если левантская коллекция состоит из двух разных групп,

то та, которая представляет анатомически современного человека, по большей части ограничена довольно коротким промежутком времени в течение стадии 5 кислородно-изотопной шкалы. С другой стороны, останки неандертальцев в основном соотносятся со стадией 4, как на стоянках Амуд и Кебара. Единственным исключением здесь является скелет Табун I, который, даже если и принадлежит слою В, датируется стадией 5, как и остальные останки неандертальцев из слоя С.

Проблема заключается в том, что между антропологическими материалами, представляющими среднепалеолитических людей анатомически современного типа и последовавших за ними верхнепалеолитических, существует хронологический перерыв примерно в 70 тыс. лет. К. Стрингер [Stringer, 1989] и Б. Вандермеерш [Vandermeersch, 1981] указывают на очень значительное морфологическое и метрическое сходство между группой Схул – Кавзеа и людьми раннего верхнего палеолита в Европе. Однако, как позже заметил Б. Вандермеерш [Vandermeersch, 1997], в дополнение к хронологическому существует также и территориальный пробел, который, как указывает автор, “может быть заполнен только материалами с Ближнего Востока” [Ibid, p. 111]. Сложность заключается в том, что на сегодня нет ни одного ранневерхнепалеолитического экземпляра (из-за немногочисленности останков и их плохой сохранности) из Леванта, на который можно было бы сослаться. Кроме того, хронологический перерыв заполняется только материалами, представляющими неандертальцев. Самые поздние из них, из Амуда, датируются примерно 53 тыс. л.н. Хотя эти свидетельства и несколько сокращают перерыв, все равно остается 20 тыс. лет.

Существует еще один путь возможного сужения временного интервала между гоминидами из Схула и Кавзеа и более поздними современными людьми. Он основан на том, что погребения III и VI – X в пещере Схул стратиграфически более ранние, чем захоронения I, IV и V [McCown, Keith, 1939]. Возможность наличия двух хронологических групп подтверждается датами, полученными по этой стоянке Ф. Мак-Дермоттом с соавторами [McDermott et al., 1993], которые показывают, что некоторые образцы могут относиться к раннему периоду стадии 5 шкалы SPECMAP, тогда как другие датируются примерно 50 тыс. л.н. Таким образом, временной интервал между самыми поздними палеоантропологическими материалами группы Схул – Кавзеа и самыми ранними верхнепалеолитическими останками из Леванта сокращается до 15 тыс. лет. Это делает непрерывность развития более вероятной. В данном контексте можно предполагать, что более поздние гоминиды из Схула должны быть анатомически несколько более “современными”

в сравнении со своими предшественниками. А. Ронен [Ronen, 1976] писал, что скелетные остатки из погребений I – V по своим характеристикам более современны, чем из погребений VI – IX, которые больше похожи на останки неандертальца из слоя C пещеры Табун. Однако анализ метрических [Corruccini, 1992] и неметрических [Kramer, Crummett, Wolpoff, 2001] характеристик черепов показал, что черепа Схул IV и IX, найденные на разных стратиграфических уровнях, наиболее похожи на неандертальские. Таким образом, недостаток стратиграфической корреляции вместе с осторожностью относительно данных датирования не позволяют сделать вывод о существовании на этой стоянке двух разновременных групп.

Гоминиды из Схула и Кавзеа представляют собой отдельную группу, т.к. они существовали в определенное время только в Леванте и Африке. В других регионах единственными человеческими останками, датруемыми стадией 5 шкалы SPECMAP, являются неандертальские. Далее, раз есть вероятность, что эти две группы, по крайней мере, частично одновременны в Леванте, то именно неандертальцы могли потеснить анатомически современных гоминидов из мест их обитания. Эти свидетельства могут означать, что группа Схул – Кавзеа была связана со своими двойниками из Африки, но представители данных родственных видов по неизвестным причинам не пошли в более северные широты. Возможно, в Леванте они встретили свою смерть от рук неандертальцев, как недавно предположил Дж. Ше [Shea, 2001, в печати (а, б)].

Трудности возникают также при рассмотрении среднепалеолитических гоминидов как группы, представляющей единую, но высоковариативную популяцию. Сравнение останков из Табуна и Амуда с останками из Схула и Кавзеа показывает, что эти две группы демонстрируют больше сходства между собой, чем каждая из них с любыми европейскими верхнепалеолитическими останками гоминидов [Corruccini, 1992; Kramer, Crummett, Wolpoff, 2001]. В последнем исследовании на основании анализа неметрических характеристик черепов доказано четкое различие между европейскими неандертальцами и верхнепалеолитическими людьми того же региона и отсутствие такового между неандертальцами и среднепалеолитическими людьми современного физического типа в Леванте. Тот факт, что левантийские гоминиды более похожи друг на друга, чем на верхнепалеолитических людей, должен означать, что эта популяция не являлась популяцией-предком для более поздних сообществ. Согласно данному сценарию, среднепалеолитические гоминиды Леванта просто могли прекратить свое существование примерно 50 тыс. л.н. и не смогли внести свой вклад в эволюцию современных людей.

Заключение

Итак, мультирегионалисты рассматривают коллекцию останков гоминидов Леванта как представляющую единую вариативную популяцию, в то время как сторонники гипотезы об африканской прародине человека видят в ней две различные популяции. Хронологический перерыв, о котором шла речь в данной работе, добавил еще один осложняющий фактор, требующий внимательного рассмотрения. Этот пробел в накопленной информации имеет огромное значение. При его заполнении обе рассмотренные выше версии могут быть пересмотрены. В таком случае остается невыясненным, что случилось со среднепалеолитическими гоминидами Леванта и кто их потомки, если таковые есть. Вполне может оказаться, что анатомически современные представители рода *Homo sapiens sapiens* являются потомками какого-то другого, совершенно неизвестного пока, предка.

Я глубоко признателен Джону Ше, Стиву Черчиллю и Аврааму Ронену за высказанные комментарии к первоначальному варианту статьи. Работа была выполнена во время моего пребывания в Отделении антропологии Университета штата Нью-Йорк в Стони Брук, и я выражаю свою благодарность отделению за проявленное гостеприимство.

Список литературы

- Alpers N., Barzilai O., Dag D., Hartman G., Matskevich Z. The age and context of the Tabun I skeleton: A reply to Schwarcz et al. // *Journal of Human Evolution*. – 2000. N 38. – P. 849 – 853.
- Arensburg B., Belfer-Cohen A. Sapiens and Neandertals: Rethinking the Levantine Middle Paleolithic hominids // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusensha, 1998. – P. 311 – 322.
- Bar-Yosef O. The Middle and Early Upper Paleolithic in Southwest Asia and Neighboring Regions // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam; Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. – Cambridge: Harvard University, 2000. – P. 107 – 156.
- Bar-Yosef O., Callander J. The Woman from Tabun: Garrod's Doubts in Historical Perspective // *Journal of Human Evolution*. – 1999. – N 37. – P. 879 – 885.
- Bar-Yosef O., Vandermeersch B. Notes concerning the possible age of the Mousterian layers at Qafzeh Cave // *Préhistoire de Levant* / Eds. J. Cauvin, P. Sanlaville. – P.: CNRS, 1981. – P. 555 – 569.
- Bar-Yosef O., Vandermeersch B., Arensburg B., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Speth J.D., Tchernov E., Tillier A.-M., Weiner S. The excavations in Kebara Cave, Mt. Carmel // *Current Anthropology*. – 1992. – N 33. – P. 497 – 550.

- Bergman C.A., Stringer C.B.** Fifty years after: Egbert, an early Upper Palaeolithic juvenile from Ksar Akil, Lebanon // *Paléorient*. – 1989. – N 15(2). – P. 99 – 111.
- Corruccini R.** Metrical reconsideration of the Skhul IV and IX and Border Cave 1 crania in the context of modern human origins // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1992. – N 87. – P. 433 – 445.
- Ewing J.F.** Preliminary note on the excavations at the Paleolithic site of Ksar Akil, Republic of Lebanon // *Antiquity*. – 1947. – N 21. – P. 186 – 196.
- Garrod D.A.E., Bate D.M.** The Stone Age of Mount Carmel. – Oxford: Clarendon, 1937.
- Grün R., Stringer C.B.** Electron spin resonance dating and the evolution of modern humans // *Archaeometry*. – 1991. – N 33. – P. 231 – 248.
- Grün R., Stringer C.B.** Tabun revisited: Revised ESR chronology and new ESR and U-series analyses of dental material from Tabun C1 // *Journal of Human Evolution*. – 2000. – N 39. – P. 601 – 612.
- Grün R., Stringer C.B., Schwarcz H.P.** ESR dating of teeth from Garrod's Tabun Cave collection // *Journal of Human Evolution*. – 1991. – N 20. – P. 231 – 248.
- Hawks J.D., Wolpoff M.H.** The four faces of Eve: Hypothesis compatibility and human origins // *Quaternary International*. – 2001. – N 75. – P. 41 – 50.
- Hovers E., Rak Y., Lavi R., Kimbel W.H.** Hominid remains from Amud Cave in the context of the Levantine Middle Paleolithic // *Paléorient*. – 1995. – N 21. – P. 47 – 61.
- Howell F.C.** The place of Neanderthal man in human evolution // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1951. – N 3. – P. 379 – 416.
- Howell F.C.** Upper Pleistocene man of the southwestern Asian Mousterian // *Hundert Jahre Neanderthaler* / Ed. by G.H.R. von Koenigswald. – Utrecht: Kemink und Zoon, 1958. – P. 185 – 198.
- Jelinek A.J.** The Tabun Cave and Paleolithic man in the Levant // *Science*. – 1982. – N 216. – P. 1369 – 1375.
- Jelinek A.J.** Problems in the chronology of the Middle Paleolithic and the first appearance of early modern *Homo sapiens* in southwest Asia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusensha, 1992. – P. 253 – 275.
- Jelinek A.J., Farrand W.R., Haas G., Horowitz A., Goldberg P.** New excavations at the Tabun Cave, Mount Carmel, Israel: a preliminary report // *Paléorient*. – 1973. – N 1. – P. 151 – 183.
- Kidder J., Smith R., Smith F.** Defining modern humans: a multivariate Approach // *Continuity or Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution* / Eds. G. Brauer, F. Smith. – Rotterdam: Balkema, 1992. – P. 157 – 177.
- Kramer A., Crummett T.L., Wolpoff M.H.** Out of Africa and into the Levant: Replacement or admixture in Western Asia? // *Quaternary International*. – 2001. – N 75. – P. 51 – 63.
- McCown T.D.** The oldest complete skeletons of man // *Bulletin of the American School of Prehistoric Research*. – 1934. – N 19. – P. 12 – 19.
- McCown T.D., Keith A.** The Stone Age of Mount Carmel II: The fossil human remains from the Levallois-Mousterian. – Oxford: Clarendon Press, 1939.
- McDermott F., Grün R., Stringer C.B., Hawkesworth C.J.** Mass-spectrometric U-series dates for Israeli Neanderthal/early modern hominid sites // *Nature*. – 1993. – N 363. – P. 252 – 255.
- Mercier N., Valladas H., Bar-Yosef O., Vandermeersch B., Stringer C., Joron J.-L.** Thermoluminescence date for the Mousterian burial site of es-Skhul, Mt. Carmel // *Journal of Archaeological Science*. – 1993. – N 20. – P. 169 – 174.
- Mercier N., Valladas H., Reyss, Jelinek A., Meignen L., Joron J.-L.** TL dates of burnt flints from Jelinek's excavations at Tabun and their implications // *Journal of Archaeological Science*. – 1995. – N 22. – P. 495 – 509.
- Millard P., Pike A.W.G.** Uranium-series dating of the Tabun Neanderthal: A cautionary note // *Journal of Human Evolution*. – 1999. – N 36. – P. 581 – 585.
- Nitecki M. H., Nitecki D.V.** Introduction // *Origins of Anatomically Modern Humans* / Eds. M.H. Nitecki, D.V. Nitecki. – N.Y.: Plenum Press, 1994. – P. 1 – 2.
- Porat N., Schwarcz H.P., Valladas H., Bar-Yosef O., Vandermeersch B.** Electron spin resonance dating of burned flint from Kebara Cave, Israel // *Geoarchaeology*. – 1994. – N 9. – P. 393 – 407.
- Quam R.M., Smith F.H.** A reassessment of the Tabun C2 mandible // *Neanderthals and Modern Humans in West Asia* / Eds. A. Takeru, A. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 405 – 421.
- Rak Y.** Does any Mousterian cave present evidence of two hominid species? // *Neanderthals and Modern Humans in West Asia* / Eds. A. Takeru, A. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 353 – 377.
- Rak Y., Kimbel W.H., Hovers E.** A Neanderthal infant from Amud Cave, Israel // *Journal of Human Evolution*. – 1994. – N 26. – P. 313 – 324.
- Rink W.J., Schwarcz H.P., Lee H.K., Rees-Jones J., Rabinovich R., Hovers E.** Electron spin resonance (ESR) and thermal ionization mass spectrometric (TIMS) $^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}$ dating of teeth in Middle Paleolithic layers at Amud Cave, Israel // *Geoarchaeology*. – 2001. – N 16. – P. 701 – 717.
- Ronen A.** The Skhul burials: An archaeological review // *Colloque XII: Les Sépultures Néandertaliennes: IX Congrès, Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Nice, 13 – 18 Septembre 1976*. – Prep. – Nice, 1976. – P. 27 – 40.
- Schwarcz H.P., Buhay W.M., Grün R., Valladas H., Tchernov E., Bar-Yosef O., Vandermeersch B.** ESR dating of the Neanderthal site, Kebara Cave, Israel // *Journal of Archaeological Science*. – 1989. – N 16. – P. 653 – 659.
- Schwarcz H.P., Grün R., Vandermeersch B., Bar-Yosef O., Valladas H., Tchernov E.** ESR dates for the hominid burial site of Qafzeh in Israel // *Journal of Human Evolution*. – 1988. – N 17. – P. 733 – 737.
- Schwarcz H.P., Simpson J.J., Stringer C.B.** Neanderthal skeleton from Tabun: U-series data by gamma-ray spectrometry // *Journal of Human Evolution*. – 1998. – N 35. – P. 635 – 645.
- Shea J.J.** Modern Human Origins and Neanderthal Extinction: New Evidence from the East Mediterranean Levant // *Athena Review*. – 2001. – N 4. – P. 21 – 32.
- Shea J.J.** The Middle Paleolithic: Neandertals and Early Modern Humans in the Levant // *Near Eastern Archaeology*. – N 63 (in press (a)).
- Shea J.J.** Bleeding or Breeding: Neandertals vs. Early Modern Humans in the Middle Paleolithic Levant // *Archaeology of the Near East* / Eds. R. Bernbeck, S. Pollock. – Malden: Blackwell Publishers (in press (6)). – (Blackwell Studies in Global Archaeology).

- Stefan V., Trinkaus E.** Discrete trait and dental morphometric affinities of the Tabun 2 mandible // *Journal of Human Evolution*. – 1998. – N 34. – P. 443 – 468.
- Stringer C.B.** Documenting the origin of modern humans // *The Emergence of Modern Humans: Biocultural Adaptations in the Later Pleistocene* / Ed. by E. Trinkaus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 67 – 96.
- Stringer C.B.** Replacement, continuity and the origin of *Homo sapiens* // *Continuity or Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution* / Eds. G. Brauer, F. Smith. – Rotterdam: Balkema, 1992. – P. 9 – 24.
- Stringer C.B.** Current issues in modern human origins // *Contemporary Issues in Human Evolution* / Eds. W.E. Meikle, F.C. Howell, N.G. Jabonski. – California Academy of Sciences, 1996. – Memoir 21. – P. 115 – 134.
- Stringer C.B.** Chronological and biogeographic perspectives on later human evolution // *Neanderthals and Modern Humans in West Asia* / Eds. A. Takeru, A. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 29 – 37.
- Stringer C.B.** Modern human origins – distinguishing the models // *African Archaeological Review*. – 2001. – N 18. – P. 67 – 75.
- Stringer C.B., Andrews P.** Genetic and fossil evidence for the origin of modern humans // *Science*. – 1988. – N 239. – P. 1263 – 1268.
- Stringer C.B., Grün R., Schwarcz H.P., Goldberg P.** ESR dates for the hominid burial site of es-Skhu in Israel // *Nature*. – 1989. – N 338. – P. 756 – 758.
- Tchernov E.** Biochronology of the Middle Paleolithic and dispersal events of hominids in the Levant // *L'Homme de Néandertal*. – Liège: Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, 1988. – Vol. 2: L'Environnement / Ed. by M. Otte. – P. 153 – 168.
- Tchernov E.** New comments on the biostratigraphy of the Middle and Upper Pleistocene of the southern Levant // *Late Quaternary Chronology and Paleoclimates of the Eastern Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef, R.S. Kra. – Tucson (AZ): Radiocarbon, Department of Geosciences, The University of Arizona, 1994. – P. 333 – 350.
- The Amud Man and His Cave Site** / Eds. H. Suzuki, F. Takai. – Tokyo: Academic Press, 1970.
- Trinkaus E.** The evolution of the hominid femoral diaphysis during the Upper Pleistocene in Europe and the Near East // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. – 1976. – N 67. – S. 291 – 319.
- Trinkaus E.** The Shanidar Neanderthals. – N.Y.: Academic Press, 1983.
- Trinkaus E.** Western Asia // *The Origins of Modern Humans* / Eds. F.H. Smith, F. Spencer. – N.Y.: Alan R. Liss, Inc., 1984. – P. 251 – 293.
- Trinkaus E.** The Neanderthals and modern human origins // *Annual Review of Anthropology*. – 1986. – N 15. – P. 193 – 218.
- Trinkaus E.** The Neanderthal face: evolutionary and functional perspectives on a recent hominid face // *Journal of Human Evolution*. – 1987. – N 16. – P. 429 – 443.
- Trinkaus E.** Morphological contrasts between the Near Eastern Qafzeh-Skhul and late archaic human samples: Grounds for a behavioral difference? // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. – P. 277 – 294.
- Trinkaus E.** Comment // *Current Anthropology*. – 1993a. – N 34. – P. 620 – 622.
- Trinkaus E.** Femoral neck-shaft angles of the Qafzeh-Skhul early modern humans, and activity-levels among immature Near Eastern Middle Paleolithic hominids // *Journal of Human Evolution*. – 1993b. – N 25. – P. 393 – 416.
- Valladas H., Joron J.-L., Valladas H., Arensburg B., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Tchernov E., Tillier A.M., Vandermeersch B.** Thermoluminescence dates for the Neanderthal burial site at Kebara in Israel // *Nature*. – 1987. – N 330. – P. 159 – 160.
- Valladas H., Joron J.-L., Valladas H., Bar-Yosef O., Vandermeersch B.** Thermoluminescence dating of Mousterian "Proto-Cro-Magnon" remains from Israel and the origin of modern man // *Nature*. – 1988. – N 331. – P. 614 – 616.
- Valladas H., Mercier N., Froget L., Hovers E., Joron J.-L., Kimble W.H., Rak Y.** TL dates for the Neanderthal site of the Amud Cave, Israel // *Journal of Archaeological Science*. – 1999. – N 26. – P. 259 – 268.
- Vandermeersch B.** Les Hommes Fossiles de Qafzéh (Israel). – P.: CNRS, 1981.
- Vandermeersch B.** The Near Eastern hominids and the origins of modern humans in Eurasia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. – P. 29 – 38.
- Vandermeersch B.** The Near East and Europe: Continuity of Discontinuity? // *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research* / Eds. G.A. Clark, C.M. Willermet. – N.Y.: Aldine De Gruyter, 1997. – P. 107 – 116.
- Wolpoff M.H.** The place of the Neandertals in human evolution // *The Emergence of Modern Humans: Biocultural Adaptations in the Later Pleistocene* / Ed. by E. Trinkaus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989a. – P. 97 – 141.
- Wolpoff M.H.** Multiregional evolution: The fossil alternative to Eden // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives in the Origins of Modern Humans* / Eds. P. Mellars, C.B. Stringer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989b. – P. 62 – 108.
- Wolpoff M.H.** Levantines and Londoners // *Science*. – 1992. – N 255. – P. 142.
- Wolpoff M.H.** Interpretations of multiregional evolution // *Science*. – 1996. – N 274. – P. 704 – 707.
- Wolpoff M.H.** Paleoanthropology. – 2nd Edition. – N.Y.: McGraw-Hill, 1999.
- Wolpoff M.H., Caspari R.** On Middle Paleolithic/Middle Stone Age hominid taxonomy // *Current Anthropology*. – 1997. – N 31. – P. 394 – 395.
- Wolpoff M.H., Wu X., Thorne A.G.** Modern *Homo sapiens* origins: A general theory of hominid evolution involving the fossil evidence from East Asia // *The Origins of Modern Humans* / Eds. F.H. Smith, F. Spencer. – N.Y.: Alan R. Liss, Inc., 1984. – P. 411 – 483.

УДК 903.27

А.-П. Франкфор

*Институт археологии и этнографии, Франция
Maison d'archéologie et Ethnologie
21, allée de l'Université, 92023 Nanterre cedex FRANCE
tél: 33 (0)1 46 69 25 00
fax: 33 (0)1 46 69 26 23
E-mail: francfort@mae.u-paris10.fr*

ОБРАЗЫ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ НА КАМНЕ И В ПРЕДМЕТАХ ИСКУССТВА (по материалам погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии)

Давно уже было замечено, что в эпоху железа обитатели степей и гор увековечивали свое искусство не только на металле, дереве и тканях, но также на скальных выходах и отдельных камнях. Петроглифы Центральной Азии довольно разнообразны по сюжетам. Многие выполнены в одном стиле, хотя относятся к разным местонахождениям и культурам. Однако нельзя говорить о полном совпадении двух характерных и основных способов изобразительной деятельности, реализованных в наскальном и других видах искусства. Стилистические особенности, унаследованные от наскального искусства, не всегда проявляются в наборе вещей, которые сопровождали умерших людей. Набор изобразительных средств в наскальном искусстве во многом разнообразнее и богаче, чем в прикладном искусстве, получившем отражение на предметах, которые обычно встречаются в погребениях эпохи бронзы и железа. Конечно, мы лишены возможности видеть все многообразие вещей той эпохи, поскольку многие из них, в частности предметы из органических материалов, исчезли. Но набор основных изобразительных элементов на отдельных образцах искусства пазырыкской культуры более разнообразен, нежели тот, что представлен на выбитых на скалах петроглифах, где пазырыкский стиль сохранен лишь в незначительной степени [Кубарев, 1999].

В.Д. Кубарев выделил в петроглифах Алтая следующие образы: олень, лось, лошадь и всадник, хищник семейства кошачьих, дикий кабан, дикий баран с изогнутыми рогами, птицы с распростертыми крыльями, птицы в сидячей позе и рыбы, а также сцены нападения хищника на травоядных. Устойчивость этого ху-

дожественного канона отчасти объясняется относительно коротким периодом существования пазырыкской культуры и сравнительно небольшим ее ареалом на территории Алтая и Казахстана, например, самые западные памятники наскального искусства с образами, запечатленными в пазырыкском стиле, открыты на Джунгарском Алатау (Ишкеолмес) и в Западном Казахстане (Баян Джурек) [Самашев, 2001].

Следует учитывать, что цели у древних художников, воплотивших свой мир образов в наскальном искусстве, были, очевидно, иными, чем у литейщиков, резчиков по дереву, ткачей и вышивальщиц. Наскальное искусство, как и оленные камни, конечно же, связано с окружающей природной средой. Оно было призвано привлекать к себе внимание или служить особым целям. Точно так же другие виды искусства имели свое специфическое назначение – украшать одежду людей и конское снаряжение. Несомненно, украшались и жилища людей, о чем свидетельствуют, например, настенные ковры пазырыкцев. Технические аспекты изобразительной деятельности во многом определяли особенности наскального и других видов прикладного и декоративного искусства. Так, техника резьбы по дереву была совершенно бесполезна при создании изображений на поверхности камня. Было невероятно трудно сотворить нечто подобное изящной, сложной, многоцветной вышивке на женской одежде, обнаруженной в погребении Пазырык-2.

Цель этой статьи – обратить особое внимание на отдельные изобразительные элементы искусства Синьцзяна и Бактрии, где наскальные изображения содержат в себе информацию о культурных контактах земледельцев с жителями степных районов.

В середине и начале второй половины I тыс. до н.э. на территории Синьцзяна обитали носители разных археологических культур [Debaine-Francfort, 1988, 1989]. Материальную культуру населения Западного Такламакана представляют находки из Загуньлука и Джумбулак-Кума. Загуньлук – это могильник, расположенный около Чарчан (Киемо) [He Dexiu, 1998; Kamberi, 1994], а Джумбулак-Кум – крепость в пустынной долине р. Керия [Debaine-Francfort, 2001a, б]. Оседлое население Джумбулак-Кума, используя искусственное орошение, выращивало хлебные злаки. Люди жили в больших домах, около которых размещались хозяйственные ямы. Женская и мужская одежда из Джумбулак-Кума по крою очень походила на одежду пазырыкцев, о чем свидетельствуют исследования российских археологов [Феномен..., 2000; Полосьмак, 2001]. Среди находок имеются характерного вида юбки, шаровары, халаты. Могильники в окрестностях Джумбулак-Кума изучали участники Керийской археологической экспедиции Китая и Франции. Исследовались индивидуальные надгробные памятники и захоронения в гробах. В ходе работ при раскопках могильника Загуньлук были обнаружены индивидуальные и несколько коллективных захоронений. Кроме того, при изучении памятников меньшего размера удалось обнаружить множество хорошо сохранившихся органических остатков. Найдено довольно много художественно украшенных вещей, характерных для обитателей степей.

Здесь мы не будем касаться вопроса этнолингвистической принадлежности населения этого региона. Уделим внимание изображениям, выполненным резьбой по дереву, и соотнесем их с петроглифами. В этой связи уместно обсудить вопрос об элементах украшения металлических изделий и тканей, но допустимый объем статьи вынуждает сосредоточиться только на резьбе по дереву. Как увидим далее, резьба по дереву связана с разными бытовыми предметами повседневного пользования.

В рассматриваемый период Бактрия находилась под властью Ахеменидов, а позднее греков. Она занимала территории современного Северного Афганистана, Южного Таджикистана и Узбекистана. От нее было недалеко до Синьцзяна, если двигаться по дороге через Кашгар, Яркенд и Памир. Примерно в середине I тыс. до н.э. памирские саки пасли свой скот на высокогорных пастбищах Памира и Каракорума [Литвинский, 1972]. Хорошо известно, что в Бактрии было процветающее земледелие, основанное на искусственном орошении полей, и значительная часть населения проживала в крупных городских центрах. Сведения о надгробных памятниках периода господства Ахеменидов отсутствуют. Это, вероятно, объясняется тем, что зороастрийская ре-

лигия исключала такую деталь погребального обряда. Но с приходом в Бактрию греков появились ритуалы погребения и кремации.

О местном искусстве времен господства Ахеменидов и греков можно судить по результатам раскопок городов и некоторым случайным находкам, связанным с грабительскими раскопками погребений. Обратимся к некоторым итогам исследования французской археологической экспедиции на местонахождении Ай Ханум в Афганистане (находки датируются началом III – концом II в. до н.э.) [Francfort, 1984; Guillaume, Rougeulle, 1987], таджикско-российской экспедиции на памятнике Тахт-и Сандин в Таджикистане [Литвинский, 2000; Litvinskiy, Pichikyan, 1994, 1995; Pichikyan, 1992], а также к знаменитым сокровищам Амударьинского клада [Артамонов, 1973; Barnett, 1968; Dalton, 1964; Двуреченская, 1996; Кузьмина, 1977, 1979; Ставиский, 1977; Зеймаль, 1979] и содержимому “Второго Амударьинского клада” [Pichikyan, 1997]. При этом сосредоточим внимание не на образцах типичного искусства двора Ахеменидов, чисто эллинского искусства и гениального искусства степняков с его орнаментированными изделиями из металла, а на анализе искусства местных камнерезов. Речь пойдет не о великом искусстве, получившем отражение в архитектурных художественных деталях или монументальной скульптуре, а о резьбе по камню, украшающей небольшие предметы. Акцент при этом будет сделан на культурно-историческую связь резьбы с петроглифами.

Такламакан (Синьцзян). Резчики по дереву и петроглифы

В Синьцзяне много петроглифов открыто в китайской части Алтая, меньше их обнаружено в районе Тянь-Шаня и совсем немного в Куньлуне [Francfort, 1994; Су Бэйхай, 1994; Ван Бинхуа, 1988; Ван Лишань, Ван Бо и др., 1998; Ван Минчжэ, 1986; Чжао Янфэн, 1987].

А. *Изображения оленя* (рис. 1 – 3). Образы оленя на сосуде и гребне из Загуньлука примечательны типичными особенностями стиля (рога животных показаны на спине, изображены лишь две ноги) [Francfort, 2001, figs. 17, 21]. Интересны симметрично размещенные олени, у которых отсутствует задняя половина туловища. Они вырезаны на гребне, обнаруженном на Загуньлуке [Ibid, fig. 4]. Вырезанная фигура оленя на деревянном блюде известна по находкам из Джумбулак-Кума [Debaine-Francfort, 2000a, fig. at p.172]. Эти линейно-схематичные изображения сходны с изображениями животного в петроглифах Казахстана: Тамгалы [Mar'jashev, Gor'jachev, Potapov, 1998, pl. 23, fig. 46], Майэмир [Марсадолов и др., 1998; Самашев, 1992, рис. 64, 2 – 16; 175, 13, 19 – 22; 176, 15] и Алтая [Кубарев, 1999]. Композиции с симметрично размещенными оленями, у которых отсутствует задняя половина

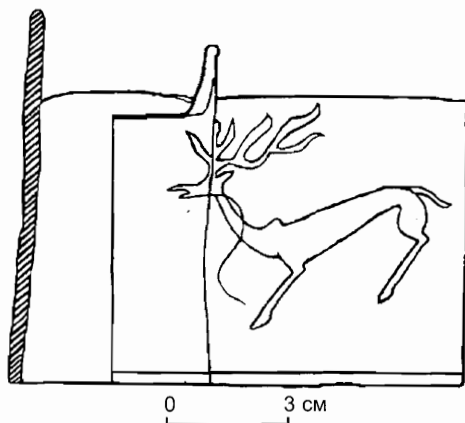

Рис. 1. Изображение оленя на деревянном сосуде. Загуньлук (Синьцзян).

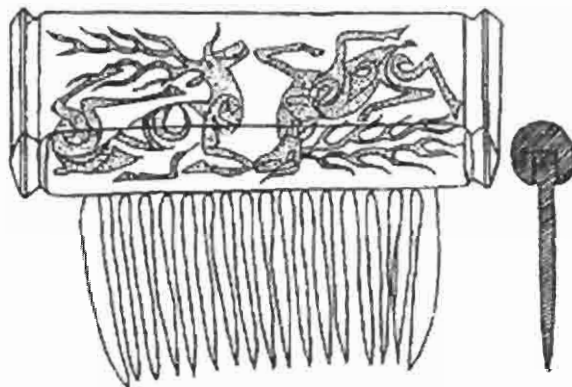

Рис. 2. Изображение оленя на деревянном гребне. Загуньлук (Синьцзян).

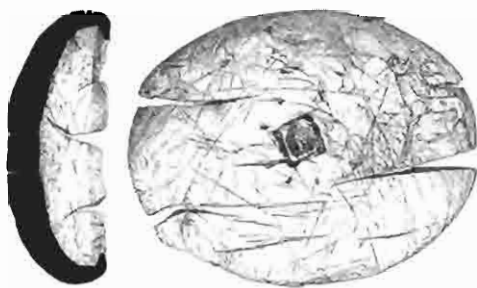

Рис. 3. Изображение оленя на деревянном блюде. Джумбулак-Кум (Синьцзян).

туловища, не воплощались на камне, но они часто встречаются на металлических поясных пряжках и диадемах [Francfort, 2001, p. 47].

Б. *Изображения лося* (рис. 4). На деревянном пряслице из Загуньлука вырезана фигура лося [Ibid, figs. 26, 27]. Среди петроглифов подобные изображения этого животного не известны. Однако манера исполнения головы, морды, носа, ушей типична для петроглифов Сибири периода архаики (Томская Писаница, Шалаболино, Суханиха, Алтай [Шер, 1980, рис. 101; Kilunovskaya et al., 2000]). Изображения лося, аналогичные отмеченному в Загуньлуке, характерны для культур железного века Тувы, Казахстана и Алтая [Баркова, 1984; The Altai Culture..., 1995; Кубарев, 1999].

В. *Изображения лошади* (рис. 5). На пряслице из Загуньлука вырезано схематичное изображение лошади (без задней половины туловища) [Francfort, 2001, fig. 23]. Лошади подобного вида запечатлены в наскальном искусстве Алтая [Кубарев, 1999, табл. IV, 13], они зафиксированы также на изделиях, которые найдены в пределах территории, расположенной между р. Амударьей и оз. Иссык.

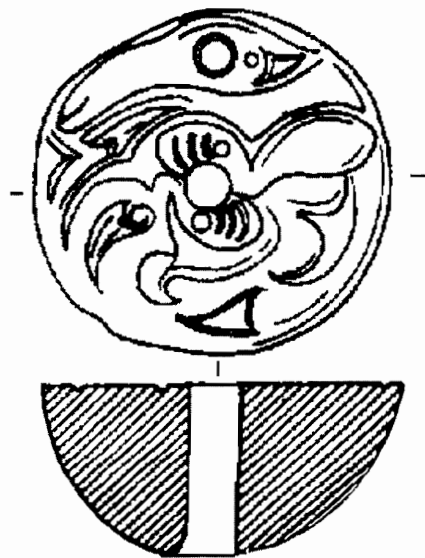

Рис. 4. Изображение лося на деревянном пряслице. Загуньлук (Синьцзян).

Г. *Сцена нападения: волк и дикие бараны* (рис. 6). Композиция, представленная на гребне из Загуньлука [Keyom, 2000, p. 416], весьма обычная для искусства степняков; ее варианты получили воплощение на поверхности камня [Кубарев, 1999, табл. VI, 4 – 17]. Образ волка, очень сходный с тем, что вырезан на гребне из Загуньлука, широко распространен в наскальном искусстве Южной Сибири [Sher, 1995, pl. 58] и в Кыргызстане (Жалтырак-Таш). Изображения дикого барана часто встречаются в Казахстане (Хантау и т.д.). В Сибири в основном запечатлен дикий козел (*Capra ibex sibirica*). Дикие бараны иногда показаны идущими рядами или разрозненно, как это представлено в сцене, вырезанной на одном из гребней [Баркова, 1984].

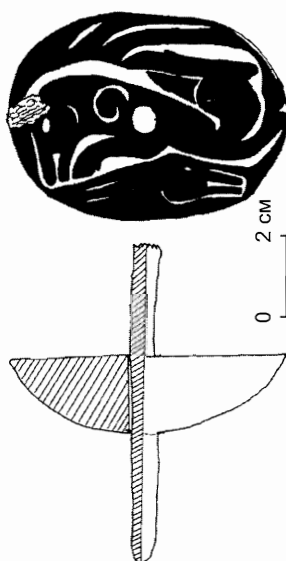

Рис. 5. Изображение лошади на деревянном пряслице. Загуньлук (Синьцзян).

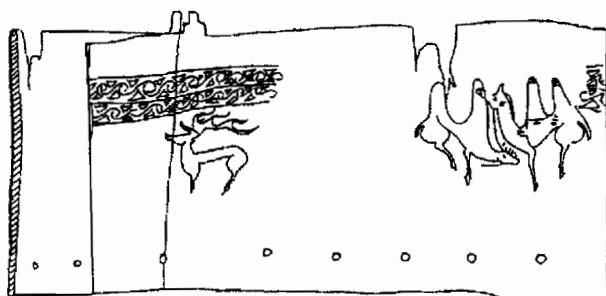

Рис. 7. Изображение верблюдов на деревянном сосуде. Загуньлук (Синьцзян).

Дикий баран и волк, а также сцена нападения хищника на травоядное широко известны на предметах искусства степняков [Кубарев, 1999; Polos'mak, 1995; Полосьмак, 2000], а также по находкам в Синьцзяне на памятнике Джумбулак-Кум [Debaine-Francfort, 2001a, p. 167; Francfort, 2001, fig. 13] (волк нападает на дикого барана).

Д. *Противоборство верблюдов* (рис. 7, 8). Сцена имеет точные аналоги не только в орнаментике на различных предметах [Королькова, 1999], но и среди петроглифов Казахстана [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 103, рис. 53; с. 128, рис. 79] (рис. 9). Сходны все детали изображений верблюдов: волосяной покров на голове, ноги, высокие горбы и пр.

Е. *Стилистические особенности*. Резьбой по дереву и выбивкой на камне воспроизведены одни и те же темы и мотивы, более того, они исполнены в единой манере. Например:

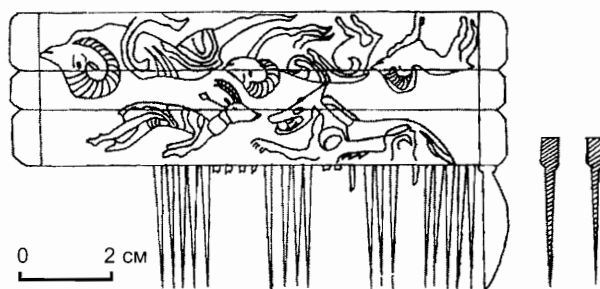

Рис. 6. Изображение волка и диких баранов на деревянном гребне. Загуньлук (Синьцзян).

Рис. 8. Изображение верблюдов на деревянном сосуде. Загуньлук (Синьцзян).

а) общие детали: мускулы переданы изогнутыми линиями; рога оленя уложены на его спине; тело животных очерчено линиями;

б) отсутствие задней половины туловища животных типично для искусства восточной части Центральной Азии, особенно для Алтая и Тянь-Шаня; тот же стилистический прием широко использовали пазырыкцы;

в) бинарные композиции: противоборство верблюдов и нападение хищников на травоядных. Первая относится к казахской разновидности искусства степняков (как и фриз с изображением дикого барана), тогда как вторая широко распространена в горно-степной зоне Центральной Азии.

Ж. *Семантика изображений и функциональное назначение предметов*. Можно считать, что тут налицо некое иконографическое и стилистическое единство [Francfort, 2001]. Сходство изображений и стиля свидетельствует о том, что одинаковый худо-

Рис. 9. Изображение верблюдов на поверхности камня. Арпозен (Казахстан).

жественный мир образов, воплощенных на поверхности камня и на деревянных изделиях, простирался от казахстанских степей до пустынных пространств Такламакана.

Элементы изобразительного искусства Такламакана украшали предметы повседневного пользования – ведра, гребни, пряслица. Пользовались ли такими предметами только женщины? Утверждать или отвергать это трудно. Главное состоит в том, что аналогичные образы и стиль характерны для изделий повседневного пользования, а не для престижных и дорогих украшений и ритуальной атрибутики. Следовательно, эти изображения не несут важную смысловую нагрузку и потому их следует считать чисто декоративными. Вместе с тем они составляют богатый набор разных иконографических и стилистических элементов.

Для представителей населения аллювиальной равнины, подобной той, что находится в дельте Керии, и оседлого земледельческого общества эти изображения, возможно, не имели того же значения, что петроглифы, широко распространенные на скалах в северных областях, где обитали кочевые пастушеские племена. Земледельцы Загуньлука и Джумбулак-Кума не носили металлических поясных пряжек и сложных головных уборов с многочисленными украшениями, но богато украшали конское снаряжение. Для людей, обитавших вдали от скал, а также древних кочевников Пазырыка, Тувы, Улангома и носителей других культур окружавшие их предметы служили основой для художественного воплощения определенных образов.

Бактрийские камнерезы и петроглифы

На юге Узбекистана и Таджикистана известно относительно немного местонахождений петроглифов. В Афганской Бактрии таковые пока не обнаружены.

Памир также не очень богат памятниками наскального искусства. Подходящие для сравнения материалы широко представлены на территории Восточной Бактрии в районе долины верхнего течения Инда.

А. *Каменные крышки* (рис. 10, 11). Эти весьма специфические изделия бактрийских камнерезов Ай Ханума закрывали сверху каменные ящики, которые считаются прообразом буддистских гробниц кушанского периода [Francfort, 1976]. Крышки украшались либо инкрустацией из цветных пластин, либо гравировкой в стиле геометрического псевдонатуралистического узора, либо изображениями животных или людей. Все мотивы исполнены в технике наклонной резьбы, сопровождаемой клинообразными насечками. Среди животных обычно изображены лошади и дикие бараны. Их фигуры размещались фризом вокруг центральной выпуклой части крышки и чередовались с участками, украшенными геометрическим узором или инкрустациями. Головы баранов повернуты к спине, рога развернуты, а одна из передних ног согнута, что создает впечатление движения галопом. Грива лошадей показана отделенным от шеи рядом острых клинообразных насечек. Некоторые участки крышки оставлены неукрашенными, на них просматриваются вкрапления не затронутой обработкой породы камня. Те же черты отчетливо прослеживаются на двух изображениях на камне, обнаруженных в долине верхнего течения Инда. Они датируются серединой I тыс. до н.э. (рис. 12, 13) [Jettmar, Thewalt, 1987, S. 18, photo 5; pl. 4]*. Изображение дикого барана находит некоторые параллели с фигурами на печатях из сокровищницы Персеполя, но отличается от фигур, представленных на печатях царской серии. Печати из Ай Ханума также имеют сходные черты [Guillaume, Rougeulle, 1987, pl. 27, 5]. На печати из частной коллекции, составленной из находок из Бактрии, крылатые и рогатые животные (пегасы?) изображены в той же позе, что и лошади в петроглифах в верховьях Инда (одна из их передних ног согнута) (рис. 14) [Sarianidi, 1998, fig. 1399].

Б. *Гербовые печати*. Немногие из них по происхождению связаны с Ай Ханумом. Если не учитывать классического вида скараба из халцедона (греко-персидский стиль), на котором представлено изображение собаки, и аметиста с портретом принцессы [Francfort, 1984, pl. XXXV], то все печати не относятся к категориям престижной дворцовой глиптики. Здесь в качестве материала для изготовления печатей использовался обычный сланец, а изображения выполнялись схематично.

* Здесь “лошадь” оценивается как поздний элемент, однако изображения лошадей, диких баранов и определенные стилистические черты Ай Ханума указывают на раннюю дату.

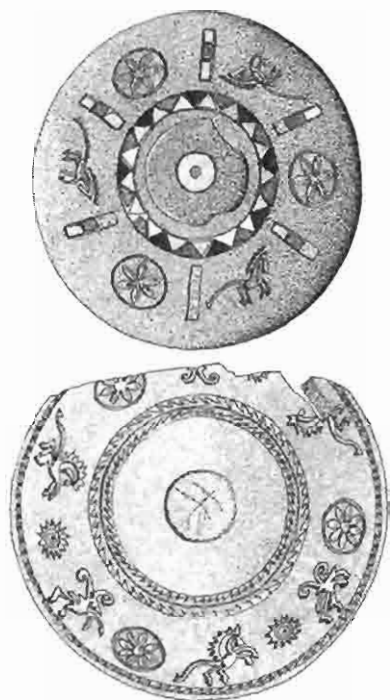

Рис. 10. Изображения лошадей и баранов на каменной крышке. Ай Ханум (Афганистан).

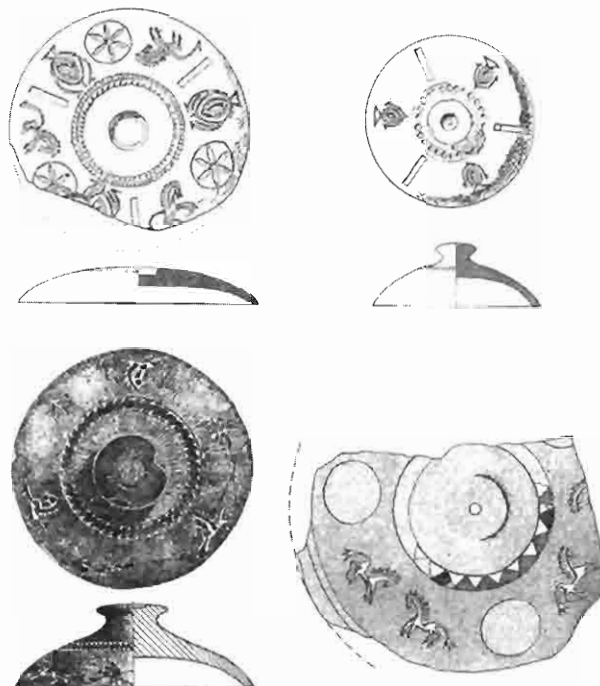

Рис. 11. Изображение лошадей на каменной крышке. Ай Ханум (Афганистан).

Рис. 12. Изображение лошади на поверхности камня. Талпан (Пакистан).

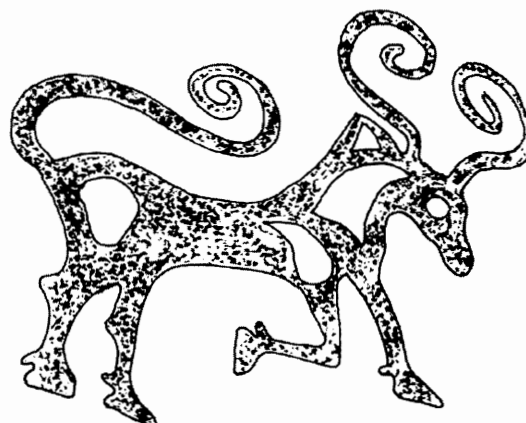

Рис. 13. Изображение мифической лошади на поверхности камня. Талпан (Пакистан).

а) лошадь (рис. 15) [Guillaume, Rougeulle, 1987, pl. 27, 5; pl. 24, 12]. Пирамидальная прямоугольная печать с тремя фигурами (мчащаяся галопом лошадь и два извилистых знака), вырезанными на лицевой стороне. У лошади четыре ноги, длинный хвост и отделенная от шеи грива, изображенная клинообразными насечками. Все это напоминает упомянутые выше украшения на каменной крышке и позволяет думать, что работа была выполнена одним мастером или по крайней мере в той же художественной мастерской. В той же манере и в том же стиле исполнена мчащаяся галопом лошадь на печати (неизвест-

Рис. 14. Изображение мифической лошади на каменной печати. Бактрия (Афганистан).

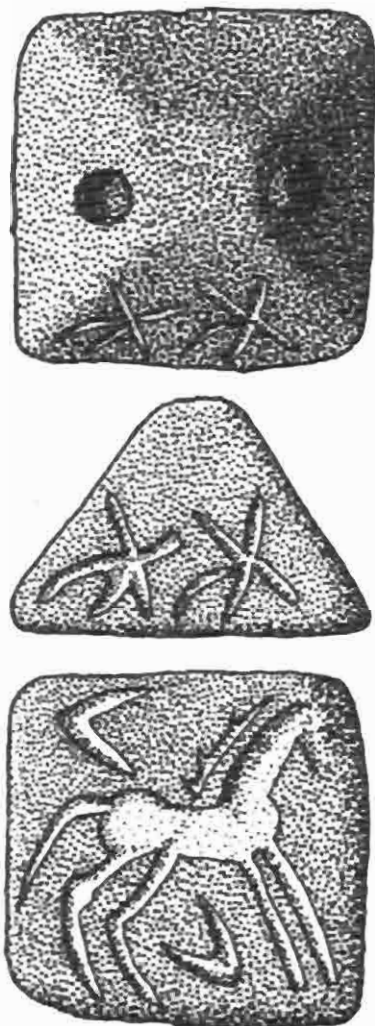

Рис. 15. Изображение лошади на каменной печати.
Ай Ханум (Афганистан).

ного происхождения) из Бактрии [Sarianidi, 1998, fig. 1373, 2]. На другой стороне печати запечатлен крылатый монстр, похожий на дракона.

б) монстр (рис. 16). Еще одна печать из Ай Ханума имеет коническую форму. На ней изображено лежащее животное из семейства кошачьих с крыльями и рогами [Guillaume, Rougeulle, 1987, pl. XXIV, fig. 8; pl. XX, fig. 4]. Две сходные печати из Бактрии находятся в частной коллекции [Sarianidi, 1998, figs. 1369, 1370] (рис. 17). Передняя нога животного поднята вверх, а рог изображен клинообразными насечками. Среди петроглифов нет точных параллелей этим изображениям монстров – подражаниям средневосточному образу сфинкса, заимствованного вместе со стилистическими приемами резьбы по камню, которые использовались в наскальном искусстве, а также в народном искусстве бактрийцев. “Линейный клинообразный стиль” либо произошел от наскального искус-

Рис. 16. Изображение сфинкса на каменной печати.
Ай Ханум (Афганистан).

Рис. 17. Изображение сфинкса на каменной печати.
Бактрия (Афганистан).

ства, либо изначально использовался при резьбе по камню и дереву. Небольшой размер печатей и каменных крышек – это то, о чем тоже стоит задуматься: технически разнородные тонкие линии и клинообразные насечки мастерски совмещались друг с другом при украшении изделий. Этот стиль характерен для предметов местного происхождения (крышки) или для тех, что были заимствованы у ахеменидских мастеров (цилиндрические, пирамидальные или конические гербовые печати). Ниже этот важный вопрос будет рассмотрен в связи с анализом образа животного из семейства кошачьих.

В. *Цилиндрическая печать* (рис. 18). Животное из семейства кошачьих. На фрагменте цилиндрической печати из Ай Ханума представлено геральдическое животное из семейства кошачьих, судя по полосам, тигр [Guillaume, Rougeulle, 1987, pl. XXIV, fig. 3; pl. XX, fig. 7]. У животного четыре ноги с длинными когтя-

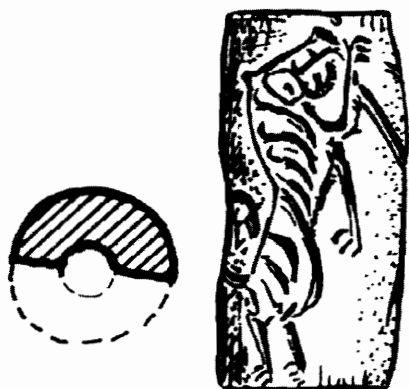

Рис. 18. Изображение тигра на каменной цилиндрической печати. Ай Ханум (Афганистан).

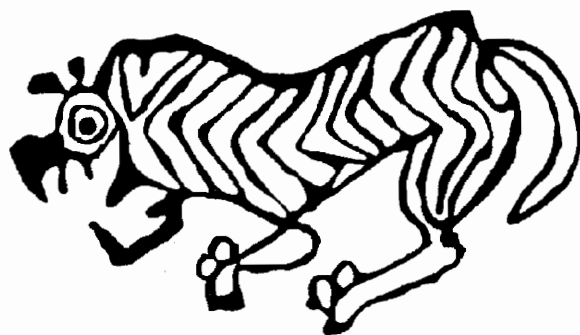

Рис. 20. Изображение тигра на поверхности камня. Иньшань (КНР).

ми, загнутый над спиной хвост, открытая клювовидная пасть и круглый глаз. Возможно, это персонаж одной из версий сражения богатыря царского статуса с монстром (но почему в данном случае тигр?) или сцены борьбы либо просто отдельное изображение тигра. Стиль исполнения животного аналогичен тому, что использовали степняки при изображении хищников семейства кошачьих. Этот стиль отражен в наскальном искусстве и на оленных камнях в Монголии, Сибири и Казахстане, а также в рисунках на художественных изделиях [Новгородова, 1984, с. 98, рис. 37] (рис. 19, 20). Однако одно изображение животного из семейства кошачьих на бактрийской печати из личной коллекции имеет стилистические особенности искусства степняков [Sarianidi, 1998, fig. 1377] (рис. 21).

На другой цилиндрической печати из той же коллекции изображено свернутое клубком животное из семейства кошачьих — один из самых популярных мотивов искусства степняков (рис. 22). Изображения таких животных встречаются среди петроглифов, на оленных камнях, а также на изделиях из металла, дерева и другого материала (см. недавно опубликован-

Рис. 19. Изображение животных из семейства кошачьих на поверхности скал и на оленных камнях. Центральная Азия.

Рис. 21. Изображение животного из семейства кошачьих на каменной печати. Бактрия (Афганистан).

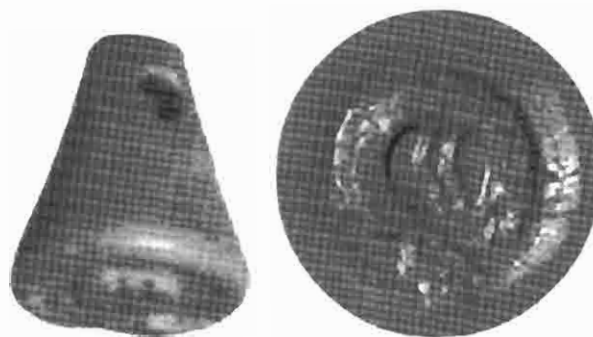

Рис. 22. Изображение свернутого клубком животного из семейства кошачьих. Бактрия (Афганистан).

ные статьи по этому вопросу [Кисель, 1994; Marazov, 2000; Полидович, 2001]). В Бактрии искусство степняков нашло отражение на предметах явно средневосточного происхождения. Лучшая иллюстрация тому — цилиндрическая печать с исполненной на ней фигурой, характерной для степного искусства. Бактрийские камнерезы объединяли самые разные изобразительные традиции. В этой связи можно также вспомнить

Рис. 23. Бактрийские каменные печати.
Гарав-Кала (Таджикистан).

Рис. 24. Изображение крылатой лошади на каменной
печати. Бешкент (Таджикистан).

о том, что две волчьи головы, выполненные в стиле искусства степняков, были найдены в Тахт-и Сангине: одна запечатлена на бронзе, другая – на желтом мыльном камне [Зеймаль, 1985, рис. 214] с типичными для Ай Ханума инкрустацией из цветных камней и манерой стилизации.

Г. *Функции предметов и значение изображений.* Изделия из Бактрии отличаются некоторым иконографическим и стилистическим единством, которое характерно и для искусства Синьцзяна: мотив глаза и клюва; животное, свернутое клубком; положение и форма рогов оленя; сцены борьбы животных; изображение острых когтей; сохранение необработанных участков поверхности камня на шее, плечах и спине запечатленных художником животных.

Каменные крышки и печати из Бактрии представляют собой образцы местного народного искусства, отличного от дворцового искусства Ахеменидов и греков, а также от классического искусства степняков. Притом декоративные предметы могут быть либо чисто местными по происхождению (крышки дарохранилищ – *rukides* или небольшие ящички для хранения монет), либо переоформленными персидскими изделиями (цилиндрические и пирамидальные гербовые печати). Этот довольно своеобразный (по форме, манере украшения, иконографии) тип печати встречается не только в Афганской Бактрии. Аналогичные изделия обнаружены среди печатей-амулетов на местонахождении Гарав-Кала в Таджикистане (рис. 23) [Там же, с. 140, рис. 379 – 381], в долине Бешкента (рис. 24) [Denisov, 1996] и в Хорезме (печати из подъемных сборов близ Кодж-Крылган-Калы (см.: [Полевые исследования..., 1960, с. 13, рис. 8]), совсем иные печати найдены на самом памятнике). Сцены и фигуры, запечатленные по шаблону на некоторых изделиях из Хорезма (охота на оленя, грифон, верблюды), также свидетельствуют о связях в ахеменидско-эллинистический

период народного искусства Центральной Азии с искусством степняков. Неизвестно точное назначение самих этих изделий, но то, что украшает их, по иконографии напоминает степное, особенно наскальное, искусство. Мотивы эти заимствованы у обитателей степей и гор. Что касается образа рогатого и крылатого монстра, то он мог быть либо переработкой изображений драконов бронзового века Бактрии, либо заимствован у персов. У Ахеменидов рогатые животные из семейства кошачьих, львы, обычно наделялись рогами козла, а не оленя. Вместе с тем у степняков некоторые изображения животных, таких как волк или тигр, украшающих погребальную колоду из Туэкты, имеют рога оленя [Руденко, 1960, рис. 154, κ]. Тем не менее по строению тела и расположению отдельных его частей бактрийский монстр более напоминает сфинкса Ахеменидов на золотой пластине из Амударьинскогоклада. И в данном случае “рога оленя” – стилизованная корона [Dalton, 1964, pl. XXI, fig. 27]. Не исключено, что ахеменидский сфинкс мог быть традиционной моделью животного семейства кошачьих с рогами оленя, исполненной в “линейном клинообразном стиле”. Другой важный момент – характерные стилистические особенности: сохранение необработанных участков поверхности камня, изображение округлого глаза и клюва, изогнутого и прямого рога, согнутой передней ноги, длинных когтей и зубов. Все это – весьма примечательные черты искусства степняков, в значительной степени наскального (см., напр., изображения лошадей в долине верховьев Инда). Кроме того, важно, что степные мастера резьбы по камню и дереву использовали линейную обработку рисунка, технику наклонной резьбы и клинообразные насечки. В ту пору изделия многих видов делали из металла, и те, которые предполагалось украсить, стилизовали изображениями, давали художнику возможность успешно реализовать задуманное.

Некоторые наблюдения, проблемы и выводы

А. *Разные по историческому происхождению предметы* – местные предметы повседневного пользования в Синьцзяне; малопрестижные предметы в Бактрии; изображения, сходные с теми, что наличествуют среди петроглифов, имеют разные истоки и служат разным целям в земледельческих обществах.

Б. *Подбор изображений* – лошади и пр. Как в Синьцзяне, так и в Бактрии, встречаются изображения лошадей, диких рогатых животных (баран и олен), хищных зверей (волк и тигр). Но изображения синкретических животных или монстров в Синьцзяне отсутствуют, по крайней мере в рассматриваемый период. Спустя два столетия на шампунских тканях появились изображения монстров, напоминающие пазырыкские и ноин-улинские. Синкретические чудовища, независимо от их происхождения (местного или ахеменидского), имели своих предшественников в Бактрии и Южной Сибири, но, видимо, не в Такламакане.

В. *Незапечатленные образы*. Интересно отметить отсутствие некоторых из наиболее популярных персонажей и композиций наскального искусства (птица, колесница, сцена охоты и пр.) на местонахождениях, которые здесь рассматриваются. Это обусловлено в какой-то мере, вероятно, временем бытования культур (диапазон тем и изображений в железном веке на всей территории Центральной Азии был не столь широк, как в бронзовом) и отчасти типом общества: земледельцы могли использовать иные средства (пространственные, искусство ваяния) для того, чтобы отразить в оригинальном искусстве свое мировоззрение, отличное от миропонимания кочевников.

Г. *Мастерские*. Очевидно, бактрийские камнерезы составляли некую корпорацию мастеров по изготовлению каменных ящичков (дарохранительниц) и крышек для них, а также подвесок с инкрустацией из камней того же цвета, что украшают некоторые каменные крышки и ритоны из рога. Эти умельцы создавали произведения искусства, не следуя степному ахеменидскому или греческому стилю. Плоды их труда – образцы чисто бактрийского искусства [Francfort, 1984, p. 122 – 123]. Что касается орнаментированных предметов из дерева из Синьцзяна, то их хорошо налаженное производство находилось, вероятнее всего, в руках “единоличников”, проживавших в сельской местности. Деревянные изделия, украшенные сходной линейной резьбой, найдены в Циньхае [Ковалев, 2001], но они, вероятно, не имеют родственных связей с оленными камнями на Алтае [Кубарев, 1979, с. 72, рис. 19]. Эти предметы обнаружены в могилах, над которыми ставились каменные изваяния. Похоже, тут неуместно говорить о городских объединениях мастеров художественного творчества.

Д. Должна быть признана важность местного народного творчества земледельческих обществ, оплодотворенного центральноазиатской тематикой, мотивами и стилем. Ясна и значимость текстильных и металлических изделий. Бесспорно, что наряду с кочевниками с их искусством степного мира существовали великие империи земледельческих обществ. Единый художественный стиль степняков имел широкое распространение, но на данной стадии исследования трудно точно сказать, что способствовало этому. Тем не менее факт влияния, которое степное искусство оказывало на самобытное бактрийское искусство в период господства Ахеменидов и греков, имеет огромное историческое значение. В Синьцзяне четче прослеживаются чисто степные особенности художественного творчества. Еще более контрастно выглядит наскальное искусство в районе Памира, где оно представлено весьма скупо. Чтобы выйти на бактрийское искусство, связанное с изображениями на камне, а также на искусство степняков, следует двигаться по маршруту, ориентированному в зону бассейна верхнего течения Инда [Jettmar, 1991; Parzinger, 2001]. Эта традиция до некоторой степени сохраняется при исполнении популярных мотивов искусства на амулетах в первые века нашей эры, например, в Таджикистане (Душанбе) и Узбекистане (Кончи II). Та же традиция прослеживается в Таксиле (Taxila), Парфии, Маргиане и Хорезме, но отражена она в изобразительном искусстве, основанном на более каноничных формах ахеменидского, греко-персидского и греческого искусства, представленного в степях, Амударьинском кладе и “Втором Амударьинском кладе”.

Список литературы

- Артамонов М.И.** Сокровища саков: Амударьинский клад, алтайские курганы, минусинские бронзы, сибирское золото. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.
- Баркова Л.Л.** Резные изображения животных на саркофаге из 2-го башадарского кургана // Археол. сб. – 1984. – № 25. – С. 83 – 89.
- Ван Бинхуа.** Петроглифы, изображающие ритуал плодородия, в Канцзяшимэньцзы, уезд Хэтуби // Синьцзян вэнью. – 1988. – № 2. – С. 2 – 15 (на кит. яз.).
- Ван Бо, Лу Липэн, Сюй Хуйхун, Айнивар Айшань, Юсуф Маймайи.** Могилики № 1 в Цахуньлук, уезд Цемо, Синьцзян // Синьцзян вэнью. – 1998. – № 4. – С. 1 – 53 (на кит. яз.).
- Ван Лишань, Ван Бо.** Чжунго Артай шань цаюань вэнью [Памятники материальной культуры в горных степях Алтая, Китай]: China's Cultural Relics of Grassland in Altai. – Урумчи; Шэньчжэнь: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1996. – 96 с. (на кит. яз.).
- Ван Минчжэ.** Обзор недавно обнаруженных петроглифов Алтая // Синьцзян шэхуэй кэсюэ. – 1986. – № 6. – С. 78 – 81 (на кит. яз.).

- Двуреченская Н.Д.** Стержни из могильников Северной Бактрии – Тохаристана и их аналогии в амударьинском кладе // РА. – 1996. – № 3. – С. 171 – 175.
- Зеймаль Е.В.** Амударьинский клад. – Л.: Наука, 1979. – 94 с.
- Зеймаль Е.В.** Древности Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1985. – 341 с.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, 1977.
- Кисель В.А.** Несколько замечаний об образе кошачьего хищника в раннем скифском искусстве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху / Отв. ред. А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, Л.С. Марсадолов, В.А. Семенов. – СПб.: РАН; Российский фонд фундаментальных исследований; ИИМК; Гос. Эрмитаж; Проект “Скифо-Сибирика”. – 1994. – С. 111 – 121.
- Ковалев А.А.** О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века: Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. С.Н. Астахов. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. – С. 160 – 166.
- Королькова Е.Ф.** Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // Археол. сб. – 1999. – № 34. – С. 68 – 96.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая. Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 112 с.
- Кубарев В.Д.** Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 84 – 92.
- Кузьмина Е.Е.** Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации амударьинского клада // Искусство Востока и античности. – М.: Наука, 1977. – С. 16 – 25.
- Кузьмина Е.Е.** О двух перстнях амударьинского клада с изображением царя // СА. – 1979. – № 1. – С. 35 – 45.
- Литвинский Б.А.** Бактрийский храм Окса и восточно-иранский эллинизм: проблемы и гипотезы // ВДИ. – 2000. – № 2. – С. 213 – 221.
- Марсадолов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жегыбаев Ж.М.** Исследования в Восточном Казахстане в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997 г. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. – 1998. – С. 7 – 11.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Полевые исследования** Хорезмской экспедиции в 1957 г. // Материалы Хорезмской экспедиции / Под ред. С.П. Толстова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 4.
- Полидович Ю.Б.** К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. – 2001. – № 3. – С. 25 – 34.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкские войлоки: укокская коллекция // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 94 – 100.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Изд-во Галым, 1992. – 287 с.
- Самашев З.С.** Петроглифы Казахстана // Петроглифы Центральной Азии / Отв. ред. К. Ташбаева, М. Хаджаназаров, В. Ранов, З. Самашев. – Бишкек: Изд-во Междунар. Ин-та изучения Центральной Азии в Самарканде, 2001. – С. 151 – 219.
- Ставиский Б.Я.** Заметки об амударьинском кладе // Искусство Востока и античности. – М., 1977. – С. 42 – 47.
- Су Бэйхай.** Синьцзян яньхуа [Наскальные рисунки Синьцзяна]. – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1994. – 613 с. (на кит. яз.).
- Феномен алтайских мумий** / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Чжао Янфэн.** Чжунго Артай шань яньхуа [Наскальные рисунки в Алтайских горах Китая]. – Сиань: Шэньси жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1987. – 128 с. (на кит. яз.).
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
- Barnett R.D.** The art of Bactrica and the treasure of the Oxus // Iranica Antiqua. – 1968. – N 8. – P. 34 – 54.
- Dalton O.M.** The Treasure of the Oxus. – L.: The British Museum, 1964. – 75 p.
- Debaine-Francfort C.** Archéologie du Xinjiang des Origines aux Han. I // Paléorient. – 1988. – Vol. 14(1). – P. 5 – 29.
- Debaine-Francfort C.** Archéologie du Xinjiang des Origines aux Han. II // Paléorient. – 1989. – Vol. 15(1). – P. 183 – 213.
- Debaine-Francfort C.** Keriya, mémoires d'un fleuve // Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan. – P.: Editions Findakly, 2001a. – 245 p.
- Debaine-Francfort C.** Xinjiang and Northwestern China around 1000 B.C. Cultural Contacts and Transmissions // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999 (Kolloquien Vor- und Frühgeschichte, vol. 6) / Red. R. Eichmann und H. Parzinger. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2001b. – S. 57 – 70.
- Denisov E.** Ch'i – Lien, Mao – Mond. Masken aus den Kurganen von Pazyryk und die Yüetschi-Tokharer – zur Einordnung eines Steinsiegel – Intaglios aus dem Beshkent-Tal in Süd-Tadschikistan // Archäologische Mitteilungen aus Iran. – 1996. – N 28. – S. 329 – 336.
- Francfort H.-P.** Les mod'èles gréco-bactriens de quelques reliquaires et palettes 'a fards 'gréco-bouddhiques' // Arts Asiatiques. – 1976. – Vol. 32. – P. 91 – 98.
- Francfort H.-P.** Fouilles d'Aï Khanoum III. Le sanctuaire du temple 'a nuches identées 2. Les trouvailles. – P.: De Boccard, 1984. – 143 p. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; Vol. 27).
- Francfort H.-P.** New Data Illustrating the Early Contacts between Central Asia and the North-West of the Subcontinent // South Asian Archaeology. – Madison: Wisconsin Prehistory Press, 1989. – P. 97 – 102. – (Monographs in World Archaeology; Vol. 14 / Ed. C. Jarrige).
- Francfort H.-P.** Les pétroglyphes d'Asie centrale et la route de la soie // Les Routes de la soie. Patrimoine commun, identités plurielles. – Paris: UNESCO, 1994. – P. 35 – 52.

Francfort H.-P. De l'art des steppes au sud du Taklamakan // *Bul. of the Asia Institute*. – 2001. – N 11. – P. 45 – 58.

Guillaume O., Rougeulle A. Fouille d'Aï Khanoum VII. Les petits objets. Dessins de A. Rougeulle et G. Samoun. – P.: De Boccard, 1987. – 74 p. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; Vol. 31).

He Dexiu. A Brief Report on the Mummies from the Zaghunluk Site in Chärchän County // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia* / Ed. V. Mair. – Philadelphia: The Institute for the Study of Man; The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998. – P. 169 – 174.

Jettmar K. The Art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley // *South Asian Studies*. – 1991. – N 7. – P. 1 – 20.

Jettmar K., Thewalt V. Between Gandhara and the Silk Roads. Rock-Carvings along the Karakorum Highway. – Mainz: Philipp von Zabern, 1987. – 36 S.

Kamberi D. The Three Thousand Year Old Chärchän Man Preserved at Zaghunluk // *Sino-Platonic Papers*. – 1994. – N 44. – P. 1 – 15.

Keyom H. Report on the excavations of five graves at Zaghunluk, Jumo County // *China Archaeology and Art Digest*. – 2000. – Vol. 3(4). – P. 415 – 417.

Kilunovskaya M.E., Krasnienko S.V., Semenov V.A., Subbotin A.V. Investigation of rock art in the North-West of the Minusinsk basin in 1999 // *SAPAR Bul.* – 2000. – N 3. – P. 22 – 24.

Litvinskiy B.A., Pichikyan I.R. A rhyton from Takhti Sangin // *Ancient Civilizations*. – 1994. – Vol. 1(3). – P. 355 – 364.

Litvinskiy B.A., Pichikyan I.R. Gold Plaques from the Oxus Temple (Northern Bactria) // *Ancient Civilizations*. – 1995. – Vol. 2(2). – P. 196 – 200.

Marazov I. The "coiled carnivore": visual etymology of the subject // *International Prehistoric Art Conference* 3 – 8 August

1998) / Ed. Ja.A. Sher. – Kemerovo: SAPAR, 2000. – Vol. 2. – P. 150 – 160.

Mar'jashev A.N., Gor'jachev A.A., Potapov S.A. Kazakhstan I: choix de pétroglyphes du Semirech'e (Felsbilder im Siebenstromland) (*Répertoire des Pétroglyphes d'Asie centrale, fascicule 5*). – P.: De Boccard, 1998. – 51 p. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; Vol. 5(5)).

Parzinger H. Bemerkungen zu einigen Tierstilbronzen zwischen Karakorum und Pamir // *Lux Orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann zum 65. Geburtstag* / Red. R.M. Boehmer und J. Maran. – Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2001. – S. 321 – 326.

Pichikyan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achämenidische Kunst in Mittelasien. – Berlin: Akademie Verlag, 1992. – 155 S.

Pichikyan I.R. Rebirth of the Oxus treasure: second part of the Oxus treasure from the Miho Museum collection // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. – 1997. – Vol. 4(4). – P. 307 – 383.

Polos'mak N.V. Investigations of a Pazyryk Barrow at Kuturguntas // *Ancient Civilizations*. – 1995. – Vol. 2(1). – P. 92 – 111.

Sarianidi V.I. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. – Moscow: Pentaglyphic Ltd., 1998. – 335 p.

Sher Ja.A. Commentaire // *Répertoire des pétroglyphes d'Asie centrale*. – P.: De Boccard, 1995. – Fascicule 2: Sibérie du Sud 2: Tepsej I – III, Ust'-Tuba I – IV (Rus sie, Khakassie). – P. I – XX. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Dir. H.-P. Francfort et Ja.A. Sher; Vol. 5(2)).

The Altai Culture: Catalogue. – Seoul: N.p., 1995. – 191 p.

Материал поступил в редколлегию 29.03.02 г.

УДК 902.2

В.Д. Кубарев¹, Д. Баяр²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su*²*Институт истории АН Монголии
Жуковын гудамж, 77, Улаанбаатар – 51, Республика Монголия
E-mail: otgon@magicnet.mn*

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ШИВЕТ-УЛАНА (ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛИЯ)

Введение

В последние годы внимание ученых все больше привлекают археологические и историко-культурные памятники Монголии. Возросший интерес связан с интеграцией научных исследований стран Запада и Востока, результатом которой явились десятки международных экспедиций. В настоящее время на постоянной основе на территории Монголии работают ученые из России, США, Германии, Франции, Бельгии, Турции и Республики Корея. В ряду новейших исследований можно назвать и ревизионные работы, которые в 1997 г. проводили участники совместного монгольско-японского проекта по изучению исторических мест и древних надписей Монголии [Provisional report, 1999, pl. 5, a – i]. Они обследовали, в частности, один из крупнейших поминальных мемориалов древнетюркской знати, известный в научной литературе как Шивет-Уланский комплекс. В данной публикации авторы приводят описание каменных скульптур, уточненные прорисовки фигур, цветные фотографии и точные координаты комплекса, а также дают анализ реалий, показанных на изваяниях, – все это является одним из главных условий для исчерпывающего научного исследования и исторической реконструкции.

Описание комплекса

Древнетюркский мемориал Шивет-Улан находится в 520 км к западу от г. Улан-Батора, на административной границе Баян-Агт сомона Булганского аймака и Хайрхан-сомона Архангайского аймака (рис. 1). Географическое положение памятника на территории Центральной Азии определяется координатами: 48° 47' 54" с.ш. и 102° 00' 45" в.д. и высотой местности 1 340 м над ур. м.

Комплекс сооружен на восточном склоне небольшой возвышенности (рис. 2) у слияния рек Хануй и Хуни. Его внешняя ограда образована насыпным каменным валом, а внутреннее пространство разделено такой же каменной стенкой на две части: в западной расположена высокая и обширная насыпь с “грабительской (?)” воронкой в центре, в восточной – изваяния людей, скульптуры львов, баранов и остатки поминального храма в виде обломков кирпичей и черепицы (рис. 3). На восточной стороне за входным проемом в насыпном валу ранее была установлена песчаниковая плита, на лицевой стороне которой выгравировано около 60 знаков (рис. 4). Балбалы отсутствуют. Нет также постамента в виде изображения черепахи и памятной стелы с надписями, традиционных для отдельных поминальных храмов правящего рода тюрков-тугю*. Все каменные скульптуры на Шивет-Уланском памятнике изготовлены из вулканического базальта темно-серого цвета, который был взят из близко расположенных каменных разломов. Надо полагать, что где-то рядом находилась и мастерская каменотесов, изготовивших в короткий срок около 20 скульптур.

В предыдущих публикациях исследователи называли разное количество каменных фигур, находящихся в Шивет-Улане. Так, Б. Бамбаев писал, что там имеются изображения девяти человек и пяти собак (львов). Ц. Доржсурэн увидел всего шесть человеческих скульптур, количество изображений львов и баранов им не названо. По сведениям С. Харжаубая, на памятнике были фигуры девяти человек, четырех-пяти львов и четырех баранов. В.Е. Войтов насчитал

* Описание, план памятника и изображение стелы с там-гами взяты из работы В.Е. Войтова [1996, с. 30, рис. 10, 42].

также девять каменных изваяний людей, фигуры четырех львов и четырех баранов. В 1997 г., когда один из авторов в очередной раз обследовал Шивет-Уланский комплекс, на нем находились скульптурные изображения восьми людей, пяти баранов и двух львов. Все скульптуры оказались смещенными со своих первоначальных мест и размещались беспорядочно. Одно обломанное изваяние человека, две скульптуры львов и одна фигура барана были вывезены в разные населенные пункты Архангайского и Булганского аймаков.

В отличие от других многофигурных поминальных комплексов Монголии на Шивет-Уланском памятнике в каменных изваяниях запечатлены люди в полный рост. Среди них можно различить восемь мужских и одну женскую фигуры. Головы у всех отбиты и утрачены, возможно, уже в последние 100 лет. На фотографиях, отснятых в 1912 г. Г.И. Рамstedом, видны две неповрежденные фигуры. Однако, несмотря на то, что некоторые изображения дошли до нас только во фрагментарном виде, считаем необходимым привести описание всех сохранившихся каменных фигур людей, львов и баранов. Одни фигуры представлены в статье фотографиями (рис. 5 – 9), другие в виде графических прорисовок (рис. 10, 11).

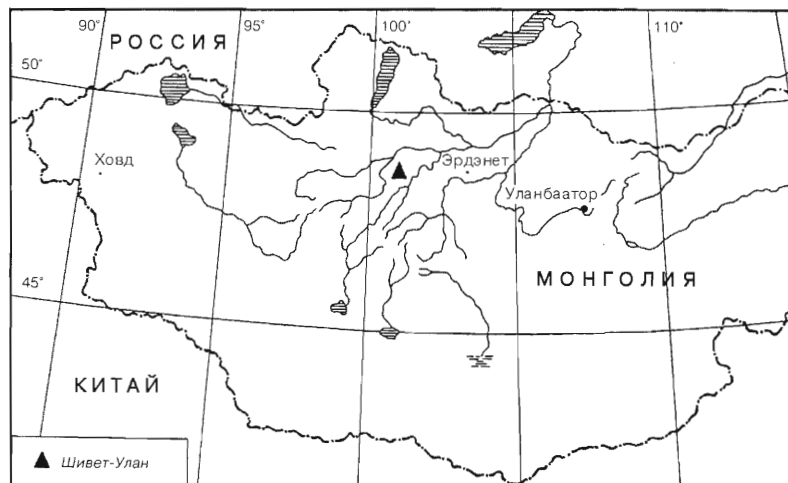

Рис. 1. Карта-схема Монголии с местом расположения древнетюркского мемориала Шивет-Улан.

Рис. 2. Общий вид на мемориал Шивет-Улан.

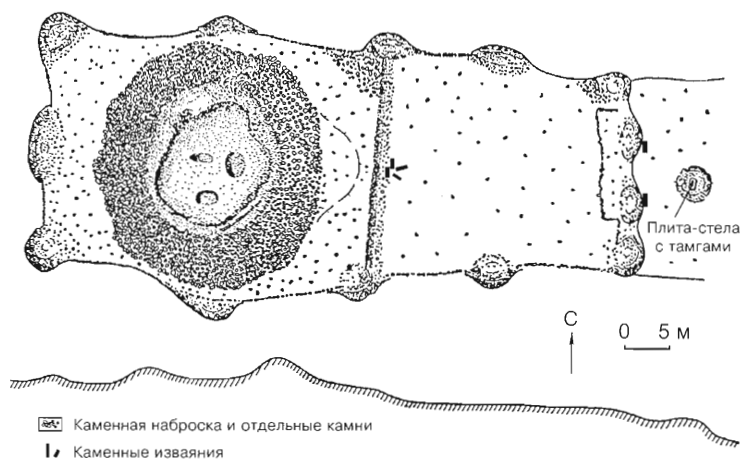

Рис. 3. План памятника Шивет-Улан.

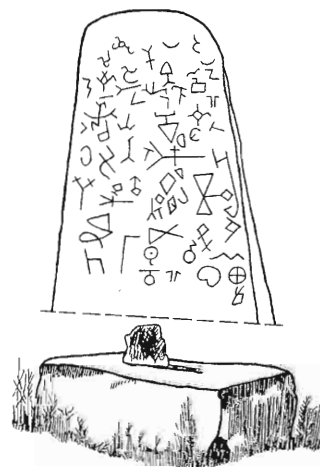

Рис. 4. Памятная плита-стела с тамгами. Шивет-Улан.

Рис. 5. Изваяние 1. Вид анфас. Шивет-Улан.

Рис. 6. Изваяние 1. Вид сзади. Шивет-Улан.

Рис. 7. Первая фигура барана. Шивет-Улан.

Рис. 8. Третья фигура барана (овцы?) с барельефным изображением ягненка. Шивет-Улан.

Рис. 9. Первая фигура льва. Шивет-Улан.

Изваяние 1 (см. рис. 10, 1). Человек показан со сложенными на груди руками. При этом кисти рук как бы спрятаны внутри длинных рукавов одежды. Верхняя длиннополая одежда с отворотами треугольной формы расстегнута на груди. Под вырезом распахнутой одежды, возможно, обозначен край глухого воротника рубахи. Левая пола халата изображена поверх правой. Пояс спереди гладкий, а сзади параллельными линиями разделен на три полосы, там же прослеживается рельефный наконечник поясного ремня. На спине имеется длинная вертикальная линия, по-видимому, обозначающая главный соединительный шов одежды. На левом боку изображена круглая сумочка – *каптаргак*. Размеры фигуры $118 \times 47 \times 25$ см.

Изваяние 2 (см. рис. 10, 2). В левой руке на уровне груди человека изображен длинный и узкий предмет, напоминающий посох или жезл. Правая рука опущена вниз, кисть покоится на эфесе сабли. Длиннополая одежда с широкими двусторонними отворотами треугольной формы расстегнута на груди. Запах одежды не определяется. Пояс обозначен выбитой полосой, на которой нанесена продольная неглубокая линия. На левом боку человека показан круглый *каптаргак* с подвешенным длинным и узким предметом (мусат – точильный брусок или подвесной ремешок(?)). На правом боку изображен длинный меч(?) с отогнутой под небольшим углом рукоятью. Он, очевидно, показан в ножнах, прикрепленных к поясу с помощью длинного портупейного ремня. Размеры фигуры $107 \times 40 \times 22$ см.

Изваяние 3 (см. рис. 10, 3). Человек двумя руками на уровне груди держит округлой формы сосуд, из-под которого свешивается небольшой платок. Он в длиннополой одежде с левосторонним запахом и отвернутыми наружу округлыми лацканами. Под вырезом просматривается воротник рубашки. Пояс отсутствует. В левой части полы одежды (халата) в области живота изображен ромбовидный предмет, напоминающий пряжку или, что более вероятно, при-

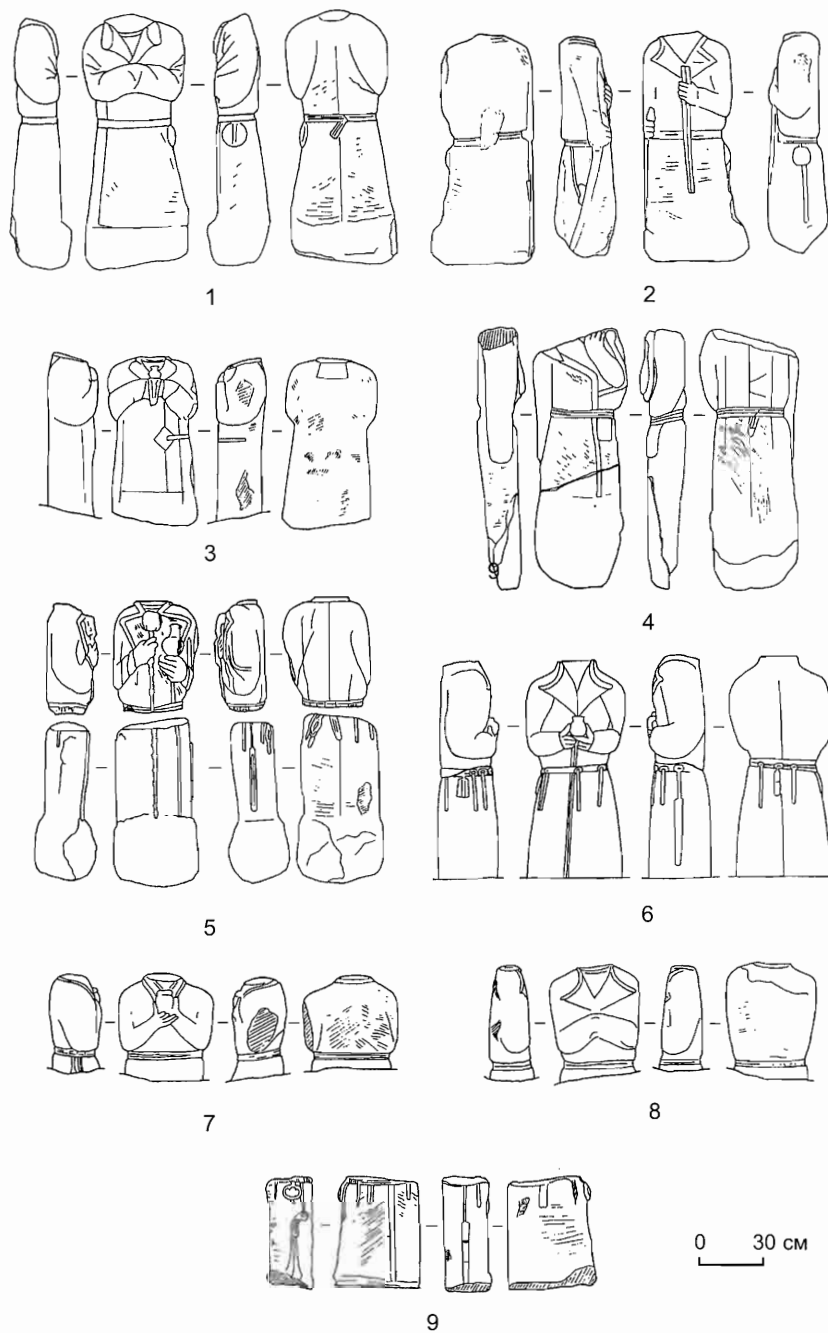

Рис. 10. Каменные изваяния людей. Шивет-Улан.

шитый лоскут ткани, от которого на левый бок фигуры отходит завязка(?) халата, показанная неглубокой и короткой бороздой. На спине на уровне плеч хорошо различима рельефная фигура трапецевидной формы, видимо, изображающая нижний край прически или наатыльник головного убора. Размеры фигуры $80 \times 42 \times 22$ см.

Изваяние 4 (см. рис. 10, 4). Верхняя часть вместе с головой отбита и утрачена. Правая рука опущена вниз, левый пустой рукав засунут за пояс, при этом левая оголенная рука согнута в локте, а кисть руки

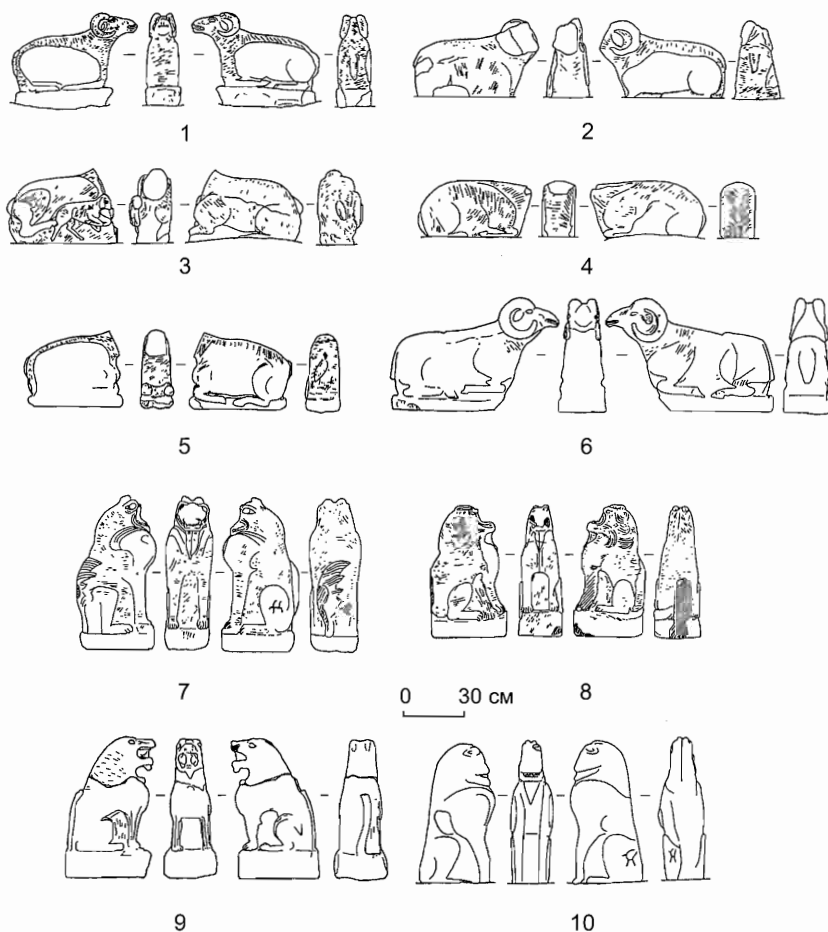

Рис. 11. Каменные фигуры баранов (1 – 6) и львов (7 – 10). Шивет-Улан.

находится на уровне плеча. Одежда имеет левосторонний запах, край верхней полы окаймлен широкой полосой. К поясу, разделенному на три части двумя продольными линиями, на левом боку подвешена небольшая сумочка прямоугольной формы. На спине различимы одна длинная и две короткие вертикальные линии, а также свисающий наконечник ремня, как бы заправленный под пояс. Размеры фигуры $121 \times 45 \times 20$ см.

Изваяние 5 (см. рис. 10, 5). Представляет собой два крупных обломка фигуры, разбитой точно по линии пояса. В левой руке на уровне груди изображен сосуд с округлым туловом, высоким горлом и отогнутым венчиком. Кисть правой руки, согнутой под острым углом, сжимает верхнюю часть длинного “посоха” с массивным навершием округлой формы. Длиннополая одежда с большими треугольными отворотами и узкой каймой на краях расстегнута на груди. В левой лицевой части фигуры выбита вертикальная линия, обозначающая, наверное, край левой полы одежды. Запах одежды левосторонний. Пояс набран квадратными бляшками и имеет несколько подвесных декоративных ремешков. На одном из них подвешен мусат(?),

рельефное изображение которого имеется на левом боку фигуры. На спине точно посередине вырезана длинная вертикальная линия, а в области пояса различим рельефный наконечник ремня. Верхняя часть изваяния в настоящее время экспонируется в здании культурного центра Хайрхан сомона Архангайского аймака, а нижняя половина находится в пределах комплекса. Размеры фигуры $123 \times 40 \times 23$ см.

Изваяние 6 (см. рис. 10, 6). В руках человека на уровне живота показан небольшой сосуд с округлым туловом и прямым горлом. Одежда с широкими двусторонними отворотами треугольной формы и узкой каймой в верхней части воротника. Пояс набран бляшками округлой формы и украшен подвесными ремешками. На правом боку обозначена сумочка прямоугольной формы, на левом – подвешенный длинный и узкий точильный брусок. На спине вырезана длинная вертикальная линия. Изваяние установлено у входа в краеведческий музей г. Эрдэнэт. Размеры фигуры $100 \times 47 \times 23$ см.

Изваяние 7 (см. рис. 10, 7). Человек на уровне груди обеими руками держит сосуд, напоминающий своими пропорциями керамический горшок с широким горлом и коротким венчиком. Ворот одежды окаймлен широкой полосой-лентой. На лицевой стороне пояса нанесены продольные и параллельные линии, а на правом боку можно различить несколько бляшек подчетырехугольной формы с подвесными ремешками. Позиция человека не совсем ясна, т.к. нижняя часть фигуры скрыта под землей. Изваяние находится у южного подножия поминального комплекса в заполнении насыпного вала. Размеры фигуры $50 \times 44 \times 25$ см.

Изваяние 8 (см. рис. 10, 8). Человек со сложенными и прижатыми к груди руками. Кисти не проработаны. Создается впечатление, что они скрыты или, точнее, вложены в длинные рукава одежды. Халат(?) с глубоким вырезом и широкими треугольными отворотами. Посередине пояса выбита горизонтальная линия. Позиция человека неизвестна, поскольку нижняя часть фигуры находится под землей. Данное изваяние расположено рядом с изваянием 7. Размеры фигуры $52 \times 41 \times 19$ см.

Изваяние 9 (рис. 10, 9). Представляет собой обломанную нижнюю часть каменного изображения человека. Запах одежды, очевидно, левосторонний, судя по выбитой в левой части фигуры вертикальной линии, обозначающей край полы халата с широкой каймой. Пояс с горизонтально выбитой линией посередине набран бляшками квадратной формы и украшен декоративными ремешками. На правом боку хорошо различимы округлая орнаментированная сумочка-огниво(?) и предмет неизвестного назначения (возможно, платок, завязанный узлом), подвешенный на ремешке. На левом боку рельефно изображен точильный брусок, также подвешенный на ремешке. На спине в области пояса показан наконечник ремня. Размеры фигуры $50 \times 41 \times 21$ см.

Первая фигура барана (см. рис. 11, 1). Лежащее с подогнутыми под брюхо ногами животное. Показаны закрученные в кольцо рога, рельефные уши. Хвост тонкий и длинный. Изображение стоит на невысокой подставке. Размеры фигуры $77 \times 60 \times 20$ см.

Вторая фигура барана (см. рис. 11, 2). Идентична по манере исполнения первой фигуре. Морда животного и часть головы сколоты. Закрученный рог и рельефное ухо сохранились только на левой стороне. Показан также длинный и тонкий хвост. Размеры фигуры $78 \times 50 \times 27$ см.

Третья фигура барана или овцы (см. рис. 11, 3). Животное показано лежащим на брюхе. Голова отбита и утрачена. Скульптура интересна тем, что на правом боку овцы(?) изображена барельефная фигурка бегущего рядом ягненка. Размеры фигуры овцы $68 \times 49 \times 23$ см, ягненка – $39 \times 30 \times 9$ см.

Четвертая фигура барана или овцы (см. рис. 11, 4). Животное изображено в такой же позе, как и предыдущие. Голова отбита и утрачена. Размеры фигуры $73 \times 37 \times 21$ см.

Пятая фигура барана или овцы (см. рис. 11, 5). Животное показано в таких же манере и позе, как и предыдущие. Голова отбита и утрачена. Изображение подогнутых ног хорошо различается только на левой стороне фигуры. Размеры фигуры $62 \times 48 \times 23$ см.

Шестая фигура барана (см. рис. 11, 6). Животное запечатлено лежащим. Сохранность хорошая. На голове мощные крутоизогнутые рога, между ними рельефные уши. Глаза и рот достаточно четко выделены из монолита головы. Показан длинный и довольно толстый (барельефный) хвост. Изображение выполнено на невысокой подставке. В настоящее время находится в административном центре Хайрхан сомона Архангайского аймака. Размеры фигуры $108 \times 70 \times 29$ см.

Первая фигура льва (см. рис. 11, 7). Животное изображено сидящим на подогнутых задних лапах с открытой пастью. Передние лапы прямые. Небольшая часть морды зверя отбита, глаза большие, выпуклые. Показаны невысокие рельефные уши. Сзади разли-

чим хвост, переданный в виде параллельных извилистых бороздок. Тело льва покрыто мелкими сколами, изображающими, по-видимому, шерсть. На левом бедре вырезана традиционная древнетюркская тамга в виде горного козла. Статуя изготовлена на высокой подставке. Размеры фигуры $97 \times 32 \times 50$ см.

Вторая фигура льва (см. рис. 11, 8). Выполнена в той же манере, что и предыдущая. На голове заметны небольшие повреждения. Грива передана параллельными закрученными бороздками, шерсть обозначена мелкими и частыми сколами. Изображение хвоста повреждено вертикальным сколом. Размеры фигуры $82 \times 42 \times 28$ см.

Третья фигура льва (см. рис. 11, 9). По позе и манере исполнения идентична предыдущим скульптурным изображениям львов. Голова отбита, но хорошо подходит по излому и может быть реставрирована. Глаза небольшие и выпуклые. Передние лапы покрыты параллельными вертикальными бороздками. Хвост заброшен на спину. Фигура изваяна на высокой подставке. В настоящее время находится в административном центре Хайрхан сомона Архангайского аймака. Размеры фигуры $89 \times 50 \times 27$ см.

Четвертая фигура льва (см. рис. 11, 10). Животное изображено в таких же манере и позе, что и предыдущие три. Небольшая часть морды отбита. На ней имеются остатки цементного раствора, появившегося, очевидно, уже в наше время. Глаза большие, выпуклые. На груди вырезана контурная фигура в виде треугольника, обращенного острым углом вниз. На левом бедре выгравирована традиционная древнетюркская тамга в виде схематичной фигурки козла. Лев изваян на подставке, которая скрыта под землей. В настоящее время находится у входа в краеведческий музей г. Эрдэнэт. Размеры фигуры $90 \times 37 \times 29$ см.

Характеристика и хронология комплекса

Шивет-Уланский мемориал был открыт финскими учеными в 1912 г. [Ramstedt et al., 1958]. Позже он обследовался Б. Бамбаевым (в 1927 г.)*, Ц. Доржсурэном (в 1956 г.) [1957], В.В. Волковым, В.В. Свиным и Д. Цэвээндоржем (в 1976 г.) [Войтов, 1986, с. 123], С.Г. Кляшторным [1978, с. 575 – 576] и С. Харжаубаем (в 1977 г.) [1979, с. 15 – 23; 1982, с. 103 – 120]. Наши предшественники описали памятник, сняли его топографический план, опубликовали фотографии и прорисовки некоторых скульптур, а также попытались датировать мемориальный комплекс.

* **Бамбаев Б.** Предварительный краткий отчет Бамбаева Бальджи о работе в этнолого-лингвистическом отряде научной экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Туву, составленный в 1927 году. – Рукописный фонд Ин-та истории АН Монголии. Ф. IX. Т. 7.

Один из первых исследователей памятника Ц. Доржсурэн высказал предположение, что Шивет-Уланский комплекс был сооружен ранее VI в., т.е. в период, когда древнетюркская руническая письменность еще окончательно не сформировалась [1957, с. 48]. По мнению российского тюрколога С.Г. Кляшторного [1978, с. 576] и монгольского ученого С. Харжаубая [1979, с. 29], мемориал возвели в 693 г. в память основателя Второго тюркского каганата Ильтерес-кагана, или Кутлуга. В целом поддерживая эту точку зрения, В.Е. Войтов отметил ряд характерных особенностей памятника и отнес его к категории крупных поминальных мемориалов древнетюркской знати, отличающихся от рядовых поминальных сооружений наличием вала и рва, которые окружали комплекс [1996, с. 30]. Шивет-Уланский комплекс выделен В.Е. Войтовым как отдельный вариант мемориалов древнетюркской знати [Там же, с. 30]. Он обращает на себя внимание необычной планировкой и новыми конструктивными элементами (например, плиты-стелы с тамгами и т.д.), а также своеобразной иконографией каменных изваяний и самым большим количеством скульптур животных в одном комплексе.

Особый интерес вызывают иконографические и стилистические черты скульптурных изображений в Шивет-Уланском комплексе. Например, положение рук может быть разным, но чаще всего люди показаны со сложенными, прижатыми к груди руками: двое без каких-либо атрибутов (изваяния 1, 8), другие двумя руками держат сосуд (изваяния 3, 6, 7). Есть также фигуры людей, у которых в одной руке зажат посох, трость или жезл (изваяния 2, 5), возможно, символизирующие власть, знатное происхождение и богатство. Два аналога этим атрибутам известны в Монголии по наскальным рисункам древнетюркской эпохи – по гравированному изображению тюрка, опирающегося на посох [Потанин, 1881, фиг. 37; Монгол нутаг..., 1999, с. 108 – 109; Кубарев Г.В., 2000, рис. 3, 21], и выбитому изображению всадника с небольшим жезлом или даже булавой, принимающего участие в соколиной охоте [Кубарев В.Д., 2001б, рис. 9, а]. Наверное, эти престижные предметы, показанные на изваяниях, необходимо сравнить с жезлами-палицами и посохами, которые держат в руках персонажи “Свадебного кортежа”, запечатленного в настенных росписях Афрасиаба (Средняя Азия) [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 117 – 121]. Как известно, на фресках, которые датируются VII – VIII вв., изображены в основном знатные тюрки и согдийцы.

Верхняя распашная одежда показана на всех девяти изваяниях в Шивет-Улане, но только на шести она детализирована двусторонними отворотными лацканами треугольной формы, которые являются самой характерной деталью богатого костюма древнетюркской знати [Кубарев Г.В., 2000, с. 81 – 85]. На трех

изваяниях обозначен левосторонний запяч, на одном правосторонний. Определить эту важную этнографическую особенность покроя костюма еще на трех статуях оказалось невозможным. Изваяние 4 в Шивет-Улане является любопытным и редким примером того, как скульптор пытался передать в камне известную у кочевников манеру носить одежду, заткнув пустой рукав одежды за пояс. Он показал руку согнутой в локте под острым углом, а кисть на уровне плеча (см. рис. 10, 4). Аналоги такого воспроизведения в камне подобной манеры ношения одежды, весьма популярной у центральноазиатских народов, нам не известны в монументальном искусстве кочевников, хотя его неординарность, возможно, связана с чисто техническими трудностями. Следует отметить, что монголы, тибетцы и другие кочевники азиатских гор и степей до сих пор даже в самую жаркую погоду не снимают шубу или халат и для охлаждения тела освобождают от верхней одежды одну руку и плечо.

На всех мужских изваяниях Шивет-Улана изображены пояса, оформленные, как нам представляется, однообразно и невыразительно. Преобладают пояса с одним или двумя продольными линиями, разделяющими его на несколько узких полос, функция которых не совсем понятна. То же самое можно сказать о наборных, или накладных, поясных бляшках. Многие из них слишком аморфны, а те, которые изображены четко, также не могут служить достаточно надежным источником для датирования (ввиду их широкого распространения во времени и пространстве) и реконструкции поясной гарнитуры. Как свидетельствуют данные исследований материальной и духовной культуры центральноазиатских кочевников, “пояса были неременной принадлежностью костюма древнетюркского воина. Цвет, материал, украшения и характер прикрепленных к ним предметов обычно служили знаками различия военной аристократии, жрецов, чиновников и купечества” [Кубарев В.Д., 1984, с. 36]. Богатые пояса украшались наборами золотых или серебряных бляшек различной формы (рис. 12), нередко со звериными сюжетами и вставками из драгоценных камней [Добжанский, 1990, с. 77 – 78]. Пояс тюркского воина также служил символом “его воинской славы” [Могильников, 1981, с. 41]. Именно поэтому пояс чаще всего показан на изваяниях вооруженных воинов, а на женских фигурах он, как правило, отсутствует (см. рис. 10, 3). Например, в Российском Алтае пояс изображен только на 97 из 286 каменных изваяний тюрков [Кубарев В.Д., 1984, с. 36; 2001а, с. 25]. (Не означает ли это, что какая-то часть алтайских изваяний передает образ женщины?) Такая же закономерность выявлена и при изучении тюрко-монгольских каменных изваяний Монголии, на территории которой сейчас известно более 500 фигур [Байэр, 1994; Баяр, 1997, 2001; Кубарев В.Д.,

Рис. 12. Серебряные бляшки наборного пояса знатного тюрка. Юстыд XII. Российский Алтай.

Рис. 14. Алтайская сумочка с кресалом (оттук). Из этнографических сборов в Российском Алтае.

Рис. 16. Одежда алтайского охотника. Долина р. Аргут на Российском Алтае.

Рис. 13. Серебряные сосуды из древнетюркских погребально-поминальных памятников Российского Алтая: левый – Балык-Сбёк I, правый – Юстыд XII.

Рис. 15. Мужская одежда древних тюрков VII – VIII вв. Реконструкция Г.В. Кубарева и Д.В. Позднякова по археологическим материалам Алтая.

Рис. 17. Фигуры фантастических львов, охраняющих вход в дворец Богдо-Гегена. г. Улан-Батор, Монголия.

Цэвээндорж, 1995, 2002; Kubarev V.D., Zevendorz, 1997; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999]. Пережиток обычая, согласно которому женщина не имела права носить пояс, надолго сохранился у кочевников, в т.ч. у монголов. В монгольском языке даже существует специальное определение пола человека: для женщин – *бусгуй* – не имеющая пояса, для мужчин – *бустэй* – с поясом [Вяткина, 1960, с. 191; Баяр, 2001, с. 23]. В древности у различных монгольских народов пояс также имел особое значение. «Так, например, в “Сокровенном сказании” отмечается, что когда меркиты напали на стойбище Темучина с целью убить его, то он скрылся на горе Бурхан-Халдун. После того как опасность миновала, Темучин, распустив пояс и сняв шапку в знак благодарности Бурхан-Халдуну за спасение, сделал жертвоприношение» [Вяткина, 1960, с. 191].

В Шивет-Улане есть также изваяние женщины (см. рис. 10, 3), весьма напоминающее скульптуру женщины, найденную на мемориале Кюль-тегина. Сходство двух изображений заключается в том, что обе женщины одеты в одинаковые по крою длиннополые халаты с левосторонним запахом. Их одежда не имеет пояса, а край полы закреплен специальной завязкой в виде узкой полоски ткани или ремешка. Дополняет одежду женщин платок, прижатый двумя руками к груди. Причем у шивет-уланского изваяния поверх платка изображен небольшой сосуд. Такая детализация одного из элементов цикла поминального ритуала древних тюрок вызывает ассоциации с традиционным обычаем монголов подносить напитки (кумыс, *арака* – молочная водка и др.) особо почетным гостям в дорогой чаше, поддерживая ее двумя руками. Под такие чаши нередко подкладывался *хадак* (шелковый или матерчатый пояс), концы которого свисали с рук подающего. Вообще подобная иконография (сосуд в обеих руках) изваяний не только “в точности соответствует позе китайского этикета” [Ермоленко, 2002, с. 190], но и, как мы знаем, широко распространена в разных регионах Евразии, на совершенно разных (в этническом отношении) и разновременных скульптурных изображениях кочевников. Л.Н. Ермоленко, анализируя многочисленные разнокультурные па-

мятники и примеры изображения людей в такой позе на Древнем Востоке, пришла к выводу, что в Центральной и Средней Азии изваяния людей с сосудом в обеих руках характерны для уйгурской*, кыпчакской и половецкой традиций, они нередко встречаются и в древнетюркской скульптуре [2002, с. 191]. Подтверждением этому служат и три изваяния людей с сосудами в обеих руках в комплексе Шивет-Улан (см. рис. 10, 3, 6, 7). Дополнительным аргументом в пользу вывода о принадлежности уникального мемориала к древнетюркской эпохе (VII – VIII вв.) могут служить сосуды, изображенные на каменных фигурах. Серебряные “кружки” подобной формы с орхоно-енисейскими надписями и древнетюркскими тамгами (рис. 13), например, очень часто находят в древнетюркских погребениях на Алтае [Киселев, 1951, табл. ЛП, 4 – 7; Кубарев В.Д., 1987, с. 251; Савинов, 1994, рис. 109; Кубарев Г.В., 1995, рис. 5, 2]. Особое значение для датирования монгольских изваяний имеют два серебряных сосуда (аналогичные по всем параметрам шивет-уланским), обнаруженные у древнетюркских поминальных оградок на р. Юстыд в Восточном Алтае [Кубарев В.Д., 1984, с. 57]. Недавно стало известно, что в поминальном мемориале Бильгэ-кагана в Монголии также были найдены миниатюрные золотые чаша и сосуд, не местные по происхождению. Присутствие дорогой металлической посуды в мемориалах знати, как и керамической посуды в поминальных оградках рядовых кочевников, указывает на то, что обычай почитания-поминовения предков был очень развит в древнетюркском обществе с его родоплеменным делением.

Традиционным и обязательным предметом на мужских поясах древних тюрок были сумочки для хранения огнива. На пяти изваяниях в Шивет-Улане изображены разнообразные по форме сумочки (см. рис. 10, 1, 2, 4, 6, 9). На трех они показаны подвешенными к поясу с левой, на двух – с правой стороны. Такие сумочки, называемые *каптаргаками*, отмечал у кыпчаков Гильом Рубрук. Это название сохранилось в алтайском языке для обозначения охотничьих кожаных сумок полукруглой формы. На Алтае и в Туве

* Выделение Л.Р. Кызласовым среди древнетюркских изваяний небольшой группы уйгурских мужских фигур [1979, с. 80 – 82] представляется нам аргументированным и убедительным. Целый ряд стилистических и этнографических признаков, получивших отражение в своеобразных головных уборах (отличающихся формой от древнетюркских), почти полное отсутствие оружия на фигурах, однотипность узкогорлых кувшинов, показанных в обеих руках, необыкновенная монументальность массивных изваяний и их малочисленность позволяют датировать скульптуры VIII – X вв. Достаточно один раз увидеть их, так сказать, “вживую”, чтобы убедиться в правоте

нашего вывода. Но различия ощущаются даже в схематичных прорисовках данных изваяний (см.: [Там же, рис. 26, 27; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 1995, рис. 3, 7; 4, 11, 12; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, изваяния 16, 42 – 44, 46]). Что касается горноалтайских изваяний, выделенных в тип 3 (с сосудом в обеих руках), то только две массивные одиночные фигуры [Кубарев В.Д., 1984, изваяния 41, 255] с полным основанием можно отнести ко времени Уйгурского каганата (VIII – IX вв.). Два других изваяния [Там же, изваяния 181, 248], наверное, были выполнены в этот же период и установлены тюрками-тугу с восточной стороны поминальных оградок.

при исследовании древнетюркских погребений VII – IX вв. найдено несколько подобных кожаных сумочек, имеющих с наружной стороны фигурную металлическую накладку – кресало. Оно использовалось народами Саяно-Алтая до этнографического времени. Алтайцы и тувинцы называли это приспособление для добывания огня *оттук* (рис. 14).

Суммируя все немногочисленные данные, которые удалось получить в результате анализа стилистических особенностей и реконструкции одежды, представленной на шивет-уланских каменных изваяниях, мы склонны датировать мемориальный комплекс VII – первой половиной VIII в. Возможно, в древнетюркскую эпоху уже были синтезированные формы одежды, сложившиеся на базе как согдийского, так и тюркского костюма (рис. 15). В известной мере эта нивелировка этнических особенностей костюма повлияла на покрой одежды кочевников и в последующие времена. Одежда, показанная на изваяниях в Шивет-Уланском комплексе, которую исследователи называют кафтанами или халатами, запечатлена не только на многих древнетюркских изваяниях, но и на более поздних монгольских и половецких скульптурах. Одежда средневекового кочевника осталась практически неизменной до нашего времени и мало отличается от традиционной одежды современных кочевых народов Центральной Азии (рис. 16).

Обычно на крупных многофигурных поминальных комплексах древнетюркской знати каменные изваяния людей изображены в трех каноничных позах. Так, главный герой, в память о котором сооружался мемориал, как правило, запечатлен сидящим со скрещенными ногами. Вельмож и полководцев чаще всего изображали в полный рост, а придворных, слуг и иноплеменников коленопреклоненными. Характерная поза каждой фигуры, очевидно, отражала степень знатности, социальный статус в обществе и “должность” изображаемой персоны. Но в Шивет-Уланском комплексе все люди показаны в полный рост, стоящими, поэтому среди них невозможно выделить ту конкретную особу, в память о которой и был воздвигнут грандиозный мемориал. В этом отношении Шивет-Уланский комплекс напоминает более ранний Унгетский памятник, на котором также среди более чем 30 изваяний нет ни одной фигуры сидящего человека.

Наряду с изваяниями людей, как говорилось выше, в комплексе присутствуют и скульптурные изображения баранов и львов. На территории Монголии аллеи с изваяниями людей и животных встречаются на мемориалах, сооруженных в честь самых именитых правителей – Бильге-кагана, Кюль-тегина, Тоньюкука, а также в память о других, не известных нам представителях древнетюркской элиты на Онгинском,

Унгетском и Их-Хушотском памятниках. В Шивет-Уланском поминальном комплексе зафиксировано наибольшее количество скульптурных фигур животных, что отличает памятник от других древнетюркских мемориалов Монголии. Среди этих изображений привлекает внимание оригинальное изваяние овцы(?) с барельефным изображением ягненка (см. рис. 11, 3). Подобный сюжет до сих пор не был известен на других меморативных памятниках древних тюрков. На двух фигурах львов изображены тамги в виде горного козла (см. рис. 11, 7, 10), которые широко распространены на самых разных памятниках эпохи Второго тюркского каганата.

За пределами Монголии только в Туве и Хакасии были зафиксированы поминальные комплексы, включавшие одновременно установленные скульптуры людей, баранов и львов. По мнению Л.А. Евтюховой, эти редкие памятники оказались там в результате проникновения “знатных орхонских тюрков на север” [1952, с. 118]. Данное предположение подтвердил Л.Р. Кызласов, раскопав в 1955 г. поминальное сооружение знатного тюрка у пос. Сарыг-Булун [1979, с. 129 – 131]. Шесть каменных изваяний, известных на среднем Енисее, А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков [1999, с. 8 – 13] также связывают с пребыванием тюрков в Минусинской котловине. Однако существует и иной взгляд на появление в Хакасии т.н. древнетюркских изваяний и каменных скульптур животных. Еще полвека назад Л.А. Евтюхова пришла к заключению, что в Минусинской котловине почти нет изваяний древних тюрков. Собственно тюркскими она считала только два изваяния – из Чебаков и Саралы в Хакасии [1952, с. 120]. “Иноземное” происхождение единичных минусинских изваяний допускал и С.В. Киселев [1951, с. 631]. К более категоричному выводу пришли новосибирские археологи О.А. Митько и Ю.В. Тетерин. По их мнению, большинство изваяний было найдено вне связи с поминальными оградками. “Четыре из них известны по очень плохим рисункам, – отмечают О.А. Митько и Ю.В. Тетерин, – а пятое схематично и повреждено... Принадлежность их древним тюркам вызывает сомнение. Возможно, они являются произведениями кыргызских мастеров, подражавших работам древнетюркских скульпторов. Единственное поминальное сооружение и изваяние у с. Знаменка... скорее являются исключением, подчеркивающим общее правило – поминальные оградки и каменные изваяния для бассейна среднего Енисея нехарактерны” [1998, с. 397]. Также малочисленны в Южной Сибири каменные фигуры львов и баранов. Только одна скульптура барана экспонируется в красаведческом музее Барнаула. История ее происхождения весьма запутанна и подробно освещена в статье А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова, которые пришли к заклю-

чению, что “эту скульптуру могли привезти не с Енисея, а с Горного Алтая”* [2000, с. 139]. По стилистическим особенностям скульптура барана из Барнаульского музея, как считают авторы, имеет наибольшее сходство с подобными скульптурными изображениями баранов, установленными на поминальных мемориалах древнетюркской знати в Шивет-Улане и Абаканской степи в Хакасии [Там же, с. 139]. Скульптуры баранов и львов найдены также в погребальном комплексе у городища Оймак в Туве [Alt-Altaische Kunstdenkmäler, 1931, Abb. 335, 338, 339], но они значительно меньше по размерам и датируются монгольским временем [Кызласов, 1979, с. 151]. В.Е. Войтов полагает, что “статуи львов и баранов устанавливались только на мемориалах высшей сановой аристократии эпохи Второго тюркского каганата” и причисляет к ним также более 20 изваяний этих животных, найденных случайно как в самой Монголии, так и за ее пределами [1996, с. 97]. Подобных взглядов придерживаются и другие ученые [Борисенко, Худяков, 1999, с. 13 – 14; 2000, с. 138 – 139]. Но, как известно, традиция изготовления парных каменных фигур львов и других животных была заимствована тюрками у китайцев [Киселев, 1951, с. 509; Novgorodova, 1980, S. 240] и позднее получила воплощение в культовой архитектуре многих ламаистских храмов, где, например львам, были отведены охраняющие функции [Novgorodova, 1980, Abb. 23, 24; Монгол нутаг..., 1999, с. 261 – 262]. Они также “сторожили” вход в дацаны и дворцы (рис. 17), как и более тысячи лет назад две пары каменных львов охраняли вход в поминальный храм Шивет-Улан. Таким образом, можно предположить, что каменные скульптуры животных в Монголии продолжали изготавливать и после падения Тюркских каганатов, до позднего средневековья**.

Заключение

Шивет-Уланский поминальный комплекс с ансамблем каменных изваяний является одним из редчайших памятников культуры кочевых народов; чудом сохранившихся до наших дней. В хронологическом отно-

шении этот уникальный мемориал, судя по анализу реалий на изваяниях и приведенных им аналогов, возможно, генетически связанный с более древними поминальными сооружениями (типа Унгету), входит в круг идентичных культово-поминальных памятников древнетюркской знати, датируемых первой половиной VIII в.

В результате многолетних археологических исследований было установлено, что монгольские мемориальные памятники не были местом захоронения древнетюркской правящей элиты. Они представляют собой остатки поминальных храмов, сооруженных в память о подвигах каганов и их полководцев, о неуязвимой славе голубых тюрок. Погребения древнетюркских каганов до сих пор не найдены, как, впрочем, и могилы других крупных властителей Центральной Азии. Известно, что захоронение Чингисхана в Монголии уже в наше время пытались найти многие супероснащенные экспедиции, но все усилия оказались тщетными. Вместе с тем обряд поминовения и жертвоприношения в память о Темучжине (Чингисхане), мечтавшем покорить весь мир, продолжает совершаться на посвященном ему культовом памятнике, возведенном почти 800 л.н. [Баяр, 2001, с. 32]. Учитывая сенсационные результаты последних работ монгольско-турецкой экспедиции на мемориале Бильгэ-кагана в долине р. Орхон, дальнейшие исследования древнетюркских поминальных памятников очень перспективны.

Список литературы

- Байэр Д.** Монгол Сокинсаны ёнгу [Изучение каменных изваяний монголов]. – Сеул: Хеан, 1994. – 234 с. (на кор. яз.).
- Баяр Д.** Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу [Древнетюркские изваяния Центральной Монголии]. – Улаанбаатар: ADMON, 1997. – 148 с. (на монг. яз.).
- Баяр Д.** Каменные изваяния на территории Монголии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Улаанбаатар: Ин-т истории АН МНР, 2001. – 36 с.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д.** Монгол Алтайн хун чулуун хошоо [Каменные изваяния Монгольского Алтая]. – Улаанбаатар: Монгол улс Шинжлэх Ухааны Академи Туухийн Хурээлэн, 1999. – 166 с. (на монг. яз.).
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники в Минусинской котловине // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – С. 4 – 14.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Каменная скульптура барана из Барнаульского музея // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – С. 134 – 142.
- Войтов В.Е.** Археологические исследования Б.Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // Mongolica: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884 – 1931. – М.: Наука, 1986. – С. 118 – 136.

* Обосновывая свое предположение, авторы ссылаются на работу В.Д. Кубарева, ошибочно считая, что на Алтае в поминальных комплексах древнетюркской знати присутствуют скульптурные изображения “львов и баранов в аналогичной, лежащей позе” [Борисенко, Худяков, 2000, с. 138]. В известных на сегодняшний день 15 алтайских мемориалах древнетюркской знати нет ни одной фигуры животных (см.: [Кубарев В.Д., 1984, с. 51 – 55; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2002, с. 84 – 85]).

** Наследием древней традиции можно считать фигуры львов, фланкирующих вход во многие государственные учреждения г. Улан-Батора.

- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М.: Гос. музей Востока, 1996. – 152 с.
- Вяткина К.В.** Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 159 – 271.
- Добжанский В.Н.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 162 с.
- Доржсүрэн Ц.** Шивээт улаан гэдэг юу вэ? // Шинжлэх ухаан техник. – 1957. – № 1. – С. 46 – 48 (на монг. яз.).
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – М.: АН СССР. – 1952. – Т. 1, № 24. – С. 72 – 120.
- Ермоленко Л.Н.** Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология. Человек и искусство: Сб. науч. трудов, посвященных 70-летию Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 48 – 53.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.
- Кляшторный С.Г.** Эпиграфические работы в Монголии // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 575 – 576.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Открытия в долине р. Урсул // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С. 250 – 251.
- Кубарев В.Д.** Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001а. – С. 24 – 54.
- Кубарев В.Д.** Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001б. – № 4. – С. 95 – 107.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Новые каменные изваяния Алтая // Изв. лаб. археологии Горно-Алт. гос. пед. ун-та. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. – № 1. – С. 149 – 163.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 76 – 95.
- Кубарев Г.В.** Новый серебряный сосуд из Талдуира // Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – № 1. – С. 164 – 182.
- Кубарев Г.В.** Халат древних тюрков Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 81 – 88.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 207 с.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В.** О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 396 – 404.
- Могильников В.А.** Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29 – 43. – (Сер. “Археология СССР”).
- Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал:** Сэдэвчилсэн лавлах [Историко-культурные памятники Монголии: Энциклопедический справочник]. – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 286 с. (на монг. яз.).
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии: (Результаты путешествия, исполненного в 1876 – 1877 годах по поручению Императорского Русского Географического общества). – СПб.: Б.и., 1881. – Вып. 2. – 90 с.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** Очерки искусства Средней Азии. – М.: Искусство, 1982. – 270 с.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркское время // Древние культуры Бертековской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 146 – 152.
- Харжаубай С.** Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалан // Туухийн судлал. – Улаанбаатар, 1979. – Т. 14, Ф. 2. – С. 15 – 23 (на монг. яз.).
- Харжаубай С.** Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалан тухай дахин егуулэх нь // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 1982. – Т. 10, Ф. 7. – С. 103 – 120 (на монг. яз.).
- Alt-Altaische Kunstdenkmäler** (Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887 – 1889) / Herausgeber H. Appeltgren-Kivalo. – Helsingfors: S.n., 1931. – 47 S.
- Kubarev V.D., Zevendorz D.** Steinstelen aus der Westmongolei // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern; Mainz/Rhein, 1997. – Bd 2. – P. 571 – 580.
- Novgorodova E.** Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: Verlag E.A. Seeman, 1980. – 280 p.
- Provisional report** of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 / Eds. Takao Moriyasu, Ayudai Ochir // The Society of Central Eurasian Studies. – 1999. – P. 1 – 22.
- Ramstedt G.J., Granö J.G., Aalto P.** Materialien zu den altturkischen inschriften der Mongolei. – JSFO. – 1958. – N 60. – S. 62 – 76.

Материал поступил в редколлегия 11.04.02 г.

УДК 903.27:73/75

Д.Л. Бродянский*Дальневосточный государственный университет
ул. Алеутская, 56, Владивосток, 690600, Россия**E-mail: hist@deans.dvgu.ru*

ВОРОН, ХОЗЯЙКА МОРЯ И ДРУГИЕ ПЕРСОНАЖИ МИФОВ В БОЙСМАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Источники

Читатели уже встречали на страницах журнала материалы по искусству бойсманской неолитической культуры [Бродянский, 2001а], тогда была высказана надежда на реконструкцию мифов, отраженных в этом искусстве [Там же, с. 65]. Продолжающиеся раскопки памятника Бойсмана II экспедицией Дальневосточного университета под руководством А.Н. Попова в 2000 – 2001 гг. принесли новые находки, впервые позволившие выделить персонажи и отдельные сюжеты мифов. Прочтение ископаемого искусства всегда требует построения своеобразной билингвы – двуязычного текста, где язык одной из его частей известен (из числовой символики, записей мифов, сказаний, песен) либо поддается астроархеологическому анализу, сопоставим с уже дешифрованными археологическими источниками, прочитывается из сравнения с источниками этнографическими.

Бойсмана II, нижний слой памятника – сезонный промысловый лагерь на берегу древней лагуны, его обитатели 6 500 – 5 000 л.н. ловили рыбу, охотились на наземных и морских животных [Попов, Чижишева, Шпакова, 1997], выращивали и добывали устриц [Бродянский, Раков, 1996]. Время от времени они здесь же хоронили своих близких, и эти люди, как установили Т.А. Чижишева и Е.Г. Шпакова, – арктические монголоиды, сопоставимые с оленными чукчами [Попов, Чижишева, Шпакова, 1997, с. 79]. Деформация черепов, морская ориентация экономики: морская охота, гарпуны, модели лодок – комплекс культурных признаков, хорошо согласующихся с антропологической характеристикой очевидных предков северян, обитавших в раннем неолите на берегах залива Петра Великого. Из данной фактологической базы неизбежно следует обращение к мифологии,

фольклору, обрядам северян при дешифровке бойсманского искусства. Однако это не исключает историко-этнографический поиск в мифологиях Китая, Кореи, Японии, приамурских народов.

Настоящим прорывом в распознавании образов бойсманского искусства стало обнаружение двухстороннего петроглифа на треугольной плитке плотного серого пермского песчаника (рис. 1, 2). Плитка размерами 142 × 120 × 50 мм оформлена сколами по краям, на каждой из двух плоскостей выскоблены по два круглых углубления в форме чаш-конусов, одна из плоскостей (рис. 2, 2) разделена естественным извилистым уступом высотой 4 – 5 мм. При первой публикации [Бродянский, 2001б, с. 56 – 57] эти треугольные личины не были опознаны, но позже Н.А. Кузнецова, поработавшая с коллекцией из могильника на о-ве Ратманова в Беринговом проливе, подсказала мне, что одна из них (рис. 1, 1; 2, 1) – Ворон, центральный персонаж берингийской мифологии [Мелетинский, 1979]. Действительно, треугольная личина с большими круглыми глазами, округлым лбом и мощным острым клювом сопоставима с изображением Ворона в деревянной скульптуре с о-ва Ратманова и такими же изображениями на древке и лучке сверла из Эквенского могильника на Чукотке [Арутюнов, Сергеев, 1975, рис. 52, 4; 53, 2].

На противоположной плоскости (рис. 2, 2) – расчлененная голова волка, при вращении этой плоскости можно увидеть в разных ракурсах головы оленя и медведя.

Голова Ворона включена в видеоряд полиэйконической фигурки-подвески из кабаньего клыка, найденной на погребальной площадке исключительного по насыщенности произведениями искусства вторичного погребения № 7 второго бойсманского могильника. Размеры подвески 50 × 30 × 4 мм, диаметр от-

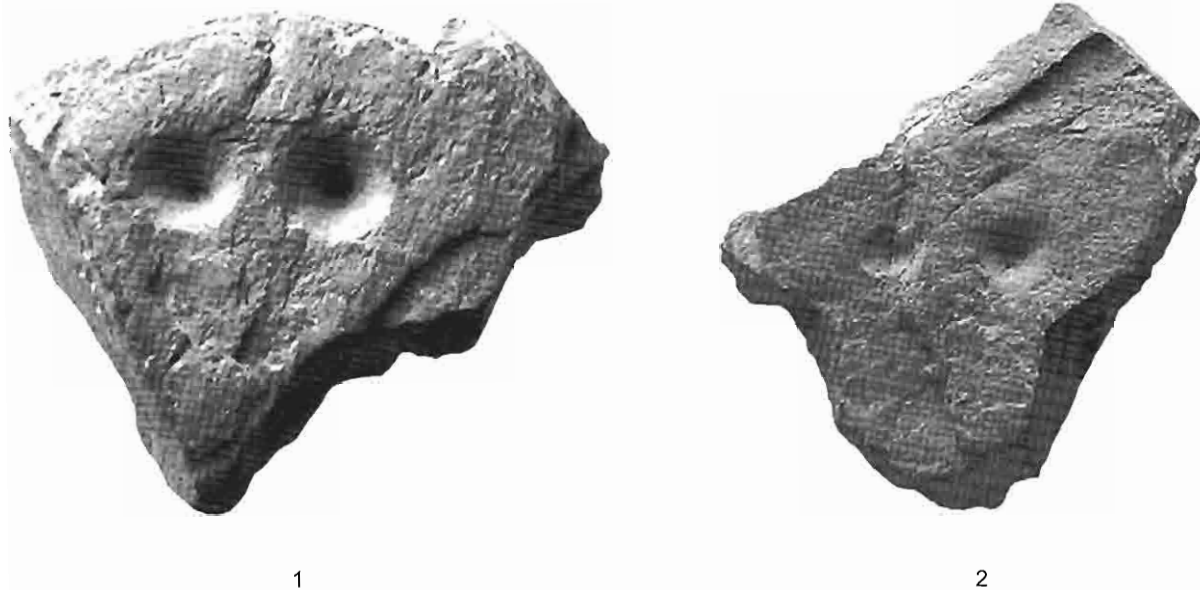

Рис. 1. Двухсторонний петроглиф (песчаник). Бойсмана II.
1 – лицевая сторона, 2 – оборотная.

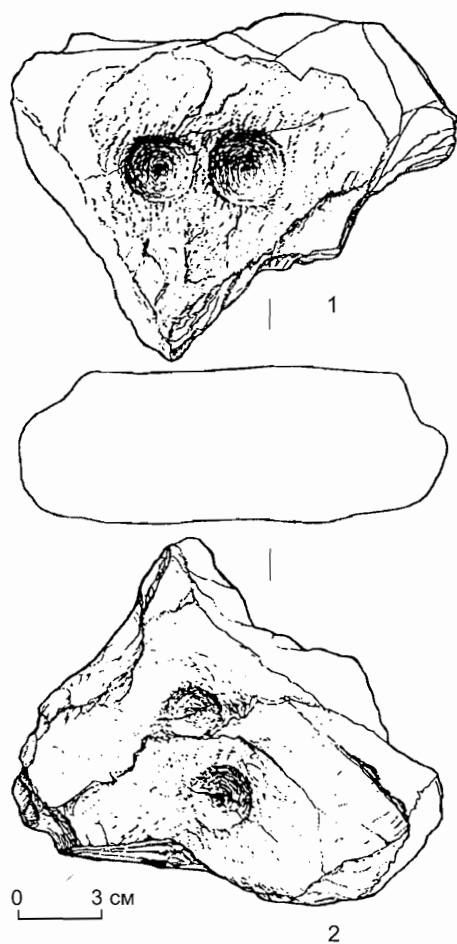

Рис. 2. Петроглиф. Бойсмана II.
1 – Ворон, 2 – расчлененный волк.

Рис. 3. Подвеска – Ворон (кабаний клык). Бойсмана II.

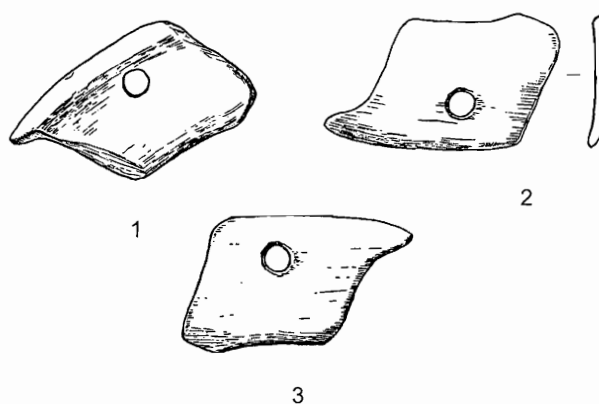

Рис. 4. Подвеска из кабаньего клыка. Бойсмана II.
1 – Ворон, 2 – кабан, 3 – собака-рыба.

Рис. 5. Фигурка ларги из зуба сивуча. Бойсмана II.

Рис. 7. Фигурка гусеницы (раковина). Бойсмана II.

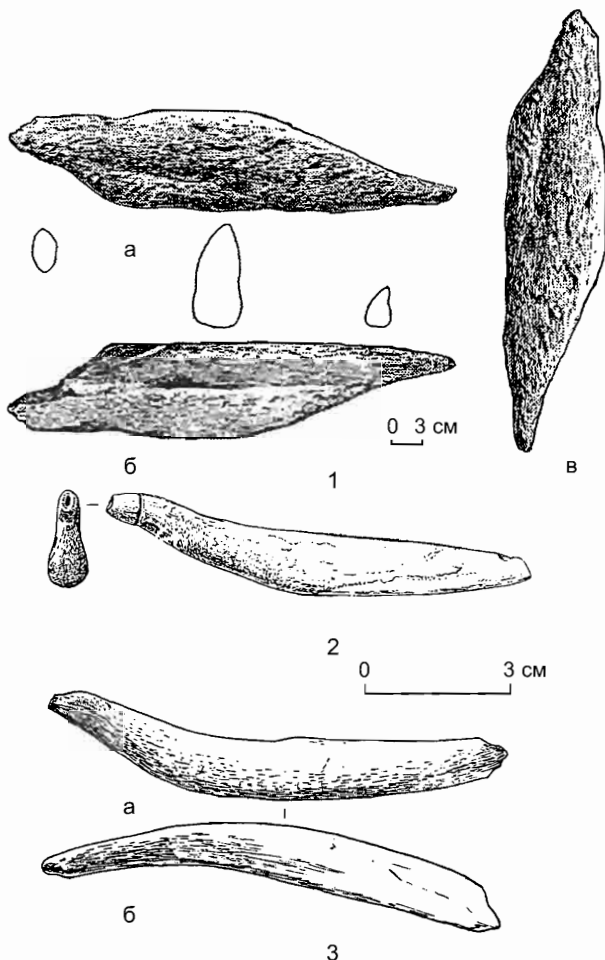

Рис. 6. Полиэконические фигурки из ребра кита (1) и зубов сивуча (2, 3). Бойсмана II.

1: а – ларга, б – самец горбуши, в – женщина в капюшоне; 2 – сивуч; 3: а – ларга, б – кит.

верстия 6 мм. В наклонном положении треугольный выступ становится клювом, отверстие – глазом, а вся подвеска – головой Ворона (рис. 3; 4, 1). Два других ее ракурса – кабан (рис. 4, 2) и собака-рыба (рис. 4, 3).

На той же погребальной площадке найдена фигурка из зуба сивуча: в одном ракурсе – ларга (рис. 5; 6, 3а), в другом – кит (рис. 6, 3б). В жилище № 2 обнаружено аналогичное изображение сивуча из зуба того же животного (рис. 6, 2).

Соединение в одной фигурке разных образов можно видеть и в опубликованной находке из кости

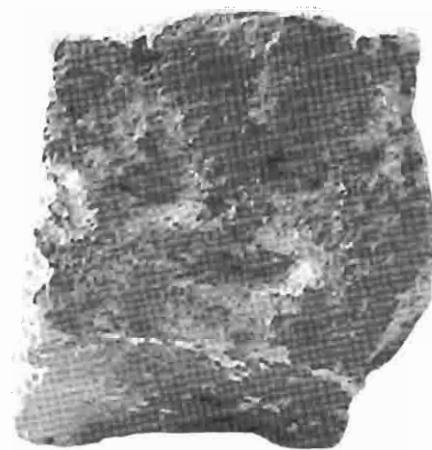

Рис. 8. Плитка туфопесчаника с поселения Гвоздево III – кот с мышью.

кита (кит и тюлень) [Бродянский, 2001а, рис. 2, 2], и в лучшей из таких фигурок (рис. 6, 1): в одном ракурсе – ларга (рис. 6, 1а), в другом – самец горбуши (рис. 6, 1б), а вертикально – женская фигура в капюшоне (рис. 6, 1в); материал – ребро серого кита, размеры $400 \times 90 \times 42$ мм.

Отмечу еще из качественно новых находок фигурку гусеницы (рис. 7) из створки раковины *Anadara broughtoni* – подвеска или несомкнутый браслет, размеры $70 \times 13 \times 2$ мм. Выточенная округлая головка 8×8 мм и естественный край раковины реалистично передают изображение гусеницы. Ранее в печати сообщалось о нефритовых изображениях личинок в материалах культуры хуншань на юге Маньчжурии [Алкин, 1995].

На вновь открытом А.Н. Поповым бойсманском поселении Гвоздево III вблизи бухты Экспедиции найдена плитка легкого туфопесчаника $150 \times 132 \times 55$ мм, одна широкая и одна узкая стороны подшлифованы, на широких плоскостях небольшие искусственные ямки, следы пикетажа. Цвет камня рыжевато-серый с отдельными ржавыми пятнами, а там, где поверхность камня нарушена, – белый. Поначалу плитка не была оценена по достоинству, но после отмычки на одной из широких плоскостей отчетливо выступило изображение кота с мышью во рту (рис. 8; 9, 1). Шлифовкой выделены острые прижа-

Предварительный анализ

Ворон и волк из Бойсмана II, кот с мышью и леопард (?) из Гвоздева III – первые сюжеты, опознанные в серии из 19 портативных петроглифов бойсманской культуры. Реалистическое изображение кота бесспорно и должно поколебать позицию скептиков в отношении художественной природы “чашечных” камней. Тем более что их инструментальные функции как раз остаются недоказанными.

Мысль о южном происхождении современных народов Северо-Восточной Азии, а также эскимосов, алеутов, индейцев Аляски неоднократно высказывалась в литературе [Арутюнов, Сергеев, 1975, с. 184 – 191; Мелетинский, 1979, с. 17]. Антропологические и археологические аргументы в пользу гипотезы о продвижении бойсманцев с юга на север вдоль Тихоокеанского побережья существенно дополнены новой серией находок – произведениями искусства и, в первую очередь, изображениями персонажей вороньего цикла. Рассказы о Вороне – культурном герое, демиурге и трикстере бытуют по обе стороны Берингова пролива. Пара Ворон – волк иллюстрирует широко распространенный сюжет о волке, которого хитрый Ворон (корякский Кутх) разорвал изнутри. Для этого Ворон превратился в оленя и разбросал себя по частям на дороге, где волк его и съел, после чего был разорван [Мелетинский, 1979, с. 45 – 52]. Тот же сюжет записан у чукчей [Там же, с. 22] и эскимосов [Там же, с. 103]. Если плоскость № 2 (см. рис. 2, 2) повернуть на 90° влево, увидим оленя, если вправо – медведя. Эти животные также фигурируют в рассказах о Вороне, который проделывал с ними не менее эффектные операции. Ворон не только птица, он и его жена выступают как антропоморфные существа. Если плоскость № 1 (см. рис. 2, 1) развернуть на 180°, можно увидеть человеческое лицо под капюшоном. Вполне вероятно, что это изображение Мити – жены Ворона, в ительменских и корякских рассказах она много умнее своего мужа [Там же, с. 47 – 51; Стеллер, 1999, с. 150 – 158]. Двухсторонний петроглиф с поселения Бойсмана II содержит в себе целый цикл сюжетов вороньего эпоса. На Шереметьевской скале на р. Усури есть изображение ворона, противостоящего колпице и лебедю [Окладников, 1971, табл. 118, 1].

Бойсманский Ворон имеет аналогии не только на севере, но и на юге. Среди росписей погребальных склепов древнего Когурё есть изображение трехногого Ворона на солнечном диске [Фрески..., 1979, с. 65, 74 – 75]. В китайской мифологии десять солнц несли на себе воронов, эти птицы изображались на солнечных дисках, есть там и созвездие Небесного Волка [Юань Кэ, 1987, с. 37, 120, 145]. На Бейской стеле в Хакасии (не позднее III тыс. до н.э.) большой чер-

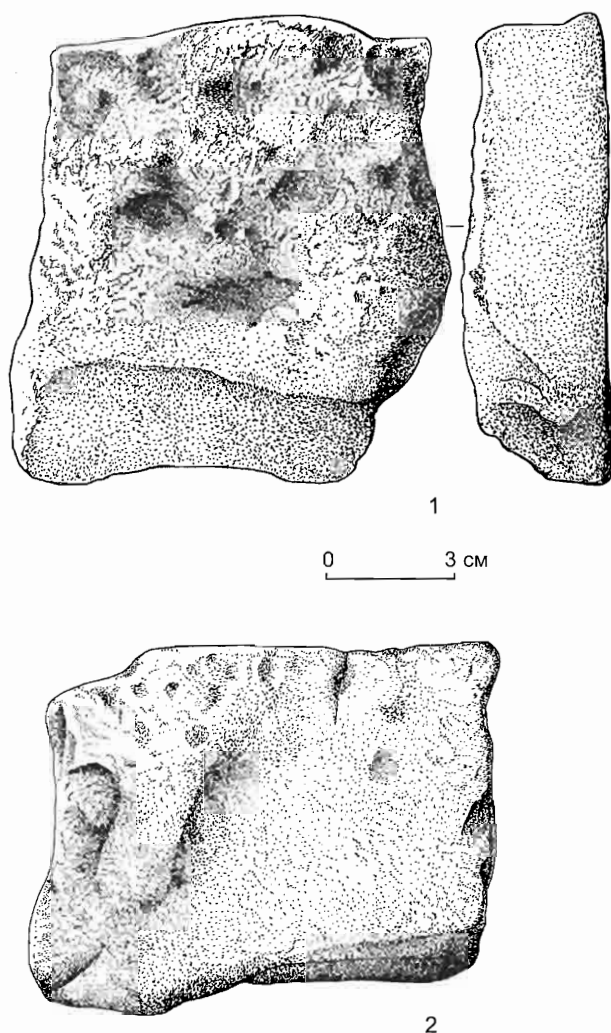

Рис. 9. Плитка с поселения Гвоздево III.

1 – лицевая сторона – кот с мышью, 2 – оборотная сторона.

тые ушки, ямками и пятнами показаны глаза, нос, мышь. Скорее всего, изображен дальневосточный лесной кот (он же – амурский лесной) *Felis euptylura Elliot*. Он похож на домашнюю кошку, но крупнее; длина тела 75 – 90 см, хвоста – 35 – 37 см. Окрас от серовато-желтого до бурого с рыжим оттенком, от глаз к затылку – две светлые полосы. Обитает по всему Приморью и в Хабаровском крае [Млекопитающие СССР, 1965, с. 152 – 153; Редкие позвоночные животные..., 1989, с. 209 – 210]. Кот, поймавший мышь, – сюжетный рисунок, редчайший в неолитическом искусстве. Ближайшая по времени и месту аналогия – догу-кошка (с человеческим торсом и трехпалой лапой) из среднего дзёмона Японии [Памятники древней истории, 1973, фото 21]. На обороте плитки из Гвоздева III ямками, шлифовкой и пикетажем нанесен еще один рисунок. Если развернуть плитку на 90° (рис. 9, 2) слева от зрителя – раскрытая пасть леопарда (по определению В.А. Ракова).

ный Ворон нависает над фигурами оленей [Дэвлет, 1990]. В библейском сюжете Ворон посылается с Ноем ковчега на разведку во время потопа [Там же].

Не менее интересен сюжет, где в полиэikonической скульптуре соединены морские и наземные животные и женская фигура в капюшоне. Я уже приводил примеры двух таких фигурок с видеорядом кабан – тюлень – женщина в капюшоне, кабан – акула – женщина в капюшоне [Бродянский, 2001а, рис. 3, 1, 2]. Такой же ряд воспроизведен в самой крупной скульптуре из кости кита, только здесь вместо наземного животного – лосось (см. рис. 6, 1). Есть серия личин под треугольным капюшоном, выполненных на камне [Бродянский, 2001б, рис. 1]. В эскимосских рассказах о животных парка с капюшоном скрывает человеческое лицо, сбросив ее, животное обретает человеческий облик [Бельчик, 2001, с. 189]. В мифах о Хозяйке моря – Хозяйке животных это женщина, посылающая людям китов, моржей, тюленей и рыб [Мелетинский, 1979, с. 86 – 87, 100].

Пара тюлень – кит (см. рис. 6, 3а, б), возможно, воспроизводит сюжет, где тюлень приводит кита – “великого гостя” [Меновщиков, 1959, с. 88 – 89]. Тюлень может быть и сыном Ворона, приводящим кита [Мелетинский, 1979, с. 102]. Вообще, изображения тюленей относятся на Дальнем Востоке к числу древнейших, они встречаются уже в палеолите, широко представлены в малышевской культуре на нижнем Амуре [Медведев, 2000], где связаны с фаллическим и солярным культами. На упомянутой погребальной площадке погр. № 7 второго бойсманского могильника найдены две фаллические фигурки из рога, есть они и в комплексах погр. № 2, 3, 5 второго могильника. Насыпь из раковин над первым могильником венчала галька фаллической формы.

Кота в северных мифах нет, но мышь, им пойманная, постоянно встречается в рассказах о Вороне [Мелетинский, 1979, с. 31, 43 – 44, 47, 52, 69, 86, 91, 100], при этом, как правило, мыши одурачивают, побеждают Ворона.

В китайской мифологии есть фантастический зверь в виде зеленого кота [Юань Кэ, 1987, с. 197].

Из беспозвоночных в вороньем цикле встречаются пауки, москиты, вши [Мелетинский, 1979, с. 43, 49, 117]. Так что гусеница вполне могла вписаться в этот цикл на его бойсманской стадии развития.

В целом произведения бойсманского искусства, найденные в сезоны 2000 – 2001 гг., – серьезные аргументы в пользу северной концепции дальнейшей судьбы бойсманцев; впервые выделены изображения Ворона, ставшие ключом к пониманию связи этого искусства с берингийской мифологией.

В заключение благодарю Н.А. Кузнецову, распознавшему изображение Ворона, Л.П. Ходзевич, выполнившую все рисунки и снимки, Г.М. Вейнгера, А.Е. Кузина, В.А. Ракова за определения изображе-

ний животных и консультации, М.Д. Рязанцеву – за определение пород камня, А.Н. Попова, С.В. Батаршева, О.Л. Мореву за содействие в сборе материалов.

Список литературы

- Алкин С.В.** Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН: Тез. докл. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 14 – 16.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Бельчик Е.Г.** Маски эскимосов Западной и Юго-Западной Аляски // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. – Вып. 12: Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – С. 184 – 189.
- Бродянский Д.Л.** Обитатели моря в искусстве бойсманской неолитической культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001а. – № 1. – С. 60 – 66.
- Бродянский Д.Л.** Художественные изделия, предметы-знаки, календари в комплексе второго бойсманского могильника // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001б. – Вып. 12: Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – С. 54 – 75.
- Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Морская адаптация населения и производящая экономика в неолите побережья Приморья // Вестн. ДВО РАН. – 1996. – № 1. – С. 124 – 130.
- Дэвлет М.А.** О космогонических представлениях древних жителей среднего Енисея: Изображения на Бейской стеле из Хакасии // Семантика древних образов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 83 – 91.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ним представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56 – 69.
- Мелетинский Е.М.** Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
- Меновщиков Г.А.** Эскимосы: Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. – Магадан: Кн. изд-во, 1959. – 144 с.
- Млекопитающие СССР.** – М.: Мысль, 1965. – 428 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
- Памятники древней истории.** – Токио: Коданья, 1973. – Т. 3: Искусство догу и верования. – 165 с. (на яп. яз.).
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.
- Редкие позвоночные животные советского Дальнего Востока и их охрана.** – Л.: Наука, 1989. – 240 с.
- Стеллер Г.В.** Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчат. кн. двор, 1999. – 288 с.
- Фрески периода Когурё.** – Пхеньян: Центр. ист. музей Кореи, 1979. – 96 с.
- Юань Кэ.** Мифы древнего Китая. – М.: Наука, 1987. – 328 с.

УДК 902

Н.В. Федорова

*Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
Тел. (3432) 22-14-02
E-mail: istor@uran.ru*

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ И МИР СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИСТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ*

Введение

История средневековья Западносибирского Севера всегда воссоздавалась на базе археологических материалов. Письменные источники использовались лишь для подкрепления той или иной гипотезы, но их крайне мало: известны лишь краткие упоминания Югры (то ли как северо-востока Европы, то ли как северо-запада Сибири) в “Повести временных лет” и в Новгородских летописях, а также фантастические рассказы о северных диковинах в трудах арабоязычных писателей. Наконец, есть еще такой источник, как древнеисландские саги, в которых упоминается загадочная и так до сих пор географически не локализованная Биармия, но применительно к событиям западносибирского средневековья их ни один исследователь пока детально не рассматривал. Эта бедность письменных сведений и явная недостаточность археологической исследованности территории севера Западной Сибири (я имею в виду количество публикаций и обобщающих работ) явились причиной того, что в историографии сложился и даже устоялся ряд стереотипов, многие из которых касаются культурных и торговых связей западносибирского населения с ближними и дальними соседями. К ним относятся, в частности, представления о монополизации в XI – XIII вв. Новгородом пушной торговли с Севером и даже о проникновении новгородцев в это время в Зауралье, а также о “немой” торговле с северными народами, при которых продавец и покупатель, а вернее, обмениваю-

щиеся товаром стороны, друг друга не видят и не общаются напрямую. Появление этих и им подобных стереотипов связано с устойчивыми представлениями об отсталом, “таежном” облике западносибирских культур, приобщившихся к достижениям мировых цивилизаций только после присоединения к России. Что это в корне неверно – успешно доказывают данные археологических исследований последних десяти лет.

Постановка проблемы

Пожалуй, ничто так не мешает развитию науки, как устоявшиеся точки зрения, воспринимаемые в качестве аксиом. Поэтому я хотела бы внести лепту в “расшатывание стереотипов” и, во-первых, попытаться представить реальную картину взаимодействия представителей различных культур и народов на торговых путях северо-востока Европы и северо-запада Сибири, во-вторых, обосновать абсолютное несоответствие времени и месту термина “немая” торговля. Хронологические рамки работы – X – XIII вв. н.э.

Новгородцы и Югра. Некоторые аспекты взаимоотношений по данным письменных источников и археологии

Сразу оговорюсь, что не собираюсь вступать в обсуждение вопроса о местонахождении летописной Югры. Мне кажется вообще проблематичной точная локализация географических названий, о которых сообщают средневековые источники, свидетельством того является многолетняя и до сих пор незавершенная полемика по поводу местонахождения пунктов, которым

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 01-01-412а.

соответствуют такие топонимы, как Югра (русские летописи), Вису и Йуры (сочинения арабоязычных географов), Бьярмаланда (древнеисландские саги). Главные трудности заключаются в необходимости учитывать и совмещать: а) средневековый менталитет, для которого естественно сведение в одну картину книжных стереотипов, религиозно-мифологических сюжетов и реальных свидетельств, а также представлений о пространстве ойкумены и времени, потребном для достижения ее крайних точек; б) археологические данные, подтверждающие или опровергающие ту или иную гипотезу; в) практику наименования “новооткрытых” стран по имени уже известному, так было с названием “Сибирь”, когда продвигавшиеся все далее к востоку русские отряды расширяли границы края вплоть до побережья Тихого океана. Примем за гипотезу, что Югра находилась на северо-востоке Европы и по мере продвижения новгородских дружин на восток, возможно, ее границы расширялись, охватывая и часть севера Западной Сибири.

Первое летописное свидетельство о Югре – знаменитый рассказ новгородца Гюряты Роговича, который был услышан летописцем в Ладого и помещен в “Повесть временных лет” под 1096 г. А.А. Шахматов доказывал, что этот фрагмент – вставка в текст летописи из второй редакции “Повести”, составленной около 1117 г. [1940, с. 25 – 26]. М.Х. Алешковский датировал его 1119 г. [1971, с. 12]. Сюжет рассказа общеизвестен, он неоднократно цитировался, поэтому повторять его полностью нет смысла, но хотелось бы обратить внимание на то, что отрок Гюряты был послан им в Печору, “к людям, дающим дань Новгороду”. Я думаю, что здесь речь идет не о регулярных даннических отношениях, а, скорее, о каких-то эпизодических успехах новгородских военных экспедиций. После посещения Печоры отрок отправился “во Югру; Югра же людье есть язык нем и *соседят* (выделено мной. – Н.Ф.) с Самоядью на полуночных странах... Югра же *сказала* отроку моему...” [ПСРЛ*, 1848, т.1, с. 107]. Из этого отрывка, на мой взгляд, следует, что, во-первых, Югра и Самоядь соседят друг с другом “на полуночных странах” (на севере), т.е. живут рядом, здесь нет упоминания о том, что Самоядь расположена к северу от Югры, как это часто понимается; во-вторых, хотя у Югры “язык нем” – непонятен, отрок все же его понимал, что, впрочем, следует и из дальнейшего текста, излагающего историю про “чудо”, рассказанное Югрой; в-третьих, довольно интересна попытка летописца объяснить местонахождение Югры через упоминание Самояди, как если бы ее (Самояди) местонахождение было уже известно.

Следующее известие о Югре и Самояди помещено под 1114 г.: “И еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полуночных странах...” [Там же, 1848, т. 2, с. 5]. За ним следует совершенно сказочный сюжет про тучу, из которой падали белки и олени. “Сему же ми есть послух посадник Павел ладожский и все ладожане” [Там же]. Никакой новой информации о Югре этот отрывок не содержит, записан, как и первый, в Ладого.

Следующая информация, в которой упоминается Югра, содержится в 1-й Новгородской летописи под 1187 г.: “В то же лето избиени быша Печерские данники и Югорские в Печоре, а друзии за Волоком, и паде голов о сте кеметьства” (цит. по: [Дмитриев, 1893, с. 49 – 50]). Из текста следует, что в неудачном походе за “данью” принимал участие отряд, включавший более чем 100 воинов (только 100 воинов было убито), причем не сообщается, что они дошли до Югры.

Под 1193 г. в той же 1-й Новгородской летописи приведено наиболее полное описание события, произошедшего с новгородским отрядом в Югре. Это знаменитый (по частоте упоминания, но не по результатам) поход воеводы Ядрея с ратью. Кратко сюжет можно изложить так: воевода Ядрей с ратью взял один из городов в Югре и подступил к другому, Югра же, пообещав дань серебром и соболями, вместо этого собрала войско и с помощью новгородца Савки заманила воеводу с его лучшими людьми в город и порубила их всех. Причем Савка просил князя югорского не оставлять в живых некоего Якова Прокшинича, который мог привести новую рать из Новгорода в Югру и отомстить за погибших. Оставшиеся 80 чел. с великими трудностями “чрез всю зиму” добрались до Новгорода, где убили трех человек за то, что они “совет державше с Югрою” [Там же, с. 51]. В этом отрывке содержится несколько фактов, важных для дальнейшего понимания обстановки: во-первых, новгородцы, несмотря на упоминание даннических отношений, ходят в Югру с немалой ратью: около 100 чел. было убито, как минимум 80 чел. добралось до Новгорода; во-вторых, упоминается, что Югра откупалась от новгородцев соболями и серебром, по-видимому, изделиями из серебра и явно не югорского происхождения, т.к. никакого серебра в этих местах не добывали; в-третьих, выясняется, что с Югрой контактировали не только официальные новгородские рати, но и еще какие-то люди (Савка и убитые в Новгороде), явно не хотевшие конкуренции даже со стороны своих “братьев”.

В XIII в. не отмечено ни одного предприятия новгородцев в Югре, но в первой половине XIV в. состоялись два неудачных похода под 1323 г. и 1329 г., причем оба раза новгородцев “избиша” устюжане. До 1364 г. в летописях нет упоминаний об успехах новго-

* Здесь и далее “Полное собрание русских летописей.”

родцев в подобных экспедициях. Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что в XI – XII вв. Югра никак не была включена в сферу влияния Новгорода и тем более не платила регулярной дани; кроме того, походы по суше через огромные пространства с отнюдь не дружественными Новгороду обитателями были крайне опасными и далеко не всегда прибыльными. Об этом же в книге, посвященной торговле Новгорода в XI – XIV вв., пишет А.Л. Хорошкевич: “Сравнительно небольшое количество соболя в новгородском экспорте... также свидетельствует о слабости новгородских связей с Печорой, поскольку соболь на территории европейской части России водился в то время преимущественно в районе Печоры” [1963, с. 51].

Есть ли какие-то археологические следы тесных, как полагают многие исследователи, контактов с Новгородом на северо-востоке Европы и в Западной Сибири? Следует сразу оговориться, что их и не может быть много, поскольку в культурном слое памятников сохраняются лишь изделия из металла, стекла, керамики, в редких случаях – из кости. В материалах из археологических памятников на территории Республики Коми фиксируется некоторое количество вещей, связанных по происхождению с северо-западом Руси, в частности с Новгородом. Это преимущественно мелкие бронзовые и редко – серебряные украшения: шаровидные бубенчики, некоторые типы пронизок, полые коньковые подвески, лунницы, перстни [Археология Республики Коми..., 1997, с. 597 – 600]. Возможно, древнерусского происхождения какая-то часть железных изделий, найденных на Вымских памятниках. Вероятно, среди ввезенных на территорию современной Республики Коми новгородских товаров были ткани, от которых ничего не осталось. Иными словами, все находки, связанные по происхождению с Новгородом или другими центрами Северо-Западной Руси, представляют собой ремесленный ширпотреб, говоря современным языком, причем по количеству да и качеству он уступает вещам, например, из Булгарии или Верхнекамья.

Еще меньше следов таких контактов за Уралом. Из приводимых в сводке В.А. Могильникова 24 предметов “русского импорта в Приобье и местных подражаний” им [1987, с. 340, табл. ХСII] большая часть либо не имеет точного адреса производства (железные топор и кресала), либо является местным подражанием (литые подвески с имитацией зерни), либо попала в Приобье через булгар (бусы, витые браслеты и перстень с черневым щитком булгарского производства). К наименее спорным находкам до сих пор относились меч, обнаруженный на памятнике Преображенка III в Чановском р-не Новосибирской обл. [Молодин, 1976, с. 125 – 127], и византийская чаша из Березова с древнерусской надписью XII в. Меч найден далеко к югу от рассматриваемого региона, реконструировать его

путь от места изготовления до западносибирской лесостепи сложно. Во всяком случае этот сюжет не имеет прямого отношения к теме данной статьи. Что же касается чаши, то она действительно была приобретена в 1867 г. в г. Березове у человека из семьи, переселившейся из Нижнего Новгорода [Сокровища Приобья, 1996, с. 142]. Данные, которые могли бы пролить свет на обстоятельства находки этой чаши, не известны, как неизвестно и то, каким образом и где на нее была нанесена эта надпись. Таким образом, чаша вряд ли может *бесспорно* свидетельствовать о торговле Руси с Западной Сибирью в XII в.

Итак, судя по летописным источникам, можно зафиксировать явное стремление новгородцев в северные земли Приуралья и Зауралья. Их привлекали товары, в которых нуждались новгородские купцы-международники и которые можно было добыть только на Севере. Этими товарами были в первую очередь меха белки, соболя, куницы, черной и красной лисы, горностая, бобра, песца и т.д. Наибольшую ценность представлял мех соболя, зверя, которого в отличие от родственной ему куницы можно назвать сибирским. Границы его ареала на западе за Уралом охватывали верховья Печоры [Соболь..., 1973, с. 25]. В XV – XVI вв. соболем были населены все таежные угодья Приобья [Монахов, 1995, с. 26]. Соболь обитает почти во всех природных зонах Севера: в предтундровом и лесотундровом редколесье, в северотаежных лесах, но предпочитает средне- и южно-таежные леса, особенно районы с хорошим кедровником [Соболь..., 1973, с. 12]. Видимо, для добычи соболя в Печоре и Югре с конца I – начала II тыс. сложились особенно благоприятные условия. Согласно палеоклиматическим исследованиям, в субарктических районах Урала и Сибири с VIII по XIII в. н.э. температура летних месяцев возрастала, что способствовало продвижению к северу границы леса [Ваганов, Шиятов, Мазепа, 1996, с. 17]. Поскольку свидетельства о добыче соболя до XVI в. отсутствуют, можно лишь предполагать размеры этой добычи, исходя, например, из того, что в 1586 г. на Западную Сибирь был наложен ясак в 200 тыс. соболей [Монахов, 1995, с. 27], в правление Алексея Михайловича (1645 – 1676) только за одно лето из Архангельска (в данном случае транзитного пункта) были отпущены 579 сороков соболей, 18 742 соболиного хвоста, 598 соболевых опушек, 15 550 соболевых кончиков [Соболь..., 1973, с. 144]. Такое количество, естественно, было слишком большим, “перепромысел” привел к необходимости введения уже с конца XVII в. ограничений на добычу соболя. Приведенные цифры, кажется, вполне оправдывают стремление новгородцев в Югру.

С Северного и Приполярного Урала, возможно, вывозили также охотничьих птиц, в частности, соколов. Лучших соколов для охоты, как отмечает

Н.И. Кутепов, привозили с Приполярного Урала [1896]. Они высоко ценились при дворах русского Великого князя и других европейских государей, их вывозили из Новгорода иностранные купцы, несмотря на трудности транспортировки [Хорошкевич, 1963, с. 158]. Замечу, что соколы ценились не только при европейских дворах, но и во всем средневековом мире – от Китая [Шефер, 1981, с. 131 – 135] до Британских островов, с IX в. “охота с соколом” становится одним из популярнейших сюжетов исламского искусства от Хорасана до мавританской Испании.

Думаю, что это были далеко не все товары, привлекавшие торговцев на северо-восток Европы и в Западную Сибирь. Вероятно, можно отметить еще мамонтовые бивни, моржовые клыки и шкуры, бобровую струю, кедровые орехи и т.д. С учетом вышесказанного можно констатировать, что стремление новгородцев в эти районы, несмотря на систематически постигавшие их неудачи, было вполне обоснованным. Но, конечно, ни о какой монополизации северной пушной торговли Новгородом речь идти не может, равно как и о том, что “новгородцы с конца XII – XIII в. стали селиться в Югре, организуя подобия торговых факторий” [Могильников, 1987, с. 215].

Йура восточных (арабоязычных) источников. Археологические следы торговли на “меховом” пути

Тема северной торговли появляется в известиях арабоязычных писателей о Восточной Европе начиная с X в. (Ахмад Ибн-Фадлан), а возможно, и раньше [Захoder, 1967, с. 59]. В них же содержатся и первые описания т.н. немой торговли, при которой обменивавшиеся товаром стороны не видят друг друга. Эти описания связаны со странами, которые называются Вису и Йура. Повторяю, я не собираюсь вступать в полемику по поводу соотношения этих географических понятий с конкретными территориями, отмечу лишь, что Йуру часто отождествляют с Югрой русских летописей [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., 1971, коммент., с. 101 – 105]. Принимаю как вполне вероятную гипотезу локализацию Вису где-то в районе Верхнего Прикамья, а Йуры – к северу от него или, возможно, к северо-востоку [Федорова, 1984, с. 12]. Итак, Ибн-Фадлан упоминает, что из страны Вису “привозят соболей и черных лисиц” [Ковалевский, 1956, с. 138]. Более северные народы ему неизвестны. В описании Ибн-Фадлана к северу от Вису обитали сказочные Йаджудж и Маджудж, запертые там Александром Македонским [Там же, с. 138 – 139], – довольно типичный сюжет для средневековых книжников как Востока, так и Запада (они же Гоги и Магоги из колена Иафетова русского летописца). Более реальные черты эти описания приобретают

с XII в. Так, ал-Марвази в своем компилятивном труде “Умственные свойства животных”, составленном около 1120 – 1121 гг. [Захoder, 1996, с. 327], пишет: “На расстоянии пути в двадцать дней от них (булгар. – Н.Ф.) по направлению к полюсу страна, называемая ису, а за ней люди, зовут их йура” [Захoder, 1967, с. 61]. Ему вторит ал-Гарнати: “...а за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура” [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., 1971, с. 32]. Он же описывает многоступенчатую торговлю с народами Севера: “...мечи привозят из стран ислама... затем болгарцы везут их в Вису... затем жители Вису везут их в Йуру...” [Там же, с. 34]. И, наконец, пассаж о “немой” торговле из рассказов знаменитого путешественника XIV в. Ибн-Баттуты, объехавшего все мусульманские страны, но, бесспорно, писавшего о дальних северных краях не по личным впечатлениям: “...путешественники останавливаются в стране Мрака, выкладывают привезенные товары и уходят на место своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, где оставили товары, и находят там для обмена соболей, белок и горностаев. Если торговец доволен меной, то берет ее тотчас с собой, в противном случае оставляет ее на месте вместе со своим товаром. На следующий день жители делают прибавку к мехам, и купцы берут их, оставляя взамен свои товары. Таким образом происходит их купля и продажа. Те, которые там бывают, не знают, с кем они ведут торговлю – с людьми или с духами; они никого не видят в лицо...” (цит. по: [История Ханты-Мансийского автономного округа..., 1999, с. 18]).

Статьи ввоза товаров на Север и вывоза их оттуда отражены в источниках неравномерно, поскольку пишущих о северной торговле авторов в первую очередь интересовала северная экзотика, купцы же, которые могли бы осветить это лучше, не оставили документов и мемуаров, а из их рассказов заимствовалось то, что могло заинтересовать средневекового читателя. Среди статей вывоза упоминаются главным образом меха, возможно, они и были главным торговым эквивалентом. В некоторых источниках фигурирует еще “слоновая кость” – вероятно, мамонтовые бивни и моржовые клыки; ал-Гарнати упоминает еще невольников и невольниц. Ввозили оружие (“мечи из стран ислама” – ал-Гарнати), пастовые, стеклянные и хрустальные бусы, ткани. В одном из погребений могильника Сайгатинский III был найден обрывок шерстяного ковра, возможно, какие-то пищевые деликатесы и благовония [Зыков и др., 1994, с. 67]. Но главной статьей ввоза на северные рынки – во всяком случае, по количеству сохранившихся вещей – были серебряные сосуды, украшения и серебряные принадлежности костюма. Первоначальный завоз серебряной утвари в Прикамье, по мнению большинства исследователей, начался около IX в. и был свя-

зан с выводом из обращения огромного количества сасанидского и согдийского серебра после арабского завоевания Ирана и Средней Азии. В Прикамье известно более 100 кладов, в каждом из которых найдено не по одному сосуду [Даркевич, 1976]. По-видимому, утварь с чуждыми исламу сюжетами скупалась торговцами по цене лома, что делало выгодным ее обмен на драгоценную пушнину. Понятно, почему об этой статье “экспорта” на Север не упоминает ал-Гарнати – в XII в. серебро уже не вывозилось в крупных масштабах в связи с “серебряным кризисом” на Ближнем Востоке. Представляется, кстати, весьма вероятным, что все это огромное количество сасанидского и согдийского художественного металла попало в Прикамье в очень ограниченный промежуток времени после разгрома Средней Азии арабами и являлось частью попавшей в их руки военной добычи. Но уже вскоре, после утверждения первых мусульманских государств на территории Ирана и Средней Азии, среди их владык считалось почетным возводить свой род к Сасанидам. Скорее всего, к этому времени серебряная сасанидская посуда превратилась в раритет и вряд ли вывозилась в большом количестве.

Ввозить восточную художественную утварь в Приобье начали позже, чем в Прикамье, около X в. Поэтому и состав ее иной – иранские серебряные сосуды IX – XI вв., болгарские серебряные изделия X – XIV вв., золотоордынская торевтика и т.д. [Федорова, 1984; Крамаровский, Федорова, 1991; Зыков и др., 1994]. Отдельным сюжетом представляется история попадания на север Западной Сибири западноевропейских и византийских серебряных сосудов конца XII – начала XIII в. Упоминаемая в источниках многоступенчатость торговли хорошо документируется составом импортных вещей в материалах археологических памятников Западной Сибири (могильниках и кладах): вещи, привезенные издалека, как бы дополняются изделиями болгарских ювелиров и прикамских ремесленников [Зыков и др., 1994, с. 66 – 67].

Столь развитая и долголетняя торговля ставит под сомнение тезис о “немой” торговле. Купцы были осведомлены о запросах и емкости северного рынка, даже если эти сведения передавались “по эстафете”. Булгарские ювелиры, как мне уже неоднократно приходилось писать, великолепно знали не только объем потребностей своих северных покупателей, но и их, если можно так выразиться, духовные запросы: изображенные ими на блюдах и бляхах сюжеты максимально приближены к восприятию северянами, некоторые типы ювелирных украшений, особенно в XII – XIV вв. (например, многочисленные серебряные лапчатые подвески с зернью и сканью, обнаруженные в могильниках Сайгатинский III и IV [Зыков и др., 1994, с. 108]), видимо, делались на заказ.

Подытоживая обзор сведений арабоязычных авторов о торговле с северными народами и археологических свидетельств о ней, можно сделать вывод о процветании торговых связей этого направления в IX – XIV вв., что не позволяет относиться с доверием к рассказам о “немой”, т.е. бесконтактной, торговле, которые, по-видимому, включались во многие сочинения и с целью придания им занимательности для средневекового читателя, и для отпугивания возможных конкурентов.

Торговля по Северному морскому пути: постановка проблемы

В уже упоминавшемся сочинении ал-Марвази есть свидетельство, которое никак не тиражировалось другими авторами: “За страной йура (находятся) береговые люди, они плавают в море без нужды и цели, а лишь для прославления самих себя, что вот мол они достигли такого-то и такого-то места. Они – люди, находящиеся на крайней степени глупости и невежественности: вот едут они на кораблях по морю, и вот встретились два корабля, привязывают их оба моряки один к другому, обнажают мечи и сражаются; кто остался победителем, тому и владеть обоими кораблями. Далее находится Черная земля, а в море водится рыба, клыки которой употребляются на разного рода поделки: ручки для кинжалов и т.д.” (цит. по: [Заходер, 1996, с. 297]). Пассаж этот никак не комментируется. Б.Н. Заходер отмечает лишь, что хотя текст ал-Марвази представляет собой сокращенную параллельную передачу тех же сообщений, которые встречаются у Ибн-Русте и Гардизи, “оригинальный и в значительной части уникальный характер носит у Марвази описание народов иса-йура” [Там же, с. 327]. Рассказ выглядит довольно странным в контексте описаний торговых успехов арабоязычных купцов и увиденных ими далеких земель. Полное неприятие автором людей “плавающих без нужды и цели” при заметном реализме отрывка вызывает в памяти еще один отрывок, а именно, впечатления Ибрагима ал-Таруши из Кордовы от его посещения ярмарки в Хедебю (современная Дания), в частности, от пения местного населения: “Никогда не слышал столь гнусного пения, их глотки исторгают вой, подобный собачьему, только еще более дикий”. Интересно, что даже фантастические Йаджуджи и Маджуджи, запертые на севере Александром Македонским, не вызывали у арабоязычных авторов такого резко отрицательного отношения. Может быть, в данном случае ал-Марвази описал людей для него вполне реальных? Если это так, то вполне возможно, он имел в виду скандинавских мореходов, совершавших, скорее всего, гораздо более разнообразные по направлению и дальности походы, чем считалось до сих пор.

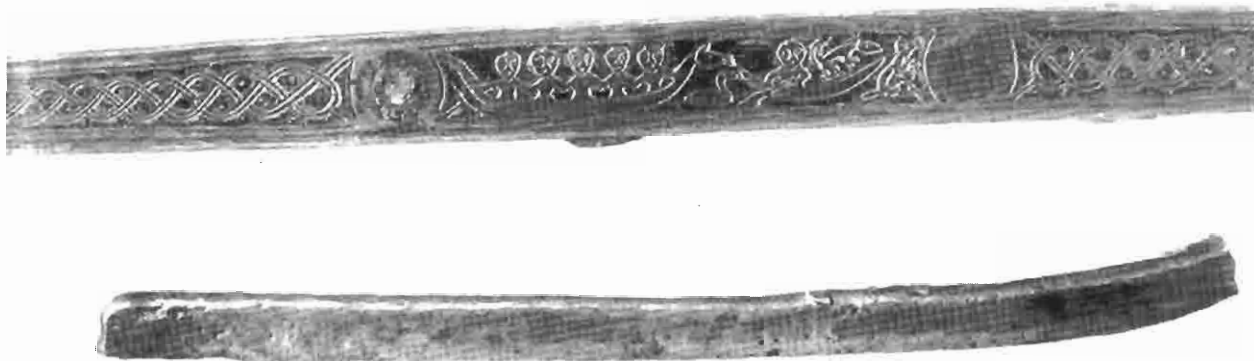

Рис. 1. Булгарское серебряное очелье с изображением ладьи.

“Достоверно известно, что около 970 г. норвежский конунг Харальд Серая Шкура приплыл к устью Сев. Двины” [Глазырина, 1996, с. 41], а последний поход викингов на восток (или северо-восток), в Бьярмаланд, относится к 1222 г. [Там же, с. 38], т.е. ал-Марвази, писавший свое сочинение в XII в., вполне мог слышать о них. Тем более что имеются свидетельства посещений скандинавскими купцами ярмарок Биляра и Болгара. Скандинавские вещи в стиле Борре, обнаруженные на памятниках Верхнего Прикамья [Белавин, 2000, с. 154], по мнению некоторых исследователей, попали туда через Волжскую Болгарию [Иванов, 1998, с. 139].

“Плавающими в море без нужды и цели”, вероятно, могли быть и северорусские (новгородцы-ладожане) мореходы, хотя в письменных источниках этого времени морские экспедиции Новгорода Великого не упоминаются. Исследователи северорусского судостроения отмечают два периода новгородской активности в судостроении: X – XI вв. и XIII – XIV вв. “Хронологически раннему периоду соответствует время интенсивных контактов со Скандинавией и, вероятно, миграций населения, а позднему – экономический расцвет Новгородской республики и связанные с ним активизация торговли (в том числе и международной), а также освоение и колонизация обширных северных территорий” [Дубровин и др., 2001, с. 158].

Можно считать очевидным, что зауральское (западносибирское) население знало, причем с довольно ранних эпох, лодки и прекрасно умело на них передвигаться по рекам. Первые реальные свидетельства о наличии долбленых лодок можно отнести к концу XI в. н.э. Детские игрушечные лодочки из культурного слоя городища Ярте VI на Ямале и захоронения в лодках, зафиксированные на могильнике Зеленый Яр близ г. Салехарда, позволяют представить их конструкцию. Археологические наблюдения совпадают с некоторыми сюжетами героических сказаний обских угров,

в которых описываются дальние военные экспедиции героев-богатырей, причем упоминаются лодки: “Они сели в глубоко сидящую лодку с водяной кормой, чтобы грести при помощи пальчатого весла, имеющего перекладину наподобие пальца” [Мифы..., 1999, с. 145], “Подобно выдре с заостренным телом, он (богатырь. – Н.В.) извивался в своей глубоко сидящей лодке с водяной кормой в эту сторону, извивался в ту сторону и показывал все уловки, все хитрости, какие только есть” [Там же, с. 147], “Оба князя опускают весло в воду у носа лодки и вынимают его у кормы” [Там же, с. 151]. В этой связи интересны сведения, содержащиеся в гораздо более поздних источниках, а именно, челобитных XVII в. о нападениях на русские отряды “воровской самояди”. Эта самая самоядь, кроме кочей, которые, как правило, уничтожались, забирала все, что могла, – “и животину имали, и неводы, и сети, и лодки, и ветки, и котлы, и якоря, и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекали” [Очерки истории Югры, 2000, с. 167]*. Иными словами, брали имущество, которое могло пригодиться, кочи же уничтожались, возможно, по двум причинам: 1) население севера Западной Сибири просто не знало, как можно управлять относительно большими судами; 2) кочи были для них олицетворением силы русской администрации. Мне кажется более верным первое предположение.

Большая ладья изображена на серебряном очелье XII – XIV вв. работы булгарских мастеров, которое было найдено до 1876 г. где-то на Иртыше [Сокровища Приобья, 1996, с. 102, 103] (рис. 1). Само по себе изделие не уникально. Еще одно очелье, украшенное орнаментом в виде плетенки на черном фоне, было найдено в могильнике Сайгатинский IV [Крамаровский, Федорова, 1991, с. 22]. В Западной Сибири обнаружено пять целых подобных украшений и четыре

* Благодарю Е.И. Вершинина, который обратил мое внимание на этот сюжет.

во фрагментах. Необходимо отметить, что такой тип украшения, как очелье в виде серебряной ленты с зауженными концами, характерен для западносибирских памятников начала – середины II тыс. н.э. – XIX в. Совершенно очевидно, что все эти украшения были изготовлены булгарскими мастерами если не по прямому заказу западносибирских покупателей, то во всяком случае с учетом их потребностей. В этой связи вызывает интерес уникальный сюжет в центральной части очелья (см. рис. 1): две лодки, одна маленькая, на ней – человек с веслом, на носу – собака, перед лодкой – пушной зверь и рыба, от которой на изображении виден только хвост, сзади лодки – водоплавающая птица, за ней – другая лодка, вернее, большая ладья, нос и корма ее одной высоты, на носу помещена скульптурная голова животного, на корме изображено нечто, что можно интерпретировать как рулевое весло, но что может быть и компартиментом плетеного орнамента. В лодке сидят пять человек, взявшись за руки. Ни весел, ни паруса не видно. Люди “остроголовые”, стилистически напоминают т.н. бляхи с сокольным, вернее, бляхи с изображением всадника. На этих бляхах также изображены пушные звери, собаки и водоплавающие птицы. Некоторые из них изготовлены мастерами той же школы булгарских торевтов, что и очелье [Там же, с. 7]. Сюжет с ладьей, интерпретация которого сложна и вряд ли будет адекватна, на вещи, сделанной на потребу западносибирского заказчика, требует размышления.

Мне кажется вполне правомерным обратиться к сюжетам викингских саг, в которых упоминаются плавание в Бьярмаланд. Локализация этого топонима относится к числу спорных. Одни последователи локализуют Бьярмаланд на территории Кольского полуострова, вторые – на Северной Двине. Я считаю для себя бессмысленным вступать в полемику по этому вопросу, но мне более всего импонирует высказывание Г.В. Глазыриной: «Возможно, название “Бьярмаланд” передавало представления о пределах населенной земли – крайняя земля, находящаяся на границе с миром легендарным. Не случайно именно так и описывает этот регион автор одного из географических трактатов – Гриппы: “От Бьярмаланда лежит незаселенная земля”» [1996, с. 43]. Более того, можно допустить, что почти за 300 лет плавания в Бьярмаланд границы этой “крайней земли” должны были меняться, сдвигаясь в сторону неведомых земель, т.е. к востоку или северо-востоку. Собственно, так же считает и Г.В. Глазырина, но, с ее точки зрения, сдвиг шел от Кольского полуострова до Северной Двины [Там же, с. 40 – 41], а я осмеливаюсь предположить, что скандинавские мореплаватели могли проникать и много восточнее, теплый климат в конце I – начале II тыс. явно благоприятствовал путешествиям по северному морскому пути.

Пожалуй, наиболее подробный рассказ о путешествии в Бьярмаланд содержится в сочинении Снорри Стурлусона “Круг Земной”. В очень кратком изложении его сюжет таков. Конунг Олав посылает своих людей – Карли и его брата Гуннстейна – в торговую экспедицию в Бьярмаланд, они вступают “в товарищество”, каждый (конунг и братья) владеет половиной имущества и, соответственно, половиной прибыли. Снаряжается торговый корабль, на котором около 25 людей. О готовящейся экспедиции узнает некий Торир Собака, владеющий большим боевым кораблем. Он напрашивается в компаньоны к братьям, причем спускает свой боевой корабль и берет, соответственно, около 80 чел. В Бьярмаланде они сначала торгуют, очень удачно приобретая “огромное богатство”, состоящее из мехов белки, бобра и соболя. После окончания торгов скандинавы грабят святилище местного божества, забирая себе серебряную посуду, монеты и украшения. Нет смысла приводить здесь весь сюжет, хотя он крайне интересен и даже поучителен для историка. Для нашей темы важны несколько моментов: во-первых, упоминается, что “когда они приплыли в Бьярмаланд, то остановились они в торговом месте” (цит. по: [Там же, с. 204]); во-вторых, говорится: “когда закончилась торговля... Было объявлено, что мир с местными жителями окончился” [Там же], т.е., исходя из текста, можно предположить наличие неких торговых центров, своего рода международных ярмарок. Подобные ярмарки хорошо известны и изучены на северо-западе Европы, были они и в Волжской Болгарии, Биляре и Булгаре, где бывали скандинавские торговцы, и где, кстати, было изготовлено очелье с изображением ладьи. Совершенно очевидно, что места торжищ должны были быть всюду, где велась подобная торговля, в т.ч. и на северо-востоке Европы, а также в Зауралье; в-третьих, проводником в пути на святилище, которое ограбили викинги, выступает Торир Собака, он же рассказывает о том, каким образом сокровища попадают на святилище, о своем знании, что там можно взять, как это святилище охраняется, как сбить со следа погоню и т.д. Вероятнее всего, Торир Собака раньше уже бывал в Бьярмаланде, хотя и не афиширует это, иначе трудно представить, откуда у него столь точные познания о местной религиозной практике и некоторых обычаях. Следует отметить, что для викингов походы в Бьярмаланд были делом, которое могло их прославить на всю жизнь, поэтому чаще всего участие в них не только не скрывали, но и делали предметом гордости. Ситуация напоминает новгородскую: были официальные рати, ходившие в Югру, и об этом, как о значительных деяниях, рассказывали летописи, и были некие люди, которые вели свои дела с Югрой скрытно, но о них мы узнаем только случайно в контексте сообщений о тех же официальных походах.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание в рассказе о посещении Бьярмаланда братьями Карли и Гуннстейном и Ториром Собакой, – описание их кораблей. Кораблей было два – торговое судно, очевидно, типа кнорра, со сравнительно небольшим числом гребцов и большой боевой корабль, команда которого могла насчитывать до 60 – 80 гребцов. Корабли этих типов могли пересекать значительные пространства в открытом море, а также идти вдоль берегов, заходить далеко в сравнительно мелкие реки и приставать практически к любому берегу. Мореходные качества кораблей викингов известны, благодаря им стали возможны замечательные географические открытия от Исландии до Америки. Иными словами, физическая возможность совершать далекие каботажные плавания вдоль берегов Северо-Восточной Европы и даже Западной Сибири у них была. Но есть ли какие-нибудь следы этих плаваний в археологических материалах?

Вообще как ни странно, но скандинавские контакты с приуральским и зауральским населением со времени выхода работы О.Н. Бадера и А.П. Смирнова [1954] почему-то не изучались, а все свидетельства наличия каких-то западных связей Приуралья и севера Западной Сибири интерпретировались как новгородские. Лишь в последней книге А.М. Белавина [2000] приводятся соображения о реальности поездок купцов из Приуралья в страны Балтии и наоборот. Отдельные скандинавские предметы обнаружены намного восточнее места их изготовления; овальная скандинавская фибула есть в коллекции Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея [Сокровища Приобья, 1996, с. 164]. Единичность этих находок не снимает вопроса с обсуждения. Артефактов много быть и не может, потому что основными товарами, вывозимыми скандинавскими ремесленниками, были сукно и железные изделия, которые очень плохо сохраняются в культурном слое археологических памятников. Размышлять на тему контактов заставляют, например, мифологические и фольклорные сюжеты [Головнев, 2001, с. 35], некоторые оригинальные мотивы в изобразительном творчестве средневековых мастеров Приуралья и Западной Сибири, которые нельзя объяснить только местными идеями [Федорова, 1984] и т.д. Хорошим, но не единственным примером использования таких мотивов могут служить навершия биметаллических кресал. Только на территории Западной Сибири их было обнаружено около 10 экз., из них 4 экз. выполнено в виде вариаций на тему “один и два ворона” [Зыков и др., 1994, с. 89 – 90; Семенова, 2001, с. 179], по крайней мере, 1 экз. – фигура зверя с развернутой на спину головой и разинутой пастью [Зыков и др., 1994, с. 91], напоминает изображения животных в стиле “ringerike”. Не исключено, что все эти вещи изготовлены запад-

носибирскими мастерами, следовательно, чтобы скандинавские сюжеты или изобразительные приемы были усвоены в местной среде, нужны были прямые контакты.

Все, о чем написано в этом разделе, представляет собой, скорее, материал для выдвижения гипотез, чем основанные на анализе источников выводы. Данных для заключений пока недостаточно, но размышления на эту тему могут дать много для понимания истории взаимоотношений разных народов на севере Европы и Западной Азии. Тем более что следующий период – конец XII – XIII в. – демонстрирует довольно неожиданную картину прямых торговых связей севера Западной Сибири и Западной Европы.

Западноевропейское сокровище на Обском Севере

В середине 80-х гг. XX столетия в районный краеведческий музей пос. Мужы (Приуральский р-н Ямало-Ненецкой а. о.) был передан клад, состоящий из четырех серебряных сосудов, вернее двух чаш без крышек и двух крышек от других чаш. Одна чаша была изготовлена в Византии [Сокровища Приобья, 1996, с. 149 – 161] (рис. 2), три – на севере Западной Европы [Там же, с. 165 – 197] (рис. 3 – 5). Все четыре сосуда демонстрировались в 1996 г. на выставке “Сокровища Приобья” в Эрмитаже, после чего они совершили тур по зарубежным музеям, где пользовались вполне заслуженным успехом. В Эрмитаже хранятся поступившие туда в XIX в. еще два серебряных западноевропейских сосуда, вернее чаша без крышки и крышка от другой чаши, из Нижнего Приобья. Точное место их находки неизвестно. Наконец, шестой западноевропейский сосуд был обнаружен также в низовьях Оби (некоторое время он был экспонатом коллекции А. Базилевского в Париже, в настоящее время находится в собрании музея Метрополитен в Нью-Йорке). Все сосуды настолько похожи, что связь их с одним или несколькими очень близкими центрами производства вряд ли может серьезно оспариваться. Более того, все они найдены приблизительно в одном районе Нижнего Приобья. Следовательно, завезены они были, вероятно, “на одном корабле”, иначе придется предположить, что серебряные с чернью западноевропейские чаши, которых и в музеях Европы, Америки единицы, завозились на север Западной Сибири регулярно, что выглядит абсолютно не правдоподобным. Во введении к каталогу “Сокровища Приобья” Б.И. Маршак приводит рассказ из “Жизнеописания трубадуров”, в котором говорится о щедрости “юного короля Генриха” – брата Ричарда Львиное Сердце: “Один бедный рыцарь увидел однажды крышку от серебряной чаши и подумал: “Если мне удастся ее похитить, мои до-

Рис. 2. Византийская серебряная чаша с изображением вознесения Александра Македонского.
Фото Ю.А. Морозова.

Рис. 3. Западноевропейская чаша из Нижнего Приобья.
Фото Ю.А. Морозова.

Рис. 4. Крышка от западноевропейской чаши из Нижнего Приобья. Фото Ю.А. Морозова.

Рис. 5. Крышка с “яблоком” от западноевропейской чаши из Нижнего Приобья. Фото Ю.А. Морозова.

машние будут обеспечены на многие дни”, и украдкой взял ее”. Далее следует сентиментальный рассказ о щедром короле, который не только оставил бедному рыцарю крышку, но и отдал чашу [Сокровища Приобья, 1996, с. 25]. Для понимания ситуации важно обратить внимание на оговорку о том, что домашних можно обеспечить “на многие дни”, похитив только

одну крышку. Иными словами, по средневековым меркам чаши представляли собой сокровище. И если подобное сокровище завозилось в Западную Сибирь, это значит, что местное население воспринималось в качестве серьезного партнера, а не прячущихся среди глухоты дикарей, которых западноевропейские купцы в глаза не видели. Кроме того, локализация этих

уникальных предметов указывает, на мой взгляд, на то, что сосуды были завезены именно на корабле, причем западноевропейском. Об этом свидетельствуют однородность “товара” и его отличная сохранность. Путь по суше, как следует из хроники новгородских походов, был сопряжен с опасностями, которые ставили под сомнение возможность доставки всех этих сосудов на Западносибирский Север. Наличие в комплексе византийской чаши не противоречит сделанным выводам, т.к. она, скорее всего, попала в Западную Сибирь через Европу, как, впрочем, и еще несколько византийских сосудов, обнаруженных в Нижнем Приобье.

История византийской торевтики в Прикамье и Западной Сибири сама по себе могла бы послужить темой отдельной статьи. Здесь же важно констатировать, что Северный морской путь в средние века успешно функционировал, связывая Западную Сибирь с западноевропейскими торговыми центрами. Посещение севера Западной Сибири западноевропейскими, в частности английскими, мореплавателями зафиксировано в источниках XVI в.: в 1584 г. агенту Московской компании Энтони Маршу холмогорские купцы сообщали: “...некогда ваши люди уже достигли устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди были убиты самоедами, которые думали, что они приехали ограбить их” [Очерки истории Югры, 2000, с. 99]. Вероятно, это была не первая встреча западноевропейских мореплавателей с самоедами, иначе откуда у последних появилось представление о том, что их “хотели ограбить”?

Выводы

Итак, очевидно, что использование термина “немая” торговля применительно к торговле между Западной Европой и Северо-Западной Сибирью в начале II тыс. н.э. нельзя считать корректным. Развитые контакты, хорошо документированные обилием импортных металлических вещей, могут являться убедительным свидетельством анахронизма этого термина.

Рассмотренные направления торговых связей позволяют говорить о том, что из стран Ближнего Востока товары шли по Великому Волжскому пути через рынки Волжской Болгарии и Верхнекамские центры в Западную Сибирь. Гораздо более слабыми выглядят следы новгородской и скандинавской торговли. До сих пор не ставилась задача поиска остатков международных торжищ на Северо-Востоке Европы и в Западной Сибири. В изучении торговых связей Западной Сибири с миром средневековых цивилизаций представлена пока только статика процесса, т.е. количество импортных вещей и их локализация на конкретных археологических памятниках Нижнего и Среднего Приобья. Исследование динамики или того, как происходил завоз этих вещей, —

дело будущего. В этом направлении сделаны первые шаги — рассмотрена возможность попадания на Западносибирский Север серии западноевропейских серебряных сосудов XII — начала XIII в.

Прибыльность северной торговли породила несколько явлений. И в русских летописях, и в древнеисландских сагах прослеживается борьба между “государственными” людьми, прокладывавшими путь к пушным богатствам, и частными компаниями, действовавшими на свой страх и риск: братья Карли и Гуннстейн, с одной стороны, и Торир Собака — с другой; рать новгородского воеводы Ядрея и Савка “со товарищи”. Попытки монополизации северной торговли предпринимали и болгарские правители. Так, у Ахмада Ибн-Фадлана приводится рассказ об одном индийском купце, который хотел сам отправиться на север, но ему пришлось долго добиваться этого разрешения от царя болгар [Белавин, 2000, с. 31]. Вероятно, рассказы о “немой” торговле и ужасах пути на Север, являющиеся общим местом во многих сочинениях как арабоязычных авторов, так и русских летописцев, преследуют, как минимум, две цели. Одна из них благородна — развлечь и просветить средневекового читателя, другая сугубо утилитарна — отпугнуть возможных конкурентов, пожелавших принять участие в торговле с северными народами.

Список литературы

- Алешковский М.Х.** “Повесть временных лет”: судьба литературного произведения в Древней Руси. — М.: Наука, 1971. — 136 с.
- Археология Республики Коми с древнейших времен до средневековья** / Л.И. Ашихмина, И.О. Васкул, А.В. Волокитин, Т.В. Истомина, М.В. Кленов, К.С. Королев, Л.Л. Косинская, А.М. Мурыгин, П.Ю. Павлов, Э.А. Савельева, В.С. Стоколос. — М.: ДиК, 1997. — 757 с.
- Бадер О.Н., Смирнов А.П.** “Серебро закамское” первых веков нашей эры. — М.: ГИМ, 1954. — 26 с.
- Белавин А.М.** Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. — Пермь: Изд-во ПермГПУ, 2000. — 196 с.
- Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С.** Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской субарктике. — Новосибирск: Наука, 1996. — 245 с.
- Глазырина Г.В.** Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. — М.: Науч.-издат. центр “Ладомир”, 1996. — 240 с.
- Головнев А.В.** Смотрящий за миром // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. — Тобольск; Омск, 2001. — С. 33 — 36.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока. — М.: Наука, 1976. — 197 с.
- Дмитриев А.А.** Пермская старина: Сб. ист. статей и материалов о Пермском крае. — Пермь, 1893. — Вып. 5: Покорение Угорских земель и Сибири. — 220 с.

Дубровин Г.Е., Околоков А.В., Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю. История северорусского судостроения. – СПб.: Алетей, 2001. – 231 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М.: Наука, 1967. – 297 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе // Лев Н. Гумилев. Открытие Хазарии. – М.: ДИ – ДИК, 1996. – С. 281 – 422.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: Б.и., 1998. – 308 с.

История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. – Екатеринбург: Изд-во НППМ “Волот”, 1999. – 300 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмада Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков: Кн.-журн. изд-во, 1956. – 347 с.

Крамаровский М.Г., Федорова Н.В. Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1991. – 42 с.

Кутепов Н.И. Великокняжеская и царская охота на Руси. – СПб., 1896.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1999. – 568 с.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163 – 235. – (Сер. “Археология СССР”).

Молодин В.И. Находка меча из Западной Сибири (пред-

варительное сообщение) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук № 11. – 1976. – Вып. 3. – С. 125 – 127.

Монахов В.Г. Соболь Урала, Приобья и Енисейской Сибири. – Екатеринбург: БКИ, 1995. – 154 с.

Очерки истории Югры / Ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. – Екатеринбург: Волот, 2000. – 408 с.

Полное собрание русских летописей. – СПб.: Б.и., 1843. – Т. 1, 2.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. – М.: Наука, 1971.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 295 с.

Соболь, куница, харза / Ред. А.А. Насимович. – М.: Наука, 1973. – 293 с.

Сокровища Приобья / Ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. – СПб.: Формика, 1996. – 227 с.

Федорова Н.В. Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X – XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – 24 с.

Федорова Н.В. Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка, литературы, 1991. – С. 193 – 204.

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV – XV в. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 365 с.

Шахматов А.А. “Повесть временных лет” и ее источники // Тр. Отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 4. – С. 9 – 150.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – М.: Наука, 1981. – 607 с.

Материал поступил в редколлегию 04.06.02 г.

УРАЛО-СИБИРСКИЙ СТИЛЬ В МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПЛАСТИКЕ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

С середины I тыс. н.э. на территории лесной и лесостепной полосы Урала и Западной Сибири был широко распространен характерный для средневековья этих регионов своеобразный стиль в изобразительном искусстве – урало-сибирский. Он нашел отражение в бронзовых зоо- и антропоморфных изображениях, относящихся к нескольким культурам, в т.ч. к верхнеобской, и не во всех регионах представлен одинаково. В данной статье мы постараемся выяснить, в какой степени этот стиль характерен для всей лесостепной верхнеобской культуры и для ее локальных групп.

Урало-сибирский стиль в верхнеобской культуре

На территории Приобья рассматриваемый стиль особенно ярко представлен в материалах синхронных культур таежной зоны: релкинской [Чиндина, 1977, с. 41 – 51, рис. 35], потчевашской, нижнеобской (оронтурский этап) [Чернецов, 1957, табл. 29 – 31]. Базой для его развития были территории Урала и Приуралья, где он зародился в эпоху раннего железа [Оборин, Чагин, 1988, с. 26]. Этот стиль исходил из идеологии лесного населения, в жизни которого исключительно большое значение имела охота, поэтому с V – VI вв. он получил широкое распространение в лесных (таежных) культурах Западной Сибири. В Приобье основой для развития указанного стиля стало кулайское изобразительное искусство раннего железного века, искусство населения, занимавшегося присваивающим хозяйством [Чиндина, 1984,

с. 72 – 76]. Оно повлияло на формирование урало-сибирского стиля в Западной Сибири [Конилов, 1987, с. 149].

Верхнеобская культура (V – IX вв. н.э.) имела четыре локальных варианта: томский, новосибирский, кузнецкий и барнаульский [Троицкая, Новиков, 1998, с. 81 – 83]. Рассмотрим проявления в них урало-сибирского стиля на материалах археологических раскопок и случайных находках на памятниках, относящихся к верхнеобской культуре. Материалы культовых мест (в археологии Сибири они носят название “клад”) мы не привлекаем, поскольку эти места могли быть центрами больших территорий, превосходящих по размерам ареалы того или иного варианта верхнеобской культуры.

Урало-сибирский стиль характерен прежде всего для лесных культур. Остановимся на относящейся к этому кругу релкинской культуре, памятники которой были прослежены на территории Среднего Приобья, соседствующей с зоной распространения верхнеобской культуры. Раскопан один могильник – Релка, содержащий около 60 могил V – VIII вв. н.э. В могилах, насыпях и на территории самого могильника выявлены 21 антропоморфная и 24 зооморфные фигуры [Чиндина, 1977, рис. 34, 35]. Антропоморфные изображения представлены целыми фигурами и отдельными головами – личинами со следами татуировки на щеках. Чаще всего встречаются изображения медведя (всего или только головы), водоплавающей птицы, лошади, совы или филина с распростертыми крыльями и личиной на груди. Изображения соболя и ящерицы представлены единичными экземплярами. Имеются сложные композиции: орел, клюющий морду зверя; хищная птица,

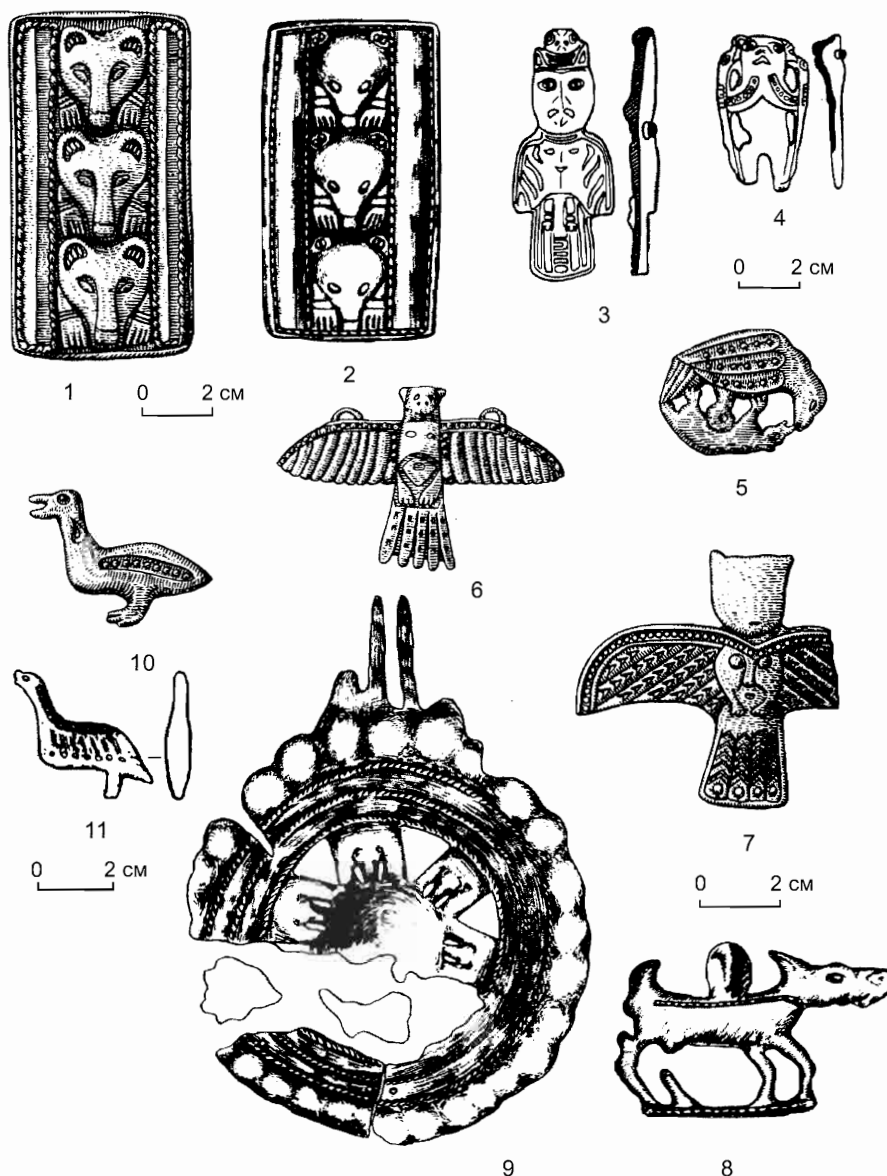

Рис. 1. Находки из Среднего (1, 5, 7, 10, 11) и Томского Приобья (2 – 4, 6, 8, 9).

нацелившаяся в голову лося (?), и др. На территории Среднего Приобья известен ряд культовых мест, содержащих средневековые изделия в урало-сибирском стиле. Среди них наиболее богат изображениями в этом стиле Васюганский клад [Чиндина, 1991, с. 36 – 37]. Все это свидетельствует о том, что в изобразительном искусстве представителей релкинской культуры урало-сибирский стиль получил широкое распространение (рис. 1, 1, 5, 7, 10, 11).

Территория томского (самого северного) варианта верхнеобской культуры находится в непосредственной близости к ареалу релкинской культуры. Она охватывает нижнее течение р. Томи и прилегающий к нему район Приобья. Рассмотрим материалы четы-

рех раскопанных могильников – Тимирязевского I и II, Архирейской Заимки [Беликова, Плетнева, 1983] и Томского [Комарова, 1952, с. 57 – 50], синхронных могильнику Релка. Они содержат не менее 103 могил V – VIII вв. (это намного больше, чем в Среднем Приобье), но в них обнаружено всего 21 изделие в урало-сибирском стиле. Зафиксировано 6 антропоморфных и 15 зооморфных (с изображением голов трех медведей (6 экз.), птиц с личиной на груди (4 экз.) и без нее (1 экз.)) блях. По одному экземпляру представлены изображения лошади, стоящего медведя, лося и зайца, имеется также поломанная эполетообразная застежка с небольшими изображениями голов и передних лап пяти или шести медведей (рис. 1, 2 – 4, 6, 8, 9).

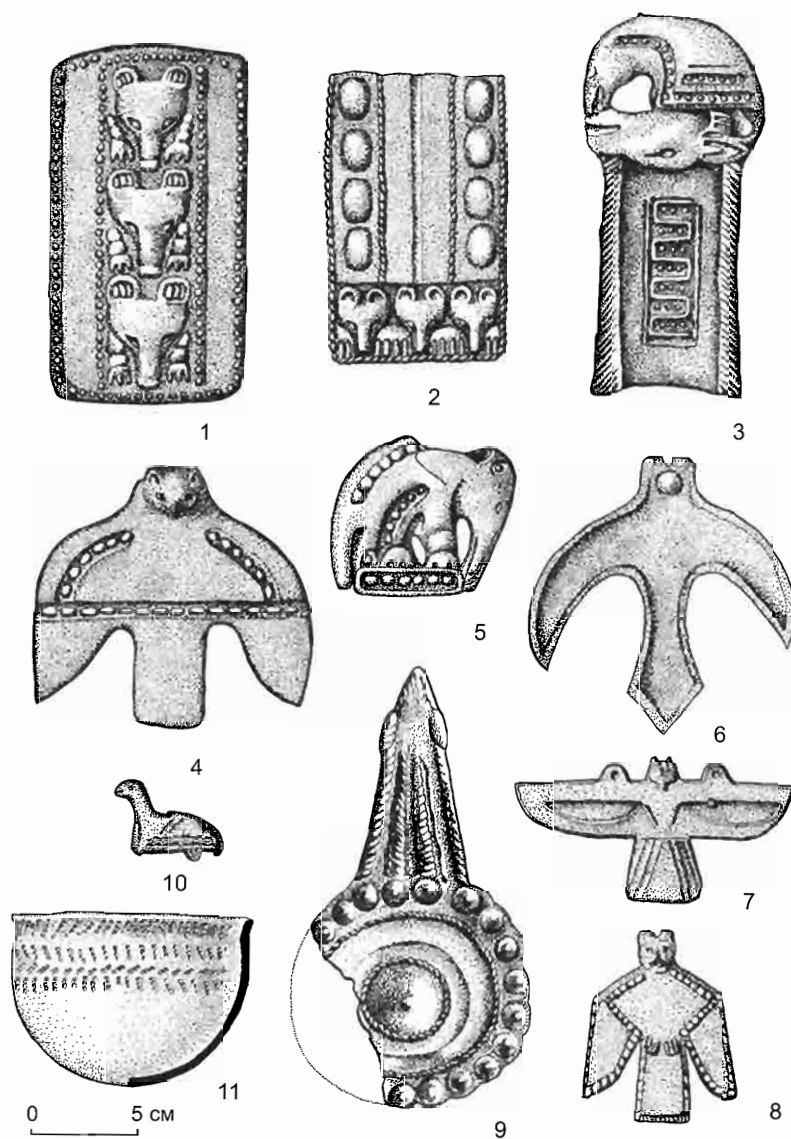

Рис. 2. Находки из могильников новосибирского (1 – 5), кузнецкого (6 – 8) и барнаульского (9 – 11) вариантов верхнеобской культуры.

Новосибирский вариант верхнеобской культуры представлен на побережье Оби от устья р. Уени до начала современного Обского водохранилища (г. Каменьна-Оби). В 13 могильниках раскопано не менее 107 могил V – VIII вв., содержащих 16 зооморфных изображений в урало-сибирском стиле [Троицкая, Новиков, 1998, табл. 18, 19]. Это шесть пластинок с изображением голов трех медведей, шагающего медведя, птицы, клюющей голову оленя, птиц с личинами на груди (2 экз.) и без нее (2 экз.) и три пронизки в виде белочки и фантастических зверей (рис. 2, 1 – 5). В целом их несколько меньше, чем подобных находок из памятников томского варианта: в Томском Приобье на 103 исследованные могилы приходится 21 изображение, в Новосибирском Приобье на 107 погребений – 16 изделий.

Кузнецкий вариант верхнеобской культуры зафиксирован в Кузнецкой котловине, к востоку от Новосибирского Приобья. На этой территории раскопано несколько могильников верхнеобской культуры. В двух из них выявлено не менее 26 могил V – VIII вв. Обнаружены три бляшки в виде птицы с распростертыми крыльями [Илюшин и др., 1992, рис. 23, 3; Илюшин, 1999, рис. 25, 32, 33]. Личины на груди птиц отсутствуют (рис. 2, 6 – 8). К северо-востоку от котловины на северном склоне хребта Арга находится знаменитое культовое место – Айдашинская пещера. В ней зафиксированы разновременные находки. К V – VIII вв. относятся три бляхи с изображением голов трех медведей, оленя, еще три бляхи с изображением птиц без личин на груди и другие предметы [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980,

табл. 21, 22]. Культовое место могло обслуживать более широкую территорию, чем Кузнецкая котловина, и сюда по р. Чулым могли доставлять изделия представители релкинской культуры. В целом следует отметить, что кузнецкий вариант верхнеобской культуры также характеризуется наличием изделий, выполненных в урало-сибирском стиле, но, вероятно, они встречаются реже, чем образцы других вариантов.

Барнаульский вариант верхнеобской культуры получил распространение на территории от Обского водохранилища до слияния рек Бии и Катунь. Его памятники представлены поселениями. Опубликованы материалы погребений у с. Степной Чумыш [Уманский, 1974, с. 136 – 139] и в урочище Ближние Елбаны под Барнаулом [Грязнов, 1956], где в могильниках БЕ XII и БЕ IV было раскопано 15 могил одинцовского этапа, но в них не обнаружены изделия в урало-сибирском стиле. Однако в погр. 32 могильника БЕ VII, отнесенном М.П. Грязновым к фоминскому этапу, найдены два предмета, имеющие прямые аналоги в верхнеобском материале [Там же, табл. 42, 10, 11]. Это полая фигурка водоплавающей птицы и эполетобразная застежка со стилизованной мордой животного на ее конце (рис. 2, 9, 10). Вторая аналогичная птичка – случайная находка – обнаружена у с. Шипуново [Ширин, 1999, с. 136, рис. 1, 40]. Полые фигурки птичек идентичны изделиям, выполненным в урало-сибирском стиле [Чиндина, 1977, рис. 35, 12 – 15; Чернецов, 1957, с. 203, рис. 29, 17, 18]. Застежка, тождественная обнаруженной под Барнаулом (см. рис. 1, 9), найдена в могильнике Архирейская Заимка среди материала, который четко относится к эпохе раннего средневековья. Сосуд, найденный в мог. 32, по форме типичен для одинцовской культуры (рис. 2, 11), что хорошо видно при его сопоставлении с одинцовскими изделиями [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 27 – 31]. Все это дает возможность отнести данное погребение к одинцовскому (возможно, к переходному) этапу верхнеобской культуры. Небольшой объем опубликованного материала из погребений Барнаульского Приобья не позволяет сделать объективные выводы, но дает основание для предположения о том, что и для этого варианта характерно наличие изделий в урало-сибирском стиле.

Выводы

Художественные изделия, выполненные в урало-сибирском стиле, являются особенностью верхнеобской культуры. Причем наибольшая концентрация таких предметов характерна для материала томского варианта этой культуры, ареал которой непосредственно

граничит с зоной распространения таежной релкинской культуры. Несколько слабее, но достаточно ярко стиль отражен в новосибирском варианте. В материале кузнецкого варианта он проявился менее заметно, а в барнаульском варианте верхнеобской культуры еще слабее. Причем этот стиль прослеживается лишь на первых этапах этой культуры – в V – начале VII в., на заключительном этапе – вторая половина VII – IX в. – он не получает отражения.

Список литературы

- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 244 с.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. – 1956. – Вып. 48. – 284 с.
- Илюшин А.М.** Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999. – 160 с.
- Илюшин А.М., Сулейманов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.** Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 128 с.
- Конилов Б.А.** Об истоках раннесредневекового искусства населения лесного Прииртышья // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 149 – 153.
- Комарова М.Н.** Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1952. – Вып. 24. – С. 7 – 50.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 184 с. – (Сер. “Искусство Прикамья”).
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 150 с.
- Уманский А.П.** Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 136 – 149.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – Вып. 58. – С. 136 – 245.
- Чиндина Л.А.** Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 202 с.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 192 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 182 с.
- Ширин Ю.В.** Древности Алтая в музеях г. Новокузнецка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 134 – 137.

Материал поступил в редколлегию 16.05.02 г.

УДК 903. 01/09

В.П. Мыльников

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ДЕРЕВООБРАБОТКИ

Введение

При раскопках археологических памятников, в частности поселений и курганных погребений, исследователи находят деревянные предметы (остатки конструкций жилищ, погребальные сооружения, оружие, посуду, хозяйственно-бытовой и культовый инвентарь), содержащие уникальную информацию о культуре, образе жизни, социально-экономических отношениях исчезнувших цивилизаций. При всестороннем анализе этого круга первичных источников логично возникает необходимость соотнесения археологического материала с данными этнографии и экспериментальных разработок для систематизации и классификации материала по различным основаниям, а также для объяснения исторических процессов, происходивших в тех или иных этнокультурных образованиях. Значительно больше при раскопках жилищ и погребений обнаруживают вторичных и косвенных источников (котлованы жилищ и могильных ям, столбовые ямки, ровики, канавки, углубления, следы гнили и тлена, и т.д.), которые позволяют предполагать наличие на этом памятнике какого-то деревянного предмета. Каждый исследователь при комплексном анализе материала дает собственную интерпретацию этим почти нематериальным остаткам человеческой деятельности, справедливо полагая, что любая реконструкция – путь к постижению истины. На основе данных таких реконструкций, “направляемых априорными проблемами или интересами исследователя”, разрабатываются разные типологии одного и того же материала [Клейн, 1991, с. 103 – 106].

Археологи, занимающиеся изучением технологии древнейших производств, имеют дело в основном с той частью предметов, которые не подверглись разрушительному воздействию времени и сил природы

[Грязнов, 1964, с. 73]. Очень трудно, а зачастую практически невозможно восстановить предмет достоверно в его первоначальном виде, когда от него остались лишь следы гнили, тлена или столбовые ямки. Поэтому при реконструкции любого вида необходимо выявлять и раскрывать весь набор признаков, которые характеризуют как саму вещь, так и процесс ее производства в целом. Прослеживая следы-признаки и зная “на что смотреть в вещи, как смотреть и как извлечь информацию” [Глушков, 1996, с. 14], технолог определяет роль и место вещи в контексте человеческой деятельности. Изучение традиций обработки дерева в древности основано главным образом на исследовании формы предмета и конструкции сооружения, особенностей структуры материала и следов его обработки различными орудиями. При отсутствии источника и результатов трасологического анализа изучение деревообработки теряет всякий смысл.

Деревообработка в древности и в наши дни имеет существенные различия. В то время предметы из дерева делали в основном в домашнем хозяйстве. Древние деревообрабатчики располагали минимумом простейших орудий труда, и только их высокое мастерство и виртуозное владение топором, теслом, долотом и ножом позволяло добиваться высочайшего качества изделия [Сокольский, 1971, с. 173]. Широкое распространение специальных инструментов (пилы, рубанки, токарные станки) и появление ремесленных мастерских началось на рубеже эр. Только после этого технология обработки древесных материалов стала постепенно приобретать современный облик, который окончательно сформировался к концу XIX в.

Не все исследователи четко представляют себе в полном объеме, что такое деревообработка в древности. Одни (практики) видят в этом лишь минимум

простейших приемов по обработке поверхности древесины, другие (теоретики) – целый комплекс стадий и операций по превращению сырья в готовый продукт, третьи – почти современное фабричное деревообрабатывающее производство, оснащенное разнообразными станками и орудиями.

С точки зрения археолога-технолога, понятие “древняя деревообработка” включает комплексную характеристику техники и технологии от момента заготовки сырья до получения готового продукта, в частности, рабочих площадок (места заготовки и обработки материала), типов и наборов инструментов, стадий и операций, приемов и способов обработки поверхности материала, особенностей изготовления отдельных узлов и частей предметов, способов возведения сложных конструкций и сооружений, построек из дерева и т.д.

Исследование обработки дерева в древности затруднено:

1) разнородностью состояния используемых источников, которая обусловлена различиями их структурных и качественных характеристик, находящихся в прямой зависимости друг от друга: сохранность – следы обработки – пригодность для исследований и реконструкций;

2) многообразием реконструкций типов жилищ, погребальных сооружений и погребальных лож, построенных на всестороннем анализе вторичных и косвенных источников;

3) отсутствием единой системы универсалий – общепринятых понятий и терминов. Нередко археолог использует в исследовательской практике свой собственный арсенал обозначений предмета, его узлов и деталей, технологических операций, приемов и способов обработки дерева. Отсюда возникают разночтения в определении одного и того же предмета исследования;

4) отсутствием единой системы комплексного анализа источников.

Виды источников

Чтобы результаты проведенного анализа были объективны и достаточно представительны, исследователь должен отбирать источники самой высокой степени сохранности, с максимальным количеством следов обработки. Эти два показателя находятся в прямой зависимости друг от друга и определяют уровень пригодности источника для его комплексного анализа и интерпретации [Гарден, 1983, с. 49, 194; Квиркелия, 1988, с. 30; Кузьмин, Варламов, 1988, с. 146; Погребова, Раевский, 1992, с. 4]. Формула “сохранность артефактов – следы обработки – возможность реконструкции” в идеале должна составлять основу для изучения древней деревообработки. Все вместе

Рис. 1. Деревянные предметы в срубе с мерзлотой. Укок.

Рис. 2. Резные украшения узды коня в мерзлоте. Укок.

Рис. 3. Спрессованный сруб со следами деградации дерева. Укок.

взятое создает реальную перспективу перехода к “доказательным интерпретациям статуса уже не гипотез, а проверяемой методами точных наук теории” [Ларичев, 1988, с. 184].

Источники для изучения традиций обработки дерева по степени пригодности для анализа мы подразделили на первичные (целостные, живые), вторичные (остаточные) и косвенные.

Первичные – репрезентативные, объединяют в своем многообразии все деревянные предметы, достаточно хорошо сохранившиеся и содержащие на своих поверхностях максимум информации о технологии обработки материала и технике изготовления изделия в виде четких следов-признаков (отпечатков орудий) (рис. 1, 2). *Вторичные* включают целые части, остатки и фрагменты деревянных конструкций и предметов без видимых следов-признаков обработки дерева, но позволяющие реконструировать принципы изготовления и монтажа конструкций, отдельных узлов и деталей. Это может быть обожженное деградированное дерево (спрессованное, полусгнившее, разложившееся) (рис. 3), древесный тлен, котлованы жилищ, могильные ямы и ямки (разные по диаметру и углу наклона) от столбов и жердей с остатками дерева. *Косвенные* – наборы инструментов для обработки дерева и отдельные орудия, найденные в кладах (ритуальные захоронения) или в подъемном материале на территории исследуемого региона, а также весь объем графической информации в виде публикаций, полевых отчетов, фотографий, рисунков, чертежей, видеоматериала.

Конечно же, деление это условное, ибо в зависимости от ситуации первичными и единственными источниками при характеристике археологического памятника могут быть и вторичные, и косвенные. Но такая дифференциация источников древней деревообработки необходима для специальных комплексных исследований по технике и технологии.

Изучение особенностей обработки дерева в древности предполагает два взаимосвязанных этапа исследования: полевые исследования и камеральную работу. Весь объем первичной информации о традициях, технике и технологии обработки исследователь получает во время раскопок памятника, изучая “живой” материал. Он содержится в основном на поселениях и в погребальных комплексах, что определяет свою специфику исследования.

Целые конструкции древних жилищ пока нигде не обнаружены. В лучшем случае удавалось найти настилы полов и чрезвычайно редко – фрагменты первых венцов стен и верхних перекрытий (крыши) (торфяники Европы и Урала). Эти остатки, как правило, невысоких одноуровневых строений, располагаются в одной горизонтальной плоскости. Они без особого труда поддаются зачистке и больших затруднений при исследовании не вызывают.

Особую сложность при изучении археологических объектов представляют внутримогильные погребальные сооружения каркасно-столбовой, каркасной и срубной конструкции. По правилам проведения археологических раскопок исследование памятника идет последовательно и поэтапно сверху вниз: накат, балки-матицы и столбы-опоры навеса, перекры-

тие потолка, сруб или клеть (начиная с верхнего последнего венца, который иногда считают первым). Ввиду плохой сохранности материала полностью зачистить погребальное сооружение в могильной яме часто не удается – границы ямы очень узки и дополнительной прирезкой можно нарушить один из важных источников стратиграфической информации. Обычно приходится ограничиваться изучением внутренних деталей сруба. Сильно затрудняют исследование в поле деградация и деструкция древесины (гнилость, тлен, жженое дерево) [Кудрявцева, Литвинцева, Соколова, 1994, с. 54], а также специфическая особенность вынутого из привычной среды археологического дерева моментально высыхать и послойно растрескиваться. Буквально на глазах исследователя уничтожаются практически все следы обработки, и через непродолжительное время становится невозможным выявление принципов монтажа конструкции [Грязнов, 1980, с. 8]. Поэтому не случайно, что при реконструкции форм жилищ и погребальных сооружений, а также при выделении традиций обработки дерева происходит ненамеренное искажение информации. Учитывая это, очень важно быстро и точно фиксировать такие археологические источники на фото- и видеопленку в поле. Дополнительную информацию можно получить в ходе камеральных исследований, консервационно-реставрационных работ, музеефикации, специальной фото- и видеосъемки. Много ценных сведений даст использование фотоаналитического метода. Данные дендрохронологического анализа важны для определения разницы времени в заготовке бревен для жилищ и погребальных сооружений, датировки относительного и абсолютного возрастов памятника, корреляции деревообрабатывающих традиций.

Характеристика источников

Плотницкое ремесло имеет свою многотысячелетнюю практику. Строительное дело ежедневно оттачивалось, шлифовалось и совершенствовалось мастерами своего дела. Анализ археологических материалов показывает, что весь разнообразный арсенал традиций деревообработки воплощен в самых массовых сооружениях из дерева – домах для жилья и “домах смерти”. Материал, архитектура, конструктивные и технологические особенности жилищ и погребальных сооружений имеют много общего. Видимо, не случайно древние строители стремились придать последнему прибежищу умерших вид жилой постройки.

Все археологические реконструкции жилищ и погребальных сооружений выполнены преимущественно на основе этнографических данных, касающихся домостроительных традиций. Этим во многом объяс-

няется многообразие обозначений видов древних жилищ из дерева, а также определений видов погребального сооружения и вариантов классификации погребальных лож из дерева, бытующих в научной литературе. Многочисленны и определения техники возведения деревянных построек. Такое положение вещей обусловлено различиями профессиональных традиций исследователей. Эти различия “нередко приводят не только к неправильному использованию ряда терминов, но и к неверным выводам. Неверные или неточные трактовки часто переходят из одной публикации в другую, становясь привычными” [Медведев, Несмеянов, 1988, с. 113].

Исследования большого массива археологических и этнографических источников показали, что все древнейшие постройки из дерева (жилища, хозяйственно-бытовые и погребальные сооружения) в основе своей конструкции содержат два основных архитектурных элемента: несущую вертикаль – опора (стойка, столб) и несомую горизонталь – перекрытие (балка, бревно, матка, матица). Четкое разделение элементов архитектурного сооружения на несущие (опоры) и несомые (перекрытия) зафиксировано при анализе простейших мегалитических сооружений каменного века – менгиров, дольменов, кромлехов [Гутнов, 1985, с. 20 – 21]. По мере эволюции технологии производства стоечно-балочная система архитектурных конструкций получила свое развитие в строительном деле древнейших цивилизаций Междуречья, Египта, Греции, Рима, Персии, Индии, Китая, Японии. В каждом конкретном случае она варьировалась в зависимости от культурно-исторических традиций общественного объединения и особенностей местных строительных материалов. Однако при всей внешней несхожести форм конструкций сам принцип целесообразного сочетания вертикальных опор и горизонтальных балок оставался неизменным и в каменной, и в деревянной архитектуре и благополучно “дожил” до наших дней. Еще Витрувий, знаменитый древнеримский архитектор, объяснял происхождение четкого порядка взаимного расположения частей каменного сооружения подражанием системе деревянных конструкций. Он установил, что формы античного ордера универсальны по отношению к материалу и в конечном счете воспроизводят работу стоечно-балочной конструкции, начало которой было положено в деревянной архитектуре. Недаром древние строители очень часто делали на каменных колоннах такие же зарубки топором и узлы крепления, как на деревянных столбах-опорах [Там же, 1985, с. 28]. Самый важный узел в такой стоечно-балочной конструкции располагался в том углу, где балка соединялась с опорой. От прочности и надежности крепления конца балки к верхней плоскости опоры зависели жесткость и ус-

тойчивость всей конструкции. Те же технологические каноны и принципы осуществлялись и в горизонтальной балочной (срубной) конструкции.

Таким образом, стоечно-балочная (вертикально-горизонтальная) система – основа (каркас) любой строительной конструкции. Однако, как свидетельствуют археологические и этнографические данные, деревянное сооружение не всегда представляет собой только стоечно-балочную конструкцию, в которой сочетаются вертикальные столбы-опоры и горизонтальные балки-бревна. Обычно встречаются только горизонтальные конструкции стен из бревен, бруса, плах – классические срубы, значительно реже – только вертикальные из бревен или столбов – частоколы, заставы, тыны. Зафиксированы и комбинированные строительные конструкции с основой в виде сруба из горизонтальных бревен и с дополнительными надстройками стоечно-балочной конструкции.

Классификация древних деревянных построек пока находится в зачаточном состоянии. Главная трудность систематизации такого рода археологических и этнографических (современных) памятников заключается в сложности выбора основного принципа классификации [Засурцев, 1959, с. 277 – 289; Грацианская, Листова, Токарев, 1968, с. 8 – 9]. Анализируя раннескифские погребальные сооружения по описаниям Геродота и археологическим данным, В.С. Ольховский предложил простую классификацию “степных и лесостепных гробниц” [1978, с. 83 – 97; Мелюкова, 1989, с. 55]. Данная классификация, являясь, на наш взгляд, наиболее приемлемой, построена только на региональных особенностях погребальных сооружений. К сожалению, она не учитывает общего принципа технологии изготовления разных по типам сооружений из дерева, а отражает внешние морфологические признаки предмета.

В исследовательской практике существует несколько подходов к классификации деревянных сооружений: 1) *этнографический* – базируется на материалах комплексного изучения разных видов и особенностей конструкции реальных строений. Все признаки, определяющие тип постройки (архитектура, вертикальная и горизонтальная планировка строения, уровни, перегородки, особенности интерьера, детали декора, наличие печей и др.), выявлены в результате этнографических наблюдений за стопроцентно целостными объектами, выполненными только из дерева или из нескольких материалов (дерево, камень, тростник, глина и т.д.). Типы строений определяются с учетом всех вышеперечисленных факторов. Отсюда многообразие выделенных типов по каждому из обозначенных признаков и их сочетаний; 2) *археологический* – строится на анализе немногочисленных остатков строений или косвенных свидетельств их существования, интерпретации этих

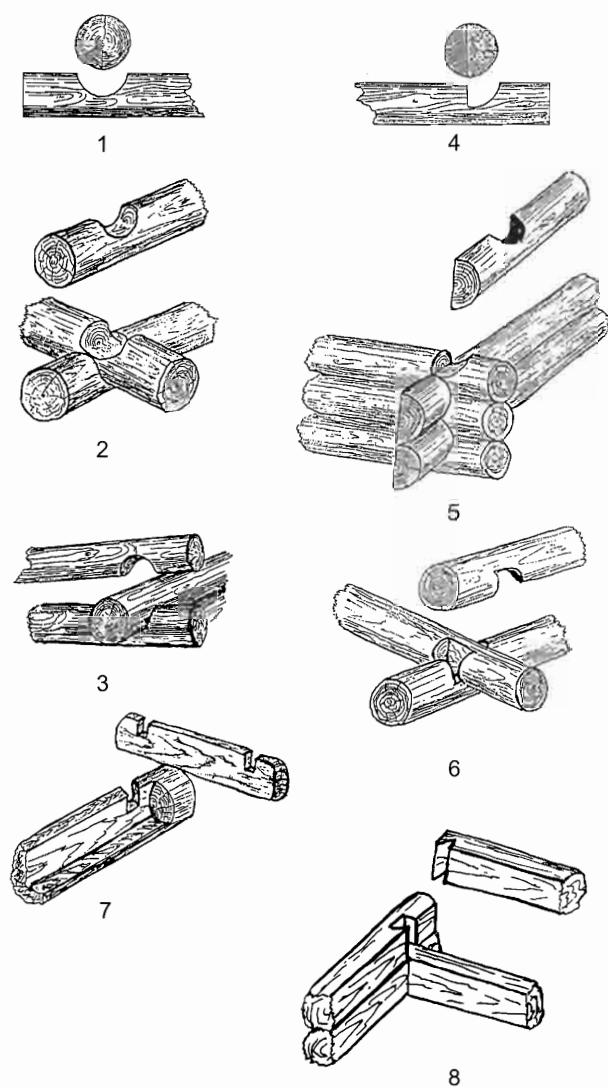

Рис. 4. Угловые сопряжения с двухсторонним остатком (1 – 6) и сопряжения раннего железного века (7, 8). 1, 2 – “в обло”; 3 – “в охлуп”; 4, 5 – “в крюк”; 6 – комбинированное “в крюк” и “в обло”; 7 – замок с двухсторонним остатком “в обло”; 8 – замок с односторонним остатком “вруб”.

источников, реконструкции предполагаемого внешнего вида постройки и последующего выделения гипотетических типов; 3) *технологический* – исходит из результатов исследования внутренней структуры постройки (особенности сооружения стен), сочетания вертикальных опор и горизонтальных балок и узлов их крепления (угловых сопряжений), выявления главного компонента (признака) постройки, выделения типов на основе соответствия особенностей структуры (конструкции) архитектуре (внешнему виду).

Каждый подход имеет свои плюсы и минусы. Лучшим, на наш взгляд, является комплексный подход. И в нашем исследовании разумно будет предложить использовать весь комплекс признаков, положив

в основу классификации один из наиболее существенных – технологический – и привлекая в качестве дополнительных все остальные.

Главная составляющая любой деревянной конструкции (жилище, хозяйственно-бытовая постройка, погребальное сооружение, крепость, острог) – стены. По нашему мнению, технология изготовления стен и особенности их соединения в углах (угловые сопряжения) определяют тип строительной конструкции, а крыша, накат, перекрытие потолка, настил пола, являющиеся вторичными признаками, зависимыми от количества стен, их размеров и конструктивных особенностей, – только дополняют ее. Поэтому в основу своей классификации мы положили технологические особенности конструкций стен.

Угловые сопряжения. Соединение концов бревен в венцах срубов при постройке стен жилых, хозяйственно-бытовых и погребальных сооружений в плотницком деле носит название “сплачивание”, или “вязка” [Федоров, 1993, с. 18]. Вязка бывает неподвижной (жесткой) – замковой и подвижной (неустойчивой) – беззамковой. Жесткая вязка производится при помощи врубок, или замков, представляющих собой углубления, пазы и боковые подтесы-фаски различной формы и глубины, вырубленные топором на некотором расстоянии от торцов бревен [История русской архитектуры, 1994, с. 9]. Подвижная, свободная вязка осуществляется, как правило, без врубок. Исключение составляет пазово-шиповая врубка, представляющая переходный тип от беззамкового к замковому угловому сопряжению.

Технологический анализ конструкций погребальных сооружений показывает, что все типы угловых сопряжений бревен можно объединить в три основных вида – замковые (жесткое соединение), беззамковые (подвижное соединение) и комбинированные.

Замковые угловые сопряжения отмечены в основном в срубных сооружениях. Различают замки: 1) с односторонним остатком (концы бревен с одной из сторон сруба – продольной или поперечной – выходят за его пределы); 2) с двухсторонним остатком (концы бревен сруба со всех сторон выходят за его пределы); 3) без остатка (концы бревен не выходят за пределы сруба).

По технологическому принципу внутри них выделяют следующие виды замков:

с *односторонним остатком* – “в потай”, “вруб” (трапецевидный). Фигурный, расширяющийся потайной шип на торце одного бревна плотно вставляется в гнездо такой же конфигурации, вырубленное топором или теслом на внутренней боковой плоскости другого бревна (рис. 4, 8). Эта редкая разновидность углового сопряжения в срубных постройках зафиксирована при раскопках гуннских погребений на могильнике Ноин-Ула в Монголии.

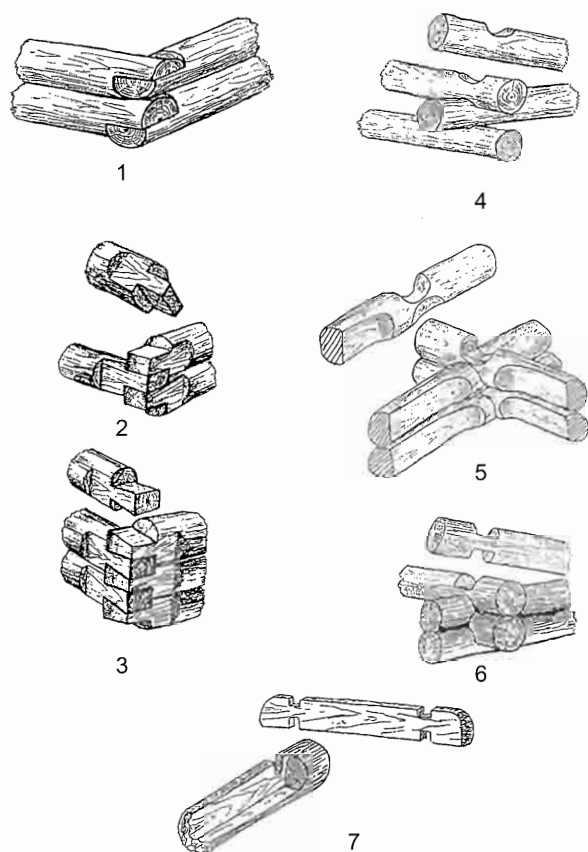

Рис. 5. Угловые сопряжения без остатка “в лапу” (1 – 3), с остатком (4 – 6) и сопряжение раннего железного века (7). 1 – простая, 2 – “сарайная”, 3 – “ласточкин хвост”, 4 – “в реж”, 5 – “в обло” с отеской “в лас”, 6 – “в охряпку”, 7 – “в охряпку”.

с двухсторонним остатком – “в обло” (“в угол”, “в чашу”), “в крюк”, “в охлуп” (рис. 4, 1 – 5), “в охряпку” (рис. 5, 6), “в реж” (рис. 5, 4). Пары продольных и поперечных бревен плотно укладываются в полусферические или прямоугольные пазы, вырубленные на некотором расстоянии от концов (торцов) бревен.

без остатка – “в лапу” (“косую”, “сарайную”, “крюковую”, “с потемкой”, “ласточкин хвост”) (рис. 5, 1 – 3). Пары продольных и поперечных бревен плотно скрепляются между собой при помощи прямоугольных или трапециевидных шипов, вырубленных на концах (торцах) бревен.

Беззамковые угловые сопряжения – “в стык”, “в торец” (“в притычку”), “внахлест” (с остатком и без остатка), “в накладку” (рис. 6, 1 – 4), пазово-шиповое (“в шип”, “в паз”) (см. рис. 4, 8; 6, 5, 6; 7, 3). Постройки с такой угловой вязкой имеют следующие технологические особенности: 1) стены каркасных или каркасно-столбовых сооружений, собранные из горизонтально уложенных плотно друг на друга бревен, как бы приставлены торцами друг к другу с остатком или без остатка (“усыпальницы” Бесшатыра) (см. рис. 6, 1, 2);

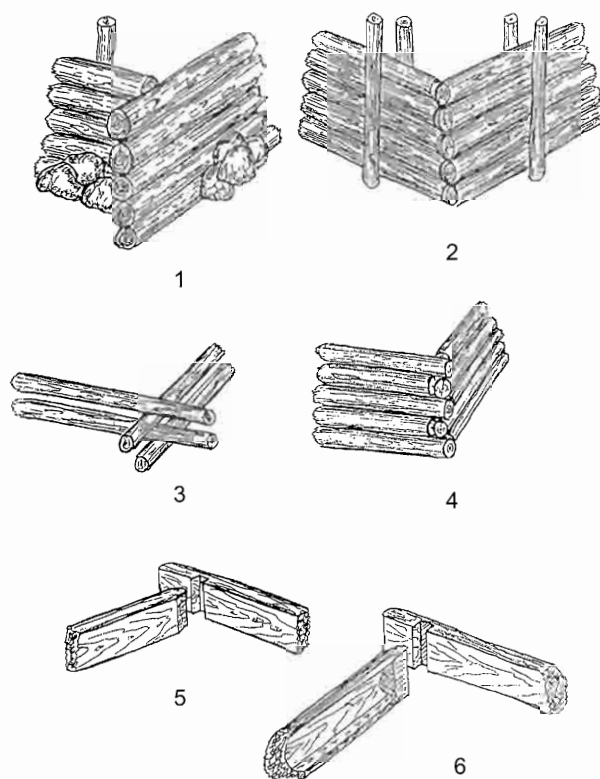

Рис. 6. Беззамковые угловые сопряжения. 1 – “в стык”; 2 – “в торец”; 3 – “внахлест”; 4 – “в накладку”; 5, 6 – пазово-шиповое.

2) стены каркасных сооружений собраны попеременной укладкой пар бревен с просветом в один венец – разреженная укладка или клеть (Чиликта, кург. 5, склепы Салбыка, Тепсея, Уйбата) (см. рис. 6, 3). Иногда бревна в стенах сооружений дополнительно, чтобы исключить провисание, скреплены между собой вставными чурками-пасынками (таштыкские склепы). Для предотвращения развала или расползания они связаны веревками и ремнями через пары сквозных отверстий-проушин (Бесшатыр, Аржан); 3) стены сооружений собраны из плотно (без просвета) уложенных друг на друга венцов бревен, концы которых поочередно перекрывают места соприкосновений торцами (сруб-каркас Иссык) (см. рис. 6, 4). Древние строители в плотницкой практике использовали еще два типа, или техники, вязки бревен, сходные между собой в основе (паз и шип), но имеющие существенные конструктивные различия. *Столбовая* (вертикально-горизонтальная) техника предполагала вкапывание по углам построек мощных вертикальных опор-столбов с глубокими продольными пазами-желобами прямоугольными в сечении, в которые горизонтально, друг на друга плотно (без просвета) вставляли торцы бревен, обтесанные

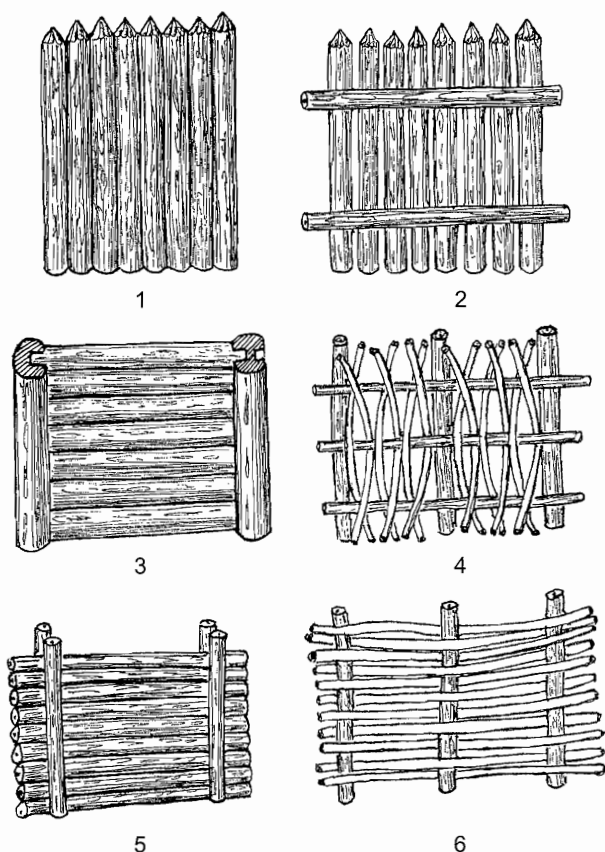

Рис. 7. Виды техники возведения стен деревянных сооружений.

1 – частокол, 2 – заплот, 3 – заклад, 4 – тын, 5 – прясло, 6 – плетень.

точно по профилю паза. Это т. н. столбовые постройки, выполненные в технике заклада (см. рис. 7, 3). При использовании *пазово-шиповой* (горизонтальной) техники отесанные под прямоугольный или треугольный шип торцы коротких поперечных бревен или полубревен вставлялись в пазы-желоба аналогичной конфигурации, вырубленные на некотором расстоянии от концов длинных продольных (прямоугольные или конические), – “врез”, “вруб”, “в паз”, “в шип” (см. рис. 6, 5, 6).

Комбинированные (замково-беззамковые) сопряжения сочетают два типа угловой вязки (пазово-шиповое и выемчатое): “в погон” – на обоих торцах одной пары бревен в венце сделаны только шипы, у другой пары на некотором расстоянии от концов – чашки и прямоугольные пазы (рис. 8, 1); “в иглу” – каждое бревно в венце с одной стороны имеет прямоугольный шип на торце, с другой – на некотором расстоянии от конца сбоку – прямоугольный паз, сверху чашку (рис. 8, 2, 4).

Как показывают этнографические исследования, каждый этнос привносит в свой регион навыки строительных традиций из разных мест. Со временем происходят отбор рациональных форм, более соответствующих

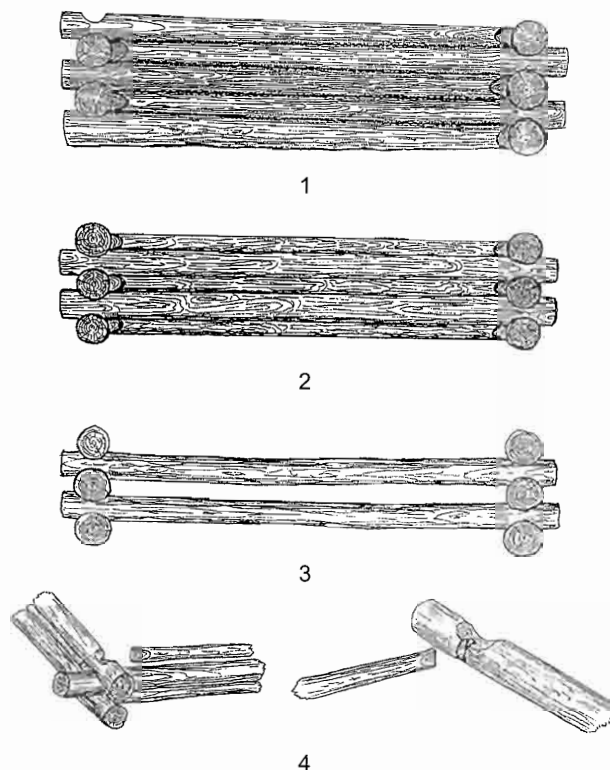

Рис. 8. Комбинированные угловые сопряжения.

1 – “в погон”; 2, 4 – “в иглу”; 3 – “в рез”.

местным условиям, и последующее их совершенствование применительно к конкретной экологической ситуации [Липинская, 1995, с. 174 – 207].

Историками русской архитектуры бревенчатых построек установлено, что в прошлом наиболее часто угловую вязку бревен классических срубов делали с двухсторонним остатком бревен – рубка замков без просвета на глубину в полбревна (“в обло”, “в угол”, “в чашу”). Она придавала дополнительную прочность стенам и позволяла лучше сохранять тепло в доме. Значительно реже использовали трудоемкую и непрактичную вязку бревен без остатка (“в лапу”, “ласточкин хвост”), при которой образовывались трудноустраняемые замковые и межвенцовые щели [Чижикова, 1987, с. 224]. При возведении неотапливаемых хозяйственных строений (сарай, загон, завозни, повети и т.д.) из неровных стволов деревьев с целью экономии материала использовали пазово-шиповую угловую вязку (т.н. столбовая техника), врубку с просветом или через одно бревно или в четверть дерева (“в погон”, “в иглу”, “в рез”) [Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977, с. 119; Ганцкая, 1967, с. 173; Засурцев, 1959, с. 264].

Погребальным сооружениям из дерева, по мнению большинства исследователей, стремились придать вид жилой постройки. Установлено, что в основе канонов их изготовления лежат традиции домостроения [Грязнов, 1950, с. 59; Руденко, 1960, с. 215; Семенов, 1956, с. 215; Акишев, Кушаев, 1963, с. 77; Грач, 1980, с. 32; Итина, 1992, с. 33; Кубарев, 1991, с. 27 – 28; 1992, с. 15; Полосьмак, 1994, с. 22; Ольховский, 1978, с. 86]. Это означает, что классификацию деревянных погребальных сооружений следует строить, исходя из принципа сооружения элементарных строительных конструкций. Все известные деревянные конструкции, согласно нашим изысканиям, можно разделить по технологии изготовления – на срубные, каркасные, столбовые и их комбинации: каркасно-столбовые, срубно-столбовые и срубно-каркасные; по форме – на прямоугольные, квадратные, многоугольные, в виде усеченной пирамиды; по расположению в пространстве (отношению к окружающей среде) – на наземные, полуподземные (наземно-подземные), подземные.

Срубные постройки. Слово “срубное” происходит от слов “рубить”, “срубить”, которые обозначают основные плотницкие приемы и технологический принцип. Исследователи выделяют несколько видов срубных конструкций из дерева: классический сруб, сруб-каркас, сруб-прясло, сруб-заклад, сруб-клеть. Однако по технико-технологическим критериям типично срубными можно считать только классические сооружения. Стены классических срубных построек собраны способом последовательной плотной без просвета горизонтальной укладки продольных и поперечных пар бревен в венцы, концы которых соединены способом “замок с остатком” или “замок без остатка”. В углах срубов концы бревен прочно связаны между собой при помощи специальных прямоугольных или полусферических фигурных выемок, придающих конструкции повышенную устойчивость. До позднего средневековья мастера не знали нагелей – деревянных или металлических стержней (шкантов), посредством которых венцы стен дополнительно очень прочно соединяются между собой в углах и посередине. Поэтому для придания конструкции большей прочности и предотвращения горизонтального смещения бревен они использовали систему сложных комбинаций фигурных пазов, несколько отличающихся от современных. На археологических объектах на территории Европы зафиксированы угловые сопряжения двух видов: на памятниках бронзового века в Германии – “обло” [Кларк, 1953, табл. XIV, b] и раннего железного века в Польше – “пазово-шиповое” (столбовое, заклад) [Там же, с. 165, рис. 88; Малинов, Малина, 1988, с. 14 – 15]. При анализе конструкций гуннских срубов из могильников Ноин-Ула и Булган в Монголии выявлено жесткое угловое сопряжение

с односторонним остатком “потайной фигурный шип” трапециевидного профиля с широким основанием наружу. Разнообразие техник углового сопряжения бревен в срубных конструкциях ярко демонстрируют цельные погребальные сооружения раннего железного века из “замерзших” курганов Алтая. Только в пазырыкской культуре их зафиксировано более 20 разновидностей [Семенов, 1956, с. 216; Мыльников, 1999, с. 24, 94 – 95, рис. 41, 42].

Каркасные постройки. *Срубы-клет* сооружали простейшим способом без использования замков-вырубок. Стены их обычно возводили *попеременной горизонтальной укладкой* пар бревен одни на другие “внахлест” с остатком – так, что между ними получался просвет в толщину одного бревна. Каркасные конструкции из дерева наиболее часто использовались при строительстве погребальных сооружений. Такие постройки больших размеров исследователи называют клетями, или склепами (Большой Салбык, Тепсей-3, Чиликта-5).

Срубы-каркасы демонстрируют еще один способ монтажа стен каркасных погребальных сооружений – “внакладку”: бревна плотно укладывали одно на другое вершина к комлю так, что места соединения торцов бревен нижнего венца, уложенных в стык, попеременно перекрывались плоскостями бревен верхнего. Для жесткости конструкции стены таких строений дополнительно укрепляли крупными бревнами, положенными с боков, навалом из камней или плотно утрамбованным грунтом (каркас-сруб в кургане Иссык).

Срубы с *пазово-шиповой* вязкой в углах представляют третий способ монтажа каркасных сооружений с использованием прямоугольных или заостренных шипов и пазов для соединения венцов стен (Верх-Кальджин 2, кург. 2; Кара-Коба; Кызыл-Джар; Овгонт Уул, булш 1; Берель 11) [Молодин, Мыльников, 1999, с. 446 – 453; Могильников, 1983, с. 3 – 40; Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001, с. 12 – 14]. Такие конструкции из дерева можно рассматривать как подражание аналогичным сооружениям из каменных плит эпохи поздней бронзы на Алтае (раскопки Ю.Ф. Кирюшина) и в Крыму [Ильинская, Тереножкин, 1986, с. 172]. Свободное положение шипа в гнезде делало угловую вязку непрочной, а сооружение неустойчивым. Для дополнительной жесткости продольные венцы стен снаружи обкладывали двумя-тремя бревнами и подпирали навалами из валунов либо плотно утрамбовывались грунтом.

К каркасным можно отнести все возможные разновидности “рам” без жестких угловых сопряжений и простые перекрытия могильных ям продольными и поперечными накатами из бревен, опирающихся на земляные уступы-плечики либо на бревна-слоги, положенные по краям ямы. Погребения в подбоях мо-

гильных ям нередко плотно закрыты горизонтально уложенными друг на друга бревнами или плахами – “заклады”.

Столбовые сооружения смонтированы из бревен (столбов), вертикально вкопанных (установленных) по периметру оборонительных стен городищ, котлованов жилищ, могильных ям в разрядку или вплотную друг к другу. В чистом виде они встречаются в качестве частокола [Засурцев, 1959, с. 297] или тына [Кузнецова, 1997, с. 64] вокруг крепостей, острогов, городов, а также в виде “заставов”, “заслонов” погребений в подбоях могильных ям (см. рис. 7, 1, 2). Чаще всего являются составляющими элементами вспомогательных компонентов *столбов-опор* и *столбов-запоров* в каркасно-столбовых, а также в срубно-столбовых и комбинированных сооружениях.

Срубно-каркасные постройки сочетают в себе горизонтальные строения двух типов – сруб и каркасные конструкции. Классический пример – курган Аржан, представляющий собой уплощенно-округлое погребальное сооружение с двойным срубом (внешний рублен “в обло”, внутренний – “в лапу”), окруженным концентрическими радиальными рядами камер-клетей.

Каркасно-столбовые – самые многочисленные и разнообразные по технологии изготовления сооружения из дерева стоечно-балочной конструкции. Они сочетают вертикальные (несущие) опоры и горизонтальные (несомые) балки-переводины. Стены этих строений могут быть смонтированы несколькими способами.

1. *Сруб-заклад*. Это “столбовая постройка” (“заплот”), основу которой составляют мощные вертикальные столбы-стояки с одним или двумя глубокими продольными желобообразными пазами. В эти пазы горизонтально одно на другое вложены окоренные или отесанные бревна с прямоугольными шипами на концах (см. рис. 7, 3).

2. *Сруб-плетень*. Плетневые постройки созданы с вертикальным (столбянки) или горизонтальным (турлучные) плетением стен вокруг основы – вертикальных столбов-стояков либо трех-четырех толстых жердей, горизонтально присоединенных к столбам-опорам. Плетеные стены таких построек обычно обмазывали глиной [Ганцкая, 1967, с. 174 – 175] (рис. 7, 6).

3. *Сруб-прясло* – стены этих сооружений собраны из окоренных или кругло отесанных бревен, уложенных одно на другое попеременно – вершина к комлю – и зажатых между несколькими парами вертикально вкопанных в землю столбов-зажимов (рис. 7, 5). Иногда на вершинах таких столбов долотом прорубали две-три пары отверстий-проушин, через которые продевали ремни или веревки, стягивавшие столбы-зажимы между собой. Стены прясловых построек плотно приставлены друг к другу “в торец” либо в стык, но в

углах между собой не соединены. Классический пример таких конструкций – царские усыпальницы могильника Бесшатыр (курганы Большой-1, 6, 8).

К каркасно-столбовым можно отнести разнообразные виды решетчатых с просветом *клетей* и *склепов* с тынами, частоколами и навесами с накатами бревен, а также перекрытия могильных ям из бревен, опирающиеся на балки-переводины, которые лежат на вертикально вкопанных столбах-опорах. Каркасно-столбовыми по технологии сооружения являются также *навесы с накатами бревен* в царских курганах Пазырыка, Туэжты, Башадара, различные виды “заборов”, “запоров”, вертикальные и горизонтальные “облицовки могильных ям деревом”, сочетающие в своих конструкциях плотную вертикальную или горизонтальную обкладку стен из бревен, плах или досок между стеной могильной ямы и дополнительными горизонтальными или вертикальными замками-запорами (стояки, лежаки).

К **срубно-столбовым** сооружениям можно отнести склепы с наклонными (вертикальными) столбами, срубом и частоколом [Мартынов, 1979, с. 24]. Иными словами, это классический сруб в центре могильной ямы, окруженный одним или несколькими рядами вертикально или наклонно вкопанных столбиков-бревен. Когда над срубно-столбовыми сооружениями возводят дополнительно каркасно-столбовое устройство (навес), на которое укладывают несколько накатов бревен, то такую сложную погребальную конструкцию можно назвать срубно-каркасно-столбовой, или комбинированной (погребальные комплексы Пазырык, Туэжты, Башадар (сруб плюс навес с накатом), Шестаково-6).

Несмотря на то что по основным принципам изготовления жилища и погребальные сооружения из дерева во многом похожи, между ними есть различия, обусловленные функциональными особенностями каждой категории предметов, культурно-историческими и ритуальными традициями общества.

Погребальные лежа. Проведенный нами технико-технологический анализ показал, что они подразделяются на два типа: закрытые (герметичные конструкции, имеющие полость и крышку или перекрытие) и открытые (плоские без крышки и перекрытия). Не отвергая общепринятые определения, мы предлагаем следующую классификацию погребального лежа:

закрытого типа (полостные с крышкой) – включают долбленные колоды (рис. 9), колоды-саркофаги, саркофаги, гробы, гробовища, досчатые (дощатые) гробы, гробы ящики, гробы-колыбели;

открытого типа – настилы, лежа из досок, гробы-рамы, лежа-рамы, лежа-кровати (рис. 10, 11), полати, помосты (рис. 12), решетчатые гробы, настилы-носилки, решетчатые носилки, катафалки, колыбели.

Рис. 9. Сруб с колодой. Укок.

Рис. 10. Сруб с ложем-кроватью. Юстыд.

Рис. 11. Ложе-кровать. Юстыд.

Рис. 12. Сруб с ложем-настилом из плах. Укок.

Реконструкции

Реконструкция – естественный процесс познания исторической действительности при помощи восстановления первоначального облика утраченного целого по сохранившимся остаткам [Реконструкция, 1975, с. 615; Ожегов, 1982, с. 602]. В каждой реконструкции воплощен результат синтеза двух составляющих: объективного (информация, заключенная в источнике) и субъективного (опыт, знание, интуиция, воображение исследователя). Таким образом, любая реконструкция, кроме эталонной, является лишь частной версией того, что

могло быть, но не обязательно было на самом деле [Глушков, Захожая, 1992, с. 127 – 129].

Гипотеза и утверждение, знание и мнение, истина и заблуждение, их баланс и соотношение всегда были центральной проблемой в археологии, как, впрочем, и в любой другой науке [Квиркелия, 1988, с. 18 – 32; Щапова, 1994, с. 6 – 15]. Истина – воспроизведение объекта таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания – многократно проверенный практикой, неискаженный результат исследований, приближающийся к идеалу [Сpirкин, 1983, с. 226 – 227]. При разработке проблем техноло-

гии обработки дерева в древности истина (адекватный результат) извлекается прежде всего из анализа первичного источника (живого материала – абсолютно целых предметов, конструкций жилищ, погребальных сооружений) благодаря уникальной возможности его изучения на этнографическом уровне. Результаты подобных исследований корректны, представительны, наглядны, легко поддаются верификации и потому в первую очередь имеют полное право на самое широкое применение в различных реконструкциях.

В зависимости от природно-климатических условий региона, химического состава почвы, глубины залегания объекта, влажности, естественных природных консервантов в виде льда, влажной глины, илистых отложений, торфяников археологические объекты (жилища и погребальные сооружения) предстают перед археологом в разных по степени сохранности видах [Вихров, 1959, с. 132 – 135; Плендерлис, 1968, с. 30 – 54]. Чаще всего встречаются углубления-западины разных форм и конфигураций, столбовые ямки, рвы и ровики без остатков древесины. Иногда в столбовых ямках, ровиках и на уровне материка фиксируются остатки гнилого или жженого дерева, фрагменты нижних венцов строений, настилы полов, обрушившиеся перекрытия потолков и крыш, части полуистлевших или обгоревших конструкций, тлен. Очень редко находят практически целые конструкции, которые почти всегда попорчены грабителями.

Изучение материала происходит, как правило, по следующей схеме: трасологический, сравнительно-исторический и сравнительно-типологический анализ – мыслительный эксперимент (теоретические построения) – физический эксперимент (изготовление реплик-копий) – этнографические сравнения и графическое моделирование [Глушков, Бородавский, 1988, с. 27 – 29] – поиск проявления стереотипов методами технологического, трасологического, планиграфического экспериментов [Волков, 2000, с. 30 – 35] – культурно-историческая интерпретация материала. Окончательная реконструкция предстает в нескольких вариантах.

1. При полном отсутствии следов-признаков деревообработки исследуются форма и параметры котлована, порядок расположения столбовых ям и ровиков по периметру и в центре объекта (конфигурация, глубина, ориентация и угол наклона, расстояние друг от друга и т.п.). Внешний вид объекта, устройство стен, крыши, перекрытий потолка и настила пола воссоздаются предположительно (умозрительно). Для технолога такая реконструкция содержит минимум специальной информации по технике и технологии обработки дерева. Ее можно назвать условной.

2. Устанавливаются и изучаются: порядок расположения сгнивших или обгоревших остатков конст-

рукции с фрагментарно сохранившимися следами-признаками, стратиграфическое залегание слоев древесного тлена. За исключением отдельных деталей, внешняя форма конструкции, устройство стен, вид крыши, способ перекрытия потолка, типы угловых сопряжений, расположение и технологические особенности дверных и оконных проемов воссоздаются условно. Такая реконструкция будет неполной или фрагментарной.

3. Полуистлевшие конструкции в момент раскопок почти всегда имеют частично сохранившиеся следы-признаки. Но все это деградированное дерево, кроме отдельных наиболее хорошо сохранившихся частей или образцов для дендрохронологического анализа, ввиду сложности или невозможности консервации и хранения приходится оставлять на месте. Досконально изучается и многократно фиксируются на фото, видео и в чертежах форма объекта, размеры и особенности каждой детали конструкции, порядок и взаимное расположение венцов бревен, угловых сопряжений и т.д. В результате получается практически полная (целостная) реконструкция.

4. Стопроцентно целостные объекты, как правило, всегда подвергаются музеефикации. Они, к сожалению, встречаются крайне редко, преимущественно в курганах с мерзлотными образованиями. Великолепная сохранность таких образцов позволяет проводить технико-технологические исследования на этнографическом уровне. Реконструкция такого уровня становится эталонной.

Важно учитывать, что при любом виде реконструкции должна решаться двуединая задача по реконструкции типа сооружения (архитектура – внешний вид предмета, элементы, детали) и способа его создания (технология изготовления деталей и узлов, монтаж конструкции). Иными словами, чтобы установить, как это сделано, следует изучить обработку поверхности, угловые сопряжения, способы перекрытия, виды настилов и т.д. Если эти требования не соблюдаются, то в результате получаем два совершенно самостоятельных вида реконструкций. Кроме того, существуют также реконструкции типов жилищ по глиняным моделям, наскальным рисункам, письменным источникам, этнографическим описаниям, устным преданиям. Разумеется, все введенные в научный оборот реконструкции имеют право на существование, поскольку отражают разные пути достижения истины. Однако проведение сравнительно-типологического анализа в рамках детальных комплексных исследований по технике и технологии деревообработки предполагает взвешенный, критический отбор этих реконструкций, основанный на полном соответствии технико-технологических данных предлагаемых образцов максимальному объему информации, заключенной в первоисточниках.

Эксперимент

Экспериментальные разработки – неотъемлемая часть технико-технологических исследований. Являясь критерием истины, эксперимент позволяет на практике проследить логику реальных технологических действий древних мастеров и среди многообразия предположений провести естественный отбор целесообразного и рационального. Научный эксперимент включает в себя физическое (практическое) и теоретическое моделирование.

Физическое (репликативное) моделирование как метод изучения технико-технологических аспектов разных видов древнейших производств давно и успешно применяется в отечественной археологии [Семенов, 1968; Минасян, 1990; Глушков, 1995; Бородавский, 1997]. Оно всегда проводится с ориентацией на “живую” этнографическую культуру [Глушков, 1995, с. 1; Кениг, 1995, с. 23; Томилов, 1999, с. 26]. Истоки физического моделирования, основанного на использовании натуральных природных макетов для окончательного изготовления оригинального предмета, исследователи находят в искусстве древнекаменного века [Столяр, 1985, с. 180 – 210].

Моделирование реплик предполагает изготовление копий, как уменьшенных в масштабе, так и в натуральную величину. Предпочтительными и наиболее приемлемыми для исследований являются копии, максимально приближенные к оригиналу по всем параметрам. Хронометрирование процесса изготовления предмета из дерева – одна из особенностей метода физического моделирования. При этом фиксируются хронологические отрезки всех технологических операций обработки материала. Измеряется время от момента подготовки заготовки к обработке до завершения изготовления предмета из той же породы дерева, из которой выполнен оригинал, теми же орудиями, способами и приемами, которыми пользовались древние мастера. Это очень трудоемкое занятие, требующее больших временных и материальных затрат.

Теоретическое моделирование предполагает выработку гипотезы, отработку теорий и предположений, проведение анализа вариантов решения и верификации их с данными практических исследований.

Системность и комплексность исследования

Исследование техники и технологии древнейших производств предполагает знание методики их системного анализа и следование ей [Генинг, Борзунов, 1975, с. 42 – 72; Бобринский, 1978, с. 14 – 19; Массон, 1990, с. 21 – 23; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 55 – 68; Бородавский, 1997, с. 40 – 41]. Необходимость комплексного подхода к проблеме изучения

любого археологического объекта с использованием строго понятийно-терминологического аппарата диктует сама специфика глубинного исследования взаимосвязанных частей единого целого [Гуляев, Ольховский, 1999, с. 13]. В настоящее время для всех основных видов древнейших производств (обработка камня, гончарство, косторезное дело, металлургия бронзы и железа и др.) разработаны свои достаточно надежные методики изучения традиций техники и технологии обработки материала. Поскольку обработка дерева является одним из самых древних видов производства, для нее тоже необходимо выработать собственные подходы и методы изучения традиций обработки материала. В разное время отечественные исследователи проводили отдельные изыскания в этой области.

Создание методики изучения традиций древней деревообработки связано с разработкой единой относительно универсальной системы комплексного анализа уникального археологического материала на всех стадиях научных изысканий (полевые исследования, консервация, реставрация, камеральные работы, музеефикация, этнографические наблюдения, эксперимент) [Антипова, Раевский, 1991, с. 207 – 233; Волосова, 1994, с. 4 – 10; Глушков, Бородавский, 1988, с. 26 – 41; Глушков, Захожая, 1992, с. 127 – 129]. Основные звенья комплексного анализа следует выстроить примерно в следующей последовательности: выработка единой терминологии и системы характеристик объектов исследования; выявление категорий деревообработки, их внутреннего деления на единицы совокупности и соответствующие им признаки; суммирование данных по каждому признаку; определение частоты встречаемости и совокупности признаков деревообработки в каждом памятнике; сравнительный анализ двух или нескольких памятников; групповой сравнительный анализ памятников по наличию сходства или различий признаков; группировка памятников по коэффициенту сходства суммы признаков; внутrigрупповой сравнительный анализ признаков деревообработки и определение их массовости или единичности с целью выявления эпохальных (всеобщих), региональных (характерных для отдельных регионов) или локальных (частных, единичных) традиций обработки дерева. Заключительный типологический анализ суммы признаков в каждом памятнике выявляет степень близости памятников и определенным образом отражает их этническое сходство или этническую консолидацию.

Впервые идея проведения комплексного изучения большого массива источников возникла в 1991 г. в ходе археологических исследований курганов скифской эпохи по международной программе “Пазырык”, когда для полноты и достоверности данных были привлечены все репрезентативные материалы не только Горного Алтая, но и сопредельных территорий –

Казахстана, Тувы, Монголии. В ходе исследовательских и экспериментальных работ была создана некая унифицированная и достаточно эффективно и устойчиво работающая модель технико-технологического анализа древних деревянных предметов. Взяв за основу эту примерную схему системного анализа традиций обработки дерева, мы смогли провести достаточно качественное исследование огромного массива источников. По мере накопления источников и аналитических данных эта схема будет, несомненно, уточняться, дополняться новыми деталями, совершенствоваться. Одновременно будет формироваться обширный банк данных, касающихся традиций обработки дерева в древности.

Систематизация категорий предметов, комплексный анализ качества обработки материала и уровня мастерства изготовления изделий позволили определить направления специализации мастеров-деревообработчиков, занимавшихся серийным производством предметов из дерева. Специализация была основана на разделении труда внутри каждой отрасли деревообработки и по широкому кругу технологических аспектов, связанных с техникой и технологией производства [Сайко, 1996, с. 8 – 13; Сокольский, 1971, с. 48 – 256, 259 – 264]. Кажущийся замкнутым и нерасчлененным в составе домашнего производства процесс деревообработки имел разные специализации: строительное дело – обработка крупномерной древесины и возведение больших и объемных объектов, плотнико-столярные работы – тонкая обработка мелкогабаритных раскроенных и отлицованных заготовок и изготовление из них основного массива хозяйственно-бытовых предметов, резьба (в большей степени художественная) – особый вид обработки дерева в древности, сочетавший элементы плотницкого и столярного мастерства, требовавший навыков и знания традиций обеих отраслей и искусного владения основным (ножом) и вспомогательными (мелкими стамесками) орудиями резьбы по дереву при производстве многочисленных мелких резных предметов – украшений, туалетных принадлежностей, музыкальных предметов и т.д.

Таким образом, специализация на производстве одного типа продукции дает основание для выделения вида деревообрабатывающего производства. В раннем железном веке у носителей разных культур на территории Северной и Центральной Азии существовали следующие виды деревообрабатывающего производства:

строительное (плотническое) дело – строительство жилищ (постоянные, временные), хозяйственно-бытовых построек (зимники, загоны для скота, кошары, амбары), погребальных сооружений; возведение фортификационных конструкций (каркасы крепостей

и крепостных стен); изготовление стенобитных машин, баллист, больших передвижных башен на колесах; мостостроительство; судостроение; храмовое строительство;

плотнико-столярные работы – изготовление предметов вооружения (луки, стрелы, колчаны, рукояти клевцов, щиты, ножны кинжалов и т.д.); хозяйственно-бытовых предметов (лопаты, лестницы, колья, клинья, деревянные гвозди, инструментарий и рукояти к нему, волокуши и т.п.); средств передвижения (колесницы-повозки с крытым верхом, телеги, сани, лыжи, лодки); мебели (кровати, столы, стулья, табуреты, кресла); посуды (блюда-столики разных форм и устройств, кубковидные и бокаловидные сосуды, сосуды с носиком, чаши-пиалы, миски, черпаки, ковши, ложки, палки-мешалки (мутовки) и т.д.); предметов туалета (ларцы, пеналы, коробочки, зеркала,); ритуальных предметов (погребальные лежа, подушки-изголовья, шестиноги для шаманских радений, музыкальные инструменты (арфы) и т.д.;

резьба художественная (особый вид обработки дерева) предполагала в основном изготовление украшений: многочисленные и разнообразные серии наборов украшений коня и человека (серии скульптурных и рельефных изображений для головных уборов, эгреты, диадемы, гривны, наконечники, бляхи, детали наборных поясов и т.п.).

Выявление особенностей заготовки и обработки материала, приемов и способов труда в каждом виде деревообрабатывающего производства служит основанием для выделения традиций обработки материала.

Сравнение деревообрабатывающих традиций разных памятников, культур и зон их распространения позволяет определить локальный, региональный или эпохальный характер традиций и выйти на решение этнокультурных и этносоциальных проблем.

Последовательность шагов в изучении древнего деревянного материала выглядит следующим образом:

- 1) определение круга источников;
- 2) классификация материала по функциональному назначению;
- 3) выделение на этой основе видов деревообрабатывающего производства;
- 4) выявление технико-технологического цикла обработки дерева в каждом виде деревообрабатывающего производства;
- 5) реконструкция приемов и способов изготовления предметов из дерева;
- 6) выделение морфологических и технологических традиций обработки дерева в каждом виде деревообрабатывающего производства, на всех стадиях и во всех операциях технико-технологического цикла;

7) корреляция результатов исследований разных памятников, культур и регионов, выделение локальных, региональных и эпохальных традиций;

8) решение этнокультурных и этносоциальных проблем;

9) использование результатов комплексного исследования как дополнительного источника для определения относительной хронологии при проведении дендрохронологического анализа.

Заключение

Обработка дерева — один из древнейших видов производства. Ее развитие шло параллельно с развитием обработки камня и металлургии бронзы и железа. Мастера по обработке камня и металла всегда уделяли большое внимание производству орудий деревообработки. Процессы совершенствования орудий труда, приемов и способов обработки материала всегда находились в прямой зависимости друг от друга, образуя диалектическое единство. Их взаимосвязь и взаимообусловленность запечатлены в многочисленных следах-признаках на поверхностях деревянных предметов.

Трудности изучения древнего дерева объясняются разной степенью сохранности и информативности источников, главными из которых являются первичные (целостные) со следами обработки орудиями. Графические и экспериментальные модели (копии-реплики), построенные на комплексном исследовании этого вида источников, достоверны и верифицируемы. Многочисленные реконструкции, созданные на основе анализа вторичных и косвенных источников, мало пригодны для специальных исследований по технике и технологии, поскольку содержат минимум информации по обработке дерева.

Выработка единых подходов к изучению древнего дерева и приведение в соответствие языка универсалий (основных понятий) в значительной степени будут способствовать созданию комплексной системы исследования деревообработки в древности.

Список литературы

- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. — Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1963. — 298 с.
- Антипова Е.В., Раевский Н.С.** О знаковой сущности вещественных памятников и способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. — М.: Б.и., 1991. — С. 207 — 233.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. — М.: Наука, 1978. — 272 с.
- Бородовский А.П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э.). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. — 224 с.
- Волков П.В.** Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2000. — № 4. — С. 30 — 37.
- Волосова Е.Б.** О проблемах познавательной специфики археологии // Методология и методика археологических реконструкций. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1994. — С. 4 — 10.
- Вихров В.Е.** Некоторые наблюдения над стойкостью древесины из археологических раскопок // СА. — 1959. — № 2. — С. 132 — 135.
- Ганицкая О.А.** Строительная техника русских крестьян // Русские: Историко-этнографический атлас. — М.: Наука, 1967. — С. 166 — 190.
- Гарден Ж.-К.** Теоретическая археология. — М.: Прогресс, 1983. — 295 с.
- Генинг В.Ф., Борзунов В.А.** Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1975. — С. 42 — 72.
- Глушков И.Г.** Керамика как исторический источник (методика технологической диагностики лепной посуды): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Тобольск, 1995. — 37 с.
- Глушков И.Г.** Керамика как исторический источник. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. — 328 с.
- Глушков И.Г., Бородовский А.П.** Хозяйственно-бытовые комплексы поселения Саранин II (реконструктивная модель) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. — Тобольск: ТоболГПИ, 1988. — С. 26 — 41.
- Глушков И.Г., Захожая Т.М.** Объективное и субъективное в реконструкции // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. к конф. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1992. — Ч. 1. — С. 127 — 129.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. — 606 с.
- Грацианская Н.Н., Листова Н.М., Токарев С.А.** Типология народного жилища в странах зарубежной Европы // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. — М.: Наука, 1968. — С. 3 — 11.
- Греч А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. — М.: Наука, 1980. — 256 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. — 85 с.
- Грязнов М.П.** О так называемых женских статуэтках трипольской культуры // Археол. сб. — 1964. — № 6. — С. 72 — 78.
- Грязнов М.П.** Аржан. — Л.: Наука, 1980. — 80 с.
- Гуляев В.И., Ольховский В.С.** Введение // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. — М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН, 1999. — С. 10 — 17.
- Гутнов А.Э.** Мир архитектуры: Язык архитектуры. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 351 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.** Палеолитоведение: Введение и основы. — Новосибирск: ВО "Наука", 1994. — 288 с.
- Засурцев П.И.** Постройки древнего Новгорода // Тр. Новгород. археол. экспедиции. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 2. — С. 262 — 298. — (МИА; № 65).
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.** Памятники племен, не входивших в состав Скифии // История Украинской ССР. — Киев: Наук. думка, 1986. — С. 170 — 184.

История русской архитектуры: Краткий курс. – М.: Гос. Изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1951. – 462 с.

История русской архитектуры: Учебник для вузов // Пилявский В.И., Славина Т.А., Тиц А.А., Ушаков Ю.С., Заушкевич Г.В., Савельев Ю.Р. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Стройиздат, 1994. – 600 с.

Итина А.М. Ранние саки Приаралья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 31 – 47.

Квиркелия О.Р. Методологические проблемы кабинетного исследования // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 18 – 32.

Кениг А.В. Этноархеология как метод реконструкции образа жизни // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. – Ч. 1. – С. 22 – 25.

Кларк Дж. Г.Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. – М.: Изд-во иностр. лит., 1953. – 332 с.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: Ленингр. научн.-исслед. археол. объединение АН СССР, 1991. – 448 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Кудрявцева Е.И., Литвинцева А.П., Соколова Г.А. Естественная консервация дерева // Природа. – 1994. – № 11. – С. 52 – 59.

Кузнецова Ф.С. История Сибири. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1997. – Ч. 1: Присоединение к России. – 256 с.

Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 146 – 156.

Ларичев В.Е. Мальтинская пластина – счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 184 – 225.

Липинская В.А. Местные особенности традиционных поселений, жилища, хозяйственных строений и возможности их учета и использования в современном строительстве (по материалам Сибири) // Русские народные традиции и современность. – М.: Наука, 1995. – С. 174 – 207.

Малинов Р., Малина Я. Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. – М.: Мысль, 1988. – 271 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.

Массон В.М. Изучение идеологических систем древней Средней Азии // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и ранне-го железа). – Л.: Наука, 1990. – С. 21 – 23.

Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация культурных отложений и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 113 – 142.

Мелюкова А.И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 51 – 67.

Минасян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // Археол. сб. – 1990. – № 30. – С. 67 – 76.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во АГУ, 1983. – С. 3 – 40.

Молодин В.И., Мыльников В.П. Верх-Кальджин-2 и проблемы деревообработки у носителей пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 446 – 453.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1982. – 815 с.

Окладников А.П., Гоголев А.З., Ащепков Н.И. Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город. – М.: Наука, 1977. – 211 с.

Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. – 1978. – № 4. – С. 83 – 97.

Плендерлис Г.Дж. Консервация древностей и произведений искусства. – М.: Всесоюз. центр. науч.-исслед. лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей, 1968. – 198 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. – М.: Наука, 1992. – 260 с.

Полосьмак Н.В. “Стережущие золото грифы”. – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Реконструкция. – М.: Большая сов. энцикл., 1975. – Т. 21. – С. 615.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Сайко Э.В. Уровни специализации и типы организации древней промышленности (в период перехода от первобытного к раннеземледельческому обществу) // Археология Северного Причерноморья. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 8 – 29.

Самашев В.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы: Б.и., 2001. – 108 с.

Семёнов С.А. Обработка дерева в древнем Алтае // СА. – 1956. – Т. 26. – С. 204 – 230.

Семёнов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 220 с.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1971. – 287 с. – (МИА; № 178).

Спиркин А.Г. Истина // Философ. энцикл. словарь. – М.: Сов. энцикл., 1983. – С. 226 – 227.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 298 с.

Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление российской науки // Интеграция археологических и этнографических исследований / Под ред. А.Г. Селезнева,

С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 25 – 30.

Федоров П.А. Кустарное производство бочек, кадок, ведер и другой деревянной посуды: Практическое руководство бочарного ремесла. – СПб.: Политехника, 1993. – 64 с.

Чижикова Л.Н. Жилище // Этнография восточных сла-

вян: Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 223 – 259.

Щапова Ю.Л. О возможном критерии истинности в археологическом исследовании // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. – М.: Наука, 1994. – С. 6 – 15.

Материал поступил в редколлегию 19.04.01 г.

УДК 903'13

С.В. Баштанник

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: abai@yandex.ru

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩАХ СЕМИРЕЧЬЯ*

Введение

Особенностью современной археологии является широкое применение методов естественных наук в исследовании памятников различных эпох и регионов, что позволяет решать вопросы палеоэкологии, палеоэкономики и технологий древних производств. Исторические выводы делаются на основе изучения химического состава керамики, микроструктуры металла, анализа растительных макро- и микроостатков. Растения всегда были важным источником существования для человека, являясь в то же время индикатором условий его жизни. Исследование археоботанического материала дает уникальную информацию об окружающей среде, земледелии, экономике и питании древнего населения. Многие растения (их листья, корни, стебли, плоды, цветы) широко использовались людьми – в пищу, для изготовления ткани, плетения подстилок, а также в ритуалах. Сохранившиеся флористические остатки могут служить источником информации не только для палеоэкологических и палеоэкономических реконструкций, но и для изучения обрядов и ритуалов, т.е. вывести на реконструкцию духовной стороны жизни древнего человека.

* Автор выражает свою признательность директору ИА МОН РК члену-корреспонденту НАН РК Карлу Молдахметовичу Байпакову за предоставление возможности работать в составе отрядов ЮККАЭ; Т.В. Савельевой за возможность отбора проб на городище Талгар; руководителям отрядов ЮККАЭ Д.А. Лобасу и Д.А. Воякину за содействие в полевых исследованиях.

Методика и методология исследований

Растительные остатки отбирались путем флотации грунта (через сита с ячейками различного диаметра) из напольных слоев, заполнений сосудов, зольников, хозяйственных ям и печей. Полученные материалы представлены обугленными зерновками злаков и семенами бобовых, косточками культурных плодовых, а также засушенными плодами и семенами и необугленными косточками сорных и диких плодовых растений.

Изучение растительных остатков с археологических памятников началось в 20-х гг. XIX в., но только в 1950-х Ханс Хэльбек предложил название нового научного направления – “палеозтноботаника”, выделив его из традиционной палеоботаники и сделав акцент на выявлении антропогенного влияния [Helbaek, 1955]. Спустя 18 лет Джейн Ренфрю определила палеозтноботанику как “изучение остатков растений, культивировавшихся или использовавшихся древним человеком и сохранившихся в условиях археологических памятников” [Renfrew, 1973, p. 1]. Но в этом определении отсутствуют аспекты экологических реконструкций, которым в последние 30 лет уделяется все больше внимания. Дефиниция В. Поппера и К. Хасторфа “анализ и интерпретация археоботанических остатков для получения информации о взаимодействии человека и растений” наиболее точно отражает современную исследовательскую практику [Popper, Hastorf, 1988, p. 1 – 16]. Также используется термин “археоботаника”, указывающий на единственно возможный путь получения исследователем археоботанического материала – в процессе раскопок археологических памятников, на которые он попал

в ходе какой-либо деятельности древнего человека. Выбор термина определяется традицией, сложившейся в той или иной научной школе или вкусом самого автора.

Природное разнообразие территорий древнего заселения отражено в растительности, и флористические остатки являются важнейшим ключом к палеоэкологическим реконструкциям. Однако культурные растения не могут использоваться в них, т.к. распространяются человеком, который создает им с помощью различных агрономических приемов (орошение или дренаж, удобрения, прополка, механическая обработка почвы) приемлемые условия развития даже в неблагоприятной естественной обстановке, благодаря чему они широко распространились из зон своего естественного обитания, где происходила их первичная domestикация. Поэтому для этих целей используются дикие и сорные виды растений. Среди последних наибольшую информацию заключают в себе остатки т. н. синантропных (букв. “сопутствующих человеку”) и рудеральных (произрастающих на заброшенных и замусоренных местах) растений, поскольку они отражают антропогенное влияние на естественные ландшафты. Но есть проблема в том, что если остатки культурных и сорных растений всегда присутствуют в том или ином участке культурного слоя, куда они попали в процессе деятельности человека, то остатки диких (за исключением имеющих пищевую, наркотическую или иную хозяйственную ценность) встречаются редко.

Любой археологический объект – это результат деятельности конкретного коллектива людей и потому неповторим. В то же время есть набор признаков, общих для разных культур, этносов, хронологических этапов. Существует большое разнообразие археологических объектов, археоботаническое изучение которых позволяет получить новую информацию о хозяйственном укладе, традициях и экономических связях древнего населения. Разные виды археологических памятников (жилые, общественные, культовые, производственные сооружения) и даже различные планиграфические элементы одного сооружения (уровни полов внутри, уровни фундаментов и дорог снаружи, заполнения зольников, хозяйственных и мусорных ям, печей, сосудов, уровень погребенной почвы и заполнения могильной ямы) характеризуются разными особенностями накопления археоботанического материала, что отражается на его видовом составе и количестве. Полный комплекс растительных остатков с одного или группы близкорасположенных памятников дает возможность провести реконструкции растительности, ландшафтов, климата и хозяйственной деятельности населения, а если памятники разновременные, то и проследить изменения в течение какого-то отрезка времени. Естественная ра-

стительность будет представлена более полно и адекватно в пробах, взятых на уровне основания фундаментов снаружи сооружений, где семена и плоды отлагались под воздействием естественных факторов. Состав проб из жилищ определяется предпочтением их обитателей какого-либо вида, семена или плоды которого накапливались в значительном количестве, что указывает скорее на его значение в собирательстве или земледелии, чем на участие в растительном покрове. То же можно сказать относительно могильников: естественная растительность наиболее адекватно будет отражена в пробах из древней погребенной почвы, в пробах же со дна могильных ям могут встретиться следы растений, служивших подстилкой под труп, что уже проливает свет и на погребальный обряд. В напольных слоях помещений будут остатки тех растений, которые использовались в пищу или для других нужд, в пробах из очагов часты зерновки злаковых, из которых пекся хлеб. Обугленные зерновки злаков нередки в зольных и мусорных ямах, куда выбрасывали золу из очагов. Особые химические и микробиологические условия, складывавшиеся в заполнениях мусорных ям, способствовали сохранению косточек плодовых растений (виноград, бузина, арбуз и др.) даже в необугленном состоянии.

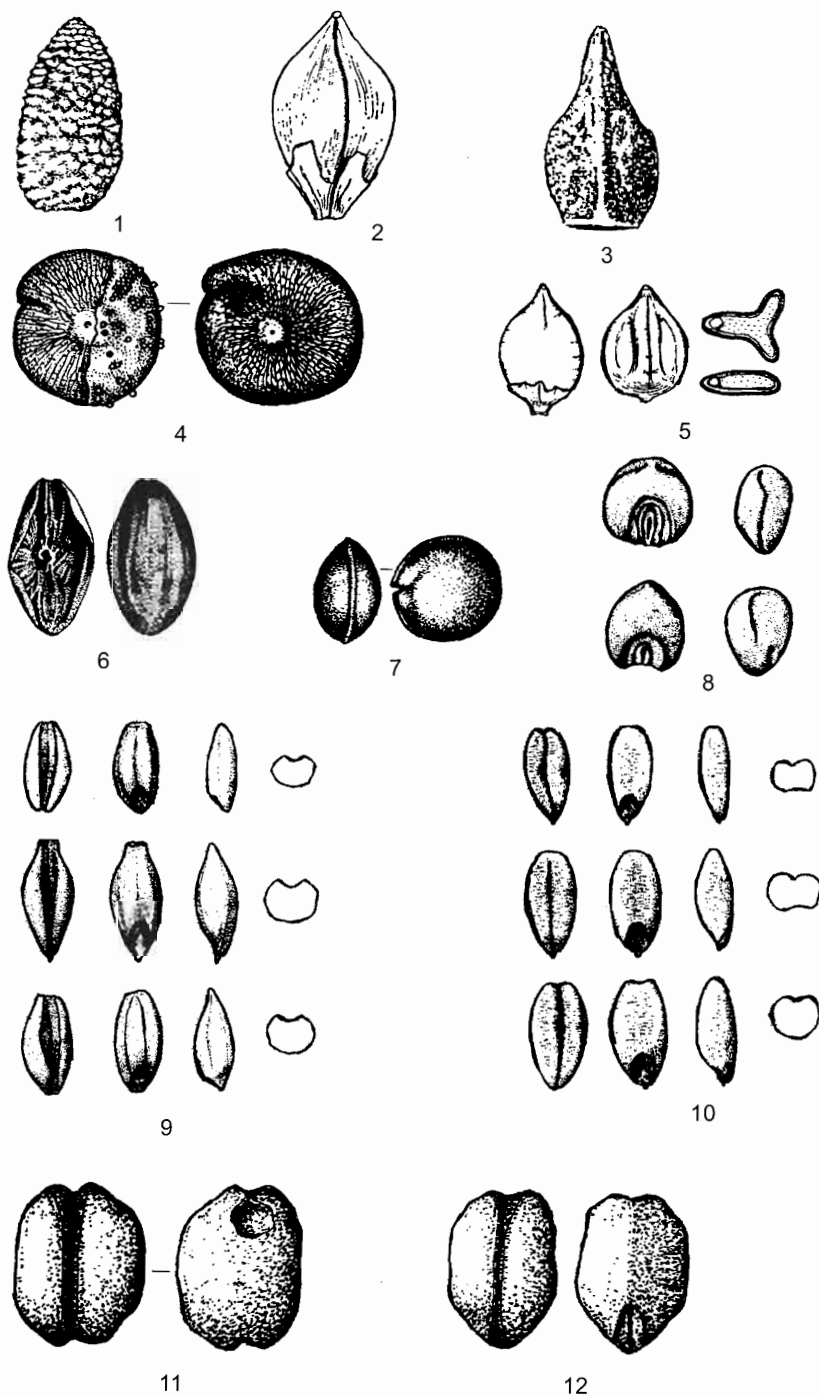
Палеоэкологические реконструкции

Городище Талгар (средневековый город Тальхир) VIII – XIII вв. расположено на правом берегу р. Талгар у ее выхода из ущелья на высоте 1100 м над ур. м. и примыкает своей южной частью к подошве первой гряды Заилийского Алатау. Центральная часть окружена подквадратным в плане валом, ориентированным по сторонам света, и имеет площадь 9 га. С 1955 г. городище изучалось И.И. Копыловым, в настоящее время исследуется Т.В. Савельевой [Савельева, 1994].

Археоботанический материал получен в помещениях усадьбы XI – XIII вв. в районе западных ворот городища. Остатки культурных злаков представлены 18 зерновками.

За период 1999 – 2001 гг. на этом объекте обнаружено более 200 косточек бузины черной – *Sambucus nigra* (рисунк, 1). Естественные ее местообитания – берега рек и леса, затронутые антропогенным воздействием, поэтому столь массовое скопление (180 косточек находились компактно в одном месте) указывает на эксплуатацию растительных ресурсов близлежащих предгорий и на употребление бузины в пищу.

Две семянки горца вьюнкового – *Polygonum convulvulus*, сем. гречишные – *Polygonaceae* (рисунк, 2), обнаруженные в зольном заполнении тандыра (печь для отопления и выпечки хлеба), указывают на существование сырых мест.

Растительные остатки средневековых городищ Семиречья.

1 – бузина черная – *Sambucus nigra*, сем. Caprifoliaceae; 2 – горец вьюнковый – *Polygonum convulvulus*, сем. гречишные – Polygonaceae; 3 – воробейник полевой – *Lithospermum arvense*, сем. бурчаниковые – Boraginaceae; 4 – марь белая – *Chenopodium album*, сем. маревые – Chenopodiaceae; 5 – горец почечуйный – *Polygonum persicaria*, сем. гречишные – Polygonaceae; 6 – подорожник ланцетолистный – *Plantago lanceolata*, сем. подорожниковые – Plantaginaceae; 7 – щирица белая – *Amaranthus albus*, сем. амарантовые – Amaranthaceae; 8 – ячмень двурядный пленчатый – *Hordeum vulgare distichum*, сем. злаковые – Poaceae; 9 – ячмень двурядный голозерный – *Hordeum vulgare distichum* var. *nudum*, сем. злаковые – Poaceae; 10 – просо развесистое – *Panicum miliaceum*, сем. злаковые – Poaceae; 11 – пшеница карликовая – *Triticum compactum*, сем. злаковые – Poaceae; 12 – пшеница мягкая – *Triticum aestivum*, сем. злаковые – Poaceae.

Эти данные дополняются результатами палинологического анализа. В отобранных на городище пробах преобладает пыльца семейств сложноцветных (Compositae), и маревых (Chenopodiaceae). Присутствует пыльца рода *Artemisia* – полынь, часто она минерализована, что указывает на неблагоприятные климатические условия. Отмечена пыльца семейств розоцветных (Rosaceae), капустных (Brassicaceae) и гречишных (Polygonaceae), в последнем случае удалось определить род и вид: горец почечуйный – *Polygonum persicaria*. Из древесных растений представлены хвойные: сосна обыкновенная (*Pinus silvestris*) и ель (*Picea*). Их пыльцевые зерна сильно деформированы, без видимой скульптуры. Встречены водные формы *Briales*.

Полученный палинокомплекс характеризует степной тип ландшафта с незначительным участием древесных видов. В горных ущельях и долинах могли произрастать сосны, ели и березы. Открытые пространства занимали полынно-маревые группировки и луговые травы семейств розоцветных, гречишных, гвоздичных и капустных. Существовал водоем, возможно искусственного происхождения. В целом аридные условия и рыхлость культурного слоя на памятнике не способствуют сохранению пыльцы, чем и объясняется ее малое количество в пробах. Формирование отложений, вмещающих полученный палинокомплекс, проходило в неблагоприятных засушливых климатических условиях, о чем свидетельствует пыльца таких ксерофитных (засухоустойчивых, способных переносить обезвоживание) видов, как полынь, а также мелкие размеры и деформация пыльцевых зерен.

Городища Таласской долины. Археоботанические исследования проводились на одном из объектов комплекса Акыртас

(объект определен как замок правителя и по зеленым поливным светильникам-чирагам с длинным носиком, граненым туловом и ручкой со штампованным растительным орнаментом датирован XII – XIII вв.) и на городище Орнек (датируется X – XII вв. и соответствует карлукскому г. Кулшубу). Оба памятника изучались отрядами Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ) под руководством К.М. Байпакова [Байпаков, 1998].

Археоботанический комплекс памятника Акыртас представлен только культурными злаками и бобовыми, зерновки и семена которых были обнаружены при изучении напольных слоев и зольных заполнений ям, устроенных в полу помещений. Из диких растений в небольшом количестве найдены только орешки воробейника полевого – *Lithospermum arvense*, сем. бурачниковые – Boraginaceae (рисунк, 3), и не определенные до вида зерновки диких злаков Poaceae. Палеоэкологические реконструкции поэтому выполнены в основном на материале Орнека, где сорные преобладают, а культурные растения представлены в значительно меньших количествах, чем на Акыртасе. Поскольку это близкорасположенные и синхронные памятники, их материалы можно экстраполировать друг на друга. Наблюдаемое распределение видов объясняется разным типом археологических объектов. На Акыртасе изучался замок правителя, напольные слои которого, хозяйственные, мусорные и зольные ямы, естественно, содержали много пищевых отходов, в т.ч. обугленные зерна злаковых и семена бобовых. На Орнеке изучались нежилые культовые сооружения – мечеть и мавзолей, где поддерживалась ритуальная чистота, поэтому встречаемость пищевых отходов низка, а семена сорных и диких видов туда могли быть занесены случайно при их строительстве или посещениях. Здесь отобраны четыре пробы общим объемом 142 дм³; количество обнаруженных видов – 25, из них 6 – культурные и 19 – сорные.

Среди сорных растений первое место занимает марь белая – *Chenopodium album*, сем. маревые – Chenopodiaceae (рисунк, 4) – 21% всех семян, найденных на Орнеке. Это типичный засоритель злаковых посевов, и его присутствие указывает на пашенное земледелие. Также марь белая процветает у дорог, возле построек, на мусорных кучах и в заброшенных местах, отражая антропогенное влияние на естественные ландшафты, которое в данном случае было довольно продолжительным, направленным и сильным. На втором месте стоят виды семейства гречишных (Polygonaceae) – 17%, в т.ч. по 0,9% – горец отклоненный – *Polygonum patulum*, горец птичий – *P. aviculare* и водный перец – *P. hydropiper* и 15,3% – горец почечуйный – *P. persicaria* (рисунк, 5). Эти растения предпочитают влажные места и произрастали на берегах рек, каналов и арыков, остатки которых видны вокруг

обоих памятников. Они свидетельствуют об ирригации и искусственном орошении посевов. На наличие пастбищ указывают семена подорожника ланцетолистного – *Plantago lanceolata*, сем. подорожниковые – Plantaginaceae (рисунк, 6) – растения чистых земель, пригодного для овец, и воробейника полевого – *Lithospermum arvense*, сем. бурачниковые – Boraginaceae. Оба вида характерны для пастбищных лугов. Интересная находка – семена ширицы белой – *Amaranthus albus*, сем. амарантовые – Amaranthaceae (рисунк, 7). Растение встречается как сорное у дорог, в посевах на полях и огородах, вообще на возделанной почве и в замусоренных местах. В литературе встречаются указания на занесение его из Северной Америки, что могло произойти не раньше XVI в. Однако обнаружение семян ширицы белой в плейстоценовых отложениях в Башкирии [Кац, Кац, Кипиани, 1965, с. 173] и на памятнике X – XII вв. говорит о евразийском происхождении данного вида. Три косточки бузины черной (*Sambucus nigra*) могли появиться в культурном слое как продукт собирательства, но оно в Таласской долине имело скромное значение, косточки этого растения пока не обнаружены на Акыртасе. Бузина – сорный кустарник, появляющийся на заброшенных местах, но требует умеренного, не слишком сухого климата. Сухость климата в Таласской долине ограничивала естественные местообитания этого вида горной зоной и берегами рек. На Орнеке и Акыртасе в небольших количествах обнаружены зерновки диких злаков. В современном растительном покрове естественных не нарушенных антропогенным воздействием ландшафтов дикие злаки представлены широко.

Материалы к палеоэкологическим реконструкциям представлены в табл. 1.

Городище Антоновка отождествляется со средневековым Каялыком – карлукской столицей, а с XIII в. монгольским городом. Расположено в долине р. Лепсы в предгорьях Джунгарского Алатау. Городище изучалось Антоновским отрядом (Д.А. Воякин) ЮККАЭ под руководством К.М. Байпакова. Раскопки и отбор проб для археоботанического анализа производились на территории средневековых усадеб, бани, буддийского храма, датированных XIII в., и позднесредневекового мавзолея. Всего отобрано 22 пробы общим объемом 382 дм³.

Пробы с территории позднесредневекового мавзолея содержат большое количество семян рудеральных растений: мари белой, бузины черной, шалфея (*Salvia*, сем. губоцветные – Lamiaceae), ослинника двулестного (*Oenothera biennis* L., сем. кипрейные – Onagraceae). Это может указывать на то, что ко времени постройки мавзолея город прекратил свое существование: городские сооружения разрушались, оплывали, формируя обширный пустырь с условиями, подходящими для развития рудеральной расти-

Таблица 1. Материалы к палеоэкологическим реконструкциям. Городища Таласской долины

Семейство, вид	Абс. кол-во	%	Местообитание
Маревые – Chenopodiaceae	28	25,2	Сорное в посевах; у жилья и дорог; на замусоренных и заброшенных местах; иногда по песчаным берегам водоемов. Показатель антропогенного влияния на естественные ландшафты
1. Марь белая – <i>Chenopodium album</i>	24	21,6	
2. Марь гибридная – <i>Ch. Hybridum</i>	3	2,7	
3. Марь многосеменная – <i>Ch. Polyspermum</i>	1	0,9	
Бурчаниковые – Boraginaceae	1	0,9	Сорное по сухим склонам лугов, на окраинах полей, залежных землях, замусоренных и заброшенных местах
4. Воробейник полевой – <i>Lithospermum arvense</i>	1	0,9	
Гречишные – Polygonaceae	20	18	Берега водоемов, луга, отмели, в посевах на влажных местах. Указывают на водоемы поблизости от памятника и на орошение
5. Водный перец – <i>Polygonum hidropiper</i>	1	0,9	
6. Горец отклоненный – <i>P. patulum</i>	1	0,9	
7. Горец почечуйный – <i>P. persicaria</i>	17	15,3	
8. Горец вьюнковый – <i>P. convulus</i>	1	0,9	
Бобовые – Fabaceae	2	1,8	Пустыри, солончаки (к засолению почв приводило орошение)
9. Верблюжья колючка – <i>Alhagi pseudalhagi</i>	2	1,8	
Губоцветные – Lamiaceae	3	2,7	Сорняк на паровых полях и у дорог Горные склоны и как сорное в паровых полях и у дорог На щебнистых, каменистых и песчаных почвах
10. Чистец однолетний – <i>Stachys annua</i>	1	0,9	
11. Яснотка пурпурная – <i>lamium purpureum</i>	1	0,9	
12. Змееголовник <i>Dracosephalum nutans</i>	1	0,9	
Дикie злаки – Poaceae	4	3,6	Чистые, не затронутые хозяйственной деятельностью места
Подорожниковые – Plantaginaceae	1	0,9	Сорное в посевах, на лугах указывает на их использование в качестве пастбищ
14. Подорожник ланцетолистный – <i>Plantago lanceolata</i>	1	0,9	
Нимфейные – Nymphaeaceae	1	0,9	Сырые места
15. Бразения – <i>Brasenia schreberi</i>	1	0,9	
Амарантовые – Amaranthaceae	40	36	Сорное на возделанных полях
16. Ширица белая (запрокинутая) – <i>Amaranthus retroflexis</i>	40	36	
Жимолостные – Caprifoliaceae	3	2,7	Кустарник, в т.ч. как сорный на заброшенных местах
17. Бузина черная – <i>Sambucus nigra</i>	3	2,7	

тельности. Вначале сформировался травянистый покров, представленный марью белой, ослинником двулетним и шалфеем, позже появилась кустарниковая растительность – бузина черная. Интересно, что в средневековых слоях под мавзолеем и на других объектах количество семян рудеральных видов очень мало, за исключением заполнения труб – кубуров с бани. В них содержалось наибольшее по сравнению с другими пробами количество семян мари белой – ок. 1500 шт. Но, очевидно, трубы забились землей уже после прекращения функционирования бани, т.е. когда город был покинут его жителями. Большое количество косточек бузины указывает на то, что средневековое население занималось собирательством плодов диких растений. Ослинник двулетний, много семян которого обнаружено на уровне фунда-

мента мавзолея, является типичным сорным растением песчаных почв, особенно на полях и у дорог, и широко представлен в современном растительном покрове на городище.

Пробы, взятые со дна погребальной ямы поздне-средневекового мавзолея с захоронением по мусульманскому обряду, содержат очень большое количество (порядка нескольких тысяч) семян повилики клеверной – *Cuscuta trifolii*, сем. повиликовые – Cuscutaceae. Синхронные слои на территории мавзолея и вокруг него семян этого растения не содержат. Очевидно, перед совершением погребения дно ямы выстилали стеблями повилики клеверной.

Более ранний средневековый период связан с карлукским и монгольским господством. В это время (XII – XIII вв.) в растительном покрове вокруг Кая-

лыка заметное место занимали виды семейства бумбачниковых – воробейник полевой (*Lithospermum arvense*) и кривоцвет полевой (*Lycopsis arvensis*), которые произрастают на краях полей и залежных землях, а также на сухих пастбищных лугах. На основе этих находок можно установить направления производящей экономики и порядок землепользования в Каялыке: залежная система земледелия и пастбищное скотоводство. Марь белая и ослинник двулетний присутствуют в незначительных количествах, что свидетельствует о не очень продолжительном антропогенном воздействии на ландшафты. Встречаемость семян семейства гречишных низка, но это скорее указывает на особенности формирования культурных слоев, чем на отсутствие влажных местообитаний. Материалы к палеоэкологическим реконструкциям представлены в табл. 2.

Особенности земледелия

Соотношение видов культурных злаков неодинаково на различных памятниках.

Земледельческое хозяйство Талгара было основано на культивировании ячменя *Hordeum vulgare* L. – обнаружено 12 зерновок. Пять симметричной формы, с расширяющейся к вершине неглубокой брюшной бороздкой, это позволяет отнести их к двурядной пленчатой разновидности ячменя (рисунк, 8). Четыре зерновки также симметричны, но с узкой глубокой бороздкой и без следов цветковых чешуй, что характерно для двурядных голозерных форм (рисунк, 9). Только одна зерновка имеет признаки шестирядного голозерного ячменя.

На втором по численности месте стоит метельчатое (развесистое) просо *Panicum milliaceum* (рисунк, 10).

Менее всего обнаружено пшеницы. Все пять зерновок короткие и широкие, с индексом отношения длины к ширине 1,5 и морфологически соответствуют карликовой разновидности мягкой пшеницы *Triticum aestivum* ssp. *compactum*.

Дополнительные данные по земледелию дал анализ фитолитов, проведенный А.М. Гольевой. В образцах были обнаружены фитолиты ячменя, проса, овса и риса. Если для риса зафиксированы только фитолиты, образовавшиеся в шелухе зерновок, то для ячменя, проса и овса также и те, что сформировались в стеблях. Следовательно, просо, ячмень и овес возделывались на месте, а рис ввозился извне [Гольева, 2001, с. 73].

Материалы, полученные на Орнеке, недостаточны для определенных заключений о производстве хлеба – кажется, оно было основано на возделывании (возможно, смешанные посевы) генетически оди-наковых карликовой и мягкой пшениц *Tr. aestivum* ssp.

compactum и *Tr. aestivum* ssp. *aestivum* (псунук, 11, 12) с гексаплоидным набором хромосом. Удивляет отсутствие ячменя, поскольку на соседнем и одновременном Акыртасе он доминировал. Просо развесистое (*P. milliaceum*), как и на Акыртасе, представлено широко и занимает первое место среди культурных злаков – 67%. Две косточки винограда *Vitis vinifera* – скудный источник информации для ответа на вопрос, возделывался ли виноград на месте или ввозился извне, но в соседнем средневековом Кулане обнаружена винодельня. На основе трех косточек груши *Pyrus communis* и 14 – яблони *P. malus* также трудно прийти к твердому заключению о том, имели ли жители Орнека собственный опыт в садоводстве, или же это продукт собирательства плодов диких растений.

Больше информации о земледелии дают находки Акыртаса. Здесь преобладали засухоустойчивые культуры с коротким вегетационным периодом – просо развесистое (50%) и двурядный пленчатый ячмень (26%), представлены и другие разновидности ячменя: шестирядный пленчатый (10%), двурядный и шестирядный голозерный (по 4%). Далее идут пшеницы: карликовая – 5% и мягкая – 1%.

На возделывании злаков и бобовых была основана производящая оседлая экономика Каялыка. Пробы, взятые из тандыров и вокруг них на уровне пола, очень богаты зернами злаков и семенами бобовых. Заполнения зольников и мусорных ям также содержат их в большом количестве, что указывает на способ формирования этих отложений – накопление золы из тандыров и кухонных отходов с подгоревшими зернами и семенами. Размеры зерновок злаков больше, чем у тех, что обнаружены на памятниках Таласской долины, возможно по причине более мягкого и влажного климата. Характерной чертой коллекции злаков является преобладание пшеницы – 178 зерновок составляют 67% всех злаковых. Среди пшеницы доминировала карликовая – 119 зерновок, на втором месте генетически близкая мягкая, а три зерновки имеют очень округлую форму и выглядят как круглозерная (индийская) карликовая пшеница. Ячмень имел меньшее значение – 83 зерновки составили 31% злаковых – и представлен в основном двурядной пленчатой разновидностью. Удивляет почти полное отсутствие проса, особенно в свете недавней находки – сосуда, наполненного засушенными колосками метельчатого проса с истлевшими зерновками. В 2001 г. обнаружено только три зерновки метельчатого проса и две с неясной морфологией, не позволяющей уверенно отнести их к просу развесистому или просу итальянскому. Бобовой культурой, имевшей абсолютное значение, был горох посевной – 69 из 80 семян бобовых. Чечевица столовая представлена семью семенами. Диким бобовым принадлежат два семени верблюжьей колючки и одно гороха полевого. Посевы злаков

Таблица 2. Материалы к палеоэкологическим реконструкциям. Городище Антоновка

Семейство, вид	Абс. кол-во		Местообитание
	СВ	ПСВ	
Бобовые – Fabaceae	3	–	
1. Горох полевой – <i>Pisum sativum</i>	2	–	Сорное в посевах злаков и бобовых, иногда как культурное
2. Верблюжья колючка – <i>Alhadi pseudalhagi</i>	1	–	Пустыри, солончаки (к засолению почв приводило орошение)
Бурачниковые – Boraginaceae	336	3	
3. Воробейник полевой – <i>Lithospermum arvense</i>	278	1	
4. Воробейник лекарственный – <i>Lithospermum officinale</i>	17	–	Сухие склоны логов, окраины возделываемых полей, залежи и перелог. На поселениях – сорные и замусоренные места
5. Кривоцвет полевой – <i>Lycopsis arvensis</i>	39	2	
6. Липучка оттопыренная – <i>Lappula squarrosa</i>	2	–	
Гречишные – Polygonaceae	10	5	
7. Горец почечуйный – <i>Polygonum persicaria</i>	5	–	
8. Горец птичий – <i>Polygonum aviculare</i>	3	3	Берега водоемов, луга, отмели, в посевах на влажных местах. Указывают на водоемы поблизости от памятника и на орошение
9. Горец вьюнковый – <i>Polygonum convulvus</i>	1	–	
10. Водный перец – <i>Polygonum hidropiper</i>		2	
11. Щавель курчавый – <i>Rumex crispus</i>	1	–	
Маревые – Chenopodiaceae	1762	670	
12. Марь белая – <i>Chenopodium album</i>	1751	–	Сорное в посевах; у жилья и дорог; на замусоренных и заброшенных местах, иногда по песчаным берегам водоемов. Показатель антропогенного влияния на естественные ландшафты
13. Марь городская – <i>Chenopodium urbicum</i>	1	–	
14. Лебеда – <i>Atriplex gen.</i>	10	–	
Розоцветные – Rosaceae	542	–	
15. Черника (?) – <i>Rubus idaeus</i>	542	–	Леса, кустарниковые заросли, вырубки, берега рек, на поселениях вдоль заборов, у жилья
Губоцветные – Lamiaceae	28	25	
16. Шалфей – <i>Salvia</i>	26	25	Сухие степи и горные склоны
17. Аюга	1	–	
18. Пикульник обыкновенный – <i>Galeopsis vulgaris</i>	1	–	Сорное на паровых полях, огородах, замусоренных местах
Крестоцветные – Brassicaceae	224	4	
19. Репа полевая – <i>Brassica rapa</i>	224	4	Сорняк в посевах; возле жилья и дорог, на мусорных местах. Медонос
Кипрейные – Onagraceae	51	9	
20. Ослинник двулетний – <i>Oenothera biennis</i>	51	9	У дорог на песчаных почвах
Сложноцветные – Compositeae	2	–	
21. Дурнишник колючий – <i>Xanthium spinosa</i>	2	–	У дорог на песчаных почвах, на полях, пастбищах, у жилья
Подорожниковые – Plantaginaceae	1	–	
22. Подорожник ланцетолистный – <i>Plantago lanceolata</i>	1	–	На пастбищных лугах, у дорог
Повиликовые – Cuscutaceae	–	7000	
23. Повилика клеверная – <i>Cuscuta trifolii</i>	–	7000	В посевах и естественных условиях как паразит на других растениях
Жимолостные – Caprifoliaceae	69	97	
24. Бузина черная – <i>Sambucus nigra</i>	69	97	Лесные опушки, кустарниковые заросли, вдоль дорог и как сорное

Примечание. ПСВ – позднее средневековье, СВ – более ранний средневековый период.

Таблица 3. Соотношение размеров зерновок злаков с городищ Таласской долины и городища Антоновка

Акыртас и Орнек			Антоновка		
Длина, мм	Ширина, мм	Дл./ Шир.	Длина, мм	Ширина, мм	Дл./ Шир.
Пшеница карликовая – <i>Triticum compactum</i>					
6	4	1,5	5	3,5	1,4
4,5	3	1,5	4	3	1,3
4	3	1,3	4,1	3	1,36
4	3	1,3	3,5	2,9	1,2
4	3	1,3	4,2	3,2	1,3
3,9	2,7	1,4	4,5	3,5	1,28
4	2,5	1,6	5	4	1,25
4	3	1,3	3,7	2,5	1,5
–	–	–	5	3,2	1,56
–	–	–	3,5	3	1,16
Пшеница мягкая – <i>Tr. aestivum</i>					
4	2	2	3,5	2,1	1,6
4,5	2,5	1,8	5	3	1,6
2,5	1,5	1,6	5	3	1,6
4	1,8	2,2	3,5	1,7	2
4	2,5	1,6	5	3	1,6
5,5	3,5	1,6	5,3	3	1,76
4	2,5	1,6	7	3,5	2
–	–	–	5,5	3,5	1,57
–	–	–	5	3	1,6
–	–	–	5	3	1,6
–	–	–	5	3	1,6
Ячмень двурядный пленчатый – <i>Hordeum vulgare distichum</i>					
6	2,5	2,4	7	3,6	1,94
7	2,5	2,8	7	3	2,3
6	2,2	2,7	6,5	3,2	2
7	4	1,75	5,5	2	2,75
6	3	2	6,5	4	1,62
6	2	3	6,5	3,5	1,85
6	2,5	2,4	6	3,5	1,71
6	3	2	6	3	2
6	3	2	5	1,8	2,8
6	3	2	5	1,8	2,8
–	–	–	5	2,5	2
Ячмень двурядный голозерный – <i>Hordeum vulgare distichum var. nudum</i>					
4	2	2	4	2,1	1,9
5,5	2,5	2,2	6	2,5	2,4
4,5	2	2,25	4,5	2	2,25
4	1,5	2,6	–	–	–
5	2	2,5	–	–	–
5,5	3,5	1,57	–	–	–
5,5	3	1,8	–	–	–
6,5	2	3,25	–	–	–
3,5	2,2	1,6	–	–	–
4,5	2,5	1,8	–	–	–
Ячмень шестирядный голозерный – <i>Hordeum vulgare hexastichum var. nudum</i>					
7	2	3,5	–	–	–
6	4	1,5	–	–	–
6	3	2	–	–	–
5	4	1,25	–	–	–
Ячмень шестирядный пленчатый – <i>Hordeum vulgare hexastichum</i>					
7	3,5	2	5,4	2,5	2,16

и бобовых обычно составляют севооборот, причем бобовые растения идут за злаками, обогащая почву азотом. Как отмечалось выше, применялась залежная система земледелия, посевы засорялись марью белой, воробейником полевым и кривоцветом полевым. О собирательстве в средневековый период свидетельствуют косточки малины (черники?), обнаруженные в очень большом количестве в заполнении мусорных ям. В то же время очень мало косточек бузины черной, возможно, она занимала скромное место в растительности средневекового периода. Присутствие косточек малины позволяет говорить о существовании в окрестностях Каялыка кустарниковой растительности, которая развивалась на вырубках, в оврагах и на берегах водоемов.

Интересно, что в заполнениях мусорных ям (бадрабов) в виде серо-зеленоватой рыхлой мелкокомковатой супеси часто и в больших количествах содержатся необугленные косточки плодово-ягодных культур, сохранившие свой естественный цвет: на Куйруктобе бадрабы изобилуют косточками винограда, арбуза и джиды, в Антоновке – диких плодовых семейства розоцветных и некоторых других. Эти находки могут служить основанием для выводов об использовании плодов этих растений, особенностях формирования такого типа отложения, как заполнения бадрабов, об особых физико-химических условиях в них, способствующих консервации органической материи.

Археоботанические исследования позволили установить, что средневековый Каялык был окружен полями, лугами и кустарниками по берегам рек и арыков. В окрестностях города осуществлялась разнообразная хозяйственная деятельность: на основе переложной системы выращивались злаки и бобовые, луга использовались под пастбища, а ландшафты, не затронутые интенсивной хозяйственной деятельностью, – для собирательства.

Заключение

Применение в археологии археоботанических методов представляется очень перспективным, т. к. позволяет ввести в научный оборот новый материал, ранее не попадавший в поле зрения исследователей. На основании изучения растительных остатков со средневековых памятников Семиречья оказалось возможным провести палеоэкологические реконструкции, восстановить ландшафты древности и определить пути их эволюции, оценить антропогенное влияние на природу, выяснить специфику развития земледелия (состав возделываемых культур, системы земледелия, приспособленность к местным эколого-климатическим условиям) в окрестностях некоторых городов. Различные соотношения видов зла-

ков, характерные для разных памятников, указывают на то, что средневековые земледельцы учитывали местные климатические условия. В засушливой Таласской долине с годовым уровнем осадков 250 – 350 мм предпочтение отдавалось культурам с коротким вегетационным периодом – просу и ячменю, в более влажной Лепсинской долине в Придзунгарье – пшенице, ячмень стоит на втором месте. Зерновки злаков из Антоновки крупнее, длиннее и шире (табл. 3), чем с памятников Таласской долины, что указывает на более благоприятные условия возделывания. На Акыртасе, в отличие от Антоновки, где абсолютно доминировал двурядный пленчатый ячмень, этот злак представлен большим разнообразием разновидностей: присутствуют многорядные и двурядные, голозерные и пленчатые варианты. Если рассматривать данный факт в русле концепции Н.И. Вавилова об эквивалентности современных территорий с большим многообразием видов того или иного растения очагам происхождения данной культуры в древности, то Таласскую долину можно считать одним из очагов доместики ячменя. Но эта гипотеза нуждается в подкреплении результатами археоботанических работ на памятниках более ранних эпох, где должны быть обнаружены зерновки ячменя с морфологическими признаками, переходными от диких к культурным разновидностям.

Интересно, что в хозяйственной деятельности населения средневековых городов Семиречья не утратило своего значения и собирательство диких плодовых культур, имевшее особенное значение в северо-восточной части региона.

Список литературы

- Байпаков К.М.** Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Гылым, 1998. – 216 с.
- Гольева А.М.** Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. – М.: Институт географии РАН, 2001. – 200 с.
- Кац Н.Я., Кац С.В., Кипиани М.Г.** Атлас и определитель плодов и семян, встречающихся в четвертичных отложениях СССР. – М.: Наука, 1965. – 366 с.
- Савельева Т.В.** Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII – XIII вв. – Алматы: Гылым, 1994. – 216 с.
- Helbaek H.** La recherche palaeoethnobotanique: Une science de la decouverte des palafittes. – Sibirium: University Press, 1955. – 229 p.
- Popper V.S., Hastorf C.A.** Current Palaeoethnobotany: Analytical methods and cultural interpretations of archaeological plant remains. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 325 p.
- Renfrew J.** Palaeoethnobotany: The prehistoric food plants of the Near East and Europe. – L.: Mathuen & Co., 1973. – 246 p.

Материал поступил в редколлегию 25.02.02 г.

ЗАМЕТКИ О СИБИРСКОЙ МАСЛЕНИЦЕ взятие снежного городка*

Настоящая статья посвящена анализу основных вариантов сценария сибирской Масленицы, в т.ч. сюжету, известному под названием “взятие снежного городка”. В работе предпринята попытка рассмотреть ритуал календарного праздника как текст, в данном случае как “мужской”, сибирской культурной традиции**.

Предварительные замечания

Культура русского населения Сибири формировалась, как известно, в ходе освоения обширных зауральных территорий на протяжении нескольких столетий начиная с XVI в. При этом в ней вплоть до XX в. сохранялся богатый пласт дохристианских, языческих представлений и верований сибирских крестьян. А.А. Макаренко – автор широко известной работы по сибирскому народному календарю, изданной в 1913 г., писал, в частности, о поразивших его “до удивления архаичных” нравах и обычаях “русского сибирского народа” [1913, с. 10 – 11]. Огромное множество примеров этого позволило ряду исследователей поставить вопрос не только о сохранении, но и о существенном оживлении славянского язычества в специфических условиях сибирской “воли”, вдалеке от “зоркого ока Москвы”. Масшта-

бы и причины этого явления, по мнению А.М. Сагалаева, до сих пор не оценены по достоинству. Не выяснено, например, насколько этому “второму изданию” славянского язычества способствовала духовная атмосфера исконно языческого аборигенного населения Сибири*.

Обрядово-праздничная культура русских первопроходцев, получившая развитие на периферии христианского мира, каковой долгое время считалась вся территория края, со временем обогатилась чертами, которые трудно объяснить непосредственным развитием традиций жителей европейской части страны или прямыми контактами с местным населением. Более вероятно, что появление новаций было результатом оживления неких глубинных архетипов сознания и поведения сибирских крестьян, что, в частности, проявилось в такой масленичной забаве, как взятие снежного городка, хорошо известной по одноименной картине В.И. Сурикова. Созданная художником на основе ярких впечатлений детства, прошедшего на берегу Енисея, эта картина великолепно передает не только отдельные детали, но и всю атмосферу праздника (рис. 1). В суриковском “Городке”, писал Максимилиан Волошин, “есть и сани, и розвальни с их деревянными переплетами... и расписные дуги, и валдайские колокольцы... а главное – родные сибирские лица, цельные, крепкие, освещен-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00329а.

** Первые опыты по разграничению “мужского” и “женского” текстов традиционной культуры были предприняты на материалах свадебной обрядности, сценарий которой основан на очевидном противопоставлении партий жениха и невесты. Именно это сделало возможным рассмотрение не только самой проблемы “свадьба как диалог”, но и описание свадебного обряда как текста, состоящего из двух отдельных текстов – “мужского” и “женского” (М- и F-текста соответственно) (см.: [Левинтон, 1991, с. 211, 213]).

* Ср. с мнением В.А. Коршункова о причинах “стойкости языческих пережитков у русских” Сибири: “...в ходе колонизационного движения на Север, в Поволжье, на Урал и в Сибирь славянскому населению приходилось общаться с народами иных вер, многие из которых были язычниками. Это оживляло (выделено мною. – Г.Л.) древние реликты язычества у (самых) русских... (таким образом) сам факт жизни бок о бок с чужаками способствовал сохранению старинных традиций” [1999, с. 152 и др.].

Рис. 1. В.И. Суриков. Взятие снежного городка. 1891 г. (фрагмент).

ные радостными улыбками, чуждые каким бы то ни было душевным драмам, раздвоениям и надры-вам» [1985, с. 131 – 132].

“Малоизвестная” в Европейской России игра за обладание снежной крепостью-городком за Уралом получила широчайшее распространение, став своего рода “визитной карточкой” сибирских масленичных гуляний. Не случайно происхождение самого обычая русские старожилы нередко связывали с событиями сибирской истории и объясняли его бытование воспоминаниями о “боях (казаков) за стенами острожков с осаждавшими их инородцами” (см.: [Красноженова, 1924, с. 26]). Подобная точка зрения нашла отражение и в некоторых исследованиях по фольклору: появление данного обычая у сибирских крестьян рассматривается в них как результат “внесения героического содержания” в календарную обрядность казаков-первопроходцев [Мельников, 1984, с. 71].

Ритуальный сценарий праздника и его варианты

Обрядность праздника в целом отличалась повышенной активностью мужских групп крестьянской общины. Складывался своего рода “мужской” текст масленичного ритуала. К нему относится и устройство масленичных гор, которым “заведывали” парни, и организация всевозможных спортивных состязаний (пешие или конные “беги”, самые разнообразные виды борьбы и пр.), в которых участвовало все взрослое мужское население (рис. 2), и кульминация праздничного гулянья – проводы Масленицы, задолго до которых в каждом селе готовились атрибуты масленичного поезда, намечались его участники и распределялись роли [Городцов, 1915, с. 18]. Сценарии проводов существенно различались в зависимости от того, каким образом была представлена в них сама Масленица – с по-

Рис. 2. Спортивные состязания между пешим и конным. Восточная Сибирь. Ангарский край. 1904 г. (фототека РЭМ. Ф. 773. № 74).

мощью антропоморфного чучела или же через игру ряженого крестьянина. Рассмотрим оба варианта проводов.

В европейской части страны чучело Масленицы “с подчеркнuto женскими атрибутами” делали обычно женщины (см.: [Соколова, 1979, с. 25 – 27, 37]). Именно это дало исследователям основание считать образ “Сударыни Масленицы” у русских – “поистине “космическим” олицетворением женского начала” [Бернштам, 1988, с. 270]. В Сибири изготовлением чучела занимались, как правило, мужчины. При этом сама Масленка наделялась мужскими чертами и представляла собой “чучело мужика из соломы в мужичьей лопоти” и с трубкой в зубах [Арефьев, 1901, с. 138; Макаренко, 1913, с. 145]. Даже в тех случаях, когда чучело Масленки было представлено “старухой”, в ее костюме непременно присутствовали элементы мужской одежды: “Масляница изображается в виде чучела разных размеров, иногда... в размер небольшого ребенка, а иногда... много больше взрослого человека. Чучело делается из негодного тряпья... набивается соломой, сеном... (и) изображает старуху... На голову надевают платок, а иногда сверх платка... рваную мужицкую шляпу или шапку... затем... кофту и юбку, а иногда, кроме юбки... рваные мужицкие штаны” [Городцов, 1915, с. 18].

Масленичный поезд обычно сопровождала “толпа скоморохов” (“нарядчиков”), которую представляли “парни и молодые мужики... в вывернутых наизнанку шубах, рваных шапках, старых пимах или броднях” [Макаренко, 1913, с. 145 – 146; Городцов, 1915, с. 21]. Одетые в военную форму музыканты – “казаки”, “енералы”, “фетьмаршалы” и пр. – “утешали зрителей игрою” в бубны, скрипки, гармонии, стрелена и балалайки (АРГО. Р. 62. Оп. 1. № 3. Л. 7; № 8. Л. 21 об. – 22; [Широков, 1844, с. 50 – 51]). Подобно святочным ряженым, персонажи масленичного поезда (всего на связанных в ряд санях помещалось 10 – 12 мужиков), имитируя по ходу его движения различ-

ные виды деятельности, разыгрывали отдельные сценки и целые представления: “наряженный кузнецом (крестьянин) отбивает на наковальне молотком литовку. На тех же санях находится мялка... (которой) мужики мнут солому (обыкновенно ею мнут куделю). Здесь же находится корыто, в котором мужики же стирают белье, и ступа, в которой они толкут пестом уголья” [Арефьев, 1901, с. 139]; “Масляница” с воеводой “проделывают... все манипуляции банного купания: берут шайки, поддают пар, хлещутся вениками и окатываются водой” [Городцов, 1915, с. 27]; на поставленной в сани лавке “сидит старуха с прялкой”, прядет куделю, а сзади нее стоит старик, размахивая кулаками – “только бы чуднее было” (АРГО. Р. 59. Оп. 1. № 17. Л. 77). Приведенные материалы подтверждают мнение Л.М. Ивлевой о том, что наиболее ранние архивные сведения о масленичном ряжении как в Сибири, так и в европейской части России, “изобилуют указаниями на преимущественное участие в нем мужчин” [1994, с. 105].

Кульминацией данного варианта праздничного сценария являлось уничтожение соломенного чучела Масленицы, знаменовавшее собой окончание гуляний. В описании этого момента праздника в Тюменском уезде говорится: как только поезд выезжает за околицу, “вся толпа народа, словно по сигналу, бросается на... чучело, разрывает его в клочья и разбрасывает по дороге... все это потом складывают в костер и поджигают” [Городцов, 1915, с. 28].

Другой вариант проводов, как отмечалось, был связан с игрой ряженого. В этом случае на главную роль обычно приглашался “опытный и хорошо знающий подробности обряда” крестьянин “из наиболее разбитных и красноречивых жителей местного края” [Там же, с. 20; Новиков, 1929, с. 178]. Находчивый и остроумный, умеющий “вовремя ответить остроотой на острооту толпы”, этот крестьянин, известный к тому же как “знахарь, сказитель и певец народных песен”, без сомнения, отождествлял себя с самой “Масляницей”, говоря и действуя от ее имени [Городцов, 1915, с. 20 – 21].

Итак, для русской сибирской традиции были характерны два способа персонификации Масленицы – изготовление антропоморфного чучела либо игра ряженого. Вопрос о том, “насколько обе формы символизации одного и того же мифического существа равноправны исторически”, относится к разряду дискуссионных и, по мнению Л.М. Ивлевой, на имеющемся материале пока не имеет решения [1994, с. 102 – 103]*.

* Отметим, что этот вопрос должен решаться с учетом данных по весенне-летней обрядности, которой были присущи разные способы персонификации одних и тех же мифологических образов, но уже не мужскими, а женскими группами крестьянской общины (обзор существующих в литературе мнений см.: [Любимова, 1998, с. 76 – 78; 2001, с. 187]).

Примечательно, что конструкция масленичного поезда и в том, и другом случае оставалась неизменной – его элементами являлись связанные друг с другом сани или дровни, в середине которых водружался шест с надетым на него колесом, к которому привязывалось чучело или же на котором восседал изображавший Масленицу человек (см. таблицу). Нетрудно заметить, что в ряде случаев жердь превращалась в “мачту”, сама же конструкция приобретала при этом вид корабля*. По мнению А.К. Байбурина, такие детали масленичного обряда, как установка шеста, подготовка антропоморфного чучела и последующее его уничтожение, позволяют рассматривать действие в качестве “типичного ритуала принесения жертвы у мирового дерева”, в котором жертва используется в качестве материала для воссоздания Вселенной [1993, с. 152 и др.].

Как же разворачивались события в том случае, когда Масленица была представлена не чучелом, а живым персонажем? Наши материалы позволяют выдвинуть предположение о том, что невозможность уничтожения жертвы, по всей видимости, компенсировалась созданием снежного городка (рис. 3) с последующим его разрушением и ритуальным истязанием победителя, взявшего “город”. Сценарий праздника, таким образом, предусматривал либо уничтожение соломенного чучела, либо взятие снежного города; сочетание тех и других обрядовых действий в рамках одной локальной традиции на сибирских материалах не прослеживается.

Состязания за обладание снежной крепостью были, как правило, приурочены к заключительному этапу проводов самой Масленицы. “В прощенный день, – писал Ф.К. Зобнин, – строят и ломают города [сложенные на реке или площади из льда или снега]” [1894, с. 64]; “Перед закатом солнца народ

* Напоминавшие корабль масленичные сооружения получили широкое распространение в городах. В Иркутске, например, в последние дни сырной недели “возили Масленицу”: “сколачивали несколько дровней, на них устраивали из досок нечто вроде корабля... приделывали паруса и разноцветные флаги; на подмостках помещались скоморохи, медведь, музыканты и барабанщики... всю эту громаду тащили 10 и более лошадей” [Авдеева, 1849, с. 227].

Опираясь на классическую работу Д.Н. Анучина “Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда” (М., 1890), большинство исследователей рассматривает атрибуты масленичного поезда (прежде всего лодку) как показатель погребального характера процессии (см., напр.: [Громыко, 1975, с. 102, 105]). Однако есть и другая точка зрения, согласно которой “корабли и лодки, водружавшиеся на санях”, появились на городской и сельской Масляницах только после грандиозного увеселения, устроенного Петром I на Масляной неделе в Москве по случаю Нейштадтского мира со Швецией в 1722 г. [Тульцева, 2000, с. 161].

Варианты описания сибирского масленичного поезда
(вторая половина XIX – начало XX в.)

С соломенным чучелом	С ряженым крестьянином
На проводы Масленицы “связывают в ряд 6 саней, на сани кладут бочку, в нее вставляют жердь в 7 – 8 аршин длины, на вершину жерди надевают тележное колесо. На колесо сажают <i>чучело</i> (выделено мной. – Г.Л.) мужика из соломы в мужичьей лопоти, который держит в зубах трубку. К шесту привязывают белый парус, как на лодке” [Арефьев, 1901, с. 138]. Заготовив “соломенное <i>чучело</i> (выделено мной. – Г.Л.)” и принарядив его в “мужичье платье”, “робята” усаживают его в “специальный экипаж, составленный из связанных в ряд 2 – 3 саней... посередине водружают жердь в 9 – 10 аршин высоты, на нее надевают... колесо... [к которому] привязывают чучело в сидячем положении... с куском коровьего масла и бутылкой со стаканом” [Макаренко, 1913, с. 145]. “Экипаж для Масляницы обычно делается так. Берут... выброшенные за негодностью сани-дровни... на сани кладут старый бат... или же небольшую лодку... делается помост из старых и гнилых досок, а на помосте... – трон для Масляницы... К середине бата ставится мачта, к которой сверху прикрепляется старое колесо... На приготовленный трон сажают “честную Масляницу”, то есть, <i>чучело</i> (выделено мной. – Г.Л.) ее” [Городцов, 1915, с. 18 – 19].	“...Делают Масленицу: запрягают лошадей в сани или дровни, обшивают их кругом худыми рогожами... в середине саней утверждают аршин в 8 жердь, сверху которой находится крепко привязанное колесо, на котором сидит сама госпожа Масленица, то есть <i>человек</i> (выделено мной. – Г.Л.), одетый в самую смешную одежду, выманный сажеею. Проезжая по селению, он приветствует по выбору, где можно пожить, дома и получает в награду деньги и вино” (АРГО. Р. 62. Оп. 1. № 8. Л. 21 об. – 22). “Экипаж состоит из 4 – 6 больших коробов, скрепленных между собой и покрытых сверху досками... В середине экипажа укрепляется, подобно мачте, высокий шест с горизонтально надетым наверх колесом, на котором сидит <i>шут</i> (выделено мной. – Г.Л.), забавляющий почтеннейшую публику гримасами, пением кукареку, лаем и мяуканьем” [Широков, 1844, с. 51]. На масленой неделе “катались ряженые и возили столб с колесом, у перекладины столба сажали <i>мужика или бабу</i> (выделено мной. – Г.Л.)... устраивали на полозьях лодку с гребцами... а иногда какая-нибудь баба садилась в короб с прялкой и ездила по улицам – это была госпожа Масленица” [Красноженова, 1924, с. 25.]*.

* Подобный способ проводов Масленицы долгое время сохранялся у русских сибиряков-старожилов: “ставили на подводу шест, сверху колесо привязывали, на него *человек* (выделено мной. – Г.Л.) садился, песни пел, частушки” (записано от А.М. Шакуровой, 1919 г.р., с. Малышево, Сузунский р-н, Новосибирская обл.).

собирается смотреть... В прежнее время грамотный крестьянин около этого города читал какое-то сказание о Маслянице... существе обжорливом, истребившем много блинов, масла и рыбы” [1896, с. 541]. Подъехав к городку, вымазанный сажеей “царь”, по свидетельству А. Новикова, вычитывал “полную остроумных, подчас циничных, прибауток” речь “в костюме Адама”, по окончании которой подавал знак к началу взятия городка [1929, с. 176, 178]. Уничтожение крепости нередко имело самое непосредственное отношение к указанному персонажу. Священник Т. Попов, например, наблюдал сцену, когда “при ломании... города совершенно голый человек, возимый до этого на разряженных лошадях”, бился и бесновался все это время, “выражая какую-то скорбь и сожаление” [1866].

В наиболее полном виде традиция взятия снежных городков сохранялась в среде сибиряков-старожилов (новейшую сводку различных вариантов игры по Алтайскому краю см.: [Дубровская, 2001]). Сценарий самой игры состоял из нескольких этапов. Все участники – “мужчины, а особенно молодые парни” – делились на партии “осаждавших и осаждаемых”: “одни – пешие, другие – верхом на конях. Первые стоят около города для защиты его, вторые – отъехав с полверсты, пускаются во весь мах”, пытаясь прорваться сквозь частокол хворостин и метел. “Забавы продол-

жаются до тех пор, пока не возьмут города” (АРГО. Р. 61. Оп. 1. № 23. Л. 49 об. – 50; [Макаренко, 1913, с. 143]). Само “взятие” происходило следующим образом: “взвод всадников бросается на приступ, это повторяется несколько раз... один из удалцов... проскакивает на своем бегуне под снежными сводами крепости” и сотни мальчишек под барабанный бой “с оглушительным криком... в несколько минут разрушают ее до основания” [Широков, 1844, с. 53 – 54]. Разрушение крепости, таким образом, являлось неременным финальным аккордом игры, хотя в этом, как подчеркивает Б.В. Горбунов, и “не было видимой необходимости” [1994, с. 111].

Важным моментом заключительного этапа состязаний являлось своеобразное чествование победителя: “если кто из конных в сильном порыве успеет вбежать на лошади к городку”, но не успеет сломать его и вырваться из толпы, то пешие, “ставив его с лошади, бросают его... и накладывают... [полный] рот снегу” (АРГО. Р. 61. Оп. 1. № 23. Л. 50)*. Прорвавшийся

* В поздней чалдонской традиции “взятие снежного городка” заключалось в забрасывании снегом всадника, пытавшегося прорваться через снежные ворота: “мужики с лопатами по обе стороны стояли и снегом наверхнего закидывали” (записано от С.В. Чепчуговой, 1917 г.р., с. Ташара, Мошковский р-н, Новосибирская обл.).

в ворота крепости всадник, судя по многочисленным описаниям, подвергался еще более суровым истязаниям: “всадника-победителя догоняет толпа... [которая] стаскивает его с коня и “моет” в снегу, [то есть] наполняет комьями снега его шаровары, рубашку и пр. до тех пор, пока победитель не потеряет сознания. Бывают при расправе с победителями-счастливыми и несчастные случаи – ломают герою руку, [или] ногу... Затем его везут в деревню, приводят в чувство и поят вином, [причем] все присутствующие складываются на такое дело” ([Новиков, 1929, с. 176]; примеры купания победителей в ледяной проруби, относящиеся к европейским губерниям России, см.: [Красноженова, 1924, с. 35]).

Обсуждение результатов

Обычай ритуального истязания победителя представляется исключительно важной особенностью масленичных состязаний за обладание снежной крепостью-городком. В литературе имеются различные варианты его объяснения. Валяние молодежи в снегу на Масленице В.К. Соколова интерпретировала как пережиток аграрной магии, но при этом подчеркивала, что “архаизировать” популярную в Сибири игру (взятие снежного городка) “как будто нет оснований” [1979, с. 24, 50 – 52]. Н.Н. Велецкая, напротив, видела в масленичных состязаниях и катаниях с гор трансформированные рудименты архаичного “ритуала отправления к праотцам”, включавшего в себя “воздаяние предкам своей кровью” [1978, с. 92 – 93, 123, 127]. По мнению Ф.Ф. Болонева, поединки враждующих групп на Масленицу, в т.ч. борьба “двух партий” за взятие снежного городка, также носили архаичный характер и восходили к “дуальной организации раннеродового общества” [1975, с. 152]. В.А. Липинская сопоставила масленичный обычай “мыть в снегу победителей” с обычаем святочного омовения в крещенской проруби ряженных, т.е. трактовала его как “очистительный” [1996, с. 186]*, однако, на наш взгляд, принудительный ха-

*Сходная точка зрения, обоснованная с позиций христианского символизма, отражена в работе Н.В. Понырко. Она предлагает рассматривать весь период от Масленицы до Пасхи как единый цикл или как “аллегию пути от ветхого человека к нетленному божеству”. “Замечено, – пишет исследовательница, – что некоторая часть масленичных игр носит характер состязаний. К ним относятся кулачные бои и взятие снежного городка... Победителя, взявшего... городок, купали в проруби... Если в основе игры лежит пасхальная мысль о жизни и смерти, то становится понятной награда... которая до сих пор воспринималась как парадокс. Купание в проруби окажется не парадоксом, а закономерностью”, вода же при этом (как “привычный символ спасения в христианстве”) будет обозначать “божеское начало на пути от Адама ко Христу” [1984, с. 193, 195].

Рис. 3. Снежный город на Масленице. Енисейская губ. Начало XX в. (фототека РЭМ. Ф. 1060. № 11).

рактер действий, а также отсутствие личного покаяния со стороны главного персонажа не позволяют принять предложенную трактовку.

Кто же чаще всего оказывался в роли победителя подобных состязаний, т.е. заранее был готов терпеть истязания толпы в случае победы? Выдвинем предположение, что в общественном признании нуждалась прежде всего категория “парней и молодых мужиков”, которые успели жениться в истекший Мясоед и стремились заявить о себе как о полноправных членах общины. Именно они являлись главными участниками приуроченных к Масленице игр и состязаний. Не случайно “деревенский этикет” предусматривал катание на Масленице поженившихся зимой пар (см.: [Городцов, 1915, с. 17]). Повышенное внимание к молодоженам со стороны всей общины в период праздника проявлялось в организации разного рода “смотров” и общественных “испытаний” молодых, особенно характерных для северно-русских и верхневолжских губерний. Молодого, например, били, стегали, мяли, усаживали в розвальни без оглобелей, сверху на него садилось до десяти мужиков, и все они, давя друг друга, скатывались с горы (обычай “ездить бобром” на молодом); ряженные закапывали молодых в сугроб и т.п. [Бернштам, 1988, с. 64]. Отметим, что в этих и приведенных выше примерах обращает на себя внимание особая роль снега, семантика которого в данном случае, по всей видимости, имеет отношение к аграрно-продуцирующей магии.

Итак, героями масленичных игр и состязаний, как правило, выступали парни и молодые мужики, которые демонстрировали крестьянскому миру силу и здоровье – качества, необходимые не только для трудовых и ратных дел, но и для успешного продолжения рода [Горбунов, 1994, с. 112]. В целом же, как считает Т.А. Бернштам, есть основания полагать, что силовые и состязательные игры типа конских ристалищ и взятия снежного городка наряду с организаци-

ей кулачных боев являлись реликтами “мужского союза воинов” с некоторыми архаичными формами ритуализованного военно-борцовского поведения [1988, с. 93 – 95]. Все это позволяет поддержать мнение Б.В. Горбунова о том, что подобные состязания, возможно, играли роль элементов инициации мужской молодежи на поздних этапах традиции [1994, с. 110].

В русле данной трактовки можно рассматривать и такой своеобразный вариант взятия снежной крепости, который предусматривал залазание за призом на вершину установленного в центре нее столба: “В середине города укрепляют длинный столб с новым платком на вершине... Выискивается охотник достать платок с мачты” [Зобнин, 1896, с. 541 – 542]. В ряде случаев все устройство крепости ограничивалось возведением такого столба, который по традиции назывался городом: “на открытом месте близ деревни, в особенности на озерах и реках, ставится перпендикулярно слегка вышиной от 3 до 5 сажень. Верхний конец... обливается холодной водой, а иногда обмазывается свиным салом. На самой верхушке привязывается бутылка вина или платок, а иногда петух или поросенок. К этим “городам” (выделено мной. – Г.Л.) в последний день Масленицы собирается очень много крестьян, являются [также] охотники взять город, то есть подняться на верхний конец слуги и достать привязанный там приз” (АРГО. Р. 61. Оп. 1. № 25. Л. 8; см. также: [Новиков, 1929, с. 178])^{*}.

Перемещение вдоль вертикальной оси являлось, как известно, частью обрядов посвящения (в т. ч. в шаманы) у многих народов Сибири. Так, у хантов, по данным В.Н. Чернецова, пережитком инициации был обряд, имевший место в роде Крылатого Старика (орла) на Оби: по достижении определенного возраста юношу вели на священное родовое место, где его заставляли влезть на дерево, на котором обитал крылатый предок рода. Стоявшие внизу старики читали при этом заклинания, состоявшие в основном из добрых пожеланий. Спустившийся на землю юноша считался уже полноправным членом рода (см.: [Чернецов, 1959, с. 143]). Во время обряда посвящения у бурят в юрте посвящаемого устанавливалась длинная и толстая береза, верхушка которой выходила через дымовое отверстие наружу. Собравшиеся в юрте шаманы призывали богов-покровителей, а сам посвящаемый повторял за ними слова молит-

вы, держа в руке саблю, которую, как считалось, он получал в знак обретения шаманского дара “от неба”. Иногда при этом он вылезал по березе из юрты и, сидя на верхушке дерева, громко призывал своих покровителей [Дугаров, 1991, с. 34 – 35].

Символ Мирового дерева как семантического центра и опоры всех сфер мироздания универсален. Образ Мирового дерева ассоциировался с ежегодным воссозданием и обновлением мира, а также с непрерывным воспроизведением жизни в мире людей. По этой причине, как пишет Н.С. Коровина, движение по вертикальной оси вверх до рубежа верхнего мира и обратный спуск до рубежа мира среднего можно рассматривать как временную смерть посвящаемого и его воскресение [1995, с. 297 – 304].

Залазание на вершину столба (шеста, жерди, слуги) во время масленичных гуляний у русских также, по всей видимости, символизировало получение неких ценностей из верхнего мира, материальным воплощением которых оказывался тот или иной “приз”. Еще раз подчеркнем, что речь не идет о прямом заимствовании традиций коренного населения Сибири. В данном случае мы скорее имеем дело именно с актуализацией неких глубинных архетипов сознания и поведения русских крестьян, находившихся вдали от центров христианского мира в условиях языческого аборигенного окружения.

Заключение

Некогда совпадавшая с празднованием Нового года Масленица подобно Святкам несла в себе признаки главного годового праздника. С некоторой долей условности оба праздничных цикла можно рассматривать как части единого ритуала. В первой части, на Святки, окружающий мир, по сути, лишался своего привычного облика, исчезали границы между “своим” и “чужим”, воссоздавалась “ситуация распада” (см.: [Байбурин, 1993, с. 150]); во второй части, на Масленице, происходило “создание новой семиосферы”, при этом уничтожение ритуального символа являлось необходимым условием весеннего возрождения земли и обновления мира в целом [Там же, с. 151].

Рассмотренные с точки зрения состава участников обычаи и обряды указанного календарного периода выявили безусловное преобладание в них мужских групп населения. Обрядность зимнего солнцеворота, как пишет Т.А. Бернштам, была насыщена мужской семантикой, получившей свое концентрированное выражение в коллективных обходах дворов [1988, с. 268]. Принимая во внимание “единство святочно-масленичного цикла” [Там же, с. 270], можно утверждать, что в Сибири, в отличие от европейской части России, преимущественная роль мужского начала в календарной обрядности достигала апогея

^{*} Со временем традиция залазания за призом на вершину столба обычно уже не связывалась со взятием снежного города: “На Масленку столбы сооружали в 7 – 8 метров, к ним балалайки вязали или сапоги. Ребята лазили за ними, снимали” (записано от А.С. Тоголиной, 1915 г.р., с. Петелино, Ялutorовский р-н, Тюменская обл.; отметим, что проводы Масленицы в данной локальной традиции обозначались устойчивым фразеологизмом “отвязывать Масленку”).

именно на Масленицу. С этой точки зрения “живые картины”, которые разыгрывались персонажами масленичного поезда с помощью прялки, мялки, молота с наковальней, ступы с углями, корыта и других атрибутов, предстают в качестве карнавального обыгрывания темы творения или символической имитации тех или иных “перводействий”.

Учитывая повышенное внимание крестьянской общины, которое оказывалось на Масленице молодежи и проявлялось в разного рода “смотрах”, а также общественных “испытаниях” молодых (особенно молодого), выскажем предположение, что рассмотренные элементы масленичной обрядности – взятие снежного городка, залазание на вершину столба и пр. – служили своеобразной проверкой сил новых членов общины и выполняли роль обрядов посвящения накануне нового сельскохозяйственного периода, связанного с подготовкой к символическому оплодотворению земли.

Список литературы

- Авдеева Е.А.** Очерки Масленицы в Европейской России и Сибири, в городах и деревнях // Отеч. зап. – СПб., 1849. – Т. 62, № 2, отд. 8.
- Арефьев В.С.** Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1901. – Т. 32, № 1/2.
- Байбури А.К.** Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
- Бернштам Т.А.** Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. – 276 с.
- Болонев Ф.Ф.** Масленица у семейских Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. – Новосибирск: НГУ, 1975. – С. 143 – 157.
- Велецкая Н.Н.** Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: Наука, 1978. – 239 с.
- Волошин М.А.** В.И. Суриков. – Л.: Художник РСФСР, 1985. – 222 с.
- Горбунов Б.В.** Традиционные состязания за обладание снежной крепостью-городком как элемент народной культуры русских // Этногр. обозрение. – 1994. – № 5. – С. 103 – 115.
- Городцов П.А.** Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобол. губ. музея. – 1915. – Вып. 26. – С. 1 – 65.
- Громыко М.М.** Трудовые традиции русских крестьян Сибири. XVIII – первая половина XIX вв. – Новосибирск: Наука, 1975. – 352 с.
- Дубровская М.В.** Варианты масленичной игры “Взятие снежного городка” на территории Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. – Вып. 4. – С. 219 – 221.
- Дугаров Д.С.** Исторические корни белого шаманства. На материале обрядового фольклора бурят. – М.: Наука, 1991. – 297 с.
- Зобнин Ф.К.** Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа // Живая старина. – СПб., 1894. – Вып. 1.
- Зобнин Ф.К.** Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа // Живая старина. – СПб., 1896. – Вып. 3/4.
- Ивлева Л.М.** Ряженье в русской традиционной культуре. – СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 1994. – 235 с.
- Коровина Н.С.** Коми фольклор как источник для реконструкции обряда посвящения // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1995. – Вып. 8/9. – С. 297 – 304.
- Коршунков В.А.** Особенности народно-бытового православия // Этнос, ландшафт, культура: Материалы конф. – СПб.: Европейский дом, 1999. – С. 151 – 155.
- Красноженова М.В.** Взятие снежного городка в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1924. – Вып. 2.
- Левинтон Г.А.** Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб.: Наука, 1991. – С. 210 – 234.
- Липинская В.А.** Старожилы и переселенцы: русские на Алтае в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1996. – 268 с.
- Любимова Г.В.** Обрядовые игры с переходной семантикой в русской традиционной культуре // Этногр. обозрение. – 1998. – № 4. – С. 70 – 81.
- Любимова Г.В.** Похороны “стрелы” в весенне-летней обрядности забайкальских старообрядцев // Старообрядчество, история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 184 – 188.
- Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Зап. РГО по отделению этнографии. – СПб., 1913. – Т. 36. – 292 с.
- Мельников М.Н.** Региональное своеобразие фольклора сибиряков // Русский фольклор. – Л.: Наука, 1984. – Вып. 22. – С. 68 – 76.
- Новиков А.** Несколько заметок о сибирской маслянице // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1929. – Вып. 8/9.
- Поньрко Н.В.** Святочный и масленичный смех / Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – С. 154 – 202.
- Попов Т.** Слобода Такмыцкая. Тарский округ Тобольской губернии // Тобол. губ. вед. – 1866. – № 9.
- Соколова В.К.** Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1979. – 286 с.
- Тульцева Л.А.** Календарные праздники и обряды (по материалам XIX – XX вв.) // Русские: народная культура (история и современность). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. – Т. 4: Общественный быт. Праздничная культура. – С. 128 – 205.
- Широков А.** Сибирский карнавал // Маяк: Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. – СПб., 1844. – Т. 17.
- Чернецов В.Н.** Представления о душе у обских укров // Исследования и материалы по вопросам религиозных верований. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 114 – 156. – (Тр. Ин-та этнографии; Т. 51).

М.В. Козловская

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: smirnoff@online.ru

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ В ПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА (исторический аспект исследования)

Введение

Почему так важна соль для человеческого организма? Почему она занимает столь фундаментальное место в самых различных культурных традициях? Почему человек так быстро оказывается в жесткой зависимости от нее?

Эти и многие другие вопросы, непосредственно относящиеся к поваренной соли, в настоящее время могут быть лишь сформулированы, а ответы на них возможны только гипотетические.

Известно, что многие животные испытывают время от времени острую физиологическую потребность в соли. Это, конечно же, не хищники, которые необходимое количество солей получают непосредственно из тканей тела охотничьей добычи. Соль остро необходима растительным видам. Северные олени совершают многокилометровые переходы, чтобы добраться до побережий с соленой водой.

Постоянное поступление хлорида натрия (а вернее, доступных форм хлора) необходимо для секреции соляной кислоты желудочного сока. Значительные количества ионов натрия требуются для поддержания гомеостаза организма. Как известно, один из наиболее распространенных гомеостатических показателей – процентное содержание NaCl в плазме крови. Именно концентрация хлорида натрия обеспечивает постоянный уровень осмотического давления. Обеспечение работы калиево-натриевого насоса – одна из базовых биохимических функций клеток.

Около трети всего натрия организма связано в минеральной части скелетных тканей, около 2% – во внутриклеточной среде. Большинство натрия находится в плазме крови [Детьен, 1996]. По сложившейся к настоящему времени традиции, в большинстве раз-

витых стран потребление соли чрезвычайно завышенное (относительно предполагаемых медиками норм), что служит одной из причин широкого распространения артериальной гипертонии, повышает риск самых различных заболеваний постдефинитивного онтогенеза. Широко известны многочисленные лечебные системы питания с ограниченным количеством соли. Таким образом, соль – пищевой продукт, который вызывает зависимость, приносящую известный вред здоровью. Почему человек согласен платить эту цену? В какой исторической ситуации возникла такая зависимость?

Источники исследования

Когда мы обращаемся к универсальному для человеческих обществ феномену – употреблению наркотических средств, своеобразно активизирующих работу мозга, видим, что мощное физиологическое стремление человека пережить яркие психоэмоциональные состояния легли в основу самых универсальных и фундаментальных проявлений ранних форм духовной жизни человека.

В этом отношении соль – также условный аналог. Пища, приправленная солью, имеет более определенный, яркий вкус. Этимологически слова *солёный*, *сладкий*, *солодкий* являются однокоренными, объединяющее их значение “приятный на вкус”. Широко известны пословицы (хлеб да соль!), обряды (радужная встреча с хлебом-солью), приметы (соль просыпалась – к ссоре), определяющие фундаментальное место соли в еде и жизни.

Большинство людей сегодня употребляют соль каждый день. Очевидно, что такое положение дел было не изначально, столь важное место в кулинарии соль за-

няла в определенное время истории. До сих пор некоторые общества с присваивающим типом хозяйства обходятся без соли. В качестве примера можно привести эскимосов, чукчей еще в начале – середине прошлого века. Для этих народов характерно заготовление мясных и рыбных продуктов высушиванием, вялением, замораживанием. Распространены различные способы ферментированного консервирования: помещение мяса, жира, растений (водоросли, ягель) в кровь для дальнейшего сбраживания (в качестве сосуда используются сшитые из кожи животных мешки или желудки этих животных); закапывание в земляные ямы мяса или рыбы на длительный срок – капальгын (капальхен) [Богораз, 1991; Ратцель, 1903].

Таким образом, возможны самые различные формы консервирования и заготовки продуктов животного происхождения без использования соли, причем питательные и энергетические свойства сохраняемых этими способами продуктов чрезвычайно высоки. Как упоминалось выше, недоваренные и необескровленные ткани животных содержат достаточно много хлорида натрия.

На основании самых общих представлений о химическом составе животных и растительных тканей можно предположить, что физиологическая потребность в поваренной соли возникла у человека в связи с переходом на вегетарианскую пищу, с одной стороны, и распространением традиции варения, вываривания, кипячения – с другой. Водная термическая обработка продуктов приводит к тому, что часть солей выходит в раствор. Поэтому, если вареная пища употребляется без бульона, она оказывается сильно обеднена солями, к тому же вкус ее по сравнению с сырой пищей гораздо менее насыщенный и требует ароматических и вкусовых добавок.

Все эти рассуждения самого общего плана приводят к заключению, что сегодняшнее место в хозяйстве, культуре соль заняла в начале неолита, когда широкое распространение получила керамическая посуда для варки пищи и хранения жидкостей и увеличилась доля растительных продуктов в питании, в основном за счет зерновых культур. Источников для изучения этого вопроса очень мало. Каким образом запасы поваренной соли связаны с территориями специализированных земледельцев? Сразу отмечу, что проблема добычи соли, в первую очередь, существовала для обитателей внутриматериковых районов, так как прибрежные могли обходиться выпариванием морской соли, хотя бы и горькой.

Хлорид натрия на Земле существует в виде растворов и минерала. Название минерала – галит – происходит от греческого слова, одновременно означающего “море” и “соль” [Бетехин, 1950]. Уже одно это указывает на то, что один из самых доступных источников соли (для греков по крайней мере) – морская вода.

Наиболее масштабные и известные месторождения каменной соли расположены: в США в южно-центральных штатах (Канзас, Нью-Мексико, Техас, Оклахома) – обширный пояс длиной около 1000 км, шириной 240 – 400 км, меридионального простираения; в Индии в северной провинции Пенджаб вдоль южных склонов Гималаев – мощные протяженные залежи каменной соли; в Европе близ городов Стасфурт (Германия), Величка (Польша), в северо-восточных районах Франции (Эльзас и Лотарингия), в Румынии и Испании; в Англии (Чешир и Пропшир) [Курс минералогии, 1936]. Все перечисленные месторождения каменной соли были известны издревле, однако точных свидетельств о начале их эксплуатации мне найти не удалось.

Другой вид природных запасов поваренной соли – соляные озера. Крупнейшее из них оз. Виктория, расположенное в центральной части Австралии. Также широко известны Большое соленое озеро в США (штат Юта) и оз. Табрис в Иране [Там же].

Изучение проблем, связанных с поваренной солью, по археологическим материалам – задача очень сложная. Дело в том, что хлорид натрия чрезвычайно подвижен, вымывается, привносится из окружающей среды. Концентрации хлора в костной ткани человека достаточно стабильны [Детьен, 1996] и не зависят от интенсивности употребления поваренной соли в пределах обычных флуктуаций.

Методами археологии восстанавливаются производственные центры по выпариванию, вывариванию рассолов, разработки залежей каменной соли (см., напр.: [Rathje, 1971]). Большие возможности для реконструкции исторических традиций использования соли представляют исторические источники, фольклор, очень полезны данные экономической статистики. Например, в начале XIX в. максимум добычи соли приходился на США, второе место занимали Англия и Россия, в Китае и Индии соли производилось меньше, чем в Германии.

Учитывая высокую плотность населения в Китае и Индии, можно с уверенностью говорить о том, что уровень потребления поваренной соли в Южной и Восточной Азии принципиально ниже, чем в развитых странах Европы и в США. Традиционность уклада жизни народов Индии и Китая позволяет предположить, что этот уровень (или еще более низкий) был свойственен им издавна. В своей знаменитой книге “Занимательная минералогия” А.Е. Ферсман пишет: “Каждый человек в год поглощает 6 – 7 кг соли. В Центральной Африке платили за соль по цене золота. В Китае вываривали соль из источников, проводя воду по бамбуковым трубам и нагревая котлы природными горючими газами” [Ферсман, 1937, с. 87]. По его же данным, на одного человека в год в Китае приходится около 4 кг соли. Это значительно ниже

стандартной медицинской нормы. К тому же, как общеизвестно, шлифованный рис, содержащий малое количество витаминов и минералов, составляет основу питания населения по крайней мере центральных сельскохозяйственных районов Китая.

Э.П. Стужина в своем историко-этнографическом эссе, написанном по средневековым литературным китайским источникам (XII – XIII вв.) и собственным воспоминаниям о пребывании в Китае в начале 50-х гг. прошлого века, подчеркивает, что “мучная пресная пища была главной в трапезе, а все остальные кушанья-приправы – лишь добавками к ней. Только богатые сдабривали эту пресную пищу мясом, рыбой и острыми солеными закусками, простолудины же чаще всего лишь горстью соленых овощей или проросших бобов” [Стужина, 1972, с.138]. Анализируя торговлю пищевыми продуктами на рынках, она также обращает внимание на то, что “в списках съестного отсутствует соль – очевидно, в те времена, как и в современном Китае, не принято было ее употреблять в чистом виде, ставить на стол. Место солонки во время трапезы занимала чашка с острым соленым соусом, подавались соленые овощи, вяленая рыба. На соляных промыслах в это время добывалась и чистая, кристаллическая “голубая соль”, и низкосортная, желтая, плохо очищенная” [Там же, с.141].

Все эти разнородные свидетельства позволяют судить о том, что традиционно население внутренних районов Китая минимально потребляло поваренную соль на протяжении ряда столетий.

Тезис о связи производства и потребления соли с расцветом высококрахмалистых зерновых культур прекрасно подтверждается исследованием соледобычи в Новом Свете. Изучение торговли древних майя доколумбовой Мезоамерики позволило проследить динамику соледобычи в течение полутора тысячелетий [Гуляев, 1976].

Племена майя заселяли обширные территории, которые могут быть отнесены к трем культурно-географическим областям: северной (п-ов Юкатан), центральной (сегодняшняя Северная Гватемала) и южной (горные районы, Тихоокеанское побережье Гватемалы, горная часть мексиканского штата Чиapas и ряд районов Сальводора). Северная область засушлива, безводна, мало пригодна для возделывания сельскохозяйственных культур. Прибрежные районы изобилуют соляными месторождениями. Прибрежные экосистемы богаты рыбой, моллюсками.

Начиная с эпохи интенсивного развития земледелия (I тыс. н.э., классический период) развивается торговля солью. Из южных горных районов Гватемалы (верховья р. Чишой) каменную соль доставляли в центральный район. Поскольку он изобилует реками, для крупных центров этого района был очень удобен водный путь доставки. Раскопки на территории боль-

шого города Цибильчальтун, расположенного на побережье Юкатана, выявили следы обширных соляных разработок. Парадная, дорогостоящая расписная керамика, обнаруженная в культурных слоях памятника, ведет свое происхождение из крупного города центральной области Петен [Там же].

Во II тыс. н.э. соледобыча продолжала занимать важнейшее место в жизни майя. В IX – X вв. города Петена утрачивают ведущее положение. Его занимают города Юкатана со своеобразной системой землепользования. Складываются новые торговые связи, осваивается длинный сложный морской путь “вокруг полуострова Юкатана к богатым землям Гватемалы и Гондураса” [Там же, с. 71].

О том, насколько была важна торговля, свидетельствует появление профессиональных торговцев, которые не занимались земледелием или ремеслами, а только перевозили и продавали продукты, пользующиеся спросом. Мощная традиция торговли солью сохранилась вплоть до европейского вторжения. Диего де Ланда, одним из первых европейцев описавший жизнь майя, сообщает: “Занятием, к которому они наиболее склонны, была торговля. Они вывозили соль, ткани и рабов” [Ланда, 1994, с. 205]. Как указывают археологические источники, пути перевозки соли очень стабильны и даже консервативны. Соляной путь – путь насущного общения между группами людей.

Древние майя употребляли не только морскую соль, но и самосадочную – из соляных озер. Об этом также упоминается в записках Диего де Ланда: “Есть болото в Юкатане достойное упоминания, ибо оно имеет более 70 лиг в длину и все соленое... <...> Бог сотворил его из лучшей соли, которую я видел в своей жизни, так как молотая она очень белая и, по словам знающих людей, она как соль настолько хороша, что половиной селемина (celemin) ее можно посолить больше, чем одним из других мест. Наш Господь сотворил в этом болоте соль из дождевой воды, а не из моря, ибо оно не входит в болото, и между морем и болотом идет полоса земли на всем его протяжении, и она отделяет его от моря. Во время дождей воды вздуваются в этом болоте и сгущается соль внутри в большие и маленькие комки, напоминающие куски леденцового сахара. Через 4 или 5 месяцев после дождей, когда лагуна уже несколько высыхала, индейцы в древности имели обычай идти добывать соль, собирая эти комки в воде и вытаскивая их для сушки наружу... и у них был обычай не собирать этот урожай соли без разрешения сеньоров, которые имели больше права, благодаря близости, на эти места ее [добычи]... этим сеньорам все приходившие за солью делали какие-либо подношения – или самой солью, или из вещей...” [Там же, с. 211 – 212].

С точки зрения экологии, разобщенность территорий, на которых может хорошо развиваться земледелие, и районов с богатыми запасами соли predetermined. Засоленные почвы непригодны для возделывания практически всех сельскохозяйственных культур. В то же время увеличение доли растительной пищи в рационе населения автоматически, согласно физиологическим потребностям, приводит к необходимости найти постоянный источник получения соли.

Еще один чрезвычайно важный момент, который связан с соляной торговлей или с торговлей любыми другими товарами, привозимыми издалека. «Нередко наиболее почитаемые религиозные центры были одновременно и крупными торговыми пунктами. Так, к святыням острова Косумель (у северо-восточного побережья Юкатана) ежегодно собиралось множество пилигримов из Табаско, Шиколанго, Чампотона и Кампече. Если принять гипотезу Р. Ройса и Ф. Шоульса о том, что эти богомолы были одновременно и торговцами, то данный тезис подтверждает гипотезу о существовании морского пути вокруг Юкатана» [Гуляев, 1976, с. 67]. Эту цитату я привожу для того, чтобы проиллюстрировать связь между возникновением крупных культурного центра и торгового пункта. Особую роль здесь играет торговля необходимыми товарами, требующими доставки из отдаленных районов. В этом отношении соль – универсальный предмет такой торговли для крупных земледельческих государств, племен, территорий.

Итак, как указывают археологические свидетельства, формирование специализированных форм зернового земледелия, варение каш, похлебок, печение лепешек – все это провоцирует интенсификацию добычи соли. Создается такое впечатление, что консервирование продуктов с помощью соли вторично по сравнению с соленьем растительной пищи.

Именно соленье зерна, пара хлеб-соль приобретает глубокий символический смысл, а совсем не соль-рыба или соль-мясо.

Более подробные сведения о соледобыче и соляных месторождениях удалось собрать для территории Российской империи. Прежде всего, эти земли обладают самыми обширными мировыми запасами соли, а потому, казалось бы, проблем с обеспечением солью не предвиделось. В России представлены все три вида природных форм поваренной соли: каменная, самосадочная (соляные озера) и рассолы глубинных источников (своего рода минеральные воды). Исторические и археологические источники могут быть использованы для реконструкции динамики производства, торговли и потребления соли на территории России в прошлом. Вероятно, наиболее ранними свидетельствами использования больших количеств соли можно считать сведения о солении рыбы в греческих городах Черноморского побережья. Также есть упо-

минания о соляных богатствах поблизости от Ольвии, где покупают соль жители Таврического полуострова. Страбон (VII: 4, 7) обращает внимание на то, что близ Херсонеса находится большое соляное озеро. В окрестностях этого города также достаточно много мелких соляных озер, использовать которые можно было наиболее успешно в жаркие сезоны года. Оседавшую соль выламывали, собирали, отмывали от ила и на лодках переправляли в Херсонес. Этот первичный продукт требовал дальнейшей обработки [Каде-ев, 1970]. Геродот (IV: 53) упоминает о том, что в устье Борисфена соль собирается в большом количестве.

Соледобыча во всех указанных районах, в первую очередь, связана с засолкой рыбы. Как известно, в Херсонесе, Ольвии, Тиритаке, Мирмекии [Кругликова, 1975] и других городах обнаружены очень крупные цистерны для соленья рыбы.

Торговля соленой рыбой приносила, вероятно, большой доход Боспору. Уже в IV в. до н.э. этот боспорский экспорт славился в Греции. В более позднее время у римлян понтийская соленая рыба считалась роскошью [Там же].

Во время расцвета рыбозасолочного промысла в наиболее специализированном на нем г. Тиритаке в год засаливали примерно 12 800 ц рыбы. Пик этого промысла приходится на III в. н.э. С IV в. рыбозасолочные цистерны начинают забрасываться все в больших количествах. Однако они встречаются и в средневековых слоях крымских памятников (Тиритака, Мирмекия) [Там же] – традиция оказалась стойкой.

Для обеспечения такого объема засолки рыбы необходимы устойчивые источники и пути транспортировки соли. Можно предположить, что соляные озера внутренних и северных районов Крыма были ближайшими источниками, хотя указаний в археологической литературе на это мною не найдено.

То, что крымские соляные озера издревле служили источником соли не только для самого Крыма, но и для южных районов территории России и Украины, следует из археологических исследований, проведенных Ю.В. Болтриком. Анализируя расположение крупных курганов, автор приходит к следующему выводу: «На левобережный ряд курганов, уходящих к югу от Каменского городища, буквально накладывается один из двух вариантов древнерусского соляного (солонного) пути, по которому в более позднее время чумацкие обозы доставляли в лесостепную Украину соль с берегов Сиваша. Тенденцию использования древних путей для перевозки соли вплоть до появления железных дорог подмечал Э. Минз. И.Е. Забелин, намеревавшийся в 1865 г. раскопать курган Огуз, в донесении в Археологическую комиссию сообщал: «...на протяжении 100 верст от Чертомлыкского кургана по прямой линии на юг и уже на левом берегу Днепра встречаются одна за другой три весьма значительные могилы... Го-

воят, что давно здесь на могиле жили разбойники и Чумака разбивали, Чумака ходил здесь за солью. Следовательно, здесь соляной путь лежал". Другое ответвление соляного пути шло на юг вдоль левого берега Днепра до Каховки, а оттуда через Черную Долину степью на Перекоп. Археологически этот вариант пути прослеживается с белозерского времени, видимо, поэтому более ранние курганы скифов (Великая Знаменка, Малые Лепетки) располагаются вдоль этой дороги. Вероятно, еще в V в. до н.э. значение этой дороги было велико" [Болтрик, 1990 с. 37]. Хотя Ю.В. Болтрик приходит к выводу, что крупный транспортный путь из Крыма на Малороссию и Великороссию был связан с соляной торговлей в эпоху раннего железного века и, соответственно, потребностью скифских племен в соли, однозначного мнения по ряду соображений в этом отношении нет.

Вопрос об использовании скифами соли разрабатывался в основном Н.А. Гаврилюк [1987, 1999]. Она пишет: "С солью скиф-кочевник должен быть хорошо знаком, так как первое место среди минеральных кормов овец занимает поваренная соль. Геродот отмечает, что в устье Борисфена "сами собой отлагаются огромные запасы соли". Сваренное мясо ели подсолненным" [Гаврилюк, 1987, с. 28]. Трудно представить себе кочевое племя, путешествующее с запасом соли для овец. Как раз сезонные откочевки к дельте Днепра в зимний период и могли иметь своей побочной целью привести стада на "соленые берега".

Н.В. Жуковская [1976] в исследовании, посвященном питанию центральноазиатских племен, не представляет веских подтверждений интенсивному использованию поваренной соли в кулинарии современных скотоводов. Традиционно мясо варится без соли и уже готовое подсаливается, причем соль используется, как прочие приправы к мясу – дикий лук, чеснок, некоторые другие острые и душистые растения.

Существовали и другие соляные пути, оказавшие важное экономическое и политическое влияние на историю некоторых районов на территории Российского государства. Особое место в истории европейской части России занимают многочисленные соляные источники северных и северо-восточных областей. Эти месторождения дают т. н. выварочную соль. Обзор исторических источников, упоминающих о солеваренном промысле Русского Севера, проведен в реферате аспирантки Института археологии РАН М.Е. Ворожейкиной [2000]. Автор пишет, что первое упоминание о солеварении на Беломорье – уставная грамота князя Святослава Ольговича 1137 г., где определяется налогообложение на этот промысел. Несколько более ранним временем датируется начало разработки одного из крупнейших центральноевропейских месторождений каменной соли – Велички. Первое упоминание о нем относится к XI в. [Курс минералогии, 1936].

В позднем средневековье развивалось солеварение в Старой Руссе, Перми, Соликамске, Вытегде, Тотмее, на Соловецких островах, Беломорском побережье, а также в более южных районах – в Ярославской, Нижегородской, Костромской (Солигалич) областях. Наибольшее развитие солеварение получило в Пермской губернии, так как этому способствовал дешевый водный путь по Каме и Волге. Мне не удалось обнаружить цифровые данные об объемах добычи выварочной, каменной и самосадочной соли в средневековье. Различные косвенные источники указывают на то, что основными для России были месторождения самосадочной соли и соляные источники. Крупные солеваренные предприятия в Пермской области известны с XVI в. [Россия, 1898]. В энциклопедическом словаре 1898 г. находим данные о динамике добычи соли в предпоследнее десятилетие XIX в. В 1881 г. первое место по объему добычи занимала самосадочная соль (29 713 тыс. пудов), причем наибольшее ее количество добывалось в Таврической губернии, второе – выварочная (16 820 тыс. пудов), большая часть которой производилась в Пермской губернии. Добыча каменной соли составляла всего 4 201 тыс. пудов. К 1887 г. картина существенно меняется. Не только резко возрастает общее количество добытой соли, но и изменяется соотношение этих трех источников: самосадочная соль – 48 437 тыс. пудов, каменная – 22 969 тыс., выварочная – 21 977 тыс. пудов. Разработки месторождений каменной соли, очевидно, становятся более популярными.

Как упоминалось в самом начале, количество различных месторождений соли на Земле огромно. Тем более удивительно, что соль так часто в истории становится реальным дефицитом, за который готовы платить практически любую цену. В связи с этим хочется привести некоторые курьезные данные. Имея самые большие мировые запасы соли, Россия издавна покупала ее как товар. Причем, судя по статистике конца XIX в., в отдельные годы объем ввезенной соли превышал четверть полученной в стране. Англия и Португалия были постоянными импортерами соли в Россию [Там же]. И только с 1881 г. Россия начала экспортировать соль.

С XV в. известно крупнейшее в России Илецкое месторождение каменной соли [Курс минералогии, 1936]. У А.Е. Ферсмана мы находим несколько отличную информацию: "В 70 км на юг от Оренбурга, среди голых ковыльных степей, возвышается одинокая Гипсовая скала Илецкой Защиты, имеющая свою длинную историю. У подножья скалы еще в 1741 году началась добыча каменной соли, выступавшей белоснежными скалами из-под почвенного покрова; сюда, за течение реки Яика, для вывоза соли сходились многочисленные обозы; здесь во время пугачевщины стоял на вершине "острог", который, однако, не спас города от покорения его соратником – Хлопушей.

С этих пор Илецкий городок стал замирать – из-за полного бездорожья добыча соли резко сократилась и промыслу грозило полное прекращение” [Ферсман, 1937, с. 117].

Соледобыча в Оренбургской губернии связана с историей уральского казачества. А.С. Пушкин при написании “Истории Пугачева” работал в архиве Оренбургской пограничной комиссии, собрал и использовал обширные архивные материалы, в том числе “Историческое и статистическое обозрение уральских казаков” А.И. Левшина. В этом документе чрезвычайно подробно описаны происхождение, образ жизни и источники существования уральского казачества. Возможно, потому, что яицкие казаки были выходцами с Дона, а может быть в связи с пребыванием на реке рыбная ловля занимала особое место в их жизни. А.И. Левшин пишет: “Теперь обратим внимание на рыболовство уральского войска и рассмотрим оно подробнее как потому, что оно составляет главнейший и почти единственный источник богатства здешних жителей, так и потому, что различные образы производства оно очень любопытны” (см.: [Пушкин, 1958, с. 281]). Далее очень колоритно и подробно описаны сроки, законы и просто сцены рыбной ловли.

Цены на рыбу и икру определяются разными причинами. Прежде всего: “Цены икре и рыбе в багренье не имеют сравнения с ценами в весенний лов; в продолжении сего последнего они вчетверо ниже (*естественно, на ум приходит зимний рыбный обоз, с которым М. Ломоносов из Архангельской губернии шел в Москву – сопровождал самый дорогой улов!* – М.К.): ибо время года не позволяет сберегать рыбу иначе, как посолив ее. Соль казаки уральские получают или из Индерского и Грязного соленых озер, находящихся недалеко от границы в степи киргизской, или из озер, по берегам Эмбы лежащих. Есть также и около Узеней небольшие соленые озера” [Там же, с. 293].

По данным А.И. Левшина, казаки предпочитали самосадочную соль каменной. Возможно, это было связано с близостью соляных озер, а возможно, играла роль некая старая традиция. Трудно сказать.

Интересную почву для размышлений по поводу роли традиции и технологии предоставляет фольклор. В “Народных русских сказках”, собранных А.Н. Афанасьевым [1985], находим сказку “Соль” (сюжет 242). Краткий сюжет ее таков. У купца три сына. Двое старших – положительные и работающие, а младший – лентяй и пьяница. Отец снаряжает корабли старших сыновей дорогами товарами, а младшему доверяет лишь самый дешевый груз: доски, бревна – все равно проплет. Шторм забрасывает Ивана корабль к неизвестному острову, где стоит гора “чистой русской соли”. Иван, выкинув весь отцовский товар, нагружает корабль солью и плывет дальше.

В скором времени он попадает на остров, где соль никому не известна, а потому кушанья все пресные и невкусные. Иван приправляет царские кушанья солью, отчего царь получает большое удовольствие и выражает желание купить русскую соль. Иван совершает удачную сделку, продав всю соль по цене золота и серебра. Завершив торговлю, он крадет царскую дочку, и они счастливо продолжают путешествие. Но тут их корабль нагоняют старшие братья, они делят между собой невесту и серебро-золото, а Ивана бросают в море, где он спасается на одном из бревен, выброшенных когда-то им со своего корабля. Вблизи одного острова Иван оказывается проглоченным гигантской рыбой и находится в ее чреве трое суток, после чего чудище выплевывает его на берег. В дальнейшем при помощи волшебника-великана Иван возвращается домой и улаживает все свои проблемы с отцом, братьями и невестой.

Во-первых, следует отметить, что сюжет записан в Архангельской области – в районе традиционной соледобычи (соляные источники) и мореходства. Указаний на его бытование в других областях России нет. Интересно, что в сказке фигурирует не самосадочная или выварочная, а каменная соль. Во-вторых, нахождение соли, встреча с великаном и пребывание во чреве огромной рыбы – то, что отличает Ивана от его обычных братьев и указывает на его избранность. Трехдневное пребывание Ивана во чреве рыбы находит полную аналогию в библейском сюжете об Ионе, которого поглотило морское чудовище Левиафан. Не ставя своей задачей исследовать структуру и семантику этого очень интересного мотива, отмечу лишь, что в нем присутствуют явные архаичные символы, наличие которых может быть распространено на обширный круг древних культур Европы и Передней Азии.

Чешская народная сказка “Соль” содержит сюжет, в котором главная героиня – младшая дочь короля, сравнивая отца с самым важным, называет соль. За невзрачность метафоры дочь оказывается изгнанной из отцовского дома. Однако дальнейшие события показывают истинную глубину ее чувств. Девушка становится богатой, т. к. ей волшебница открывает тайну соляного дворца. Важно, что обращение к соли наделяет героиню особыми возможностями – соль является проводником к последующим ее превращениям.

Заключение

Подводя итог фрагментарному анализу феномена употребления соли, хочется все-таки дать гипотетические ответы на вопросы, заданные в начале статьи.

В различных частях света в разное время, но всегда с развитием специализированных форм земледелия, соль становится физиологически необходи-

мым компонентом питания человека. Вероятно, в тех областях, где это происходит ранее всего, во время становления нового хозяйственного уклада, когда в обществах чрезвычайно сильна свойственная ранним формам язычества символизация процессов, явлений и объектов окружающего мира, соль “обрас-тает” богатой символикой и включается в различные мифологические системы. Удивительные свойства соли быстро кристаллизоваться и растворяться, быть приятной на вкус (как утверждают медики, в малых концентрациях – даже сладковатой) и одновременно жгучей, разъедающей; напоминать по вкусу кровь, но быть неокрашенной – эти способности соли включать в себе противоположности чрезвычайно важны, т. к. древнейшие, а вернее сказать, фундаментальные формы сознания человека отражают мир именно в системе дуальных оппозиций [Иванов, 1987].

В тех ситуациях, когда физиологическая потребность в соли не столь остра (как, например, у кочевников-скотоводов, охотников-собирателей, которые получают достаточное количество хлорида натрия с животной пищей, да к тому же не так привязаны к месту проживания, как земледельцы) или переход к специализированному земледелию происходит позже, когда уже сложились основные мифологемы, *соль становится источником богатства, дохода, она выполняет уже иную – рациональную функцию*. Как было показано на ряде примеров, торговля солью является одним из мощных стимулов прокладывания коммуникаций. В этом отношении значимость соли для более ранних периодов можно сравнить со значимостью специй в эпоху великих географических открытий.

Универсальные и простые способы консервирования животной и растительной пищи при помощи соли основали мощную традицию. В результате сложения этой традиции отсутствие соли стало синонимом голода. Именно введение дополнительного налога на соль в 1645 г. Б.И. Морозовым привело в конечном счете к “Соляному бунту” 1648 г., после подавления которого Земский собор разработал новое законодательство (1649 г.).

На примере соли становится очевидным, что *фундаментальные элементы культуры в своем генезисе обязательно связаны с особенностями биологии человека*. Универсальное, повсеместное, а не зависящее от какой-то локальной традиции вхождение некоего объекта окружающей среды в культуру людей невозможно без соблюдения этого правила.

Список литературы

- Афанасьев А.Н.** Русские народные сказки. – М.: Наука, 1985. – Т. 2. – 463 с.
- Бетехин А.Г.** Минералогия. – М.: Госгеоллиздат, 1950. – 956 с.
- Богораз В.Г.** Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 223 с.
- Болтрик Ю.В.** Сухопутные коммуникации Скифии // СА. – 1990. – № 3. – С. 30 – 43.
- Ворожейкина М.Е.** Возможности и перспективы археологического исследования средневекового солеваренного промысла Русского Севера / ИА РАН. – М., 2000. – 45 с. – Рукопись.
- Гаврилюк Н.А.** Домашнее производство и быт степных скифов. – Киев.: Наук. думка, 1987. – 111 с.
- Гаврилюк Н.А.** История экономики Степной Скифии VI – III вв. до н.э. – Киев: Наук. думка, 1999. – 211 с.
- Гуляев В.И.** О характере торговли у древних майя // СЭ. – 1976. – № 1. – С. 58 – 72.
- Детген П.** Водный и электролитный баланс // Физиология человека / Под ред. Р. Шмидта и Г. Тевса. – М.: Мир, 1996. – С. 813 – 822.
- Жуковская Н.Л.** Пища кочевников Центральной Азии // СЭ. – 1976. – № 5. – С. 64 – 75.
- Иванов В.В.** Дуалистические мифы // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – С. 408 – 409.
- Кадеев В.И.** Очерки истории и экономики Херсонеса Таврического в I – IV вв. н.э. – Харьков, 1970. – 111 с.
- Кругликова И.Т.** Сельское хозяйство Боспора. – М.: Наука, 1975. – 300 с.
- Курс минералогии** // Под ред. А.К. Болдырева, Н.К. Разумовского, В.В. Черных. – Л.: ОНТИ НКТП СССР, 1936. – 986 с.
- Ланда Д. де.** Сообщение о делах в Юкатане / Пер. со старописл., введн. ст. и примеч. Ю.В. Кнорозова. – М.: Наука, 1994. – 261 с.
- Пушкин А.С.** Полн. собр. соч. – М.: Наука, 1958. – Т. 4: История Пугачевского восстания. – 234 с.
- Ратцель Ф.** Народоведение. – СПб.: Б.и., 1903. – Т. 1. – 764 с.
- Россия:** Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Брокгауза и Эфрона, 1898. – 879 с.
- Стужина Э.П.** Обед на полтора миллиона персон (что ели и пили в Китае 800 лет назад) // СЭ. – 1972. – № 4. – С. 141.
- Ферсман А.Е.** Занимательная минералогия. – М.: Молодая гвардия, 1937. – 117 с.
- Cassen S.** Elements d'architecture. – Nantes: Association des Publications Chauvinoises, 2000. – 814 p.
- Rathje W.L.** The origin and development of Lowland Classic Maya civilization // American Antiquity. – 1971. – Vol. 36, N 3. – P. 276 – 278.

Материал поступил в редколлегию 23.05.02 г.

УДК 572

Л.К. Габуня¹, А.К. Векуа², М.-А. де Люмлей³, Д.О. Лордкипанидзе⁴

¹Академия наук Грузии

пр. Руставели, Тбилиси, 380007, Грузия

²Институт палеобиологии АН Грузии

ул. Ниагвари, 4А, Тбилиси, 380004, Грузия

³Институт палеонтологии человека

ул. Рене Панарда, 1, Париж, 75013, Франция

⁴Государственный музей Грузии

ул. Пурцеладзе, 3, Тбилиси, 380007, Грузия

E-mail: geonathist@ip.osgf.ge

НОВЫЙ ВИД *НОМО*, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ НАХОДКОЙ ИЗ НИЗОВ ПЛЕЙСТОЦЕНОВОГО ГОРИЗОНТА ДМАНИСИ (ГРУЗИЯ)

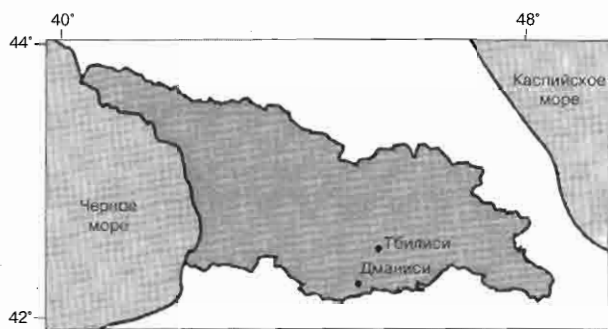
Предлагаемое исследование является последней работой основоположника грузинской палеобиологии позвоночных и палеоантропологии Л.К. Габуня, сыгравшего исключительную роль в изучении уникальных находок остатков древних гоминидов в Дманиси.

Введение

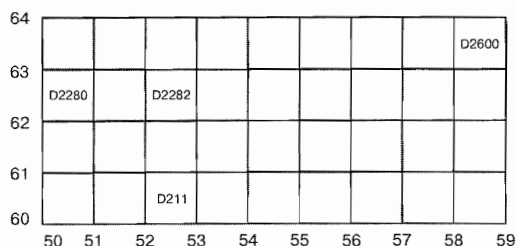
В сентябре 2000 г. при очистке одной из ранее раскопанных площадок (кв. 64/59, рис. 1) в черновато-серых песках, непосредственно перекрывающих здесь покров базальтов, лаборант отдела Государственного музея Грузии Г. Киладзе обнаружил почти полную нижнюю челюсть ископаемого гоминида (рис. 2 – 5), обозначенную D2600. В этом обнажении, расположенном в 30 м к востоку от местонахождения первоначальных антропологических находок [Gabunia, 1992; Габуня, Векуа, 1993; Gabunia, Vekua, 1995; Gabunia et al., 1999; Gabunia et al., 2000], и в том же слое, где залегала челюсть D2600, найдены хорошей сохранности *M₃ Archidiskodon meridionalis taribaniensis*, а также фрагменты костей *Dama cf. nestii* и *Ursus etruscus*.

Новая находка, приуроченная к самым низам дманисского костеносного горизонта, сильно отличается от ранее описанной нижней челюсти D211 из Дманиси [Gabunia, 1992; Габуня, Векуа, 1993; Gabunia, Vekua, 1995] как по размерам, так и по при-

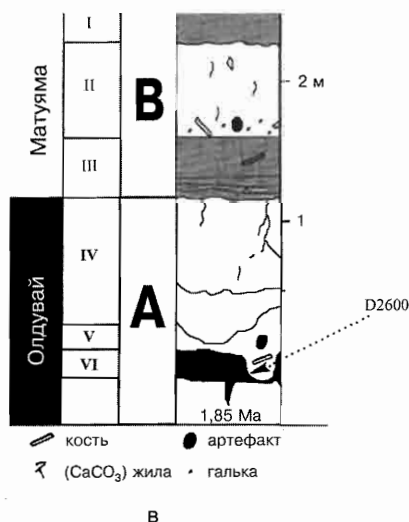
знакам морфологии тела кости и зубов. Своеобразное сочетание архаических черт, свойственных австралопитекам и древним африканским *Номо*, с некоторыми признаками относительно продвинутой эволюции настолько отличают D2600 от нижних челюстей всех других ранне- и среднеплейстоценовых гоминидов, что становится несколько затруднительным выяснение ее родовой принадлежности. Можно сразу же отвергнуть антропоморфных обезьян: не говоря о весьма значительной отдаленности от D2600 нижних челюстей *Dryopithecus*, *Sivapithecus* [Simons, Pilbeam, 1965], *Graecopithecus* [Koenigswald, 1972] и *Ankarapithecus* [Alpagut et al., 1996], даже, возможно, более близкая к дманисской челюсть *Homininae Uranopithecus* [Bonis, Koufos, 1993] резко отличается по строению симфиза, гораздо большей шириной восходящей ветви, валикообразной головкой (*capitulum mandibular*), по форме *P₃* и некоторым другим признакам. Еще более значительны различия с *Gigantopithecus* с его сильно наклоненной ветвью и невыраженной шейкой нижних моляров [Simons, 1978]. Гораздо ближе дманисская форма к нижним челюстям австралопитеков, но, как это будет видно из дальнейшего изложения, имеется больше оснований для ее отнесения к роду *Номо*, чем к *Australopithecus*. Мы считаем, что D2600 представляет новый вид *Номо*, для которого предлагаем название *Homo georgicus* sp. nov.

а

б

в

Рис. 1. Географическое положение Дманиси (а); местоположение на площади раскопа (б) и позиция в Дманисском разрезе (в) нижней челюсти D2600.

Описание и сравнительный анализ

Очень крупные размеры (полная длина 126,9 мм, ширина 133,5 мм, высота восходящих ветвей 91 мм), в особенности весьма значительная высота симфиза (49,2 мм), отличают новую находку не только от дманисской D211 [Gabunia, 1992; Габуния, Векуа, 1993; Gabunia, Vekua, 1995] и от нижних челюстей *Homo ergaster* (ER992 [Groves, Mazak, 1975; Wood, 1991]; ER730, WT15000 [Walker, Leakey, 1993]), но и от всех

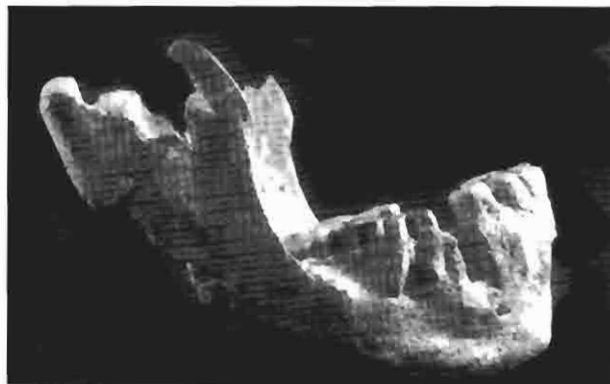

Рис. 2. Нижняя челюсть D2600. Вид справа, $\times 0,61$.

Рис. 3. Нижняя челюсть D2600. Вид сверху, $\times 0,53$.

Рис. 4. Нижняя челюсть D2600. Вид спереди, $\times 0,96$.

азиатских форм *Homo erectus* [Weidenreich, 1936, 1945; Sartono, 1991; Koenigswald, 1968; Wolpoff, 1975, 1999; Franzen, 1985a, 6; Rightmire, 1990]. По общим размерам она сравнима с Тигениф 3 [Arambourg, Hoffstetter, 1963], но резко отличается от нее по форме альвеолярной дуги и строению задней поверхности симфиза, а также по ряду других признаков морфологии. Своими крупными размерами D2600 напоминает также челюсть яванского Сангиран 6, но эта последняя сильно отличается от дманисского экземпляра по морфологии тела кости (весьма значительная толщина, отсутствие челюстного валика и др.) [Koenigswald, 1968; Franzen, 1985a, 6; Wolpoff, 1999]. Альвеолярная дуга очень длинная (174 мм) и узкая, V-образной формы, с весьма значительной жевательной (“мастикаторной”) частью, превосходящей половину всей длины челюсти. По длине дуги D2600 превосходит нижние челюсти всех *Homo* раннего и среднего плейстоцена [Schrenk et al., 1993], уступая лишь некоторым австралопитекам (напр., SK23, AL266), однако по относительной величине (отношение длины к ширине 95) она, по-видимому, приближается к таким видам, как *H. rudolfensis*, *H. habilis* и *H. ergaster*, у которых этот показатель обычно ниже 100. Массивность дманисской челюсти, рассчитанная на уровне премоляров, сравнительно слабая, что обусловлено значительной высотой тела кости (табл. 1). Она явно меньше, чем у D211, *H. ergaster* и большинства азиатских *H. erectus* [Ibid], приближаясь к показателям массивности у Сангиран 16, у некоторых ранних *Homo* (ER1802) и австралопитеков (см. табл. 1).

Симфизный отдел D2600 (см. рис. 2, 4, 5) – наиболее высокая часть тела, отличающаяся субвертикальной передней поверхностью (угол к базальной плоскости челюсти около 97°) и сильно простирающейся назад лингвальной стороной. На передней поверхности резко выступают крупные клыковые гребни (см. рис. 4), отделенные от явственного центрального гребня неглубокими вертикальными ямками. Эта сагиттальная выпуклость расширяется книзу и упирается в пару срединных бугорков, тесно связанных с расположенными латерально от них сильно продвинутыми вперед передними маргинальными бугорками. Следует заметить, что среди нижних челюстей ранних представителей *Homo* определенное сходство с D2600 в морфологии передней поверхности симфиза обнаруживают UR501 [Ibid], ER1802 (*H. rudolfensis*) [Bromage et al., 1995] и ER730 [Leakey, 1971] (*H. ergaster*), а также дманисская D211, у которых наблюдается сагиттальная выпуклость, хотя нет следов базальных бугорков (последние две, однако, имеют явственные передние маргинальные бугорки). Что же касается клыковых гребней вестибулярной поверхности симфиза D2600, то таких мощных и резко выступающих вперед образований мы не находим

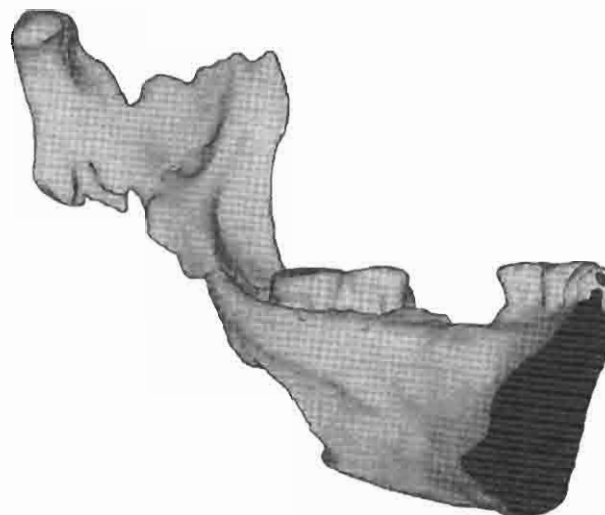

Рис. 5. Нижняя челюсть D2600. Схематическое изображение разреза в медиальной плоскости (обвод томограммы).

ни на одной нижней челюсти ископаемых гоминидов. Ни у одного раннего *Homo* нет также наблюдаемого на D2600 своеобразного расположения базальных бугорков передней поверхности симфиза.

Задняя поверхность симфиза пологая, с обширной альвеолярной площадкой и сильно выступающим назад нижним поперечным валиком, который является самой задней точкой симфиза, достигающей здесь уровня середины P_4 (см. рис. 5).

Отчетливо выраженный рельеф наружной поверхности тела характеризуется наличием узкой и глубокой межмолярной борозды и нижнего маргинального валика с вполне развитым передним маргинальным бугорком. Этот рельеф менее выражен у *H. habilis*, *H. ergaster* и азиатских *H. erectus*, но достаточно хорошо развит у австралопитеков, *H. rudolfensis* (ER1802) и на тигенифских челюстях. Подбородочное отверстие находится на уровне заднего края P_3 и занимает очень низкое положение: расстояние, отделяющее его от альвеолярного края P_3 , 27 мм (индекс его отношения к высоте тела там же 60). У подавляющего большинства ранне- и среднелейстоценовых гоминидов подбородочное отверстие (foramen mentale) расположено несколько выше [Bräuer, Schultz, 1996].

На внутренней поверхности тела хорошо развит челюстной валик (torus mandibularis), заметно выпуклый в передней части (от I_1 до P_4). Отчетливо выражена челюстно-подъязычная линия (linea mylohyoidea), которая сильно скошена вперед и вниз и постепенно исчезает по мере приближения к подъязычной ямке (fovea sublingualis). Такая значительная скошенность этой линии отличает D2600 от нижних челюстей *H. rudolfensis*, *H. ergaster* и большинства *H. erectus*, у которых она, судя по слепкам марсельской коллек-

Таблица 1. Некоторые размеры горизонтальной ветви нижней челюсти D2600 и других ископаемых гоминидов

Признак	D2600	D211	OH13*	ER730*	ER992*	Сангиран*		<i>H. erectus</i> *	Пенинж 1*	SK 23*	ER729*	ER1802*
						1b	C					
Высота симфиза	49,2	30,8	—	32,5	37	32	41	37	50	50	(50)	36
Максимальная толщина	22,4	17	—	17,5	21	17	19	20	24	—	32,5	24,5
Высота на уровне подбородочного отверстия	45	26,2	26	32,5	32	33	(39)	39	41,5	40	46	40
Толщина там же	23,3	17,8	16,5	19	21	16	21,5	21	26,5	23,5	28	20
Высота на уровне M ₁	42,2	(25,4)	26,5	31,5	32	36	36,5	36,5	39	29	44,5	38
Толщина там же	23	20,4	18	19	20	16,5	20	20	28	24,5	27,5	23
Высота на уровне M ₂	38	(25,3)	28,5	31,5	35	33	(32)	36,5	37	36	43	(38)
Толщина там же	22,8	20,4	22,5	19	24	17	23	22	31,5	26	29	27
Высота на уровне M ₃	(34)	(25,3)	26,5	30,5	37	31	33	—	33,5	(35)	43	—
Толщина там же	24	24,9	23	18,5	25	20	27	—	(32)	(27)	36	—

Примечание. Скобки указывают на приблизительность измерений.

* По: [Wood, 1991].

ции, более или менее горизонтальна. Восходящие ветви высокие (см. рис. 2, 4), слегка отклоняющиеся медиально. Их высота больше, чем у всех тех редких экземпляров челюстей ранне- и среднеплейстоценовых гоминидов, у которых сохранились восходящие ветви. Рельеф медиальной поверхности восходящих ветвей D2600 резко выражен: сильно развиты гребни височной (*crista temporalis*) и щечной (*crista buccinatoria*) мышц, а гребни суставного отростка — слабо, и вместо позадиомолярной площадки наблюдается довольно глубокая ямка (*fovea retromolaris*), являющаяся, по всей видимости, местом прикрепления щечной мышцы (*m. buccinator*). Сходный рельеф внутренней поверхности восходящей ветви наблюдается у *H. habilis* (OH13) и в несколько менее развитом виде у *H. ergaster* (ER992, WT1500). Слабо выражен он у *H. erectus* (Тигениф 3). Что же касается позадиомолярной ямки (*fovea retromolaris*), то она встречается на отдельных нижних челюстях ранне- и среднеплейстоценовых гоминидов, но явно мельче, чем у дманисского вида. Примечательно, наконец, что гребень височной мышцы (*crista temporalis*) D2600 вместе с его нижним продолжением (вдоль альвеолярного края) образует S-образную кривую, рассматриваемую в качестве плезиоморфной черты [Zeitoun, 1995]. Имеющееся у D2600 сочетание гребней и разделяющей их ямки на медиальной стороне восходящей ветви отличает ее от челюстей австралопитеков, у которых гребни внутренней поверхности венечного отростка явно

уступают в развитии гребням суставного отростка [Wood, 1991], а у заднего края ветви располагается небольшая ямка, отсутствующая на дманисской челюсти.

Резцы D2600, судя по сохранившимся корням, сравнительно мелкие, особенно средние; клыки сильно развиты, с очень крупными корнями, образующими резко выступающие на передней поверхности симфиза клыковые гребни; P₃ средних размеров (табл. 2) с двумя вполне обособленными корнями (мезиальный из них имеет расщепленный апикальный конец и мезиально вогнут, а дистальный овального сечения, мезио-дистально уплощен и несет отчетливую вертикальную ложбинку); P₄ отсутствуют, но, судя по расстоянию между P₃ и M₁ и сохранившейся альвеоле правого P₄, они были относительно мелкие (мезио-дистальный диаметр 8,4 мм) и также двухкорневые. Несмотря на очень сильную стертость, P₃ сохраняет слабо выраженное дисто-лингвальное вздутие, а его продольная ось отклонена вовнутрь. По форме и размерам этот зуб приближается к также двухкорневому P₃ *H. rudolfensis* (ER1802 и UR501) [Wood, 1991; Bromage et al., 1995]. У *H. habilis* клыки менее массивны, а P₃ имеют несколько меньший мезио-дистальный диаметр (см. табл. 2). То же можно сказать в отношении *H. ergaster* (ER992, WT15000) [Rosas, Bermúdez de Castro, 1998], у которого эти зубы сходны с таковыми у D211. Среди *H. erectus* Сангиран 6 приближается к D2600 по размерам и, по-видимому, форме P₃ [Tobias, Koenigswald, 1964], но, как уже

отмечалось, он сильно отличается по некоторым другим признакам. Моляры крупные и массивные, увеличивающиеся от M_1 к M_3 . По размерам они близки к зубам *H. habilis* (ОН13) [Groves, Mazak, 1975], но несколько превосходят их по массивности (см. табл. 2). На M_3 смутно прослеживаются границы протоконоида, который, видимо, не был связан с энтоконидом, а также метаконид и гипоконид. Гипоконулид довольно крупный, вероятно, включающий в себя шестой бугорок. Поверхность стирания плоская, с преобладанием износа вестибулярных краев. Корни крупные, особенно у M_3 , слегка отогнутые в дистальную сторону. Тавродонтизм не заметен. Толщина эмали зубов довольно значительна, достигая в отдельных местах 2 мм.

Приведенные данные сравнительного изучения D2600 показывают, что наряду с отдельными архаическими особенностями, свойственными некоторым австралопитекам (весьма значительная высота симфиза, субвертикальный профиль его передней поверхности и сильно выступающий назад задний край лингвальной стороны, соответственно удлинённая зарезцовая площадка, сужение передней части контура внутренней поверхности челюсти, переднее положение восходящих ветвей, двухкорневые премоляры напоминают комплекс признаков, встречающихся, например, у натронского *A. boisei*), она обнаруживает существенные различия с ними, которые, на наш взгляд, исключают возможность отнесения D2600 к этой группе древнейших гоминидов. Дманисский экземпляр отличается от челюстей как грацильных (KNM-KP29281, MLD18, AL400-1, LH-4, STs36, STs52), так и массивных (L7a-125, ER729, Пениндж 1, SK12A, SK23, TM1517) австралопитеков более короткой альвеолярно-зубной дугой и менее простирающейся назад и весьма слабо вогнутой задней поверхностью симфиза, а в подавляющем большинстве случаев его менее скошенной и неровной передней поверхностью, меньшей массивностью тела кости, меньшей шириной и иным рельефом внутренней поверхности восходящих ветвей, сравнительно более мелкими щечными зубами, особенно премолярами, передний из которых характеризуется к тому же явно иным, чем у австралопитеков, строением, более развитыми, чем у многих из них, резцами и некоторыми другими деталями морфологии тела кости и зубов.

Касааясь вопроса об отношении D2600 к ископаемым представителям *Homo*, прежде всего следует обратить внимание на ее различия с дманисской D211 [Gabunia, 1992; Габуня, Векуа, 1993; Gabunia, Vekua, 1995]. Они настолько значительны, что едва ли могут быть отнесены за счет полового диморфизма. Помимо очень крупных размеров, новую находку отличает от ранней совершенно иная морфология тела

и явно меньшая массивность, объясняемая его гораздо большей высотой, другое строение задней поверхности симфиза, простирающегося до уровня P_4 , резко выраженные клыковые гребни, двухкорневые премоляры, пропорции щечных зубов и, в частности, увеличивающиеся спереди назад моляры, более узкая паралактальная часть внутреннего контура челюсти и некоторые другие детали ее строения.

Крупные размеры, особенно длина и высота, отличаются D2600 от челюстей *H. habilis* [Tobias, 1991], *H. ergaster* [Groves, Mazak, 1975] и подавляющего большинства азиатских *H. erectus* [Weidenreich, 1936; Wolpoff, 1999]. Она превосходит их также по длине альвеолярно-зубной дуги и по относительной длине ее мастикаторной части, а за очень редким исключением и по ширине челюсти. Значительное простираание назад альвеолярной поверхности симфиза отличает дманисский экземпляр от челюстей *H. rudolfensis*, *H. ergaster* и азиатских *H. erectus*, несколько сближая ее с *H. habilis* (ОН7).

Своеобразный рельеф передней поверхности симфиза D2600, характеризующийся центральным гребнем, комплексом базальных бугорков с тесно связанными с ними передними маргинальными бугорками, а также резко выдающимися парасагиттальными клыковыми гребнями, отличает ее от челюстей всех рассмотренных гоминидов, включая и тех, которые обнаруживают наличие центральной выпуклости на передней стороне симфиза, а в отдельных случаях и утолщенности его нижнего края (напр., D211, ER1802, ER730, Тигениф 3 и др.).

Отчетливо выраженное у D2600 переднее утолщение внутреннего челюстного валика, вызывающее заметное сужение передней части его контура, не характерно для *H. habilis*, *H. ergaster* и азиатских *H. erectus* (по этому признаку она напоминает нижние челюсти некоторых австралопитеков, напр., *A. boisei* и *H. rudolfensis*).

Резко выраженный рельеф внутренней стороны восходящих ветвей D2600 (сильно развитые *crista temporalis*, *crista buccinatoria* и глубокая *fovea retromolaris*), по-видимому, также отличает ее от нижних челюстей *H. erectus*.

Наконец, мощные клыки и морфология P_3 с его косо ориентированной продольной осью и двумя полностью обособленными корнями (передний из которых крупный, резко вогнут мезиально и имеет расщепленный апикальный конец и вертикальную бороздку, а второй мезио-дистально уплощен и также несет явственную вертикальную ложбинку) отличают D2600 от нижних челюстей *H. habilis*, *H. ergaster* и большинства *H. erectus*, а относительно крупные и явно увеличивающиеся от M_1 к M_3 моляры – от челюстей *H. ergaster* и подавляющего большинства *H. erectus*.

Таблица 2. Размеры зубов нижней челюсти D2600

Образец	I ₁				I ₂				C				P ₃			
	L	I	f	c	L	I	f	c	L	I	f	c	L	I	f	c
D2600 dex.	4,6	7	152	32,2	5,4	9	158	49,8	10,6	8,2	77,3	86,9	12	10	86,5	93,6
sin.	5	6,9	138	34,5	5,2	7,9	151	41	10	7,8	78	78	(11)	12,2	(92,7)	112,2
D211 dex.	5,9	5,8	98,3	34,2	6,6	6,4	97	42,2	8,7	8,2	94,2	71,3	9	9,8	108,9	82,2
sin.	6,2	5,9	95,1	33	6,4	6,3	98,4	40,3	8,6	7,9	87,9	67,9	8,9	9,6	107,8	85,4
ОН13	—	—	—	—	—	—	—	—	7,6	7,9	103,9	60	9	8,7	96,6	78,3
ОН7	6,5	6,7	103	43,5	7,3	7,6	104,1	55,4	8,9	—	—	—	9,5	9,7	102,1	92,1
Сангиран 9	—	—	—	—	—	—	—	—	7	8,8	125,7	61,6	9,9	11,5	116,1	113,8
ER992 dex.	—	—	—	—	—	—	—	—	8,9	4,5	106,7	84,5	9,5	10,5	110,5	99,7
sin.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9,7	10,3	106,1	99,9
<i>H. erectus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8,6	10,5	122	90,3
ER729	5	8	160	40	—	—	—	—	9,7	—	—	—	12,1	13,6	112,3	164,5
Пениндж 1	5,6	6,3	112,5	35,2	6,2	6,4	103,2	39,6	7,3	8,2	112,3	64,2	9,5	11,3	118,9	107,3

Примечание. L – длина, I – ширина, f – индекс формы, c – массивность.

Таксономия

Трудно пока говорить с уверенностью об отношении D2600 к ранее описанным ископаемым гоминидам из Дманиси (череп D2280 и D2282 [Gabunia et al., 2000], нижняя челюсть D211 [Габуня, Векуа, 1993] и mtt III, D2021 [Gabunia et al., 2000]), но несоответствие ее ни по размерам, ни по форме указанным черепам и резкие различия с нижней челюстью D211 не исключают тем не менее их возможной близости.

Касаясь филогенетических отношений дманисской формы, мы не видим пока достаточных оснований для ее тесного сближения с тем или иным видом ископаемых гоминидов, включая, по-видимому, *H. ergaster*, нижняя челюсть которого наиболее сходна с D2600. Скорее всего, оба этих вида, *H. georgicus* и *H. ergaster*, происходят от общего корня древних *Homo*, принадлежащих к грейду (grade) *H. habilis* [Tobias, Koenigswald, 1964; Zeitoun, 2000] или объединяемых некоторыми авторами под названием *Habilinae* [Wolpoff, 1999]. Отделившись от общего корня, возможно от близкой к *H. rudolfensis* формы, дманисская ветвь *Homo* испытала в процессе длительной эволюции, протекавшей в условиях приспособления к жизни в обстановке умеренного климата внутритропических зон, существенные изменения, которые и привели к возникновению нового вида.

Более подробное исследование всех найденных в Дманиси ископаемых остатков гоминидов и дальнейшее уточнение их стратиграфического положения, а также возможные новые находки позволят, как мы надеемся, пролить свет на истинную взаимосвязь этих антропологических материалов.

Диагноз нового вида

Семейство *Hominidae*, Gray, 1825

Род *Homo*, Linnaeus, 1758

Homo georgicus sp. nov.

Голотип: почти полная нижняя челюсть D2600, принадлежащая старой особи, возможно, мужского пола, с четырьмя сильно стертymi резцами, двумя клыками, двумя P₃, правым M₁, правыми и левыми M₂ и M₃ (нет, вероятно, выпавших при жизни правого и левого P₄, левого M₁); обломаны задние отделы основания тела и восходящих ветвей и повреждены передняя поверхность симфиза и альвеолярные края передних щечных зубов. D2600 хранится в Государственном музее им. С. Джанашиа (Академия наук Грузии).

Название (Derivatio nominis): от грузинского царства (лат. Georgia), в составе которого в средних веках город-крепость Дманиси играл роль крупного культурно-административного центра.

Местонахождение: городище Дманиси, находящееся в 85 км к юго-востоку от Тбилиси (Грузия), координаты – 44°21' в.д. и 41°19' с.ш.

Возраст: происходит из низов плейстоценового горизонта (переход от виллания к бихарию); согласно данным палеомагнетизма, костеносные слои Дманиси относятся к концу олдувайского эпизода и к началу хрона Матуяма (около 1,77 млн л.н.), а изотопный возраст базальтов, подстилающих эти костеносные отложения, 1,85 ± 0,01 млн лет.

Диагноз: раннеплейстоценовый представитель *Homo*, обладающий очень крупной челюстью с длинной и узкой альвеолярной дугой с сильно развитым жевательным отделом (masticatrice) и весьма значительно простирающейся назад задней по-

и других ископаемых гоминидов

P ₄				M ₁				M ₂				M ₃			
L	I	f	c	L	I	f	c	L	I	f	c	L	I	f	c
(8,4)	—	—	—	(13)	(11)	—	—	14	13	98,5	179,5	15,2	12,6	82,8	191,5
—	—	—	—	—	—	—	—	13,5	13	96,2	175,5	11,6	13,3	85,2	191,9
8,1	9,2	113,5	74,5	13,2	12,3	93,1	162,3	12,3	11,5	93	141,4	11,2	10,6	94,6	118,7
8	9,6	120	76,8	13	12,5	96,1	162,5	11,5	11,6	100,8	133,4	10,7	10,6	99	113,4
8,9	10,1	118,8	89,8	12,7	11,6	91,3	147,3	13,8	12,2	88,4	168,3	14,6	12,5	85,6	182,5
10,3	9,8	110,1	100,9	14,3	12,2	85,3	174,4	15,6	13,5	86,5	201,6	—	—	—	—
8,9	—	—	—	—	—	—	—	12,9	11,6	89,9	149,6	12,5	11	88	137,5
8,2	10,7	103,8	87,7	11,5	9,8	85,2	112,7	13,9	12,7	91,3	176,5	13	12,9	99,2	165,7
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9,4	11,7	117,7	109,9	12,8	12,7	99,2	162,5	13,7	13,3	97	182,8	14	12,2	87,1	170,8
15	14,6	97,3	219	16,4	16	97,5	269,4	(20,5)	(18)	87,8	(369)	22,9	19	85,5	435,1
14,6	15	102,7	219	16,6	15,4	92,7	255,6	17,8	16,2	91,0	288,3	18,8	15,7	83,5	295,1

верхностью симфиза. Передняя поверхность симфиза субвертикальна, характеризуется резко выступающими клыковыми гребнями и явственным центральным гребнем, ограниченным с боков неглубокими ямками, который расширяется книзу и упирается в пару центральных бугорков (аналоги латеральных бугорков поздних *Homo*), тесно связанных с сильно смещенными медиально передними маргинальными бугорками. Высота тела довольно резко убывает от очень высокого симфиза к его заднему отделу, а толщина лишь незначительно увеличивается, достигая наибольшей величины под M₃. Массивность сравнительно умеренная, явно меньшая, чем у *Homo ergaster* и большинства азиатских *Homo erectus*. Контур внутренней поверхности челюсти отчетливо суживается в ее паралактальной части (от I₁ до уровня P₄). Челюстно-подъязычная линия (*linea mylohyodea*) резко скошена вперед и вниз. Внутренняя поверхность восходящих ветвей отличается весьма значительным развитием гребня височной мышцы, ограничивающего спереди довольно обширную ямку, соответствующую позадимольной площадке и, по всей видимости, увеличивающую площадь прикрепления височной мышцы (*temporal muscle*). Резцы относительно мелкие, особенно средние. Клыки крупные, обладающие мощными корнями. P₃ также довольно крупных размеров, с отклоненной вовнутрь продольной осью и двумя обособленными корнями, из которых мезиальный округло-овального сечения, мезиально вогнутый и с расщепленным апикальным концом, а дистальный прямой, мезио-дистально уплощенный, несущий явственную вертикальную бороздку. P₄, судя по альвеоле правой стороны, относительно мелкий и также двухкорневой. Моляры крупные,

увеличивающиеся от M₁ к M₃. Стертость зубов атипична (негеликоидальна), с явным преобладанием вестибулярного изнашивания.

Характерные признаки нижней челюсти

1. Очень крупные размеры: полная длина 126,9 мм, ширина 133,5 мм, высота 91 мм.

2. Длинная (174 мм) и узкая V-образной формы альвеоларно-зубная дуга (индекс дуги 111) [Schrenk et al., 1993; Leakey, 1971].

3. Паралактальная часть внутреннего контура челюсти (*arcus lingualis*) заметно сужена, что напоминает соответствующий отдел челюсти у австралопитеков и некоторых ранних *Homo* (напр., у *H. rudolfensis*).

4. Жевательная часть сильно развита, составляя чуть больше половины всей длины челюсти.

5. Симфиз очень высокий (49,2 мм), по этому признаку D2600, наряду с некоторыми нижними челюстями австралопитеков (Пениндж 1, ER729 и др.) и яванского Сангиран 6, занимает крайнее среди гоминидов положение.

6. Передняя поверхность симфиза субвертикальна и несет резко выступающие крупные клыковые гребни (*pillars*), подобные которым не встречаются у прочих гоминидов, в т.ч. и у австралопитеков.

7. Слабо выраженная, но явственная сагиттальная выпуклость передней поверхности симфиза расширяется книзу, упираясь в пару базальных бугорков (аналоги латеральных бугорков у поздних *Homo*), тесно связанных с примыкающими к ним латерально передними маргинальными бугорками. Отдельные элементы т.н. подбородочного треугольника встречаются и у других ранних гоминидов (напр.,

у *H. rudolfensis* и *H. ergaster* [Koenigswald, 1968; Wolpoff, 1999]) и даже австралопитеков (напр., у SK74), но наблюдаемое у D2600 своеобразное сочетание этих признаков и присутствие явных аналогов латеральных бугорков до сих пор не было отмечено ни у одного из них.

8. Задняя поверхность симфиза пологая, с обширной площадкой альвеолярной дуги и выступающим назад нижним поперечным валиком, достигающим здесь уровня середины P_4 . Столь значительное простирание симфиза назад свойственно некоторым австралопитекам (SK23, AL400 и др.) и, по всей видимости, *H. habilis* (ОН7).

9. Высота тела довольно резко убывает спереди назад, а толщина возрастает лишь незначительно, достигая наибольшей величины под M_3 (24 мм).

10. Массивность тела кости, рассчитанная на уровне премоляров, сравнительно слабая (индекс 53). Она меньше, чем у D211 *H. ergaster* и большинства азиатских *H. erectus*, приближаясь к таковой у *H. rudolfensis* (ER1802) и Сангиран 1b, а также у некоторых австралопитеков (напр., у SK23).

11. На наружной поверхности тела отмечаются умеренно выраженное латеральное возвышение (*proeminentia lateralis*) и довольно глубокая межмолярная борозда, а также хорошо развитый нижний маргинальный валик с отчетливо выраженным передним маргинальным бугорком, расположенным на уровне задней половины клыка.

12. Подбородочное отверстие находится на уровне заднего края P_3 и занимает очень низкое положение (индекс отношения его расстояния от альвеолярного края P_3 к высоте тела 60).

13. На внутренней поверхности тела отчетливо выделяется челюстной валик (*torus mandibularis*), образующий заметную выпуклость в паралактальном отделе (от I_1 до середины P_4).

14. Челюстно-подъязычная линия скошена вперед и вниз и постепенно исчезает по мере приближения к подъязычной ямке (*fovea sublingualis*). По этому признаку D2600 отличается от D211 и нижних челюстей *H. rudolfensis*, *H. ergaster* и большинства азиатских *H. erectus*, у которых эта линия более или менее горизонтальна или очень слабо скошена вперед и вниз.

15. Рельеф медиальной поверхности восходящих ветвей резко выражен: сильно развиты гребни венечного отростка и слабо – суставного, а вместо позадимолярной площадки наблюдается довольно глубокая ямка (*fovea retromolaris*), служащая, по всей видимости, местом прикрепления щечной мышцы (*m. buccinator*).

16. Височный гребень (*crista temporalis*) вместе с его нижним продолжением образуют S-образную кривую, рассматриваемую некоторыми авторами в качестве плезиоморфной особенности [Zeitoun, 1995].

17. Резцы сравнительно мелкие, особенно средние.

18. Клыки крупные, с мощными корнями, образующие вместе с резцами единый ряд, составляющий передний край челюсти.

19. P_3 сравнительно крупные, с отклоненной вовнутрь продольной осью, заметным дисто-лингвальным вздутием и двумя вполне обособленными корнями, мезиальный из которых имеет расщепленный апикальный конец, а дистальный мезио-дистально уплощен и несет отчетливую вертикальную ложбинку.

20. P_4 не сохранились, но, судя по альвеоле правого из них, они были относительно мелкие (их мезио-дистальный диаметр, по-видимому, не превышал 8,4 мм) и также двухкорневые.

21. Моляры крупные, увеличивающиеся от M_1 к M_3 , с плоской поверхностью стирания и атипичным, неспиралевидным изнашиванием коронок зубов. Корни крупные, особенно у M_3 , слегка отклоняющиеся в дистальную сторону (у M_1 мезиальный и дистальный корни несколько сближены между собой); тауродонтизм (*taurodontism*) не выражен, слой эмали довольно значительной толщины (в отдельных местах достигает 2 мм).

Список литературы

Габуния Л.К., Векуа А.К. Дманисский ископаемый человек и сопутствующая ему фауна позвоночных. – Тбилиси: Мецниереба, 1993. – 72 с.

Alpagut B., Andrews P., Fortelius M., Kappelman J., Temizloy I., Zelebi H., Lindsay W. A new specimen of *Ankarapithecus meteai* from the Sinap Formation of central Anatolia // *Nature*. – 1996. – Vol. 382. – P. 349 – 351.

Arambourg C., Hoffstetter R. Le gisement de Ternifine // *Archives de paléontologie humaine, Mém.* – 1963. – Vol. 32. – P. 1 – 189.

Bonis L. de, Koufos G.D. The face and mandible of *Ouranopithecus macedoniensis*: description of new specimens and comparisons // *J. Hum. Evol.* – 1993. – Vol. 24. – P. 469 – 491.

Bräuer G., Schultz M. The morphological affinities of the Plio-Pleistocene mandible from Dmanisi, Georgia // *J. Hum. Evol.* – 1996. – Vol. 30. – P. 445 – 481.

Bromage T.G., Schrenk F., Zonneveld F.W. Paleoanthropology of the Malawi Rift: An early mandible from the Chiwondo Beds, northern Malawi // *J. Hum. Evol.* – 1995. – Vol. 28. – P. 71 – 108.

Franzen J.L. What is *Pithecantropus dubius* Koenigswald, 1950? // *Ancestors: The Hard Evidence* / Ed. by F. Delson. – N.Y.: Alan R. Liss, 1985a. – P. 221 – 226.

Franzen J.L. Asian australopithecines? // *Hominid Evolution: Past, Present and Future* / Ed. by P.V. Tobias. – N.Y.: Alan R. Liss, 1985b. – P. 255 – 263.

Gabunia L.K. Der menschliche Unterkiefer von Dmanisi // *J. RGZM.* – 1992. – Bd. 39. – S. 185 – 208.

Gabunia L.K., Justus A., Vekua A.K., Lordkipanidze D. Ein neu entdeckter Hominiden-Rest von Fundplatz Dmanisi

(Ost. Georgien) // Archäol. Korrespondenzblatt. – 1999. – Bd. 29. – S. 299 – 305.

Gabunia L.K., Vekua A.K. La mandibule de l'homme fossil du Villafranchien supérieur de Dmanissi // L'Antropologie. – 1995. – Vol. 99 (1). – P. 29 – 41.

Gabunia L.K., Vekua A., Lordkipanidze D., Swisher C.C., Ferring R., Justus A., Nioradze M., Tvalchrelidze M., Anton S., Bosinski G., Joris O., Lumley M.-A. de, Maisuradze G., Muskhelishvili A. Earliest Pleistocene Hominid Cranial Remains from Dmanisi, Republic of Georgia: Taxonomy, Geological Setting and age // Science. – 2000. – Vol. 288. – P. 1019 – 1025.

Groves C.P., Mazak V. An approach to the taxonomy of the Hominidae: gracile Villafranchian hominids of Africa // Casopis pro Mineralogii a Geologii. – 1975. – Vol. 20. – P. 225 – 247.

Koenigswald G.H.R. Observation upon two Pithecanthropus mandibles from Sangiran, Central Java // Proc. Koninkl Nederl. Akad. Wetensch. Ser. B. – 1968. – P. 99 – 107.

Koenigswald G.H.R. Ein Unterkiefer einer fossilen Hominiden aus Unterpliozän Griechenlands // Proc. Kon. Neder. Akad. Wet. Amst. – 1972. – Vol. 75 (5). – P. 385 – 394.

Leakey R.E.F. Further evidence of Lower Pleistocene Hominids from East Rudolf // Nature. – 1971. – Vol. 231. – P. 241 – 245.

Rightmire P. The evolution of *Homo erectus*: Comparative anatomical studies of an extinct human species. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. – 260 p.

Rosas A., Bermúdez de Castro I.M. On the Taxonomic Affinities of the Dmanisi Mandible (Georgia) // Amer. J. Physical Anthropology. – 1998. – Vol. 107. – P. 145 – 162.

Sartono S. *Homo (Pithecanthropus) erectus*: le débat sans fin // L'Antropologie. – 1991. – Vol. 95 (1). – P. 123 – 136.

Schrenk F., Bromage T.G., Betzler Ch.G., Ring U., Juwayeyi Y.M. Oldest Homo and Pliocene biogeography of the Malawi Rift // Nature. – 1993. – Vol. 365. – P. 883 – 836.

Simons E.L. Diversity among the early hominids: a vertebrate paleontologist's viewpoint // Early Hominids of Africa / Ed. by C. Jolly. – N.Y.: St. Martin's Press, 1978. – P. 543 – 566.

Simons E.L., Pilbeam D. Preliminary revision of the Dryopithecinae (Pongidae, Anthropoidea) // Folia Primatologia. – 1965. – Vol. 3. – P. 81 – 152.

Tobias P.V. Olduvai Gorge: the skulls endocasts and teeth of *Homo habilis*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. – Vol. 4. – 912 p.

Tobias P.V., Koenigswald G.H.R. A comparison between the Olduvai Hominids and those of Java and some implications for Hominid phylogeny // Nature. – 1964. – Vol. 204 (4958). – P. 515 – 518.

Walker A.C., Leakey R.E.F. The Nariokotome *Homo erectus* skeleton. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1993. – 457 p.

Weidenreich F. The mandibles of *Sinanthropus pekinensis*: A comparative study // Paleont. Sinica. – 1936. – Vol. 7, Fasc. 3. – P. 1 – 162.

Weidenreich F. Giant Early Man from Java and South China // Natur. Hist. – 1945. – Vol. 40 (1). – P. 1 – 134.

Wolpoff M.H. Some aspects of human mandibular evolution // Determinants of mandibular form and growth / Ed. by J.A. McNamara. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1975. – P. 1 – 64.

Wolpoff M.H. Paleoanthropology. – Ed. 2. – N.Y.: McGraw-Hill, 1999. – 878 p.

Wood B. Koobi Fora Research Project IV: Hominid cranial remains from Koobi Fora. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 466 p.

Zeitoun V. Tighénif (Ternifine): description d'un caractère permettant de différencier *Homo erectus* et *Homo sapiens* "archaïques" // C. R. Acad. Sci. Paris. – 1995. – Vol. 320 (IIa). – P. 235 – 240.

Zeitoun V. Révision de l'espèce *Homo erectus* (Dubois, 1893). Utilisation des données morphologiques et métriques en cladistique, reconsidération du cas *Homo erectus* // Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthropologie de Paris. – 2000. – N 12 (1/2). – P. 1 – 200.

Материал поступил в редколлегию 23.05.02 г.

Я.В. Кузьмин

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

ул. Радио, 7, Владивосток, 690041, Россия

E-mail: ykuzmin@tig.dvo.ru

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ В МИРЕ КЕРАМИКИ И НАЧАЛО НЕОЛИТА В ЕВРАЗИИ

(обзор международных симпозиумов в Великобритании и Словении, 2001 г.)

В октябре – ноябре 2001 г. состоялись два международных симпозиума по проблемам неолита Евразии. Настоящий обзор знакомит археологов и ученых смежных специальностей, прежде всего работающих на Дальнем Востоке, с основной проблематикой этих научных мероприятий.

Международный симпозиум *“Изучение древнейшей в мире керамики в различных контекстах”* (Exploring the contexts for the oldest pottery in the World) проходил 25 – 28 октября 2001 г. в Кембридже и Норидже (Великобритания) и был посвящен недавно найденной в Японии, Китае и России керамике, возраст которой более 10 000 лет. Организаторами симпозиума выступили Университет Кембриджа, Институт археологических исследований Макдональд, Университет Кокугакуин, Университет Восточной Англии и Институт Сайнсбэри по изучению японского искусства и культуры. В его работе приняли участие 25 специалистов из восьми стран (Великобритания, Япония, Китай, Россия, Канада, Бельгия, Польша, США).

Ряд сообщений был посвящен древнейшей керамике, недавно найденной на Японских островах. В докладе Я. Танигучи (Y. Taniguchi, Университет Кокугакуин, Токио) *“Происхождение керамики на Японских островах и ее хронология”*, зачитанном С. Канером, основное внимание было уделено начальному дзёмону на стоянке Одай Ямамото-1 (Odai Yamamoto 1) на севере о-ва Хонсю (префектура Аомори). Памятник относится к культуре чоджакубо (Chojakubo), долгое время считавшейся позднелепелитической. В 1998 г. в ходе сравнительно небольших раскопок (общая площадь 148 м²) этой уже известной ранее стоянки в слоях 3, 4 были найдены 46 фрагментов керамики, принадлежащих, скорее всего, одному плоскодонному неорнаментированному сосуду (толщина

стенок 7,6 мм), изготовленному без использования органического отошителя. Они стратиграфически связаны с пластинами и скребками, а также с наконечниками стрел, древнейшими на Японских островах. На фрагментах керамики ясно видны следы нагара, что свидетельствует об использовании сосуда для варки пищи.

Радиоуглеродным методом для слоя 3 получены даты: по углю – в интервале 13 500 – 7 100 л.н., по нагару – 13 200 – 12 700 л.н. Нагар на фрагментах сосуда из слоя 4 датирован в интервале 13 800 – 12 700 л.н. Перекрывающая этот слой тефра имеет радиоуглеродные даты 13 800 – 10 400 л.н. Докладчик считает, что две самые ранние даты, полученные по нагару на керамике, – 13 780 ± 170 (NUTA-6510) и 13 210 ± 160 л.н. (NUTA-6515) – наиболее надежные и позволяют датировать культуру чоджакубо временем около 13 800 – 13 200 л.н. Таким образом, стоянка Одай Ямамото-1 является в настоящий момент самым древним памятником дзёмона Японии. Из этого сделан вывод о том, что керамика изготавливалась на Японских островах еще до начала существенных изменений климата в позднелепелитовое – потепления бёллинг (около 12 500 л.н.) и похолодания поздний дриас (около 11 000 л.н.), с которыми ранее связывали ее появление в Японии.

Необходимо отметить, что результаты археологических исследований стоянки Одай Ямамото-1 были оперативно опубликованы в виде отдельного издания [Archaeological research..., 1999] с обширным английским резюме [Taniguchi, 1999]. В отчете о раскопках подробно представлены стратиграфия и артефакты этого уникального памятника, что позволяет проводить независимую оценку достоверности полученных данных.

В докладе К. Яно (К. Yano, археологический музей Тацуума, Кобе) “Керамика и каменные орудия начального дзёмона запада о-ва Хонсю” в качестве опорного памятника региона была представлена стоянка Торихама (Torihama) (преф. Фукуи). На стоянках Кирияма Вада (Kiryama Wada) и Китано Учикатабири (Kitano Uchikatabiri) (преф. Нара) к начальному дзёмону (стиль рюкисенмон – Ryukisenmon) отнесены три типа плоскодонной керамики: 1) тонкая (толщина стенок 2 – 8 мм); 2) толстая (более 8 мм); 3) толстая с органическим отощителем в виде травы. Было отмечено, что на западе о-ва Хонсю в начальном дзёмоне нет круглодонных сосудов. Самая древняя керамика в пещере Маватари (Mawatari Cave) (преф. Хиросима) датирована радиоуглеродным методом около 12 100 л.н.

В докладе Т. Кобаяси и О. Накамура (Т. Kobayashi, О. Nakamura, Университет Кокутакуин) “Стоянки начального дзёмона на юге о-ва Кюсю” на основании анализа материалов древнейших неолитических памятников Северо-Восточной Азии намечены три пути миграции с материка на Японские острова в конце плейстоцена: 1) из районов современной северо-восточной части Китая через Корейский п-ов на о-в Кюсю; 2) с территории Приморского края на лодках на о-в Хонсю; 3) с низовья Амура через о-в Сахалин на о-в Хоккайдо.

Два доклада были посвящены Сибири и Дальнему Востоку России. В сообщении П.-Л. ван Берга (P.-L. van Berg, Свободный университет Брюсселя) и Н. Кова (N. Cauwe, Королевский музей искусства и истории, Брюссель) “Керамика охотников-собирателей Сибири и ее связь с керамикой мезолита Северной Европы” дан обзор хронологии и экономики неолитических культур Сибири, а также Северной и Центральной Европы. Европейская керамика разделена на две группы: 1) земледельческая и 2) охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ. Происхождение керамики второй группы связывается авторами с Азией, поскольку, судя по радиоуглеродным датам, неолитические культуры в Сибири древнее, чем в северной части Западной, Центральной и Восточной Европы.

В докладе Я.В. Кузьмина (Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток) “Хронология и природная среда древнейших неолитических комплексов бассейна реки Амур (Дальний Восток России)” дана характеристика геоархеологического аспекта. В настоящее время можно считать установленным, что осиповская и громатухинская культуры существовали около 13 000 – 10 000 л.н. в условиях темнохвойных лесов с примесью широколиственных пород. Таким образом, памятники этих культур (Гася, Хумми, Гончарка, Громатуха) являются древнейшими неолитическими комплексами Дальнего Востока России и Сибири и относятся к начальному неолиту Восточной Азии.

В ряде докладов были приведены новые данные по археологии и хронологии раннего неолита Китая. Б. Као (Cao Bingwu, Агентство новостей памятников культуры, Пекин) дал обзор древнейшей керамики, найденной на юге и севере Китая (границей между этими археологическими регионами является р. Янцзы). Наиболее древние из известных неолитических памятников расположены на юге страны. Для керамики из слоя 5 стоянки Мяоян (Miaoyan) в Гуанси-Чжуанском автономном районе получены радиоуглеродные даты $15\,220 \pm 260$ (BA94137b) и $15\,120 \pm 500$ л.н. (BA94137a). Возраст стоянок Сярендун (Xiarendong) и Даотонхуан (Diaotonghuan) (пров. Цзянси) с грубой керамикой и полированными каменными орудиями 14 000 – 9 000 лет. Фрагменты толстостенной (до 2 см) керамики со стоянки Ючаньан (Yuchanyan) (пров. Хунань) датированы термолюминесцентным методом около 10 000 календарных лет назад, что соответствует радиоуглеродной дате около 9 000 л.н.* На севере Китая к наиболее древним неолитическим памятникам относятся Нанчжуантоу (Nanzhuangtou) близ г. Пекина с датами по ^{14}C от около 10 500 до 10 200 л.н. и Ючжагоу (Yuchiagou) (пров. Хэбэй) с керамикой, датируемой термолюминесцентным методом около 11 600 л.н. [Zhao, Wu, 2000, p. 238], что соответствует радиоуглеродной дате около 10 200 л.н.

Основные выводы докладчика: 1) начало изготовления керамики на юге Китая датируется сейчас около 15 000 л.н.; 2) появление керамики и начало культивирования риса на юге Китая тесно связаны между собой.

В докладе Т.Л.-Д. Лю (Tracy Lie Dan Lu, Китайский университет Гонконга) “Ранняя керамика на юге Китая и ее археологическое значение” указывалось, что наиболее древней является неорнаментированная керамика со стоянки Мяоян (см. выше). Автор усомнился в достоверности дат из районов с широким развитием известняков, в одном из которых находятся стоянки Сярендун и Даотонхуан, а также подчеркнул сложность стратиграфии таких пещерных стоянок, как Сярендун. По его мнению, полученные для этих памятников даты удревняют их на 1 000 – 2 000 лет и реальный возраст древнейшей керамики юга Китая около 12 000 – 10 000 лет. Важным является вывод о том, что появление керамики вместе с полированными орудиями из кости в сочетании с раковинами моллюсков и диким рисом указывает на изменение системы жизнеобеспечения в регионе, свидетельствующее о более высокой степени адаптации древних людей к природной среде.

* Новейшие данные по этому памятнику: радиоуглеродная дата для угля из слоя с керамикой и зернами риса $13\,680 \pm 270$ л.н. (BA95058), для органического вещества в керамике – $14\,390 \pm 230$ (BA95057b) и $11\,970 \pm 120$ л.н. (BA95057a) [Zhao, Wu, 2000, p. 236].

В докладе Ч. Чжана (Zhang Chi) “Ранняя керамика Китая” были приведены радиоуглеродные даты, полученные на стоянках Мяоян – около 15 700 л.н. и Сярендун – около 17 600 – 12 400 л.н. Отмечено, что древнейшая керамика Сярендун и Ючаньан является круглодонной; также было указано на обнаружение в нижнем слое стоянки Ючаньан шелухи риса, имеющего признаки как дикого, так и культурного злака. В заключение сделан вывод о существовании двух культурных традиций в Китае на рубеже плейстоцена и голоцена – на севере и на юге страны. На юге керамика может быть датирована вплоть до 16 000 л.н. Орнамент на древнейших образцах – горизонтальные полосы; позднее появляется веревочный оттиск. На севере Китая самая ранняя керамика обнаружена на стоянках с микролитическими орудиями, она имеет сходство с древнейшей керамикой Дальнего Востока России и Японии.

Необходимо отметить, что упомянутые доклады китайских коллег не сопровождались демонстрацией иллюстративного материала, показывающего соотношение культурных слоев древнейших неолитических памятников, мест залегания керамики и отбора проб для радиоуглеродного анализа. Участникам симпозиума было трудно оценить степень достоверности информации: относятся ли радиоуглеродные даты в интервале 17 600 – 15 100 л.н. к неолитическим слоям. Необходимо также иметь в виду, что для стоянки Мяоян еще не получено ни одной даты по углю из культурного слоя 5 [Zhao, Wu, 2000]. Чрезвычайно сложная стратиграфия пещерных памятников юга Китая, в особенности Сярендун, заставляет относиться к очень ранним датам (17 600 – 12 400 л.н.) весьма осторожно.

В докладе Р. Беттинджера (R. Bettinger, Университет Калифорнии в Дэвисе) “Керамика и адаптивные изменения на севере Китая в конце плейстоцена” появление устойчивого производства керамики связывалось с реакцией древнего человека на изменение природной среды.

В обсуждении докладов приняли участие известные специалисты по археологии Восточной Азии – Ф. Икава-Смит (F. Ikawa-Smith, Университет МакГилл, Монреаль), Б. Хайден (B. Hayden, Университет Саймона Фрезера, Ванкувер), С. Канер (Институт Сайнсбэри, Норидж), Р. Пирсон (R. Pearson, Университет Британской Колумбии, Ванкувер). Доклады решено опубликовать в виде книги.

Участники симпозиума посетили крупнейшие в Англии доисторические кремневые шахты Grimes Graves в графстве Норфолк, а также познакомились с коллекцией дзёмонской керамики Центра наглядных искусств Университета Восточной Англии в г. Норидже. Параллельно с работой симпозиума в Фитцвильямском музее Кембриджского университета была развернута выставка дзёмонской керамики.

Второй международный симпозиум – “Начало неолита в Евразии – перспективы с точки зрения керамики” (The Neolithization of Eurasia – Perspectives from pottery), – организованный Университетом Любляны, состоялся 8 – 10 ноября 2001 г. в Любляне (Словения). С докладами выступили 18 специалистов из 10 стран (Словения, Великобритания, Греция, Австрия, Япония, Россия, Китай, Швеция, Хорватия, Македония). В данном обзоре освещены наиболее интересные в методическом плане сообщения.

Доклады о древнейшей керамике Восточной Азии во многом перекликались с сообщениями, сделанными на предыдущем симпозиуме в Великобритании (Я.В. Кузьмин, Ч. Чжан). В докладе М. Нишиды (M. Nishida, Университет Цукубы, Япония) “Неолит в голоценовой Японии” была дана развернутая характеристика экономики дзёмона, которая отличается очень ранним появлением керамики (около 13 000 л.н.) и постоянных поселений (около 10 000 л.н.), но очень поздним – земледелия (около 2 500 л.н.).

Ряд докладов был посвящен изучению органических остатков в керамике для реконструкции ее использования. Р. Эвершед (R. Evershed, Университет Бристоля) в сообщении “Липиды в древней керамике как носители антропогенного сигнала из доисторического времени” дал обзор применения метода газовой хроматографии для идентификации липидов (жиров, масел, воска и смол, имеющих исключительно биогенное происхождение), которые остаются в порах керамики в процессе ее использования (варка, вымачивание, хранение и др.) и хорошо сохраняются в течение длительного времени (как минимум несколько тысячелетий). Выделенные путем растворения алкогелем с последующим разделением на газовом хроматографе липиды анализируются на предмет принадлежности к той или иной генетической группе (растительные, животные жиры и т.д.). Данный метод открывает весьма широкие возможности для определения функций древней керамики, что позволит получить надежную информацию о палеоэкономике. В целом подобные работы являются частью биомолекулярных исследований в археологии – направления, активно развивающегося в настоящее время в Великобритании.

Доклад О. Крэга (O. Craig, Университет Ньюкасла) “Идентификация остатков молока в керамике неолитических культур Европы” был посвящен анализу липидов. С помощью биомолекулярных исследований сейчас становится возможным определить, употребляли ли молоко и молокопродукты в неолите Европы и, соответственно, занимались ли древние люди скотоводством.

В докладе К. Бонсэлла (C. Bonsall, Университет Эдинбурга) “Прямое датирование неолитической керамики: результаты и перспективы” рассматривались

способы определения возраста керамики. В настоящее время используются четыре метода: 1) стилистический анализ орнамента, формы и т.п.; 2) получение радиоуглеродных дат по органике, сохранившейся на поверхности или внутри керамики; 3) люминесцентное датирование минералов в керамике; 4) археомагнитная датировка керамики. Подчеркивалось, что для надежного определения возраста необходимо сочетание по меньшей мере двух из перечисленных методов (в настоящее время с помощью ускорительного масс-спектрометра стало возможным датировать липиды и органический отошитель в керамике, а также пищевой нагар на ее поверхности. — **Я.К.**).

Материалы симпозиума планируется опубликовать в 2002 г. в виде отдельного выпуска журнала "Documenta Praehistorica", издающегося отделением археологии Университета Любляны под редакцией *М. Будья* (M. Budja), главного организатора семина-

ров по неолиту, ставших ежегодными и международными благодаря его энергии и гостеприимству.

Список литературы

Archaeological research at the Odai Yamamoto 1 Site: Inquiry into the question of the end of the Paleolithic culture and the beginning of the Jomon culture / Odai Yamamoto 1 Site Excavation Team, Eds. — Tokyo: Kokugakuin University, 1999. — 146 p.

Taniguchi Y. Archaeological research at the Odai Yamamoto 1 site: Summary // Archaeological research at the Odai Yamamoto 1 Site: Inquiry into the question of the end of the Paleolithic culture and the beginning of the Jomon culture / Odai Yamamoto 1 Site Excavation Team, Eds. — Tokyo: Kokugakuin University, 1999. — P. 135 — 144.

Zhao C., Wu X. The dating of Chinese early pottery and a discussion of some related problems // Documenta Praehistorica. — 2000. — Vol. 27. — P. 233 — 239.

ВИТАЛИЙ ЕГОРОВИЧ МЕДВЕДЕВ

Виталий Егорович Медведев родился 1 ноября 1941 г. в с. Боровлянка Новосибирской обл. в семье русских переселенцев из европейской части России Егора Афанасьевича и Татьяны Антоновны Медведевых. С юности его увлекала романтика экспедиционной жизни. Он окончил лесной техникум, работал на Западно-Сибирском аэрофотолесостроительном предприятии, где приобрел первые навыки полевых изысканий. Однако зародившийся еще в школьные годы интерес к археологии побудил В.Е. Медведева поступить в 1963 г. в Томский госуниверситет. В 1964 г. он был принят на второй курс гуманитарного факультета Новосибирского госуниверситета. Его первые археологические экспедиции прошли в Приобье и Горном Алтае. С 1966 г. В.Е. Медведев занимается археологией Дальнего Востока. В 1969 г. В.Е. Медведев приступил к самостоятельным исследованиям на Амуре и в Приморье. Дипломную работу (по материалам раннего железного века) он защитил под руководством А.П. Деревянко, кандидатскую диссертацию по средневековой тематике (1975 г.) – под руководством А.П. Окладникова, основателя сибирской археологической школы.

Долгое время научные интересы Виталия Егоровича были ориентированы преимущественно на изучение культуры чжурчжэней. Его масштабные, отличающиеся высоким профессионализмом раскопки наглядно продемонстрировали, сколь яркие и самобытные, исключительно богатые всевозможными находками могильники, курганы, городища, поселения, стойбища, храмы, клады чжурчжэней и их соплеменников – ровесников Киевской Руси, скрывают просторы Амурского бассейна.

В.Е. Медведевым написаны многочисленные научные работы, в т.ч. несколько фундаментальных монографий. Материалы исследований в исчерпывающей форме были обобщены в его докторской диссертации “Среднее и Нижнее Приамурье в конце I – первой четверти II тысячелетия н.э. (Чжурчжэньская эпоха)”, блестяще защищенной в 1984 г.

Многие годы в круг научных интересов Виталия Егоровича входят проблемы неолита юга Дальнего Востока. В ходе раскопок неолитических памятников на Амуре им сделан ряд принципиально важных научных открытий, позволивших на пять-шесть тысячелетий удревнить появление керамики у людей Дальнего Востока и всей Северной Евразии. В работах В.Е. Медведева и его коллег на основе сенсационных находок на поселениях Гася, Госян и Сакачи-Алян впервые обосновано выделение в новокаменном веке начального этапа, связанного с поздним плейстоценом – ранним голоценом. В.Е. Медведев, безусловно, прав, отмечая, что изобретение керамики – первого искусственного материала, воплощенного в глиняной посуде, которая является важнейшим компонентом культуры неолита, – одно из крупнейших достижений человечества.

В.Е. Медведевым открыта древнейшая отопительная система (кан) в неолитическом жилище (о-в Сучу). Им раскопан и изучен наиболее ранний в России буддийский храм государства Бохай (Борисовский, юг Приморья). В работах В.Е. Медведева дана новая интерпретация многих скульптурных и наскальных образов в искусстве эпохи неолита Дальнего Востока. Им обоснован вывод о полисемантической оригинальности многожанрового искусства племен Приамурья новокаменного века.

Результаты научных исследований В.Е. Медведева, опубликовавшего к настоящему времени около 200 работ, в т.ч. одно учебно-методическое пособие и 13 монографий, из которых 5 за рубежом,

“Культура амурских чжурчжэней, конец X – XI век” (Новосибирск, 1977), “Приамурье в конце I – начале II тысячелетия: чжурчжэньская эпоха” (Новосибирск, 1986), “Корсаковский могильник: хронология и материалы” (Новосибирск, 1991), “Исследование поселения Гася” в трех книгах (Новосибирск, 1993, 1994, 1995 гг., совместно с А.П. Деревянко), “Средневековые памятники о-ва Уссурийского” (Харбин, 1990, на кит. яз.), “Курганы Приамурья” (Новосибирск, 1998), “Бохайская кумирня в Приморье” (Сеул, 1998, на русс. и кор. яз.) и т.д. получили всеобщее признание у специалистов в России, Китае, Корее, Японии и других странах. В.Е. Медведев является редактором многих научных изданий.

В.Е. Медведев участвовал в ряде международных экспедиций, в т.ч. морской экспедиции ЮНЕСКО “Великий Шелковый путь” (1991 г.) на маршруте Таиланд – Бруней – Филиппины – Китай – Корея – Япония. Он успешно выступал с докладами на многих конференциях и симпозиумах за рубежом.

Вся научная деятельность Виталия Егоровича Медведева проходит в Институте археологии и этнографии СО РАН (ранее Институт истории, филологии и философии СО АН СССР). Он начинал свой путь в должности лаборанта, работал младшим, старшим, главным научным сотрудником, заведующим сектором археологии и этнографии, возглавлял группу по изучению древних культур Приамурья. Ныне В.Е. Медведев возглавляет сектор неолита.

С 2000 г. он является соруководителем совместной Российско-Корейской археологической экспедиции, с успехом работающей на Дальнем Востоке.

Все эти годы В.Е. Медведев не порывал связей с гуманитарным факультетом Новосибирского государственного университета. Он был первым из выпускников-археологов, защитившим кандидатскую, а затем докторскую диссертации. В течение нескольких лет В.Е. Медведев читал курсы лекций по средневековой археологии. Его лекции слушали студенты и аспиранты университетов Китая. Он постоянно занимается подготовкой научных кадров.

Вклад В.Е. Медведева в отечественную и мировую науку высоко оценен официально. В.Е. Медведев постоянно входит в круг государственных президентских стипендиатов. Ему присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки Российской Федерации”.

В ноябре 2001 г. доктору исторических наук Виталию Егоровичу Медведеву исполнилось 60 лет. Он полон сил и творческой энергии. Почти за 40 лет научно-исследовательской работы им накоплен огромный опыт и знания, которые должны привести к очередным открытиям и обобщениям. Коллеги и редакция журнала желают Виталию Егоровичу крепкого духовного и физического здоровья, дальнейших научных достижений.

А.П. Деревянко, В.Е. Ларичев, Ю.С. Худяков

АГУ – Алтайский государственный университет
АРГО – Архив Русского Географического общества
БКИ – Банк культурной информации
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГИН АН СССР – Геологический институт АН СССР
ДВГУ – Дальневосточный государственный университет
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ИА МОН РК – Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
КемГУ – Кемеровский государственный университет
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы Института археологии АН СССР
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИЦ ОИГГМ СО РАН – Научно-исследовательский центр Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН
НТГПИ – Нижне-Тагильский государственный педагогический институт
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОНТИ НКТП СССР – Отдел научно-технической информации Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР
ПермГПУ – Пермский государственный педагогический университет
РЭМ – Российский Этнографический музей
СА – Советская археология
СНИИГТиМС – Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЮККАЭ – Южно-казахстанская комплексная археологическая экспедиция